

Ошо

Дхаммапада:

Сладость свободы

Дикие гуси и вода

Ошо
Дхаммапада:

Сладость свободы

Ошо
Дикие гуси
и вода

Москва 1999г.

ББК 84,5 Ид
096

Ошо
096 Дхаммапада: Сладость свободы. Дикie гуси и вода.
Москва. ИПА «ТриЛ» 1999. 320 с.

ISBN 5-7135-049-54

Ошо, известный также как Бхагван Шри Раджниш — просветленный мастер нашего времени. “Ошо” означает “океанический”, “растворенный в океане”.

Книга состоит из двух частей, каждая из которых представляет собой беседы Ошо с учениками, проведенными в разные годы. В первой части Ошо беседует со своими учениками о сутрах Гаутамы Будды. Во второй части — книге “Дикie гуси и вода” — Ошо отвечает на вопросы учеников.

The Dhammapada.
The wild geese and the water.

© Osho International Foundation. 1979-1985 г.

© Московский медитационный центр Ошо “Нирвана”.
Перевод 1999 г.

04030300-022 без объявл.
7П6(03)-99

ISBN 5-7135-049-54

ББК 84,5 Ид

Глава 1 Сдерживай язык

*Сдерживай язык.
Не восхваляй себя,
Но облегчи путь,
Ибо сладки твои слова.*

*Следуй истине пути.
Размышляй над ней.
Сделай ее своей.
Проживи ее.
Она всегда поддержит тебя.*

*Не отвергай то что тебе дано,
Не тянись за тем что дано другим,
Чтобы не беспокоить молчание.*

*Вознеси благодарность
За все что тебе дано,
Как бы то ни было мало.
Будь чист; никогда не фальшивь.*

Жизнь полна осложнений. Даже когда мы рождаемся, у нас присоединена пуповина. Величайшее осложнение, источник всех осложнений — неосознанность, бессознательность. Мы

сфокусированы на объективном мире и совершенно не осознаем, кто мы.

Все послание Гаутамы Будды заключается в том, чтобы обратиться вовнутрь. Послание просто, но его подоплека подразумевает трудное. Это трудно, потому что многие, многие жизни мы жили внешним, мы жили экстравертной жизнью. Мы совершенно разучились общаться со своим внутренним существом, быть с самим собой. Мы забыли путь, язык, метод. И более того, мы стали совершенно слепы к тому, что у нас вообще есть внутреннее пространство. Мы думаем, что у нас есть только внешнее. Это глупо. Внешнее может существовать только с внутренним; без внутреннего внешнее невозможно. Если мы можем видеть наружу, то можем видеть и вовнутрь. Фактически, видеть вовнутрь легче, потому что именно внутри мы укоренены.

Но, никогда не видя вовнутрь, мы продолжаем метаться во всех направлениях, делать всевозможные вещи, не зная, зачем — потому что их делают другие. Мы подражаем, следуем. Мы становимся копиями под копирку. Это самое уродливое, что только есть в жизни: быть копией под копирку. Человек никогда не может быть блаженным, если он не оригинален, если он не знает своего оригинального лица.

Я слышал красивую историю. Может быть, это правда, может быть, нет. Ее истина не относится к истории, но, что гораздо важнее, она метафорична.

Вот эта история: Александр Великий собирался в Индию. У дороги он увидел факира, который держал в руке небольшой круглый предмет, похожий на кристалл.

— Что это такое? — осведомился Александр.

— Не скажу, — ответил факир, — скажу только, что он имеет больше веса, чем все твое золото, серебро и драгоценности.

Александр приказал принести громадные весы и содержимое всей своей сокровищницы. На одну чашу весов он взвалил все сокровища; на другую факир положил кристалл, и — о чудо! — кристалл оказался тяжелее. Он перевесил груды сокровищ. Александр был изумлен. Тогда факир сказал:

— Я покажу тебе еще кое-что.

Он взял немного пыли и посыпал ею кристалл. Тотчас же он потерял вес, чаша весов взлетела в воздух, а чаша с сокровищами опустилась вниз.

Александр, не в силах больше сдерживать изумление, спросил факира:

— Пожалуйста, скажи мне, что это за предмет.

— Ничего особенного, — ответил факир. — Это человеческий глаз.

Человек обладает способностью видеть и самого себя, но эта способность покрыта большим количеством пыли. У нас есть и внутренний глаз — третий глаз — но этот глаз не функционирует, и мы не пользовались им так долго, что он совершенно вышел из строя; эта часть нашего существа стала парализованной.

Сейчас физиологи обнаружили определенный участок человеческого мозга, который кажется абсолютно нефункциональным. Они сбиты с толку, потому что природа никогда не создает ничего нефункционального. У него должна быть цель, но кажется, цели нет. Его можно удалить, и это никак не повлияет на человека.

Но все мистики веками говорили одно и то же — конечно, не в научных терминах; у них своя манера говорить. Они называли его третьим глазом. Определенная часть твоего ума может функционировать только в интровертном режиме. Медитация создает нужную атмосферу, нужный климат для этой функции.

Медитация просто удаляет пыль, которой факир покрыл глаз. А пыль есть не что иное как весь процесс ума, мыслей, желаний, воображения, воспоминаний. Если ты способен на небольшой интервал, промежуток, когда весь мыслительный процесс прекращается... внезапно есть ты, и внутри видеть нечего. Тогда происходит поворот; тогда мгновенно в твоём видении происходит радикальная перемена, меняется твой гештальт. Внешний мир исчезает, и появляется внутренний.

Именно поэтому мистики говорят, что внешний мир иллюзорен. Дело не в том, что он не существует; он иллюзорен потому, что мистик знает определенное состояние, когда мир просто испаряется, исчезает. Тыходишь в совершенно другое измерение: измерение блаженства, измерение покоя, измерение Будды, Христа, Кришны.

Сегодняшние сутры очень особенные. Вся эта серия... вся эта серия сутр Будды. До сих пор он говорил об учениках, кото-

рые готовятся. Последняя часть этих сутр предназначена для *бодхисаттв*, для тех, кто готов, для тех, кто пережил нечто от внутреннего. Это не для посвященных, это для адептов. Поэтому эта часть — самая важная.

Будда говорит, что в мире есть два вида просветленных; в своем подходе он очень научен. Его категории очень значительны; никто никогда не делал этого ни до, ни после него. Он говорит, что первая категория просветленных называется *артхаты*. Артхата это мистик; он познал, он реализовал, но он совершенно не беспокоится о других. Он нашел путь. Он достиг дома, и не заботится о других, которые ищут и исследуют, потому что в его понимании, если он ищут и исследуют искренне, то найдут сами. Если они не истинные искатели, никто не может сделать их истинными искателями; поэтому помощь не нужна и в этом случае. Артхата никому не помогает. Он путешествовал один и знает, что каждый должен путешествовать один.

Когда сам Будда стал просветленным, сначала он хотел быть артхатой. Семь дней он оставался в абсолютном молчании, не говоря ни слова.

История говорит:

С небес спустились боги. Они были очень обеспокоены, потому что лишь изредка человек становится пробужденным, и если он останется абсолютно молчаливым, мир лишится его послания. А это лекарство для умирающих; это лекарство для тех, кто жаждет истины. Его послание может стать лодкой для переправы на другой берег. Его послание *должно* быть доставлено, его нужно убедить. Они пришли и стали с ним спорить.

Но Будда сказал:

— Вы должны согласиться, что мне никто не помогал, — конечно, я стучал во множество дверей, — потому что это нечто непередаваемое. Даже если бы это у них было, они не могли бы мне этого дать; мне пришлось найти своими собственными усилиями. Поэтому я думаю, что это единственный путь: люди должны искать и исследовать; это не может быть заимствовано. Он был прав, и богам пришлось с ним согласиться. Он сказал:

— Даже если я это скажу, только один из десяти тысяч меня поймет. Остальные не поймут; напротив, они поймут *неправильно*. Зачем создавать столько непонимания в мире? Мир и так в замешательстве — зачем создавать еще большее замешательст-

во? Из сострадания я храню молчание. А тот кто поймет, найдет и сам по себе. Человеку, который настолько разумен, что поймет меня, на самом деле не нужна никакая помощь. Тогда какой смысл? Почему я должен беспокоиться?

Боги не нашли что сказать. Они удалились в леса размышлять. «Как убедить Будду? Кажется, логически он прав, но нужно найти какой-то выход». И хорошо, что они его нашли, иначе у нас не было бы «Дхаммапады»; мы были бы лишены этих прекрасных сутр. Мир был бы беднее. Вся заслуга принадлежит этим безымянным богам, которые убедили Будду!

Много часов они провели в раздумьях; наконец они нашли выход. Они вернулись и сказали:

— Мы согласны с тобой, но только в одном мы не можем согласиться. Дело в том, что мы понимаем, что лишь один из десяти тысяч поймет, и тебе не стоит беспокоиться об этом человеке; рано или поздно он найдет и сам. Дело только во времени, а время не имеет значения, потому что существование вечно. Достигнет человек сегодня, или кто-то другой достигнет завтра или послезавтра, какое это имеет значение, на что это повлияет? Все, кто стал пробужденным, современны друг другу; это совершенно не имеет значения.

...Именно поэтому я говорю, что я современник Будды, Иисуса, современник Заратустры, современник Лао-цзы. Однажды познав, ты становишься современником всех познавших. Небольшая разница во времени просто исчезает — она так ничтожна. Двадцать пять столетий не имеют совершенно никакого значения.

Именно поэтому на Востоке мы не слишком заботимся о времени. Никто не знает, когда родился Кришна. Мы тоже могли бы создать календарь имени Кришны — до Кришны, после Кришны, — мы могли бы создать историю. Кришна, несомненно, жил на три тысячи лет раньше Иисуса, и его календарю было бы сейчас пять тысяч лет. Но мы никогда об этом не заботились. Никто не знает, когда родился и умер основатель джайнизма, Адинатха. Должно быть, он жил, по меньшей мере, на пять тысяч лет раньше Кришны. Если бы тогда мы создали календарь, его календарю сейчас было бы, по меньшей мере, десять тысяч лет. Я говорю «по меньшей мере», потому что джайны считают,

что он жил раньше. Согласно джайнам, джайнизму девяносто тысяч лет; это возможно.

Но мы не создали историю, мы не писали историю по той простой причине, что люди, достойные того, чтобы о них написали историю, вышли за пределы времени; для них время перестало иметь значение. А люди, не стоящие того, чтобы о них писали — лишь они поднимали много шума в мире времени. Чингиз-хан, Тамерлан, Адольф Гитлер, Аятолла Хомейньяк — эти люди поднимали много шума в мире времени. Будда, Кришна, Иисус, Заратустра просто не оставили во времени следа; они исчезли бесследно, как будто и не были частью истории или были частью истории другого рода — вневременной.

...Боги возразили Будде. Они сказали:

— Что касается этого одного человека, мы согласны: он найдет, скажешь ты ему или нет, настолько он разумен; если он сможет тотчас же тебя понять, то найдет и сам. Мы также согласны и относительно тысяч других, которые тебя не поймут; напротив, они все извратят. Но они уже извращают; может ли быть большее извращение? Поэтому об этом не стоит беспокоиться. Они уже в таком замешательстве, что тебе не привести их в большее замешательство.

...Мой опыт такой же: как бы я ни старался, я не могу привести вас в большее замешательство! Вы уже на самом дне; ниже ничего быть не может, вы не можете погрузиться глубже. Вы в полной безопасности.

...И вот боги сказали:

— Ты не можешь привести их в большее замешательство. Они так искусны в том, чтобы создавать в себе замешательство, что уже довели замешательство до предела. В этом мы не согласны. И еще одно: среди этих десяти тысяч людей может оказаться один или два человека между этими двумя категориями — одним, который может тебя понять и миллионами, которые не могут тебя понять и обречены на непонимание. Не считаешься ли ты возможным, что некоторые люди находятся в промежутке между ними — может быть, один, два или три, — да, их немного, их можно пересчитать по пальцам, — которые могут быть на самой грани? Их замешательства недостаточно, чтобы тебя не

понять, а ясности недостаточно, чтобы найти путь самим. Говори с ними; ты поможешь им.

И Будде пришлось согласиться; это не был спор ради спора. Такие люди как Будда не спорят ради спора; он увидел в этом истину. Он сказал:

— Я должен с вами согласиться. Да, есть немногие люди, которые точно посередине, на самой грани. Если я им ничего не скажу, они могут потеряться в толпе; если им оказать некоторую помощь, протянуть руку, их можно вытащить из грязи. Я буду говорить с ними.

Он собирался быть архатой. Архата значит тот, кто не беспокоится о других, кто почти холоден, и его совершенно ничего не заботит. Он стал бодхисаттвой; это вторая категория.

Бодхисаттва значит тот, кто не только мистик, но и мастер, кто не только познал себя, но и пытается позволить познать другим. Конечно, работа бодхисаттвы сложнее; архата в лучшей позиции. Бодхисаттве приходится бороться со всеми видами безумия — безумными людьми, расщепленными людьми, шизофрениками, неврастениками, психопатами. Человечество полно таких людей. Бодхисаттва должен войти в эту толпу, в ту грязь, в которой вы барахтаетесь, потому что это единственный способ помочь вам из нее выбраться. Если он не придет и не станет жить среди вас, общаться, если он не вступит с вами в отношения, не соблазнит вас тысячей и одним способом, не создаст в вас жажду истины, он не сможет вам помочь. Это непростые вещи.

Люди совершенно не заботятся об истине. Они озабочены деньгами, властью, престижем. Они не заинтересованы в освобождении, они не хотят быть нормальными. Они защищают свое безумие всеми возможными способами, потому что они столько вложили в свое безумие. Это их безумие, и они им очень гордятся.

Не гордишься ли ты тем, что ты христианин, индуист, мусульманин? Не гордишься ли ты тем, что ты немец, англичанин или индус? Вы гордитесь всеми этими видами безумия. Эти разделения разрушительны. Эти разделения оказались проклятиями человечества. Они были бедствиями, а вы ими так гордитесь. Кажется, гордится каждый.

Я слышал:

Англичанин беседовал с итальянцем. Англичанин спросил:

— Если вы могли выбрать, где родиться, какую бы национальность вы выбрали?

— Конечно, я был бы англичанином!

— Как бы вы себя чувствовали?

— Я бы очень гордился!

Это было во время второй мировой войны, когда итальянцы и немцы проигрывали. Они теряли власть и престиж, и их осуждал весь мир.

Итальянец спросил англичанина:

— А если бы вы не родились англичанином, как бы вы себя чувствовали?

— Мне было бы стыдно, — ответил англичанин.

Вот почему британцы кажутся самыми навротичными — они так одержимы своей национальностью, будто это что-то великое.

То же самое с индусами; они страдают той же хронической болезнью. Они очень гордятся тем что они индусы. Они не считают, что в мире есть еще какие-то люди; все остальные немного ниже. Но так в глубине души думает каждый.

Когда первые выходцы с Запада достигли Китая, они написали в своих дневниках, что не могли поверить, что китайцы — человеческие существа. Впервые столкнувшись с совершенно другой расой, им было трудно принять их как человеческих существ. А китайцы? Их записи говорят, что когда они впервые увидели людей с Запада, они были очень озадачены — они никогда не думали, что обезьяны могут говорить как люди!

Каждый старается защитить свое безумие; поэтому работа трудна.

— Психиатрия это сплошной мусор, — сказал один человек другому.

— Да? — сказал тот. — Почему?

— Сегодня мой психиатр сказал мне, что я влюблен в свой зонтик. Ты когда-нибудь слышал что-нибудь глупее?

— Звучит довольно странно.

— Я хочу сказать, мы с моим зонтиком искренне привязаны друг к другу. Но любовь? Это смехотворно!

Привязанность это нормально: «...мы с моим зонтиком несколько привязаны друг к другу, это нормально, но любовь? Это смехотворно!»

Просто наблюдай себя, наблюдай функционирование своего ума, наблюдай, как ты продолжает защищаться, обороняться. Кто ты такой? Не что иное как куча наваленных друг на друга неврозов!

Эти сутры — для бодхисаттв, для тех, кто собирается работать с толпой, с ненормальными людьми. Эти предложения для них. Попробуйте понять каждую сутру как можно глубже.

Сдерживай язык.

Будда говорит: Говори, но говори лишь тогда, когда это абсолютно необходимо. Говори, но лишь с теми, кто готов слушать. Не продолжай говорить со всеми и каждым; это пустая растрата. Говори только с учениками, потому что только ученики готовы рискнуть. Рискованно трансформировать себя. Рискованно столкнуться с собой. Рискованно найти себя, познать себя. Это рискованно, потому что если ты познаешь себя, все старые проекты рассыплются в пыль, и вся твоя жизнь, которую ты потратил работая над ними, пойдет прахом. Тебе придется начинать заново, с самых азов.

Ты не можешь приложить усилие к тому, чтобы познать себя, если ты не храбр. Да, ты хочешь узнать о себе; это дешево. «Знать о» дешево, потому что это только информация, это не трансформация. Но познать себя это трансформация; она ранит, она разрушает тебя. Она должна отсечь столько ненужных кусков от твоего существа, которые для тебя просто бремя, ненужный груз, мешающий росту. И это больно, потому что это противоречит твоему представлению о себе, образу самого себя.

Поэтому Будда говорит: Говори, но будь бдителен — говори только с теми, кто готов слушать. Говори только с теми, кто сдался слушанию. Иначе: *Сдерживай язык.*

Всевозможные люди задают Будде тысячи вопросов; редко он отвечает. Он отвечает, лишь когда спрашивает ученик.

Это происходит здесь каждый день. Многие задают вопросы, пробыв здесь только один день — приезжие, туристы, они тут же задают великие вопросы. Я никогда не отвечаю на

такие вопросы; они обижаются. Они пишут гневные письма: «Почему ты не отвечаешь на мои вопросы?» Я не могу отвечать на твои вопросы, пока ты не готов слушать, пока ты не ученик.

Ученик значит тот, кто готов учиться. Если вопрос исходит из твоего знания, я не собираюсь на него отвечать; если он исходит из невинности, несомненно, я здесь для того, чтобы на него ответить. Если ты спрашиваешь лишь для того чтобы я подтвердил то что ты считаешь правильным, я не собираюсь отвечать, потому что я здесь не для того, чтобы подтверждать все возможные глупые идеологии.

Кто-то верит в НЛО и постоянно спрашивает: «Что ты думаешь об НЛО?» Почему я должен думать? Я вообще не думаю!

Лишь несколько дней назад кто-то приехал и спросил о теории полой Земли. Я посмеялся над этим вопросом, пошутил. Но люди так запечатаны в своем знании. Вернувшись в Америку, он написал мне благодарственное письмо: «Что бы ты ни говорил, я знаю, что ты веришь в теорию полой Земли». Откуда он знает, что я верю в теорию полой Земли? Он приводит довод, что просветленный человек *не может* не верить. И вот, если я хочу оставаться просветленным человеком, я вынужден верить в теорию полой Земли. Будда никогда о ней не слышал, и все же был просветленным; Иисус никогда о ней не слышал, и все же был просветленным. Но этот человек пишет в своем письме: «Ты можешь шутить шутки, ты можешь смеяться, потому что ты ничего не хочешь об этом говорить. У тебя могут быть причины не говорить об этом, но я абсолютно уверен, что ты знаешь, что это правда».

Даже если ты отрицаешь, даже если ты смеешься и шутишь шутки, люди, убежденные в определенной идее, какой бы она ни была, какой бы она ни была безумной, абсурдной, найдут способы и средства ее поддержать. Если ты не отвечаешь, они подумают, что ты не отвечаешь потому что другие, простые смертные, не поймут; такие тонкие материи могут понять лишь немногие.

Одна женщина спросила: «Любимый Мастер, что ты скажешь? Я чувствую, что стала просветленной». Я никогда никого не спрашивал. Почему ты должна меня спрашивать? Если ты просветленная, очень хорошо! Иди отсюда! Что ты здесь делаешь? Стань бодхисаттвой и помогай другим стать просветлен-

ными. Езжай в Калифорнию и там ты найдешь сколько захочешь просветленных, и все дают друг другу подтверждение!

Будда говорит: Первое, что нужно помнить, когда ты идешь в массы: сдерживай язык.

Убедившись в том, что людям нужна великая помощь, всю жизнь он продолжал настаивать: если ты не находишь, что это абсолютно претит твоему глубочайшему центру, стань бодхисаттвой. Но есть некоторые люди, для которых это не согласуется с их внутренней природой; тогда им приходится оставаться артхатами. Не принуждай их. Помни: людям нужна помощь. Если ты можешь оказать какую-либо помощь, сделай все что можешь, но если не можешь, если ты чувствуешь, что это совершенно претит свойственной тебе природе, твоему внутреннему голосу, тогда забудь об этом.

Артхата тоже по-своему помогает; он помогает не помогая — своим присутствием. Он хранит молчание, он живет обычной жизнью, никому ничего не говоря, никак не объявляя о своем опыте, никак не выражая свою радость. Он живет радостно, но не совершает преднамеренных попыток к общению. И все же он привлечет несколько чувствительных душ. Они начнут молча следовать за ним, сидеть рядом с ним. Он ничего им не скажет; они будут слушать его молчание. Если он прибыл, его окружает аура; его аура будет питать их. Если он нашел свой дом, он будет излучать такой покой, что ты словно купаешься в нем, ты блажен в его присутствии. Он сможет тебе помочь только косвенно.

Городской щеголь на большой машине безнадежно запутался в загородных проездах. Заметив местного жителя, сидящего у ворот и жующего соломинку, он притормозил напротив и закричал:

— Послушай, добрый человек, не можешь ли ты мне сказать, куда ведет эта дорога?

— Нет, — был ответ.

— Не можешь ли ты мне сказать, куда ведет дорога налево?

— Нет.

Придя в некоторое раздражение, городской щеголь закричал:

— Ладно, а дорога направо?

— Не знаю, — был ответ.

— Наверное, ты какой-то идиот! — закричал разочарованный щеголь.

— Может быть, — ответил спокойный человек, — но, по крайней мере, я знаю, где я.

Это путь артхаты: он знает, где он. Он ничего не скажет ни о какой дороге, ни о каком пути, но он знает, где он, и полностью этим удовлетворен. Ты можешь сидеть рядом с ним, и тебя будет питать его присутствие, но он не совершит никаких прямых усилий. Косвенно... если ты можешь пить от его присутствия, добро пожаловать, но он станет звать тебя сам, не станет тебя разыскивать.

Будда говорит: Чаще всего бывает, что пятьдесят процентов просветленных артхаты, пятьдесят процентов — бодхисаттвы. Так природа поддерживает равновесие на каждом плане. Поэтому не волнуйся, если однажды ты придешь, и у тебя не будет ни малейшего желания никому помогать; не принуждай себя. Принуждение уродливо, насильственно, разрушительно. Если нет, значит нет. Тогда Бог доволен тобой, каким бы ты ни был.

Но если ты чувствуешь, что в тебе возникает желание помогать, быть сострадательным, держать кого-то за руку, сделать лодку и переправить людей на другой берег, тогда не беспокойся ни о каких проблемах. Проблемы *есть*, но миру нужны люди, способные указать путь, и лишь, кто знает, могут указать путь. Даже им это трудно. Мир нуждается в них безмерно, потому что его направляют глупцы. Им управляют политики и священники, всевозможные люди, которые не знают, что делают. Именно поэтому он всегда в таком хаосе.

Сын Муллы Насреддина пришел из школы поздно. Мулла схватил его и побил, говоря:

— Пусть это будет тебе уроком, чтобы ты больше не приходил поздно!

На следующий день мальчик пришел домой в грязной после игры одежде. Мулла надавал ему тумаков, говоря:

— Пусть это будет тебе уроком не ходить в грязной одежде!

На следующий день мальчик принес плохие оценки. Мулла побил его снова, говоря:

— Пусть это будет тебе уроком не приносить плохие оценки!

На четвертый день, как только сын пришел домой, Мулла схватил его и побил.

— В чем дело, отец? — спросил мальчик, плача. — Сегодня я пришел вовремя, в чистой одежде и с хорошими оценками!

— Пусть это будет тебе уроком, — сказал Мулла Насреддин. — В мире нет справедливости!

И это те люди, которые создали мир, которые управляют им, которые воспитывают детей — чтобы создать в мире еще больше хаоса.

Да, бодхисаттвы нужны, но их путь труднее пути артхат. Мистик наслаждается своим блаженством. Он подобен прекрасной розе, ароматной, танцующей на ветру, на солнце, под дождем, но не заботящейся ни о ком другом. Бодхисаттва принимает на свои плечи бремя других. Он пытается помочь людям, которые в большинстве своем неспособны принять никакой помощи, и не только неспособны принять никакой помощи, но и упорны в своих попытках ее отвергнуть, которые оскорбляются, если им ее предложить.

Поэтому Будда говорит: *Сдерживай язык.*

Будь очень сознательен в том, что ты говоришь, кому ты это говоришь, по каким причинам. Первое: истина, которую ты нашел, не может быть высказана; язык неадекватен. Ты можешь только указать, сделать несколько жестов — пальцы, указывающие на луну. Ты не можешь доказать ее в споре. Ты не можешь обосновать, ты не можешь никого переубедить. Если этого нет в опыте людей, не злись, если они не слушают тебя. Если они против тебя, не чувствуй, что они неблагодарны. Они просто ведут себя так, как могут себя вести. Ты должен быть с ними очень терпелив. Ты должен принять все возможные обиды, которыми они тебе ответят. Ты должен принимать их камни как цветы. Даже если они тебя убьют, ты должен умереть, любя их.

Именно так умер Иисус: с молитвой Богу на устах: «Прости их, ибо они не ведают, что творят».

Второе: высказать истину значит ее исказить — поэтому попытайся высказать ее косвенно; никогда не делай о ней прямых утверждений. Не говори: «Бог есть» или «Бога нет». Эти прямые утверждения создали конфликты, войны, убийства. Не делай никаких прямых утверждений о Боге, истине или нирване. Ты должен быть очень тонким. Ты должен жить таким образом,

чтобы люди осознали, что ты достиг чего-то, чего недостает в их жизнях, что в жизни есть нечто большее, что им недоступно. Вот все, что ты можешь сделать.

Говори не прозой, но поэзией. Пой песню — не нужно никаких силлогизмов. Пусть твой смех и твоя радость запустят в них некий процесс, чтобы они тоже стали исследовать и искать. Пусть *ты* будешь доказательством, а не великие аргументы. Бодхисаттва не теолог, он ничего не доказывает. Он *сам* доказательство; он не приводит никаких других доказательств.

Истина это нечто за пределами слов, за пределами даже смысла. Она ближе к музыке. Поэтому пусть тебя окружает музыка: *Сдерживай язык...* иначе слова разрушат музыку. Молчание более музыкально, более красноречиво. Слова придают истине определенный смысл, естественно, потому что у слов есть смысл. Смысл заключает в рамки истину, которая бесконечна.

Так, если ты смотришь через окно на звездное небо, окно заключает небо в рамки. Рама принадлежит окну, но человек, который всегда жил по эту сторону окна и никогда не выходил наружу, подумает, что небо квадратное как окно, такой же формы и очертаний.

Люди живут в словах, они никогда не познают ничего бессловного; дай им опыт бессловного. Помогите им медитировать. Вместо того чтобы давать им доктрину, дай им опыт.

Третье: всегда помни, что бы ты ни говорил, миллионы обречены понять это неправильно. Не чувствуй обиды, не чувствуй гнева, не чувствуй осуждения. Когда они не понимают, они просто говорят нечто о себе, не о тебе. Если ты не можешь принимать спокойно все возможные непонимания, которыми они осыпают тебя, ты не сможешь оказать им никакой помощи; тогда помощь нужна тебе самому.

Двое очень простых хиппи гуляли по проселочной дороге.

Один хиппи повернулся к другому и сказал:

— Ты нагадил в штаны?

— Нет, — ответил другой.

Через некоторое время первый хиппи снова спросил:

— Ты уверен, что не нагадил в штаны?

— Совершенно уверен, — ответил другой.

Они прошли еще немного, и первый хиппи сказал:

— Так, снимай штаны и давай посмотрим.

Второй хиппи подчинился, и первый воскликнул:

— Вот, что я говорил!

— А, — сказал второй. — Я думал, ты имеешь в виду, сегодня!

Люди понимают как им хочется.

Мулла Насреддин уезжал в Италию, и я сказал ему:

— Насреддин, выучи немного итальянского.

— Я это сделал, — ответил он. — Я брал уроки у Радхи.

Когда он вернулся из Италии, он был очень зол. Я сказал:

— В чем дело?

— Однажды, — ответил он, — я пошел-а в большую гостиницу.

Утром-а я спустился, чтобы позавтракать. Я сказал-а официантке¹:

— Два госта².

— Идите а-в туалет, — говорит она.

— Нет, вы не понимать — я хочу два госта а-на тарелку.

— Твоя лучше не писать а-на тарелку, сукин ты сын! — говорит она.

Через некоторое время я пошел-а есть в большой ресторан-а. Официантка приносит-а мне а-ну-ложку и нож, а-ну-вилки нет. Я говорю ей:

— Хочу вилку³.

— Все хотят трахаться, — говорит она.

— Вы не понимать, — говорю я, — я хочу вилку а-на столе.

— Твоя а-ну-лучше не трахаться а-на столе, сукин та сын! — говорит она.

И вот-а я прихожу а-в мою комнату а-в гостинице, и на кровати нет а-ну-простыней. Я звонить а-ну-менеджеру и говорю:

— Хочу простынь⁴.

— Идите а-в туалет, — говорит он.

— Вы не понимать, — говорю я, — я хочу простынь в свою кровать.

¹ Здесь и далее в анекдоте: обыгрывается итальянский акцент.

² ...хочу писать.

³ ...хочу трахаться.

⁴ ...хочу срать.

— Твоя лучше не срать в свою кровать, сукин ты сын! — говорит он.

Я иду выписываться из гостиницы, и человек за стойкой говорит мне:

— Мир тебе⁵.

— И мне на тебя, — говорю я, — сукин ты сын. Я уезжать домой!

Если ты учишь итальянский, избегай Радхи! Я тоже учился у нее, но когда Насреддин рассказал мне это, перестал — это опасно!

У каждого свой язык, свой ум, свои предрассудки, свои концепции, свои философские системы, свои религии. Когда ты с ними говоришь, ты говоришь с умом, полным мусора; ты не говоришь с кем-то молчаливым. А если человек не в молчании, он обязательно все извратит. Поэтому Будда говорит: *Сдерживай язык*.

И четвертая причина: истина это нечто экзистенциальное, не философское. О философии можно говорить; фактически, с философией нельзя делать ничего кроме как говорить о ней. Она ходит вокруг да около, вокруг да около. Слово «о» подразумевает хождение кругами. Но истина экзистенциальна. Ты должен помочь людям ее испробовать. Поэтому говори только когда видишь, что путем разговоров можно убедить человека медитировать, быть в молчании.

Это очень парадоксальное усилие, и в этом его трудность. Тебе приходится говорить с людьми, чтобы помочь им стать молчаливыми. Тебе приходится говорить о молчании, потому что люди не могут понимать молчание непосредственно. Это очень абсурдно — говорить о молчании, учить людей быть молчаливыми — но это нужно делать, особенно поначалу.

Второе: *Не восхваляй себя...*

Это очень естественно, когда ты становишься просветленным. Это не эгоистично, это случается очень естественно. Это не имеет ничего общего с эго, потому что если эго по-прежнему есть, ты не можешь стать просветленным.

⁵ ...нассать на тебя.

Будда говорит: *Сдерживай язык. Не восхваляй себя...* потому что когда ты стал просветленным, эго *исчезло* — ты стал просветленным только потому, что выполнил это условие — но теперь этот опыт такой безграничный, такой ошеломляющий, такой экзистенциальный, что он начинает выражать себя. Тебе придется научиться...

Об Аль-Халладж Мансуре — который был распят, как и Иисус, но гораздо более бесчеловечно и жестоко, — рассказывают, что в тот день, когда он стал просветленным, он закричал: «Ана'ль Хагг! — Я истина! Я Бог!»

Рядом был его мастер, Джуннайид. Он подошел к нему и прошептал ему на ухо:

— Мансур, держи это при себе. Пожалуйста, держи это внутри! Сдержись! Я знаю, очень трудно это сдерживать — это так безгранично, почти непреодолимо. Оно выражает себя. Я знаю, ты не говоришь это, это говорит через тебя неведомая сила, сам Бог, но все же я говорю тебе: сдерживай язык!

Мансур обещал:

— Я буду сдерживать язык.

Он понял суть, но снова и снова забывал об этом. Снова и снова он приходил в то же самое состояние внутреннего света, радости, блаженства и снова крик, — лвиный рык, как называл это Будда, — вырывался у него вопреки ему самому.

Он приходил и извинялся перед Джуннайидом, своим мастером, но мастер говорил:

— Мансур, что-то нужно сделать; иначе ты без необходимости попадешь в беду. Ты мог бы безмерно помочь человечеству, но таким образом ты окажешься в беде. И не только ты; ты остановишь и мою работу. Со мной это тоже случилось, но мне пришлось это сдерживать, и ты тоже должен это сделать.

Но Мансур был неспособен. Джуннайид послал его в трехлетнее паломничество в Каабу.

— Может быть, через три года путешествий, встретив многих мистиков, он успокоится. Этот опыт так нов; постепенно он к нему привыкнет.

Но он так и не смог к нему привыкнуть; вернувшись, он снова пришел в прежнее состояние. Его арестовал король, люди... потому что он жил в мусульманской стране, и одним из ве-

личайших преступлений, величайших грехов было называть себя Богом, объявлять себя Богом. Он был убит.

Веками обсуждали, кто самый великий из суфиев — Джуннайд или Мансур. Обычно говорят, что Мансур был действительно великим мучеником: он страдал и страдал смеясь. Он умер смеясь. Даже Иисус немного растерялся. Когда в его руки забили последний гвоздь, он поднял глаза к небесам и сказал:

— Боже, почему ты покинул меня? Ты забыл меня? Почему это происходит со мной?

Наверное, в нем было немного сомнения, тень сомнения. Он мгновенно понял это и извинился. Он сказал:

— Нет, прости меня. Да свершится воля твоя.

Но мгновение он колебался. Мансур никогда не колебался.

И он был убит так безжалостно, что в сравнении с этим распятие Иисуса кажется очень гуманным. Сначала ему отрубили ноги, затем руки, затем выкололи глаза, затем отрезали язык, затем отрубили голову. Но несмотря на все это страдание, он был сам смех.

Прежде чем ему отрубили язык, кто-то спросил его:

— Почему ты смеешься?

— Я смеюсь, — ответил он, — потому что вы не можете разрушить мой опыт; что бы вы ни делали, это неважно. Я смеюсь, потому что вы убиваете одного человека, а я — кто-то другой. Вы такие дураки, вот почему я смеюсь! А еще я смеюсь над Богом. Я смеюсь над ним: «Ты меня не проведешь. В какой бы форме ты ни явился мне, я тебя узнаю. Я узнаю тебя в мяснике, который отрубил мне ноги, который отрубил мне руки. Именно ты в нем и никто другой».

Фактически, Джуннайд кажется немного трусливым; многие думают, что он был немного трусом. Почему он говорил Мансуру держать это внутри? Но это неправда — он не был трусом. Фактически, он пожертвовал большим, чем Мансур. Жертва Мансура очевидна; жертва Джуннайда не очевидна, очень тонка.

Сдержанность истину, когда она случается, это сверхчеловеческий подвиг, чудо. И он пытается ее сдержать, чтобы помочь людям. Он бодхисаттва, а Мансур — артхата. Он совершенно не заботится о работе, он совершенно не заботится ни о ком другом. Он достиг, теперь нет проблем. Смерть это совершенно не проблема, он знает, что бессмертен.

Джуннайд работает молчаливо, в темноте, чтобы помочь людям, которые слепы. И вы не знаете его страданий. Его страдания в том, что он вынужден сдерживать то, что сдержать невозможно.

Будда говорит: *Не восхваляй себя...* Избегай экзальтации, избегай объявления — если только ты не видишь, что это поможет, если только ты не находишь, что поможет подготовить путь; тогда все в порядке.

Будда сам объявил: «Я — самый совершенный просветленный». Он знал, что это поможет. Но если бы его спросил Иисус, он бы сказал:

— Нет, сдерживай это внутри, — потому что Иисус был в неправильной стране, с неправильными людьми. Объявить себя Богом значило просить смерти, ничего больше.

Иисус мог работать только три года. Поэтому христианство так бедно — мастер прожил только три года. До тридцати лет он работал над собственным просветлением. Когда он был готов, он вышел из монастырей, начал работать и прожил затем только три года. В тридцать три года он был распят. Трех лет времени совершенно недостаточно. Будда работал сорок два года; даже этого недостаточно.

Если бы Иисус спросил Будду, Будда ответил бы ему:

— Сиди тихо, работай молча. Просто будь обычным раввином. Нет необходимости объявлять, что ты Сын Бога. Ты знаешь, и этого достаточно; Бог знает, этого достаточно.

Но в Индии Будда сам объявил об этом. Это совершенно другая среда, совершенно другой климат. Веками будды случались в этой стране, и они подготовили путь; поэтому очень просто объявить себя буддой, нет никаких проблем.

И все же Будда говорит: Будь очень осторожен, потому что вот твоя функция: *Облегчи путь*. Не увеличивай проблемы тех, кто тебе следует. Они уже в беде, они уже живут в аду. Тебе придется немного облегчить их ношу.

Ибо сладки твои слова.

Если твои слова исходят из молчания, сострадания, понимания, из абсолютной пустоты — если твои слова не приходят от кого-то незаурядного, но от кого-то, кто совершенно прост —

тогда они сладки, и помогут людям гораздо глубже, чем что-либо другое.

Следуй истине пути.

Что такое истина пути? Будда всегда за опыт и всегда против верования. Он говорит: Каков бы ни был пережитый тобой опыт, следуй ему. Не верь, потому что так тебе сказали другие будды; следуй только пережитому опыту и только в тех пределах, в которых ты его испытал. Если ты держишься этих пределов, твой свет будет светить немного дальше, и ты сможешь следовать этому свету немного больше и больше. Всего лишь с небольшим светильником ты сможешь путешествовать тысячи миль; человек может легко пересечь темную ночь души, какой бы долгой она ни была.

И помни, никогда не срезай углы. Верование это короткий путь; опыт это не короткий путь.

Несколько дней назад наш главный самурай, Шива, упал со стены. Это неправильно; самурай это не Шалтай-Болтай! И я осведомился:

— Что случилось?

Я узнал, что он пытался срезать угол и попасть из одного дома в другой, преодолев забор. Короткий путь оказался очень длинным — ему сделали двенадцать швов!

Избегай коротких путей; короткие пути не помогут. В жизни нет коротких путей. Жизнь нужно прожить во всей ее тотальности. Короткий путь означает, что ты избегаешь некоторых вещей. Ты приходишь к поспешным выводам, избегая процесса, избегая некоторых шагов. Ты можешь достичь заключения, но оно не будет твоим заключением. А если это не твое заключение, оно не имеет ценности, оно заимствовано. Ты как попугай. Даже попугай может быть очень знающим, но это не делает его буддой.

Растус, горячий черный гарлемский парень, решил, что его роскошной квартире недостает только экзотического попугая. После некоторых поисков он нашел магазин, в котором продавали говорящих попугаев. Продавец показал ему птицу за двадцать пять долларов.

— Полли хочет крекер? — осведомился Растус, на что попугай ничего не сказал.

— Этот попугай не говорит, — сказал Растус. — А я хочу говорящего. У вас есть другие?

Продавец сказал, что у него есть попугай за семьдесят пять долларов. Он вынес из-за прилавка закрытую тканью клетку, откинул занавес и показал очень красивую птицу.

— Полли хочет крекер? — снова спросил Растус, и снова не получил ответа.

— Этот попугай не говорит! — закричал Растус в раздражении. — У вас есть хоть один говорящий?

Продавец сказал, что еще один попугай есть в кладовой, но он очень дорогой — двести пятьдесят долларов.

Он вынес самую красивую птицу, которую Растус когда-либо видел, и он взволнованно спросил:

— Поли хочет крекер?

Никакого ответа. Растус пришел в бешенство.

— У вас что, вообще нет говорящих птиц? — спросил он.

После некоторого колебания продавец сказал, что у него есть еще одна птица, и она так исключительна, что он не планирует ее продавать, но за две тысячи долларов он готов подумать. Он провел Растуса в заднюю комнату в самом конце магазина. Там сидел попугай — среди самой полной библиотеки, которую Растус видел в своей жизни. Он сидел развалившись в кресле у торшера с книгой на коленях, в очках, халате и тапочках. Глубоко погруженный в чтение, он курил трубку.

— Полли хочет крекер? — спросил Растус из-за двери, затаив дыхание.

Неторопливо попугай поднял глаза от книги и сухо ответил:

— Черномазый хочет арбуз?

Все равно попугай есть попугай!

Если ты не пережил опыт, каковы бы ни были твои верования, они абсолютно ничего не стоят. Поэтому Будда говорит: *Следуй истине пути.* Он имеет в виду то, что ты пережил на опыте, подвигаясь на пути медитации — *Размышляй над этим.* Прежде чем начать помогать другим, размышляй над опытом, который случился с тобой в медитации — потому что одно дело переживать, и совершенно другое — убеждать людей медитировать. Мистиков было много, мастеров — мало.

В руках мастера все обращается в золото. Когда он касается тебя, в то же мгновение что-то в тебе начинает расти. Он как садовник с зелеными пальцами.

*Размышляй над ней.
Сделай ее своей собственной.*

Поглоти ее полностью. Медитация поначалу это просто опыт, и ты — переживающий опыт. Мало-помалу расстояние между переживающим опытом и опытом исчезает; на это требуется время. Пока опыт и переживающий опыт не стали одним, ты не можешь помогать другим. Пока медитация ни стала самим биением твоего сердца, ты не сможешь никого убедить. Это почти соблазнение! *Сделай ее своей собственной.*

Проживи ее.

Прежде чем начать помогать другим, проживи ее всеми возможными способами. Ходи медитативно, ешь медитативно, сиди медитативно, даже спи медитативно. Пусть медитация распространится на всю твою жизнь. Она должна стать непрерывным явлением двадцать четыре часа в сутки — как дыхание — настолько, чтобы тебе не нужно было напоминать о медитации. Она становится настолько твоей, что всегда остается с тобой как подземное течение. Лишь тогда ты можешь помогать.

Проживи ее.

Она всегда поддерживает тебя.

Не отвергай то, что тебе дано...

Помни, медитация даст тебе много радостей, много благословений, ты получишь многие дары.

Не отвергай то, что тебе дано. Не будь скрягой, принимая дары. Люди жадны отдавая, но жадны и принимая. Когда великие дары нисходят на тебя, ты пятишься, отскакиваешь; ты пугаешься, потому что эти великие дары так велики, что ты боишься в них потонуть. Когда к тебе приходит блаженство, оно подобно наводнению.

Поэтому Будда говорит: *Не отвергай то, что тебе дано...* потому что если ты отвергаешь, ты упустишь возможность, и она может быть не постучать в твои двери долгое время. Никто не знает, когда придет следующее мгновение. Поэтому, когда что-то случается с тобой в медитации, открой свое сердце. Даже если ты боишься неизвестного, все равно иди в неизвестное. И иди танцуя, иди радостно, потому что в медитации с тобой не может произойти ничего плохого. В медитации возможны только благословения.

Не тянись за тем, что дано другим...

Но именно так функционируют наши умы. Даже если наших умов больше нет, даже если змеи больше нет, она оставляет след на песке. Люди начинают больше интересоваться тем, что происходит с другими. Вместо того, чтобы принять происходящее с ними, они начинают интересоваться тем, что происходит с другими; они начинают жаждать этих вещей.

Помни, то, что происходит с тобой, твое, а для того, чего с тобой не происходит, ты еще не созрел; это не может произойти раньше времени, поэтому не жаждай этого. Жди. Будь таким терпеливым, как только можешь. Прими все что приходит и не жаждай того, что не встретилось тебе на пути; оно придет.

... Чтобы не потревожить молчание...

Ты можешь потревожить молчание двумя путями. Один: из страха отказываясь принять то, что к тебе приходит. И второй: из амбиций прося то, чего к тебе не приходит.

Воздай благодарность...

*... За то, что тебе дано,
Как бы то ни было мало.
Будь чист, никогда не фальшивь.*

Когда Будда использует слово «чистый», он всегда имеет в виду «невинный». Не становись знающим. Даже если ты пришел к знанию себя, не становись знающим. Даже если ты столкнулся с Богом, не становись знающим. Что бы ты ни познал, за-

будь об этом. Снова стань невинным. Всегда оставайся в состоянии не-знания, и тогда с тобой случится гораздо большее.

Обычно бывает так, что когда ты движешься в медитацию и что-то происходит, ты не чувствуешь благодарности; напротив, ты чувствуешь, что это тебе причитается — фактически, это должно было случиться гораздо раньше. Ты такой достойный человек, такой добродетельный, такой святой и столько сделал; почему ты должен быть благодарен?

Это неправильный подход; это значит, что ты останавливаешь процесс. В благодарности к тебе придет гораздо большее. Поэтому, даже если к тебе приходит небольшой проблеск, будь благодарен. Лишь луч света — будь благодарен, как будто к тебе пришло все солнце. И солнце придет, следуя за лучом. Но если ты не благодарен, ты станешь закрытым; даже этот луч исчезнет, и ты снова окажешься в прежней тьме, вернешься в свою тьму.

И не забывай всегда оставаться в состоянии не-знания. Не начинай становиться знающим, не начинай философствовать, не начинай создавать системы мысли. Это происходит; именно поэтому Будда предупреждает бодхисаттв.

Я хотел бы, чтобы вы помнили эти сутры, потому что многие из вас — по крайней мере, пятьдесят процентов — рано или поздно станут бодхисаттвами. Поэтому помните эти сутры — они для вас. Меня не интересует Дхаммапада, меня интересуете вы! Дхаммапада это только повод. Я хотел бы сказать вам те же самые вещи, но Будда сказал их так красиво, так поэтично, что я не вижу необходимости говорить их от себя; я могу просто их прокомментировать — потому что истина вечна и остается прежней вечно.

Избегай философствования, когдаходишь в мир медитации. Оно возникает, неизбежно возникает, — философский зуд, — потому что происходит столько красивых вещей, и тебе хочется создать вокруг них системы мысли. Все философии в мире возникли таким образом. Что-то — совсем небольшое — случилось, и они построили вокруг этого большие дворцы. Был только один кирпич, а они сделали из него большой дом, дворец, просто воображаемое место. В этом воображаемом здании потерялся даже сам кирпич.

Три маленькие мыши сидели в поле у своих нор. Они были в печальном настроении, молча наблюдая, как птицы перелетают с одного дерева на другое. Через некоторое время одна мышь сказала:

— Прекрасно было бы быть птицей и летать по небу.

Все три мыши на некоторое время погрузились в размышления и стали еще печальнее.

И вот вторая мышь сказала:

— Было бы хорошо быть одной птицей, но еще лучше двумя. Если бы ты была двумя птицами, ты могла бы лететь позади самой себя.

Три мыши раздумывали над этим еще дольше и стали еще печальнее.

В конце концов третья мышь сказала:

— Должно быть, самое красивое чувство — быть тремя птицами, потому что тогда ты можешь наблюдать саму себя, летящую позади самой себя!

Вот что такое философия. Люди просто продолжают придумывать вещи, которых нигде нет. Но ты можешь этим наслаждаться. Философией наслаждаются многие по той простой причине, что каждый может ее себе позволить. Если ее могут позволить себе эти три мыши, почему не человек? Каждый человек — философ.

Будда совершенно против философии. Он говорит, что философия развращает, делает тебя знающим — не давая тебе знания, она делает тебя знающим. Она приносит грязь; она загрязняет твое внутреннее существо.

Будь чист и никогда не фальшивь со своей чистотой.

Если ты хочешь помогать людям, эти сутры нужно постоянно вспоминать. Медитируй на них, сделай их своими собственными, проживи их. Они всегда поддерживают тебя; они — великое питание.

На сегодня достаточно.

Глава 2

В нужный момент

Первый вопрос:

*Любимый Мастер,
Почему я не могу принять саньясу? Я продолжаю думать, думать и думать.*

Ричард,
Саньяса не имеет ничего общего с мышлением. Это путь сумасшедшего к просветлению! Что касается саньясы, ты никогда не придумаешь никакого решения. Самое большее, мышление поможет тебе отложить саньясу, и ты можешь продолжать откладывать ее до бесконечности. Мышление, фактически, это процесс откладывания.

Саньяса это не то, о чем ты можешь думать. Ты ее не знаешь, ты не пережил ее опыта. Мышление движется внутри мира известного; у него нет доступа к неизвестному, у него нет никакого моста в неизвестное. А саньяса для тебя неизвестна. Может быть, ты видел саньясинов; это не значит, что ты знаешь, что такое саньяса. Видя влюбленных, ты не можешь узнать, что такое любовь. Видя медитирующих, ты не можешь узнать, что такое медитация. Есть вещи, которые можно узнать только экзистенциально.

Саньяса это не философское явление, это нечто экзистенциальное. Ты должен совершить прыжок... и тогда думай, думай сколько хочешь. Но если ты почувствовал ее вкус, пути назад нет.

Мышление это часть головы, а саньяса происходит в сердце; это любовный роман. Она совершенно безумна, безумна

как любовь или еще безумнее, потому что любовь происходит биологически, а саньяса происходит духовно.

Саньяса случается лишь с очень немногими, редкими человеческими существами. Любовь обычна; она случается с животными, птицами, даже с деревьями. В ней нет ничего особенного. Религия абсолютно сверхъестественна: она превосходит ваш инстинктивный мир. Но наши сердца не функционируют, а голова не может работать вместо сердца.

Именно это ты делаешь, Ричард. Ты можешь продолжать делать это, но так ты никогда не попадешь в мир саньясы. Голова бессильна; она не может действовать, потому что она никогда не спонтанна. Действует только сердце. Голова только реагирует; голова только продолжает повторять прошлое. Ты не был саньясином раньше; как ты можешь об этом думать? Что ты можешь об этом думать? У тебя нет никакой основы, от которой можно отталкиваться.

Лишь сердце достаточно храбро, чтобы совершить прыжок в неизвестное, незнакомое. Но незнакомое открывает миллионы возможностей. В неизвестном ты начинаешь расти. В известном ты продолжаешь двигаться по кругу. Будь немного больше в сердце, немного меньше в голове.

Ричард, твое имя означает «жесткий». Трансцендируй эту жесткость, стань немного мягче, немного женственнее, немного круглее. Если ты лишишься нескольких углов, это окажет огромную помощь. Логика тверда, любовь мягка. Логика квадратная, любовь — круглая! Логика всегда труслива; она раздумывает, прежде чем начать действовать. И, фактически, к тому времени как она приходит в действие, уже слишком поздно; момент упущен.

Жизнь не статична. Она не будет ради тебя стоять на месте, она не будет тебя дожидаться. Кто знает? Завтра я могу перестать давать саньясу — что тогда? Тогда ты упустишь поезд! И помни, саньясу, которую даю я, тебе не даст больше никто. Наберись храбрости. Сегодня — правильный день!

Два скелета в углу кладбища ворчали и жаловались на жару, пыль и скуку.

— Зачем мы тут остаемся? — спросил один.

— Черт меня побери, если я знаю, — ответил второй скелет. — Если бы у меня были кишки¹, меня бы уже давно здесь не было.

Второй вопрос:

Любимый Мастер,

Я больше боюсь жить, чем умереть. Это возможно?

Йогананда,

Наверное, возможно, если это с тобой происходит! Ты думаешь, тебе удалось невозможное? Фактически, это очень распространенное явление, в этом нет ничего незаурядного — это вполне нормально. Никто не боится умереть больше чем жить. Страх смерти ничто по сравнению со страхом жизни.

Именно поэтому тысячи людей на всей Земле совершают самоубийство и еще больше людей думает о самоубийстве несколько раз в жизни. Многие пытаются, но им мешают; многие пытаются вполсилы. Но очень немногие пытаются жить. Людей, пытающихся жить, гораздо меньше, чем совершающих самоубийство или пытающихся совершить самоубийство.

Человек, который живет жизнь, становится буддой. Сколько у нас будд? Их можно пересчитать по пальцам. Лишь изредка появляется такой человек как Иисус, Заратустра, Лао-цзы. Проходят века; миллионы людей приходят и уходят, и лишь изредка приходит человек, который действительно живет, подлинно живет, живет до предела, живет бесстрашно. Что же тогда делают другие? Их жизнь это не жизнь; напротив, это постоянные попытки избежать жизни. Они просто защищают себя от жизни. Они прячутся в своих темных норах ради безопасности, защищенности, комфорта. Они просто пытаются избежать жизни.

Ты можешь наблюдать себя — жил ли ты? Ты можешь наблюдать окружающих — действительно ли они живут? Люди осознают, что жили, лишь когда умирают. Когда смерть стучится к тебе в двери, внезапно ты осознаешь: «Боже мой, я был жив! Теперь пришла смерть». Но когда приходит смерть,

миллионы людей чувствуют облегчение — облегчение от бремени, тревоги, постоянного страха жизни.

В смерти нет страха. Когда тебя больше нет, какой может быть страх? Смерть не может тебя ранить — жизнь может. Жизнь ранит, потому что в жизни человек должен быть очень разумным, бдительным. Если ты живешь бессознательно, жизнь обязательно будет болезненным опытом, агонией. Жизнь может быть и экстаичной, но лишь когда ты бдителен, осознан. Жизнь это возможность, но она многого требует; это вызов, это приключение, это плавание от мгновения к мгновению в морях, необозначенных на картах.

Вы не можете быть подражателями, если действительно хотите жить. Вы не можете быть христианами, индуистами и мусульманами. Если ты действительно хочешь жить, ты должен быть собой — просто самим собой. Ты не можешь быть никем другим; это способ избежать истинной жизни.

Бог никогда не повторяется. Он создает всех и каждую индивидуальность уникальной, абсолютно уникальной. Вас не производят как машины на сборочной линии. Поэтому Иисуса никогда больше не будет, Кришны никогда больше не будет, как бы красивы они ни были. Бог не верит в копии под копирку; он всегда создает индивидуальностей. Он — творец, а никакой творец не хочет повторяться.

Но именно это вам говорили делать, и вы делаете это. Кто-то пытается быть как Кришна, Конфуций или Мухаммед; они стали вашими идеалами. И так вы продолжаете упускать, кто вы на самом деле — а вы можете быть только теми, кто вы на самом деле. Вы становитесь фальшивыми. Да, быть фальшивым кажется немного удобнее, чем быть оригинальным, потому что вам легче, удобнее приспособиться к фальшивому обществу. Когда каждый настолько же фальшив, как и ты, тебе легко стать частью толпы. Когда ты подлинный и правдивый, когда ты живешь свою жизнь сам по себе, согласно собственному свету, не руководствуясь чужими чертежами, — данными родителями, священниками, политиками, — когда ты каждый день движешься в неизвестное, не имея ни малейшего понятия о том, что произойдет, с огромным творчеством, чувствительностью, осознанностью, без всякой застывшей идеологии; когда ты исследуешь новые территории, новые вершины существа, тогда, несомненно, ты больше не часть толп.

¹ Игра слов: Если бы у меня хватило духу уйти...

Толпа ненавидит индивидуальностей по той простой причине, что они так отличаются. Она ненавидит их, потому что они бунтовщики. Она ненавидит их, потому что их не так легко поработить; фактически, их поработить невозможно. Она ненавидит их за их разум, она ненавидит их за их радость, она ненавидит их за их творчество. Она хочет их разрушить.

Йогананда, именно поэтому люди боятся жизни: в жизни много опасностей. Путь жизни полон опасностей. Никогда не знаешь, что произойдет в следующее мгновение; возможно все. Ты не можешь жить с ожиданиями, потому что жизнь не обязана удовлетворять твои ожидания. Ты можешь жить с открытым сердцем, но не можешь жить с ожиданиями. Чем больше у тебя ожиданий, тем больше ты разочаруешься.

И еще ты можешь заблудиться. В смерти никто не может заблудиться; в жизни ты можешь заблудиться. В жизни ты совершаешь ошибки, заблуждаешься. Фактически, если ты действительно хочешь жить, тебе придется совершать много ошибок и впадать во множество заблуждений. Помни это: никогда не бойся ошибок и заблуждений; иначе ты будешь парализован этим страхом. Продолжай совершать ошибки и впадать в заблуждения. Помни только одно: не совершай снова ту же самую ошибку. Одного раза достаточно. Изобрети новые ошибки, открой новые ошибки! Не продолжай падать в ту же самую яму — найди другие ямы! Совершая ошибки, заблуждаясь, ты растешь. Это единственный способ расти.

Жизнь опасна; смерть очень уютна, комфортабельна. Какие опасности подстерегают тебя, если ты лежишь в могиле? Нет ни проблем, ни тревог. Ты не можешь разориться, от тебя не может уйти жена, ты больше не можешь умереть. В смерти ты так защищен! Жизнь не безопасна — возможно все. Жизнь полна случайностей. Какой-то сумасшедший может отрубить тебе голову!..

Я слышал:

Великий психоаналитик читал, сидя под деревом, а его единственная дочь, которой было только восемь лет, играла с одной из своих подруг на лужайке. Внезапно она ударила подругу по голове палкой так сильно, что потекла кровь. Психоаналитик подбежал к ним, но прежде чем он успел что-либо сказать, дочь повернулась к нему и сказала:

— А теперь, папа, расскажи, почему я это сделала!

Наверное, она часто слышала, как ее отец продолжает находить причины для каждого действия — бессознательные причины, — и поэтому она спрашивает: «А теперь скажи, почему я это сделала».

Жизнь может сделать что угодно, и ты даже не можешь спросить, почему: ты должен это принять. Нет никого, чтобы ответить. Отсюда страх, Йогананда. Ты говоришь: «Я больше боюсь жить, чем умереть».

Каждый больше боится жить; вот почему люди мертвы. Люди умирают, когда им около тридцати. Конечно, в это время их не кладут в могилу; они добираются до могил, когда им около семидесяти, восьмидесяти. Пятьдесят лет между смертью и могилой они просто тащатся. Это чудо: наблюдать, как мертвые люди ходят, разговаривают, делают всевозможные вещи. Это, несомненно, чудо!

Люби жизнь. Именно поэтому для меня жизнь — единственная религия, единственный бог. Живи жизнь в ее тотальности. И красота в том, что если ты живешь жизнь во всей ее тотальности, смерти нет. Тело обречено умереть однажды, но ты — не тело. Если ты прожил жизнь тотально, если ты любил жизнь тотально, ты столкнешься с тем, что в тебе вечно. Это встреча с Богом. Это столкновение с истиной трансцендирует время. И познать это значит познать блаженство; познать это значит познать все, что только стоит познать.

Третий вопрос:

Любимый Мастер,

Ты называешь это место баром? Бар! Я таскаюсь по этому бару уже два года, но все никак не могу найти правильное пиво!

Ниранджан,

Пирс вошел туда, где проходила Тайная вечеря и сказал официанту:

— Дайте мне скотч с содовой!

— Извините, сэр, — ответил официант, — но мы подаем только вино.

— Хорошо, тогда дайте мне хороший бифштекс с печеной картошкой и салатом.

— Извините, сэр, но мы подаем только хлеб.

— Святые потроха! Только хлеб и вино! Парня, который дает эту вечеринку, следовало бы распять!

Ниранджан, не распинай меня! Это не Тайная Вечеря! И если ты не можешь найти правильное пиво, причина в том, что ты не правильный человек. Ты и так до предела наполнен пивом; как тебе найти правильное пиво? Как тебе удастся узнать, какое пиво правильное, а какое нет? Не думаю, что в жилах у Ниранджана течет кровь — это просто пиво! Сходи в медицинский центр и проверься. У тебя в жилах не может течь кровь: ты действительно полон пива!

Если до тебя когда-нибудь доберутся какие-нибудь людоеды, они будут танцевать от радости. Они найдут правильное пиво! И они не убьют тебя и не изжарят — они будут тебя пить маленькими глотками!

Майкл познакомился в баре с блондинкой и, приняв несколько напитков, они пришли в его комнату в гостинице и стали заниматься любовью. Среди ночи Майкл проснулся, пошел в туалет и заметил, что женщина сняла деревянную ногу и положила ее у кровати.

Пока девушка спала, Майкл стал играть с застешками и пряжками и в конце концов обнаружил, что разобрал на части деревянную ногу и не может снова ее собрать.

Он вышел из комнаты и остановил человека, пахнущего выпивкой, со словами:

— Не можете ли вы мне помочь? У меня в комнате женщина, с одной ногой в сторону, и кажется, я не могу ничего сделать!

— Дьявольщина! — сказал пьяный, — у меня в комнате женщина с двумя ногами в стороны, а я даже не могу найти чертову комнату!

Четвертый вопрос:

Любимый Мастер,

Должен ли искатель неизбежно страдать на пути?

Дэва Луис, это зависит от искателя. В самом по себе росте нет страдания; страдание возникает из твоего сопротивления росту. Страдание создается тобой, потому что ты постоянно сопротивляешься, не позволяешь этому случиться. Ты боишься двигаться в рост тотально; ты растешь вполсилы. Отсюда страдание — потому что ты становишься разделенным, ты становишься расщепленным. Часть тебя сотрудничает, а часть противостоит, сопротивляется. Конфликт у тебя внутри создает страдание.

Отбрось эту идею — многие люди носят эту идею — что ты должен страдать, чтобы расти. Это сушая чепуха. Если ты тотально сотрудничаешь, нет вообще никакого страдания. Если ты в состоянии позволения, вместо страдания ты будешь наслаждаться. Каждое мгновение будет мгновением блаженства и благословения.

Поэтому не перекладывай ответственность на рост. Наш ум очень изворотлив и хитер: он перекладывает ответственность на кого-то, на что-то; он никогда не принимает ответственность на себя. *ТЫ* — причина всего страдания.

Если ты можешь запомнить эти три вещи... Первая: отбрось прошлое, если хочешь расти, потому что именно из прошлого возникает сопротивление. Ты всегда судишь, исходя из прошлого. Прошлого больше нет, оно абсолютно неважно, но оно постоянно вмешивается. Ты продолжаешь суть согласно ему; ты продолжаешь говорить: «Это правильно, а это неправильно», и все эти идеи о правильном и неправильном, все эти суждения исходят из чего-то совершенно мертвого. Твое мертвое прошлое висит на тебе таким тяжелым камнем, что не позволяет тебе двигаться.

Отбрось прошлое полностью, и ты будешь удивлен: многие страдания исчезли.

Второе, что нужно помнить: не создавай ожиданий на будущее. Если ты ожидаешь, ты снова создашь страдание, потому что вещи не будут случаться согласно тебе; вещи будут случаться согласно целому. Волна, маленькая волна в океане, не может быть решающим фактором. Решает океан; волна должна быть в состоянии позволения. Если волна хочет двигаться на восток, возникнут проблемы, возникнет боль. Если ветры не дуют на восток, если океан не хочет, что делать волне? Она будет страдать. Она назовет это судьбой, она назовет это обстоятель-

ствами, социальными условиями, экономической структурой, капиталистическим обществом, буржуазной культурой, фрейд-анским бессознательным... а ты называешь это болью роста. Но ты просто отодвигаешь ответственность.

Реальность в том, что ты страдаешь именно из-за собственных ожиданий. Когда они не удовлетворены — а они никогда не будут удовлетворены — возникает разочарование, возникает чувство поражения, ты чувствуешь, что тобой пренебрегли, что существование не заботится о тебе.

Отбрось ожидания будущего. Оставайся открытым, оставайся доступным всему, что бы ни происходило, но не планируй будущее. Не создавай никаких психологически застывших идей о будущем, — все должно быть так и не иначе, — и большая часть страдания исчезнет. Это две основные причины страдания.

И третье: В «движении человеческого потенциала» недостает чего-то существенного. Оно пытается помочь тебе расти, но оно пока не смогло создать в тебе медитативного пространства. Поэтому в нем есть постоянная борьба, усилия, воля, но нет расслабления, нет покоя. Поэтому нужно помнить третье, и вся борьба исчезнет: создай медитативную энергию, создай внутри себя медитативное пространство. В западных методах не хватает чего-то очень существенного.

Именно поэтому усилие моей коммуны в том, чтобы использовать западные методы вместе с восточными. Может быть, сегодня это единственное место в мире, где действительно встречаются Запад и Восток, и не таким дипломатическим образом, как в ООН. Здесь они действительно сливаются — не политически, не дипломатически, потому что дипломатическая встреча это на самом деле не встреча, это только фасад, это только фальшивая вывеска. Здесь происходит любовная встреча. Впервые Восток и Запад состоят в любовном романе.

Запад взрастил несколько важных методов: гештальт, энкаунтер, праймал, биоэнергетику и многое другое. Но и Восток взрастил много методов: задзен, випассану, суфийское вращение, йогу, тантру. Их подходы разные, настолько разные, что оба они — только половина целого; поэтому в обоих подходах чего-то недостает. Восточные методы могут создать медитативное пространство, но они делают человека таким интровертным, что он начинает бежать от жизни; восточные методы в прошлом оказа-

лись эскапистскими. Ты хочешь уйти в монастырь, ты хочешь уйти в какую-то пещеру и жить один. Они учат тебя, как жить в одиночестве, в радостном одиночестве — но чего-то не хватает.

Жизнь это также и отношения, это также и общение, единение. Так красиво быть блаженным одному, но это только половина истории; ты должен быть блаженным и когда ты вместе с кем-то. А когда ты блажен с кем-то, блаженство достигает высочайшего пика. Когда ты один, ты похож на соло на флейте; когда ты блажен в отношениях, эта музыка похожа на оркестр.

Запад создал методы, более поощряют тебя быть экстравертом. Тебе дают методы, искусство общаться и наслаждаться отношениями. Это методы любви, но в них чего-то не хватает. Ты наслаждаешься отношениями, но когда ты один... а по существу ты *один*. Ты рождаешься один и умираешь один, и в глубочайшем ядре своего существа ты всегда один. Поэтому на поверхности ты остаешься счастливым, но глубоко внутри сохраняется подземное течение страдания. Ты не можешь столкнуться с самим собой, ты не можешь смотреть себе в лицо, ты не можешь встретить самого себя.

Запад потерпел поражение, потому что все его развитие было направлено наружу; Восток потерпел поражение, потому что все его развитие было направлено вовнутрь. А человек не интровертен, ни экстравертен.

Я хотел бы, чтобы было записано, что типология Карла Густава Юнга совершенно ошибочна. Людей нельзя так легко разделять на категории — кто-то экстраверт, а кто-то интроверт — потому что человек это тотальность, целостность. У него есть внутренний и внешний мир, и оба их нужно питать, оба их нужно осуществить.

Поэтому если ты следуешь только западным методам, ты пройдешь через большую боль, потому что не сможешь посредством их создать медитативное пространство. Если ты следуешь только восточным методам, то сможешь создать медитативное пространство, но станешь абсолютно бесполезным в миру и упустишь обогащение, которое приносит общение с другими человеческими существами.

Мое усилие здесь в том, чтобы впервые создать синтез между экстраверсией и интроверсией, чтобы открыть человеку доступ к обоим состояниям, вместе, одновременно, чтобы не бы-

ло необходимости делить людей на категории. Человек может стать таким текучим.

Это так же просто, как выйти из дома: выходя из дома, ты не думаешь, что стал экстравертом. Когда ты чувствуешь, что внутри холодно, а снаружи солнечно, и на небе нет облаков, ты выходишь из дома, но совершенно не думаешь. Ты не решаешь: «Теперь я хочу быть экстравертом». Или, когда солнце становится слишком горячим, и тебе становится жарко, ты не принимаешь преднамеренного решения: «Я должен войти вовнутрь. Теперь я хочу быть интровертом». Нет, когда солнце слишком жарко, ты простоходишь вовнутрь! А когда внутри холодно, ты выходишь наружу. Выйти из дома или войти в дом это совершенно не проблема, потому что ты свободен от внутреннего и внешнего.

Мое усилие здесь в том, чтобы помочь тебе быть свободным и от внутреннего, и от внешнего, потому что ты ни внутреннее, ни внешнее, ты нечто трансцендентальное. Внутреннее и внешнее это только части твоей личности; дом, в котором ты живешь, имеет внутреннюю и внешнюю часть. Но у твоей осознанности нет ни внутреннего, ни внешнего.

Поэтому нужно помнить эти три вещи: отбросить прошлое, отбросить будущее и ожидания, и третье, создать синтез между экстраверсией и интроверсией... и все страдание исчезает.

Дэва Луис, духовный искатель не должен неизбежно страдать. Ты страдаешь, потому что не осознаешь своей собственной ответственности. Ты страдаешь не из-за роста. Ты страдаешь из-за своего бессознательного сопротивления, из-за своей ориентации на прошлое, из-за своих ожиданий в будущем, и не осознаешь, что у тебя внутри нет никакого медитативного пространства.

Пятый вопрос:

*Любимый Мастер,
Возможно ли упустить совершенный бриллиант? Возможно ли?*

Прем Майтри,

Это зависит от того, насколько ты сознателен. Если ты сознателен, упустить его невозможно. Если ты действительно знаешь совершенный бриллиант, ты его узнаешь, если это твое собственное видение, твое собственное понимание, упустить его невозможно. Но, может быть, это не так. Ты слышал, что другие говорят: «Вот совершенный бриллиант»; может быть, ты заимствовал это понимание. Тогда не только возможно его упустить, но и абсолютно неизбежно — невозможно не упустить.

Если ты сталкиваешься с буддой и почитаешь его лишь потому что его почитают другие, потому что другие говорят: «Он будда, он просветленный, он пробужденный», ты упустишь. Но если у тебя есть хотя бы проблеск собственного прозрения в существо будды, лишь небольшой вкус его атмосферы, лишь небольшой опыт его аромата, этого достаточно; упустить невозможно. Тогда никакая сила в мире не может тебя отвлечь. Но это должно быть твоим собственным опытом. А мы так бессознательны, что, кажется, ничто не наш собственный опыт.

Люди говорят, что Иисус — Христос, и ты этому веришь. Но люди, которые его распяли, ничего не могли в нем увидеть; иначе, думаешь ли ты, что возможно было бы распять такого человека как Иисус? Они распяли его так легко. Не было никаких проблем; их совесть была спокойна. Они сделали это так же, как каждый год убивали преступников. В тот день, когда распяли Иисуса, распяли и двух воров. Со всеми троими обращались одинаково; фактически, с ворами общались человечнее, потому что воры были больше похожи на них.

Тысячи людей собрались смотреть. Никто не плакал, никто не скорбел, ни у кого не болело сердце. Даже собственный ученики Иисуса бежали, опасаясь быть пойманными.

Когда люди ушли — когда представление было окончено — и Иисус был почти мертв на кресте, остались три солдата, играющие в карты. Они несли караул, чтобы никто не мог украсть мертвое тело Иисуса. Поэтому они просто сидели под крестом и играли в карты!

Майтри, ты спрашиваешь: «Возможно ли упустить совершенный бриллиант?»

Эти три солдата были такими же людьми как ты. Конечно, теперь вы подумаете: «Эти солдаты, наверное, были совершенно глупы, грешны, бессознательны и не знали, что делали — мы не смогли бы этого сделать», потому что две тысячи лет

вы слушали пропаганду, что Иисус был Христом. Но евреи по-прежнему не думают, что Иисус был Христом; они по-прежнему думают, что он был шарлатаном, что он был обманщиком, что он был фальшивым мессией. Две тысячи лет пропаганды совершенно не помогли; они продолжают цепляться за эту идею.

Думаешь ли ты, что ты узнал бы Будду? Теперь, конечно — потому что двадцать пять веков прошло, и Будда становился больше и больше, он стал огромным; он сияет на горизонте как прекрасный рассвет — ты не можешь поверить, что люди упустили его. Но они упустили его! Даже его собственный отец не мог узнать, что он был просветленным; даже его собственная жена не могла узнать, что он был просветленным. Лишь немногим людям хватило храбрости его узнать — потому что узнать его значило изменить свой стиль жизни, узнать его значило, что нельзя больше оставаться прежним. Признать будду буддой означает, что ты просыпаешься.

Большое кафе было полно народу. Долгая очередь людей в подносами двигалась вдоль стойки, и вдруг кто-то закричал:

— Пожар! Дом Мак-Гинти горит!

Раздался грохот падающего подноса с посудой, и итальянец в начале очереди бросился наружу и за угол, сталкиваясь с прохожими и сшибая их с ног на своем пути.

Затем, несколько раз лишь чудом спасшись от смерти, он так же внезапно остановился, хлопнул себя по лбу и простонал:

— Что я делаю? Меня зовут не Мак-Гинти!

Люди живут в такой бессознательности. Что говорить о том, чтобы узнать будду — ты не знаешь даже, кто *ты* такой!

Майтри, упустить совершенный бриллиант возможно, если ты неосознан. Но если ты осознан, это невозможно. Все зависит от твоей осознанности.

Шестой вопрос:

Любимый Мастер,

Действительно ли Бог создал мир — и за шесть дней?

Суджата,

Глядя на этот мир, можно быть уверенным только в одном: он был создан наспех. Кто бы ни был тот кто его создал, должно быть, он сделал это за шесть дней. Создал ли его Бог, я сказать не могу, потому что если посмотреть на мир, он кажется скорее творением Дьявола, чем Бога!

Человек так разрушителен, так насильствен, так безумен, что просто невероятно, что Бог создал такой ум. Либо его создал Дьявол, либо Бог создал его в первый раз и по неопытности сделал много ошибок. И он так испугался собственного творения, что никогда больше не пытался. Кажется, он убежал! Увидев, что он наделал, должно быть, он испугался.

В истории говорится, что он создал деревья, горы и животных. На шестой день он создал человека, и с тех пор ничего не делал. Кажется, человек привел его в чувство: «Что ты делаешь?» Он просто абсолютно остановился.

Но, Суджата, почему этот вопрос беспокоит *тебя*? Это не твое дело! Определенно одно: его создал не ты, так почему ты должен волноваться? Ты не ответствен, я не ответствен — я его тоже не создавал. Почему мы должны тратить на это наше время? Есть столько сумасшедших людей, которым нечего делать — давай предоставим им думать об этом. Это великий предмет для размышлений; человек может продолжать думать об этом вечно; предмет неисчерпаем. Именно поэтому философия начинается, но никогда не кончается, теология начинается, но никогда не кончается. Она движется по кругу. Каждый ответ приносит больше вопросов, чем ответов.

Если я скажу: «Бог создал мир», тотчас же возникает множество вопросов: «Почему, прежде всего, он его создал? Почему он не спросил нас, хотим ли мы, чтобы он нас создал? Это кажется таким диктаторским действием, совершенно не демократичным — людей создают, даже не спросив их согласия! И почему он создал *такой* мир, если он всемогущий, вездесущий, всевидящий? Должно быть, он видел, что должно было произойти, должно быть, он видел будущее. Должно быть, он видел, что будет Чингиз-хан, Тамерлан, Адольф Гитлер, Муссолини и Годжо; должно быть, он видел всех этих людей. Должно быть, он видел, что люди собираются сражаться в тысячах войн. Должно быть, он видел, что рано или поздно человек откроет атомные бомбы, водородные бомбы, лучи смерти и тому подобное. Почему он создал такой мир? Он что, садист? Он наслаждается

всем этим страданием? Миллионы людей живут в таком страдании — и что он делает? Разве он не может прийти и помочь?»

В писаниях говорится... в Шримад Бхагавадгите Кришна объявляет: Я приду, когда страдания будут слишком много. Разве не достаточно того страдания, в котором человек живет уже сейчас? Когда он придет? И что он сделал, когда действительно пришел? Он никому не помог. Фактически, в те дни Индия сражалась в величайшей из войн. Если верить писаниям, столько людей погибло в этой войне... во всей Индии не поместилось бы столько людей. Даже сейчас во всем мире только в три раза больше людей. Должно быть, это была война! Сегодня это был бы один человек из трех; в те дни, пять тысяч лет назад, население не было таким большим. Эта война могла бы быть концом всего человечества. Что это за помощь?

Бог является в Иисусе: он посылает своего едиnorodного Сына спасти человечество. Никто, кажется, не спасен. Иисус не смог спасти даже самого себя — он был распят! Спаситель был распят теми, ради кого он пришел; он пришел их спасти.

Возникнут тысячи вопросов. Оставь эти вопросы безумным людям.

Двое пациентов умственной клиники Мичигана болтали в комнате досуга. Первый псих сказал:

- Ничего не хочу слушать, я Наполеон!
 - Что значит ты Наполеон? — спросил второй.
 - Я говорю, ничего не хочу слушать. Я Наполеон.
 - Откуда ты знаешь, что ты Наполеон?
 - Бог сказал мне, что я Наполеон.
- Из угла раздался тихий голос:
- Я этого не говорил!

Оставь теологические проблемы психам!

Охранник показывал дурдом посетителям.

— Видите вон того человека? — сказал он. — Он думает, что он Господь.

Один из посетителей подошел к психу и спросил:

— Ты действительно создал мир за семь дней?

Псих огрызнулся:

— Я не в настроении выслушивать критику!

Суджата, это на самом деле не религиозные вопросы, хотя религиозные люди задавали эти вопросы веками — потому что религия веками управлялась психами.

Действительно религиозные вопросы должны касаться тебя, твоей бессознательности и того, как трансформировать твою бессознательность в сознание. Настоящая религия не метафизическая; она укоренена в психологии, она психологическая, потому что настоящая религия означает способ трансцендировать ум. Пока ты не поймешь ум, ты не сможешь его трансцендировать.

Седьмой вопрос:

Любимый Мастер,

«Сдерживай язык», говоришь ты.

Трудно! Почти невозможно — для итальянца. Мой подход к состоянию бодхисаттвы сейчас заключается в истории, которая преследовала меня много месяцев:

На улице (где угодно) я встречаю маленького человечка (кого угодно), и он выглядит несчастным как и все маленькие люди повсюду... Глядя на меня долгое время, он говорит: «Эй, ты отлично выглядишь!»

«Гмм, — отвечаю я. — Хотел бы сказать то же самое о тебе, но ты выглядишь очень грустным!»

«Ты знаешь, как я живу... Я чувствую себя таким несчастным. Но как насчет тебя? Почему ты весь сияешь?»

«Видишь ли, — отвечаю я с улыбкой, — я нашел мастера».

«Ах! — смотрит он на меня печально. — Почему ты мне не сказал?»

Поэтому, пожалуйста, ты и другой парень, будда, не говорите мне держать рот на замке. Я не могу этого выносить, когда этот маленький человечек стучится даже когда я танцую и говорю мне: «Почему ты мне не сказал?»

Саржано,

Теперь, когда ты ему сказал, что произошло? Маленький человек так и не пришел ко мне. Если ты просто ему скажешь,

это не будет иметь никакого значения; он просто подумает, что ты сумасшедший.

Несчастливые люди думают, что если ты выглядишь блаженным, ты сумасшедший. Они не могут поверить, что кто-то может быть блаженным; для них это за пределами постижимого. Вся их жизнь так полна страдания, как они могут поверить в возможность блаженства? — если только ты не сумасшедший. Если ты им скажешь, что нашел мастера, может быть, они ничего не скажут тебе в лицо, но за глаза они будут над тобой смеяться; они подумают, что с тобой что-то не в порядке. Они не поверят тебе. Как человек может стать блаженным, найдя мастера? Они не смогут увидеть никакой связи между своими проблемами и нахождением мастера. Если их жены пилят их до смерти, чем им поможет, если они найдут мастера? Мастер будет пилить их еще больше! Они страдают от кошмарных снов — каждый страдает от кошмарных снов, изо дня в день — чем им поможет, если они найдут мастера? Они ничего не смогут понять в твоих словах.

Я могу понять твоё затруднение, Саржано. Очень трудно хранить молчание, если ты знаешь ответ, но это часть бытия бодхисаттвы: научиться искусству хранить молчание. Пусть они спрашивают снова и снова. Пусть они чувствуют, что твоё блаженство не происходит от некоего безумия, что твоё блаженство реально, подлинно. Пусть они чувствуют это сами по себе. Пусть они снова и снова приходят и стучатся к тебе в двери.

Лишь в правильное мгновение, когда ты видишь, что они могут понять, когда ты видишь, что их сердца открыты, когда ты видишь в них подлинную жажду, подлинное стремление, лишь тогда скажи; иначе ты будешь просто понапрасну тратить дыхание. И если ты продолжаешь говорить всем и каждому, и никто не слушает, рано или поздно ты устанешь от всего этого.

Будда прав — этот парень прав почти всегда. Конечно, он не говорил с итальянцами! Это не было его проблемой, это моя проблема! Но я знаю, как с ней справиться.

Истина настоятельно требует, чтобы она была высказана, хотя она и не может быть высказана — это парадокс, — но она настаивает на том, чтобы быть высказанной.

Когда ты знаешь и видишь, что другим можно помочь, невозможно устоять перед искушением им помочь — но это часть бытия бодхисаттвы.

Кто-то другой спросил: «Любимый Мастер, ты говоришь, что пятьдесят процентов просветленных становятся артхатами и пятьдесят процентов — бодхисаттвами. В то же время ты говоришь, что мистиков много, а мастеров мало — кажется, в этом есть противоречие?..»

В этом нет противоречия. Да, во видимости противоречие есть, но только по видимости: Не все бодхисаттвы мастера. Бодхисаттва это тот, кто пытается помочь другим; мастер это тот, кто добивается в этом успеха. Просто пытаться не значит действительно помочь. Многие пытаются, немногие достигают успеха. Каждый, кто достигает истины, сталкивается с искушением высказать ее. Если он не артхата по своей природе, он попытается рассказать ее всем и каждому, и его просто сочтут сумасшедшим. Общение — сложное искусство, а передача высшей истины — самое сложное явление в мире. Мастер это тот, кто ждет правильного времени.

Многие спрашивают меня, почему я оставался в молчании, хотя стал просветленным в 1953 году. Почти двадцать лет я никогда никому ничего не говорил, если только кто-то не начинал подозревать этого сам, пока кто-то не говорил мне сам: «Мы чувствуем, что с тобой что-то случилось. Мы не знаем, что, но одно определено: что-то случилось, и ты больше не прежний человек — и ты скрываешь это».

За эти двадцать лет меня спрашивало более десяти человек, и даже тогда я избегал их как только мог, если только не чувствовал, что их желание подлинно. И я говорил им, только если они обещали хранить это в тайне. И все они выполнили обещание. Теперь все они саньясины, но они выполнили обещание, они держали это в тайне. Я сказал: «Обождите. Обождите, пока не придет правильное время. Лишь тогда я объявлю об этом».

Я многому научился у будд прошлого. Если бы Иисус не поднимал столько шума о том, что он Сын Божий, он принес бы человечеству гораздо больше пользы. Я твердо решил, что пока я не перестану путешествовать по этой стране, я не собираюсь об этом объявлять; иначе я был бы убит — вас бы здесь не было.

Как только я перестал путешествовать, смешиваться с толпой, переезжать из одного города в другой... Двадцать лет я постоянно путешествовал, и у меня не было ни единого телохра-

нителя. Шива и его самураи еще не прибыли! Я был в постоянной опасности. В меня бросали камни, в меня бросали туфли.

Я добирался до города после двадцати четырех часов пути, и толпа собиралась на платформе и не позволяла мне выйти из поезда; они заставляли меня снова зайти вовнутрь. Начиналась драка между теми, кто хотел, чтобы я вышел, и теми, кто не хотел, по крайней мере, в их городе.

Если бы я объявил, меня бы очень легко могли убить. Не было бы никаких проблем; это было бы так просто. Двадцать лет я хранил об этом молчание. Я объявил только тогда, когда увидел, что собрал достаточно людей, которые могли бы это понять. Я собрал достаточно своих людей, которые принадлежали мне. Я объявил только тогда, когда увидел, что могу создать свой собственный небольшой мир, и мне больше не нужно заботиться о толпах, массах и глупой толпе.

Саржано, это действительно трудно. Я могу понять твоё затруднение. Но, пожалуйста, держи свой большой рот на замке — итальянец ты или нет! Иначе тебя будут просто считать сумасшедшим. А если ты не можешь держать рот на замке, я объявлю: «Он сумасшедший!» Тогда никто не будет тебя слушать. Тогда ты можешь продолжать говорить маленьким людям: «Я нашел мастера», но они скажут: «Твой мастер сам говорит, что ты сумасшедший!»

Последний вопрос:

*Любимый Мастер,
Почему здесь все кувирком?*

Анурати, должно быть, это из-за итальянцев! Нужно найти какую-то причину...

Итальянец умер и достиг Жемчужных Врат, где его приветствовал Святой Петр со своей внушительной Золотой Книгой. Уставившись в лицо вновь прибывшего, слабый подбородок и бегающие глаза, Святой Петр громогласно изрек:

— Надеюсь, ты не итальянец?

Голос Святого Петра стал громогласным:

— Ты итальянец?

Ответ итальянца был слабым:

— Нет, сэр, я пуэрториканец.

Святой Петр улыбнулся:

— Входи, друг, — сказал он. — Проходи.

Даже Святой Петр боится!

Жила-была одна итальянская красотка — такая уродливая, что когда она входила в комнату, все мыши прыгали на стулья.

Можно ли сомневаться, что Нью-Йорк великий город?

Им владеют евреи, им заправляют ирландцы — а итальянцы через пятьдесят лет все еще недоумевают, что же произошло!

Как Колумб открыл Америку?

Он просто пытался убраться подальше от Италии.

Что сказал Бог, когда создал первого итальянца?

«Дерьмо! Опять неудача!»

На сегодня достаточно.

Глава 3
Мирный путь
в счастливую страну

*У тебя нет ни имени, ни формы.
Зачем грустить о том, чего у тебя нет?
Искатель не сожалеет.*

*Люби и радостно
Следуй пути,
Мирному пути в счастливую страну.*

*Искатель!
Опустоши лодку,
Облегчи груз,
Страсти, желания и ненависти.*

Плыви быстро.

*Пятеро у дверей
Чтобы отвергнуть, и еще пятеро,
И пятеро внутри, чтобы приветствовать.*

*И когда пятеро позади,
Прикованные к берегу,
Искатель называется огхатинноти —
«Тот, кто пересек».*

В калифорнийский дурдом прибыл новый пациент. Он казался совершенно счастливым — фактически, он громко смеялся.
— Ближайший родственник? — спросил психиатр.
— Брат-близнец, — ответил парень. — Мы были одинаковыми близнецами. Никто не мог нас различить. В школе он стрелял из рогатки, а учитель ругал меня. Однажды он был арестован за превышение скорости, а судья оштрафовал меня. У меня была девушка, и он с ней убежал.
— Почему тогда ты смеешься?
— Потому что на прошлой неделе я с ним посчитался.
— Что произошло?
— Я умер, а похоронили его.

Человек действительно безумен. Безумие это не болезнь, это нормальное состояние человечества. Да, есть различие в степени, но это небольшое различие. Человек в том виде, в каком он существует на Земле, ненормален.

Усилие всех будд в том, чтобы принести тебе здоровье, чтобы рассеять твоё безумие. Но поскольку безумен каждый, — точно так же как ты, — ты остаешься слепым к этому факту всю свою жизнь. Если только ты не столкнешься с буддой, ты никогда не осознаешь того факта, что ты безумен. Будда становится зеркалом: он отражает твою реальность, он показывает тебе твоё лицо как есть — и оно совершенно искажено. Ты не такой, каким тебе предназначено быть. Что-то не в порядке в самой основе, недостает чего-то самого основного.

Человек рождается в состоянии такой бессознательности, что что бы он ни делал, это только приносит больше страдания ему и другим. Он продолжает пенять на судьбу, на общество — но он всегда обвиняет других, он никогда не обвиняет себя. В то мгновение, когда ты набираешься храбрости обвинить себя, в то мгновение, когда ты принимаешь ответственность за себя, кем бы ты ни был, луч света входит в твоё существо. Ты на пути внутренней трансформации.

Эти сутры — для бодхисаттв. Теперь Будда говорит своим бодхисаттвам — тем ученикам, которые станут помощниками человечества, которые готовы идти в мир и помогать людям, тонущим в собственном безумии — Будда говорит своим бодхисаттвам: «Вот те основы, с которых вы должны начать своё учение».

Первое, что он говорит: Скажите людям, что... *У вас нет ни имени, ни формы* — потому что в этом застряли миллионы людей. Люди живут и умирают ради имени и славы. Кажется, вся цель их жизни в том, чтобы их имена стали известны всему миру, чтобы их имена были вписаны в историю золотыми буквами, чтобы их имена продолжали вечно звучать в коридорах истории.

И все это так глупо, так смехотворно, потому что, прежде всего, у тебя нет никакого имени. Ты рождаешься безымянным, ты остаешься безымянным. Все имена произвольны. Не жертвуй жизнью ради имени. Не жертвуй реальным ради придуманного. Мы жертвуем чем-то реальным ради чего-то, что нереально и не может быть сделано реальным.

Когда ребенок рождается, ты знаешь, что он не приносит с собой имени; он рождается безымянным. Но, конечно, ему нужно имя; у него есть определенная полезность, но нет реальности. Оно произвольно. Ты можешь назвать его как угодно, подойдет любое имя — подойдет А, Б, В. В более научную эпоху, вероятно, мы отбросим эти имена. Кто-то будет О-11, кто-то будет Х-13. Однажды имена станут более математичными, потому что они будут более точными. Нет необходимости в том, чтобы у двух людей были одинаковые имена; это может решить компьютер. Компьютер может сказать, вот новое имя, ни у кого в мире его нет. Прямо сейчас у многих людей одинаковые имена; это неизбежно. Это не очень научно, но это работает.

Будда хочет, чтобы его бодхисаттвы прежде всего говорили людям: Вы безымянны. Поэтому не беспокойтесь о имени и славе. Вы бесформенны: у вашего глубочайшего ядра нет формы. У вашего тела есть форма, но тело постоянно меняется; оно меняется каждый день. Через семь лет тело становится совершенно новым, абсолютно новым. В нем больше не нет ни единой старой клетки, все постоянно меняется.

Если ты увидишь первый сперматозоид своего отца, сможешь ли ты узнать в нем самого себя? Невозможно. Сможешь ли ты узнать себя в материнском яйце? Невозможно. Однажды это было твоей формой, но ты не был этим. И затем за девять месяцев в материнской утробе ты прошел через множество форм.

Ученые говорят, что каждый ребенок быстро, в ускоренной форме проходит через всю эволюцию человечества. От рыбы и обезьяны до человека, он проходит все эти стадии — конечно, в очень ускоренной форме, потому что он должен завершить всю

эволюцию за девять месяцев. Именно поэтому недоношенный ребенок рождается немного отсталым — он еще не развился полностью; он не смог завершить весь цикл эволюции. Каждый ребенок в материнском чреве начинает с состояния рыбы. Сможешь ли ты узнать себя в этой рыбе? Но однажды это было твоей формой. Сможешь ли ты узнать свое лицо в тот день, когда ты родился? Если тебе покажут фотографию, ты никогда не сможешь узнать: «Это я». Сейчас у тебя есть определенная форма; эта форма тоже однажды исчезнет. В каждое мгновение она меняется.

Но есть нечто вечное: твое сознание, твое существо, твоя осознанность. Можешь называть это душой или как угодно; названия не имеют значения. Но ясно одно: у тебя нет никакой определенной формы; ты проходишь через множество форм. Ты можешь пройти через множество форм лишь потому, что у тебя нет никакой формы; не привязывайся к определенной форме. Не привязывайся ни к какому имени, не привязывайся ни к какой форме.

Это начало саньясы. Это начало посвящения в путь.

Фактически, у тебя нет отца, у тебя нет матери — и не может быть. Отец был отцом твоего тела, мать была матерью твоего тела; оба они внесли свой вклад в твое тело, в твою форму, но не в существенное ядро. Твое тело случайно. Раньше ты был во многих телах, в тысячах тел. Ты прошел через них, ты жил во многих домах, и когда ты жил в определенном доме, ты отождествлял себя с ним.

Отсюда боль смерти. Дело не в смерти, помни; дело только в твоем отождествлении с телом, с формой. Если ты понимаешь послание Будды, в смерти нет боли. Если ты не отождествлен ни с каким именем или формой, нет никого, кто рождается или умирает.

Фактически, таким должно быть истинное значение непорочного зачатия Иисуса. Каждый рождается таким же образом. Но у тебя нет не только отца, но и матери. В тот день, когда ты обнаруживаешь свое изначальное существо, ты узнаешь, что ты прошел через мать и отца, ты пришел сквозь них, но не был ими создан.

Социальная работница, исследующая условия жизни в бедном квартале, остановила оборванного и по виду беспризорного подростка и спросила, где живет его мать.

— У нет матери, — ответил тот.

— Ладно, а отец?

— У меня нет отца.

— Что? У тебя умерли и отец, и мать? — воскликнула она.

— Их никогда не было, леди, — ответил он.

— Но это невозможно, мой мальчик!

— Если вам надо знать, леди, — сказал мальчик наставительно,

— какой-то проклятый бандит сыграл грязный трюк с моей тетушкой!

Фактически, ни у кого нет отца и матери — и никакой проклятый бандит не сыграл никакого трюка с твоей тетушкой. Вы вечные существа: вы никогда не рождаетесь и никогда не умираете. Смерть и рождение это только эпизоды в долгом путешествии, в вечном путешествии вашей жизни. Жизнь не начинается с рождением и не кончается со смертью.

Но это возможно узнать, только став немного разотождествленным с формой, к которой ты так привязан. Ты не мужчина и не женщина; твоё тело — мужское или женское. Ты не человек, не животное, не овощ. Все это формы, случайные формы, периферия, не центр твоего существа. Центр твоего существа совершенно отличается от периферии. А мы так привязались к периферии, что совершенно забыли о центре.

Это основная и фундаментальная причина всего безумия. Человек, который не знает своего центра, безумен.

Будда говорит, скажи людям:

У вас нет ни имени, ни формы.

Зачем грустить о том, чего у вас нет?

Сколько людей страдает от того, что они не знамениты, что они не известны! Быть неизвестным так унижительно. Если никто тебя не знает, ты чувствуешь, будто ты больше не жив. Чем больше людей тебя знает, тем более живым ты себя чувствуешь. Если весь мир знает тебя, твоё эго раздувается до небес, взрывается.

Именно поэтому людей так интересует политика — это простейший способ стать известным всему миру. Чтобы быть политиком, не нужно много ума; фактически, если ты очень разумен, ты не можешь быть политиком. Чтобы быть политиком, нужна глупость в повышенных дозах. Ты должен быть упрямым, ты должен быть насильственным, ты должен быть совершенно посредственным — чтобы ты не видел, что делаешь, чтобы ты не видел, что тратишь впустую свою жизнь, и так далее, и так далее... Ты должен быть совершенно слепым, ты должен быть очень грубым. Привлекательность политики огромна, потому что она может дать тебе как великое имя, так и великую славу; она может сделать тебя фигурой мирового значения.

Я слышал:

Папа Римский и политик появились на небесах в один и тот же день. Святой Петр приветствовал их и провел Папу в апартаменты, в которых ему предстояло провести вечность. Открыв дверь, Папа обнаружил небольшую, просто обставленную комнату с всего одним окном. Выглянув наружу, он увидел, что политика провели в роскошные апартаменты через дорогу, оборудованные ванными, саунами, бассейнами, теннисными кортами и так далее.

Полный праведного возмущения, он повернулся к Святому Петру стал протестовать:

— Я Папа! Почему с политиком так носятся, а я почти ничего не получил?

— Видишь ли, — ответил Святой Петр, — Пап у нас здесь почти двести, но политика мы видим впервые!

Но здесь, на Земле, политики поднимают много шума. Политика стала центром жизни; ею полны ваши газеты, ею полны ваши радиопрограммы. Кажется, все окрашено политикой — по той простой причине, что у всех этих людей есть что-то, за чем гонится каждый — имя и слава.

Но Будда говорит: *Зачем грустить о том, чего у тебя нет?* И, фактически, зачем грустить о том, чего у тебя нет и не может быть никогда? Верить, что ты знаменит, значит жить в раю для дураков. И даже если твоё имя будет вписано в историю... ты можешь создать людям столько проблем, что им придется вписать твоё имя в историю. Адольф Гитлер, Йосиф Ста-

лин, Мао-цзе-дун — конечно, их имена останутся в истории, но они не вписаны золотыми буквами. История совершенно не пишется золотыми буквами, и их имена останутся лишь сносками на полях. И даже если они вписаны, какое это имеет значение? Вся ваша история это мыльный пузырь! Это скорее истерия, чем история. Если ты очень истерический, ты станешь историческим. Но какой в этом смысл? Ты упустишь великую возможность.

Настоящий человек не заботится об имени и славе. Подлинный человек живет свою жизнь безотносительно к имени и славе; он ни капли не заботится о том, знает ли его кто-нибудь.

Искатель не сожалеет.

Будда говорит: Учите людей, что поиск истины не должен быть печальным поиском. Это одна из тех вещей, которые были очень непоняты. Почему-то печальные люди заправляли на религиозной сцене веками. Лишь изредка можно найти Будду, Иисуса или Заратустру, которые говорят о радости, которые говорят о том, чтобы жить в блаженстве. Лишь изредка можно найти Кришну — которые не только учит танцу, но и танцует сам, который не только учит петь, но и поет сам. В остальном на религиозной сцене преобладают патологические люди, мазохисты или садисты.

Девяносто девять процентов так называемых религиозных людей — больные, серьезно больные люди. Они ударились в религию, потому что потерпели поражение в жизни, они ушли в религию, потому что не смогли справиться с жизнью. Это бегство — а эскапист никогда не может быть счастливым.

Христиане говорят, что Иисус никогда не смеялся. Величайшей лжи быть не может. Иисус — и никогда не смеялся? Кто тогда вообще может смеяться? Тогда вообще никто не может смеяться! Вся жизнь Иисуса доказывает, что, должно быть, он был человеком очень радостной природы. Должно быть, он был действительно духовным — в том смысле, в каком французы используют слово *spirituel*. Французское слово «*spirituel*» означает и «духовный», и «с чувством юмора». Кажется, в этом есть великое прозрение — одно и то же слово значит и то, и другое. Должно быть, он смеялся со своими друзьями. Хорошо известно, что он наслаждался едой и питьем, а если человек наслаждается едой и питьем, трудно себе представить, что он никогда не сме-

ется. Люди, наслаждающиеся едой и питьем, люди, наслаждающиеся вечеринками, так же наслаждаются и танцами, песнями и шутками. Должно быть, он смеялся, должно быть, он шутил. Невозможно поверить, что двадцать четыре часа в сутки он управлял проповеди — должно быть, он сплетничал!

Но люди, которые печальны — они хотят, чтобы и он был печальным. Все изображения, скульптуры, иконы Иисуса кажутся фальшивыми. Должно быть, они менялись веками. В ранних изображениях у него нет ни бороды, ни усов. Через два столетия внезапно появились борода и усы — потому что без бороды и усов он не выглядел как пророк; он выглядел таким молодым, недостаточно зрелым. Лицо без бороды и усов кажется немного мальчишеским... внезапно появилась борода.

На Востоке происходило прямо противоположное. Будду никогда не изображали с бородой, как и Кришну или Махавиру, Раму или Патанджали... никого. Почему? — потому что восточная идея в том, что эти люди были очень молоды, духовно молоды, и будет лучше, если они будут выглядеть молодыми и снаружи. Внешнее должно отображать внутреннее.

Будда был очень стар, он умер в возрасте восьмидесяти двух лет, но все же его никогда не изображают бородатым. Иисус умер, когда ему было только тридцать три года, но через два века появилась борода. Все же его лицо не было печальным. Еще через два века изменилось даже его лицо. Он становился все более и более печальным — будто бы он нес на своих плечах все бремя Земли. Теперь его превратили в спасителя; он несет крест. Он пришел, чтобы избавить вас от страданий, он принимает все страдания на себя. Они извратили прекрасного человека, который так наслаждался обществом обычных людей — плотников, рабочих, садовников, рыбаков, игроков, проституток, пьяниц, сборщиков податей, всевозможных людей — даже сборщиков податей! Его делали все более и более абстрактным; он теряет свое земное качество. Он становится более концепцией, чем реальным человеческим существом; он теряет свою человечность. Он больше не Сын Человеческий, он становится только Сыном Божьим.

Именно эти печальные люди проецируют на него свою печаль. Они говорят, что он никогда не смеялся — я этому не верю. Я могу поверить в гораздо более невозможные вещи...

Последователи Заратустры говорят, что он засмеялся в то самое мгновение, когда родился на свет — я могу поверить в то, что он родился, смеясь. Это кажется абсолютно невозможным — ни один ребенок не рождается смеясь — но в этом есть что-то красивое. Заратустра, который выбирается из материнской утробы, смеясь, привлекателен для меня. Такой радостный дух! Именно поэтому Заратустра не смог стать мировой религией. Последователи Заратустры ограничены одним только Бомбеем. И они хорошие люди — не религиозные в обычном смысле, совершенно не религиозные.

Никто не считает Парсов религией; в Индии никто не считает их религиозными. Они наслаждаются едой, они наслаждаются красивой одеждой, они наслаждаются красивыми вещами жизни, они наслаждаются красивыми домами... они наслаждаются всем! А в нашем представлении религия это отречение.

Я могу поверить, что Заратустра явился на свет смеясь, но не могу поверить, что Иисус никогда не смеялся, потому что для меня печаль никогда не может быть источником поисков — хотя миллионы людей отправляются на поиски Бога только когда они несчастны, в страдании; когда ты в глубокой тоске, ты вспоминаешь Бога, иначе какая разница?

Но позвольте мне сказать: если вы вспоминаете Бога только когда несчастны, ваше воспоминание ничего не стоит. Это почти жалоба; это не молитва — это не может быть молитвой. Ты не можешь быть благодарен за то, что несчастен, а молитва должна по существу быть благодарностью.

Будда говорит: *Искатель не сожалеет*. Он говорит своим бодхисаттвам: Идите к людям и скажите им, что если они не отбросят свои сожаления, то никогда не станут настоящими искателями. Ищите Бога из счастья, ищите Бога из радости, ищите Бога, потому что этот зов кукушки так прекрасен, потому что эти песни птиц так радостны, потому что эти цветы так экстаичны, потому что жизнь это такое благословение. Посмотрите на благословение жизни и идите к его источнику. Откуда берутся все эти песни, все эти цветы, все эти звезды? Где источник всего этого таинственного существования?

Не отправляйся на поиски, потому что ты печальный и несчастный неудачник. Если ты идешь с поражением в сердце, ты будешь просто подавлять свою печаль. Ты можешь начать улыбаться, но эта улыбка будет нарисованной улыбкой. Ты ви-

дишь, что улыбаются священники, но эта улыбка не подлинная и не может быть подлинной. Они никогда не любили жизнь достаточно для того, чтобы их улыбка была подлинной, они никогда не жили жизнь достаточно для того, чтобы их улыбка была подлинной. Они эскаписты, они боятся жизни. А люди, которые боятся жизни — их поиск ошибочен с самого начала. Но это непонимание часто происходит, и это непонимание должно быть рассеяно.

Поздно ночью патрульный полицейский направил луч фонарика в окно машины и увидел пару, занимающуюся любовью. Он постучал в окно и сказал:

— Я здесь!

Через десять минут он подошел снова, и пара по-прежнему занималась любовью, и он снова постучал в окно и сказал:

— Я здесь!

Через двадцать минут он снова подошел к машине, и пара по-прежнему занималась любовью. Он снова постучал и сказал:

— Я здесь¹. Почему так долго?

Мужчина поднял глаза и ответил:

— Парень, я очень волнуюсь. Я никогда раньше не трахал полицейского!

Непонимание есть непонимание...

Будд так много непонимали, что каждый раз, когда ты думаешь об Иисусе, Кришне, Будде, Лао-цзы, будь очень осторожен — девяносто девять процентов того, что ты думаешь, будет непонимаем. Если ты спросишь меня: «Кто такие христиане?», я отвечу: «Люди, которые не поняли Христа». Если ты спросишь меня: «Кто такое буддисты?», я отвечу: «Люди, которые не поняли Будду».

Непонимание так легко, потому что если ты хочешь понять будду, ты должен подняться немного выше, чтобы увидеть, что он показывает. Но если ты хочешь понять неправильно, не нужно никуда идти; где бы ты ни был, оставайся там, и ты поймешь неправильно. Непонимать так комфортно, так уютно. Ты можешь непонимать без всяких усилий; для этого с твоей стороны не потребуется никаких перемен. Но твоя жизнь это покажет.

¹ I am next: может также значить: «Я следующий».

Люди ходят в храмы, но в их глазах нет танца. Ты идешь в храм, и твоих глазах нет танца, в твоих ногах нет танца — зачем ты туда идешь? Какой смысл? Зачем тратить время? Люди молятся, но в этом нет радости, в их лицах нет света. Зачем тратить время — свое и Бога? Но одно хорошо: Бог совершенно глух — глух ко всем языкам. Он слушает только молчание, он доступен только для молчания. Поэтому ты можешь продолжать молиться — никто не слушает. Это монолог.

Мартин Бубер говорит, что молитва это диалог. Я говорю: нет, если только молитва не абсолютно молчалива, это не диалог. Мартин Бубер говорит, что молитва это диалог Я/Ты. Если есть я, не может быть никакого Ты; они не могут существовать вместе. Если есть Я и Ты, тогда Ты — лишь проекция, и нет никакого диалога; это монолог. Ты можешь верить, что кто-то слушает — никто не слушает. Ты просто тратишь впустую свое время, свое дыхание. Делай что-то другое, что бы ты ни делал, это будет лучше. Даже играть в карты гораздо лучше, даже пить Кока-Колу гораздо лучше!

Ваши молитвы бессмысленны. Вы не можете скрыть этого факта. Если ты движешься к Богу или к истине в печали, в страдании, твоя жизнь это покажет. Истину нельзя подавить.

У Гладуэллов родился ребенок без ушей. Они принесли его домой, где их собирались посетить соседи, Петерсоны.

— Пожалуйста, будь осторожен, — сказала миссис Петерсон мужу. — Ничего не говори о том, что у ребенка нет ушей.

— Не беспокойся, — сказал Петерсон. — Я не обижу их чувства.

И они вошли в соседнюю дверь и вместе с Гладуэллами подошли к колыбели.

— Он такой симпатичный, — сказала миссис Петерсон матери ребенка.

— Да, — согласился Петерсон. — Какие у него сильные руки и ноги — он вырастет чемпионом.

— Спасибо, — сказал отец ребенка.

— А как его глазки?

— В полном порядке! — сказал Гладуэлл.

— Это хорошо — потому что он не сможет носить очки!

Так или иначе истина выплывает наружу. Как ее избежать? Чем больше ты избегаешь, тем больше возможность того,

что ты об нее споткнешься. Фактически, само усилие ее избежать заставляет тебя на ней сфокусироваться; тогда ты больше ничего не видишь.

Один очень святой человек однажды пришел в оптический магазин чтобы заказать новую пару очков. За прилавком стояла необыкновенно красивая девушка, и это привело покупателя в полное замешательство.

— Чем я могу вам помочь, сэр? — спросила она с обворожительной улыбкой.

— Эээ... да... эээ... мне нужна оправа рогов в паровой оправе... то есть, я хочу сказать, пара рогов в оправном очке... эээ... то есть...

Тут на помощь пришел оптик:

— Ладно, мисс Джонс. Этот святой человек хочет пару очков в роговой оправе².

Поэтому Будда говорит, что искатель должен начинать путешествие не из страдания, но из радости. Наслаждайся жизнью. Он говорит:

Люби и радостно

Следуй пути,

Спокойному пути в счастливую страну.

Впервые столкнувшись с этими словами, человек несколько удивлен. Будда, и говорит: *Люби и радостно следуй пути, спокойному пути в счастливую страну?*.. Да, человек немного шокирован, потому что буддистские священники избегали этих красивых слов, обходили их стороной. Они подчеркивали слова

² A very holy man went into an optician's one day to order a new pair of spectacles. Behind the counter was an extremely pretty girl, which reduced the customer to total confusion.

"Can I help you, sir?" she asked with a ravishing smile.

"Er -- yes -- er... I want a pair of rim-speckled hornicles... I mean I want a pair of heck-rimmed spornicles... er... I mean...."

At which point the optician himself came to the rescue.

"It's alright, Miss Jones. What the holy man wants is a pair of rim-sporned hectacles."

Будды, утверждающие пессимизм. А он совершенно не был пессимистом — и не мог быть. Как может человек, который знает, быть пессимистом? Это невозможно. Он даже не оптимист, помни, потому что оптимист привязан к пессимисту; это другая крайность.

Будда за пределами обеих крайностей; он ни пессимист, ни оптимист. Он просто хочет, чтобы вы видели то, что есть — и этого достаточно, чтобы вы стали любить жизнь. Этого достаточно, более чем достаточно, чтобы танцевать от радости, благодарности.

А путь к этому молчалив, очень тих. Поэтому Будда не учит никакой молитве, он учит только медитации. Когда молитва молчалива, это медитация; когда медитация становится красноречивой, это молитва. Но сначала ты должен научиться медитации; иначе ты будешь двигаться в неверном направлении. Без знания медитации все твои молитвы будут ложными. Ты будешь выбрасывать на Бога свой мусор — святой мусор, но все это просто священный коровий навоз!

Сначала научись быть молчаливым. Да, из этого молчания рождаются песни, в этом молчании расцветают цветы. Тогда предложи эти песни, эти цветы в качестве подношения Богу. Но они будут песнями радости, безмерной радости.

Искатель!

Опустоши лодку,

Облегчи груз,

Страсти, желания и ненависти.

Позвольте мне напомнить снова: Будда говорит со своими бодхисаттвами, со своими посланцами, со своими апостолами, которые идут в массы. Он помогает им найти, что сказать, с чего начать. Он говорит, что первое, что должен осуществить искатель, первое требование к истинному искателю: он не должен иметь никакой системы верований, у него не должно быть никакой философии, никакой идеологии. Если ты уже веришь, нет вопроса о поиске, исследовании. Исследование означает, что ты начинаешь с состояния не-знания. Поэтому: *Искатель! Опустоши лодку...* Опустоши ум от всего багажа, который ты носил с собой все время. Стань совершенно пустым. Тогда тот же самый ум, который создавал в тебе столько безумия, столько беспоряд-

ка, столько тоски... тот же самый ум, когда он пуст, становится лодкой для переправы на другой берег, на дальний берег. Пустой, он становится транспортом; обремененный всевозможными мыслями, всевозможными верованиями, писаниями, которые каждое поколение продолжает передавать другому... Мы так обременены тем, что мы носим почти Гималаи на головах; невозможно двигаться с таким грузом. Тебе нужно разучиться. У тебя уже есть слишком много знания; это знание должно быть отброшено.

Опустоши лодку, облегчи груз... Когда ты совершенно пуст, когда ты говоришь: «Я ничего не знаю», начинается исследование. Оно свежее, молодое, подлинное, потому что фундаментальный закон жизни в том, что если ты в состоянии незнания, в тебе возникает великий порыв узнать. В точности как природа избегает вакуума и спешит его заполнить, точно таким же образом, когда твой ум абсолютно пуст, истина спешит его заполнить.

Но прямо сейчас места нет. Твой ум так полон, в него не можешь войти даже *ты*. Ты должен жить где-то снаружи. Люди живут в своих прихожих; их дома настолько полны мусора, что они боятся в них входить. Они могут потеряться; там совершенно нет места.

Будда перечисляет три вещи, которые создают тебе груз, которые обременяют тебя. Первую он называет страстью, вторую — желанием, и третью — ненавистью.

Страсть означает животную похоть, биологическую, бессознательную похоть. Она есть в каждом животном, в этом нет ничего особенного. Если она есть в человеке, он просто остается частью животного мира; это его животное наследие. Ты не становишься действительно человеком, пока не выходишь за пределы похоти. Ты думаешь, что это любовь, у тебя есть великие, романтические слова, чтобы ее описать, ты используешь великую поэзию, но все это мусор. Если заглянуть глубоко вовнутрь, это биология, это химия, гормоны и ничего больше. Если изменить твои гормоны, тебя больше не будут интересовать никакие женщины, или, если ты женщина, с переменной в гормонах тебя больше не будут интересовать никакие мужчины, и вся поэзия и романтика исчезнет. Дону Жуану просто нужна небольшая операция... и он исчезнет.

Будда говорит, что первое, что удерживает ум в состоянии полном мусора, это похоть. И это в определенном смысле естественно, потому что миллионы лет у нас были животные тела; мы все еще носим их отпечатки, мы полны наследия животных. На девяносто девять процентов мы животные; на один процент — и то может быть — мы человеческие существа. Лишь небольшая часть нас поднялась немного выше.

Красноречивый итальянский священник грузил тяжелую телегу о сексе и морали. Тыча костлявым пальцем в конгрегацию Маленькой Италии, падре гремел:

— Секс-а грязен! Я а-хочу видеть сегодня только хороших девушек. Я а-хочу, а-чтобы все а-ну-девственницы в церкви а-встали. Взбешенный отсутствием реакции, он повторил воззвание.

После долгой паузы сексуально выглядящая красотка с ребенком на руках поднялась на ноги.

— Я а-сказал а-ну-девственницы! — закричал священник в ярости.

— Эй, Отец, — ответила дама, — вы ожидаете, чтобы двухмесячный ребенок встал сам?

Говорят, что именно поэтому Иисус решил родиться две тысячи лет назад — потому что сейчас где бы он нашел девственницу? И, кроме того, где бы он нашел трех мудрецов? Даже если ты найдешь девственницу — ладно, двух месяцев от роду, — но где найти трех мудрецов? Теперь условия не могут быть выполнены.

Люди говорят мне снова и снова: «Иисус обещал, и он придет снова». Я говорю вам, забудьте об этом! — он не может прийти. Условия невыполнимы. Если он отбросит условия, все в порядке. Но тогда он не будет Иисусом, помните — он будет еще одним хиппи, может быть, джизас-фриком³, но не Иисусом!

Помните, Будда не хочет, чтобы вы подавляли похоть, он хочет, чтобы вы поняли, он хочет, чтобы вы на нее медитировали. Он хочет, чтобы вы не подавляли, потому что подавление никогда не помогало. Именно подавление создало печальную ситуацию, в которой находится человечество. Именно подавление свело человечество с ума. Будда хочет, чтобы вы трансфор-

мировали сексуальную энергию, не подавили ее, потому что это единственная энергия, которая у вас есть. Она может быть рафинирована, поднята, направлена в новых направлениях; она может быть перемещена в высшие планы существа. И все это происходит в простом процессе медитации.

Процесс медитации совершенно не сложен. Если твой ум может отбросить груз и стать совершенно пустым, немедленно сексуальная энергия начинает подниматься и заполнять промежуток, как будто пустота тянет ее вверх. Начинают действовать новые законы: законы левитации. Обычно мы подчиняемся закону гравитации: все движется вниз. И вы так тяжелы на верхушке, что ничто не может двигаться к верхушке; верхушка всегда полна, все движется вниз. Сделайте верхушку легкой.

В Японии есть кукла *Дарума*. Дарума это японское имя бодхидхармы, одного из величайших учеников Будды, который основал дзен в Китае; он был первым патриархом дзен. Бодхидхарма — его индийское имя, Дарума — японское. В память о нем сделали куклу; эту куклу делали веками. Это одна из самых красивых кукол: она несет великое послание. Как бы ты ни швырнул эту куклу, она всегда снова возвращается в позу будды; ее нельзя перевернуть вверх ногами. Ее можно швырять, нагибать, делать с ней что угодно, но нельзя ни потрясти, ни заставить Даруму упасть. Он всегда снова садится в позу лотоса, в которой сидел Будда.

Вот в чем секрет: она легкая сверху и тяжелая снизу. У него пустая голова, полная голова; внутри ничего нет. Голова так пуста, а низ так тяжел, что, естественно, он снова возвращается в позу Будды. Это красивая кукла. Она была изобретена дзенскими монахами, чтобы с нею играли дети, и дети обязательно должны были спросить: «в чем секрет?» А секрет в том, что голова должна быть совершенно пустой — секрет это медитация.

Второе: желание. Желание психологическое; точно так же как похоть физиологическая, желание — психологическое. Желание означает «еще и еще», всегда еще. Ничто не удовлетворяет, ничто не приносит наполненности; ты продолжаешь гнаться за большим и большим. И ты знаешь это, потому что много раз ты достигал цели, но неудовлетворенность оставалась прежней. Снова желание большего, и ты начинаешь гнаться, не думая ни секунды.

³ Jesus freak: течение в движении хиппи.

Будда говорит: Жди, размышляй. Где это кончится? Ты гонишься за иллюзией. Желание большего никогда не может быть удовлетворено. У тебя может быть десять тысяч рупий, а ум просит сто тысяч; у тебя может быть сто тысяч, и ум начинает просить больше — и так далее, и так далее. Сколько бы у тебя ни было, расстояние между тем, что у тебя есть, и тем, чего просит ум, всегда остается прежним. Это неосуществимо. Это сводит людей с ума. Видя это, видя суть, человек отбрасывает это. Или, лучше сказать: в то мгновение, когда ты видишь тщетность этого, это отпадает само собой.

И третье: ненависть. Ненависть возникает из первых двух, из страсти и желания. Кто бы ни встал на пути твоей страсти и твоего желания, кто бы ни стал препятствием, кто бы ни стал состязаться с тобой, он становится твоим врагом. Кто бы ни пытался схватить то, что ты хотел для себя, это создает в тебе ненависть. Если первые два исчезают, третье исчезает само собой.

Первые два подобны огню, а третье — просто дым. Если ты по-прежнему чувствуешь ненависть к чему-то, к кому-то, помни, что огонь сохраняется по-прежнему. Где бы ни был дым, там есть и огонь. Ненависть и гнев просто показывают, что ты все еще живешь в похоти и желании, сознательно или бессознательно. Но твой дым показывает, что огонь еще не погашен. Вернись в свое существо и погаси огонь. А он может быть погашен не подавлением, но пониманием.

Понимание — вот самое фундаментальное послание Гаутамы Будды. Если это происходит, *плыви быстро*.

*Пятеро у дверей,
Чтобы отвергнуть, и еще пятеро,
И пятеро внутри, чтобы приветствовать.*

*А когда пятеро позади,
Прикованные к берегу,
Искатель называется охатинноти —
«Тот, кто пересек».*

Нужно понять, кто такие эти пятеро. *Пятеро у дверей...*

Первые пятеро: Будда говорит, что первое эгоизм, второе сомнение, третье ложная духовность, четвертое страсть и пятое

ненависть. Они всегда стоят у дверей. Ты должен быть очень сознательным; иначе они набросятся на тебя.

Даже люди, которые думают, что выполняют альтруистичное служение — их служение эгоистично. Они надеются получить какую-то награду в другом мире, в раю; поэтому они служат. Их служение не из любви, их служение это торговая сделка. Они ищут великой награды — небес,рая, небесных удовольствий. Остерегайся эгоизма.

Второе — сомнение. Даже те люди, которые верят, полны сомнений; фактически, если ты не полон сомнений, нет необходимости верить. Верование просто означает, что ты прикрываешь сомнение. У тебя есть рана, ты прикрываешь ее прекрасным цветком, но рана остается прежней.

Третье: ложная духовность. Когда люди хотят быть духовными, легче быть ложно-духовными, потому что это ничего не стоит. Ты можешь быть христианином, ты можешь быть индуистом, ты можешь быть мусульманином; это легко, но это формально. Ты продолжаешь выполнять определенные ритуалы в храме, и ты индуист, или ты каждое воскресенье ходишь в церковь, и ты христианин — так просто!

Но настоящая духовность проходит сквозь огонь. Настоящая духовность это восстание против всего, что прогнило, против всего прошлого, против всего, что навязано твоему существу другими, против всей обусловленности. Настоящая духовность это величайший бунт из всех возможных. Это рискованно, это непредсказуемо, это опасно.

Поэтому остерегайся ложной духовности, которая всегда легко доступна, доступна прямо у дверей.

И страсть... Ты можешь отбросить страсть здесь, ты можешь подавить ее здесь, но тогда ты начнешь просить ее где-то в другом месте. На небесах все религии удовлетворяют твою страсть — там доступны прекрасные женщины. Конечно, поскольку все эти истории были написаны мужчинами, они говорили только о красивых женщинах. Теперь, я думаю, какая-нибудь эмансипированная женщина напишет несколько новых писаний; тогда в раю появится несколько красивых мужчин, красивых мужчин, которые всегда остаются молодыми, никогда не стареют и всегда любезны...

Ваши так называемые махатмы и святые — все они надеялись на то, что их ожидают прекрасные женщины; это только

вопрос нескольких дней. Просто помучай себя еще немного, и ты получишь еще лучшую женщину. Просто пойди и загляни в писания своей религии, и ты сможешь увидеть — это так ясно — эти проекции.

В индуистских небесах девушки никогда не становятся старше шестнадцати лет, потому что в Индии это считается лучшим возрастом. Проходят тысячи лет, но на небесах одни и те же красивые женщины остаются застрявшими в возрасте шестнадцати лет. Они не потеют; на небесах не нужно дезодорантов, не нужно парфюмерии, ничего не нужно! Их тела сделаны из золота. Я думаю, что если бы тебе пришлось писать писание сейчас, ты не написал бы, что их тела сделаны из золота, потому что они будут слишком тяжелые. Нести золотую женщину — можно получить сердечный приступ! Пластмассовая гораздо лучше — с моющимися поверхностями, с заменяемыми запчастями! Всего лишь несколько кнопок... нажми одну кнопку, и женщина улыбается, нажми другую, и женщина достигает оргазма, нажми третью... теперь это будет гораздо более научно. В прежние времена эти старые дураки не смогли придумать ничего лучшего — золотые тела! И если золото настоящее, это будет действительно трудно.

Но вы видите желание... Поэтому Будда говорит: Остерегайся! Ты можешь подавить здесь, но начнешь желать где-то еще. Страсть не оставит тебя так легко.

И ненависть: все ваши святые полны ненависти — ненависти к грешникам. Именно поэтому они создали ад; небеса для них, а ад — для людей, которые не следуют их религии. Если ты католик, ты отправишься на небеса — согласно католическим священникам. Для индуиста надежды нет. Сначала он должен стать католиком, тогда он может надеяться; иначе он обречен на ад. Спроси индуистов: они посмеются над самой этой идеей! Их писания древнее, их традиция дольше — их пропаганда дольше. Они думают, что никто, кроме индуистов, не попадет на небеса; и даже не все индуисты — там нет места для *шудр*, неприкасаемых.

Это ненависть! Это тот же прежний ум, тот же уродливый ум, играющий в новые игры — но ничего не изменилось.

Пятеро у дверей, чтобы отвергнуть... Вот эти пятеро. Будда говорит: Отвергни их. Будь наблюдателем, чтобы они тебя не поймали.

И еще пятеро... Эти пятеро очень очевидны, но есть еще пятеро, которые не столь очевидны, но они прячутся за спинами первых пятерых. Вот эти пятеро: первое, похоть к жизни... Легко отбросить похоть к женщине или мужчине, но очень трудно отбросить похоть к самой жизни. Каждый хочет жить, и жить как можно дольше.

Ты можешь спросить в Индии — йоги стараются изо всех сил и делают все, что только возможно. Что это такое? Почему они должны так заботиться о том, чтобы жить долго? И что изменится, если ты живешь долго?

Прежде чем умереть, Бернард Шоу оставил записку, которая была выгравирована на его надгробии. Вот что в ней говорится: «Я всегда знал, что если жить достаточно долго, в конце концов обязательно случится что-то подобное».

Живешь ли ты девяносто лет, сто лет или двести, какой в этом смысл? Придет смерть. Но похоть к жизни... Будда говорит, что обычные люди похотливо жаждут денег, власти, престижа, а так называемые святые жаждут жизни, долгой жизни. И йоги продолжают притворяться, что они старше чем они есть.

Я слышал:

Один йоги говорил людям, что ему семьсот лет, и все индусы кивали головами. Там был так же и один человек с Запада, турист, который не мог в это поверить. Человек выглядел не старше семидесяти — а он говорил, что ему семьсот! Невозможно! Он хотел это прояснить, и он остался.

Он увидел, что старому йоги прислуживает молодой; он его подкупил. В Индии так легко подкупить каждого! Фактически, никто на это не обижается; это абсолютно общепринято. Это индийский стиль жизни, с этим нет никаких проблем.

Молодой человек был очень доволен. Он сказал:

— Что ты хочешь?

— Я хочу узнать одну вещь, — ответил турист. — Твоему мастеру действительно семьсот лет? — потому что мне это можешь сказать только ты; ты был с ним.

— Да, — ответил тот, — я могу тебе сказать одно, и это все что я знаю. Я был с ним всего триста лет.

А молодому человеку было не больше тридцати!

И есть книги — теперь их переводят на языки всего мира — в которых говорится, что практика йоги продлевает жизнь. Если есть то-то и то-то и не есть того-то и того-то, если делать такую-то *асану*, сидеть в такой-то позе, твоя жизнь будет дольше. Если ты дышишь так а не иначе...

Будда говорит, что это та же самая похоть. Поэтому первая тонкая вещь это похоть к жизни.

И второе: жажда рождения в высших царствах. Даже если ты отбросишь это здесь: «Ладно, я не хочу долго жить здесь», — тогда появится глубокое желание родиться в более тонких планах, высших планах, бестелесных планах. Вы хотели бы быть ангелами. Остерегайтесь этих игр!

Третье: гордыня. Люди, которые добродетельны, очень высокомерны, не скромны. Фактически, может быть, они годами практиковали скромность, но их практика скромности дала им только нового рода гордыню, нового рода эго.

Четвертое: беспокойство. Эти люди беспокойны, они не расслаблены здесь-и-сейчас — не могут быть расслаблены. Все их надежды — на что-то другое, за пределами смерти, на небесах, в раю. Как они могут быть расслаблены здесь-и-сейчас?

Действительно духовный человек в абсолютном покое здесь-и-сейчас. Для него нет другого времени; его единственное время — сейчас, единственное место — здесь. Он предельно спокоен, он как дома. Он ничего не жаждет.

И пятое: само-невежество. Эти люди, продолжающие практиковать йогу... доступен тысяча и один метод. Ты можешь исказить свое тело всеми способами — ты можешь стать хорошим циркачом — но это не поможет тебе узнать, кто ты. А пока ты не знаешь: «Кто я?», все твое знание, культивируемая тобой добродетель и все твои практики тщетны — это просто упражнения в бесполезности.

И пятеро внутри, чтобы приветствовать. Кто эти пятеро? Вера... Помните, под верой Будда не подразумевает верование; под верой он подразумевает доверие, любящее доверие, доверие к существованию — не вера в теории, писания, догмы и кредо, но доверие к самому существованию, доверие — потому что это наш дом, и мы его часть. Если мы живем в сомнении, мы отсоединяем себя от самой жизни; если мы живем в доверии, постепенно создается мост между частью и целым. Только в доверии человек может познать, кто он такой и что такое целое; они

не различны. Росинка содержит весь океан; точно таким же образом, каждый человек содержит всего Бога.

Второе: бдительность. Человек должен быть очень бдительным. Бдительность это метод Будды; единственная йога, которой он учил, заключается в том, чтобы быть бдительным. Мы живем почти механически, подобно роботам. Привнеси бдительность в свои действия, в свои мысли, в свои чувства.

И третье: энергия. Мы продолжаем рассеивать энергию, растрачивая ее на глупости — ссоры, споры совершенно без причины. Сохраняй свою энергию, потому что пока ты не переполнен энергией, ты не сможешь совершить предельный прыжок. Предельный прыжок означает, что река впадает в океан, что река исчезает в океане и становится океаном. Если ты не полон энергии, ты не сможешь достичь океана; ты потеряешься где-то в пустыне.

И четвертое: медитация. Под «медитацией» он подразумевает, что ты постепенно становишься более и более молчаливым, и происходит сдвиг в не-ум, и мало-помалу гештальт перемещается от шума к молчанию.

И пятое: мудрость. Мудрость это не знание. Знание заимствовано, мудрость — твоя. Знание можно накопить в библиотеке; ты можешь держать в уме целую библиотеку. И все же ты останешься таким же невежественным, что и раньше; фактически, ты станешь гораздо более невежественным, чем раньше, потому что твой груз станет тяжелее. Мудрость приходит из твоего собственного сердца; это голос твоего собственного внутреннего существа. Это происходит в медитации: когда ты молчалив, ты начинаешь слушать тихий, негромкий голос внутри.

А когда пятеро позади, прикованные к берегу... Кто эти пятеро? Жадность, гнев, иллюзия, эго, ложные учения... Искатель называется охгатиноти — «тот, кто пересек».

Вот послание Будды искателям. Он говорит своим бодхисаттвам: идите и дайте это людям, которые готовы, людям, которые подготовлены, людям, которые хотят слушать, понимать, следовать пути.

Медитируйте на эти сутры — они для вас. Все, что говорит Будда, очень значительно. Это не обычная религия, это чистая религиозность.

На сегодня достаточно.

Глава 4

Опять промахнулся

Первый вопрос:

*Любимый Мастер,
Есть кое-что, что не можешь сделать даже ты. Ты не можешь вставить итальянца в ирландский анекдот. Это против дхармы.*

Дхарма Четана,
Это правда, опять промахнулся! Продолжай мне напоминать. Эти проклятые шутки так опасны! И я так люблю итальянцев, что пытаюсь найти им место, где только могу. Иногда это получается, иногда нет, но ты меня поймала.

Чтобы исправить запись, еще одна шутка:

Два джентльмена сидят в саду. Один англичанин, другой ирландец.

Ирландский джентльмен спрашивает английского:

— Если бы вы не были ирландцем, кем бы вы были?

— Конечно, англичанином, — отвечает тот. Затем он спрашивает англичанина:

— А если бы вы не были англичанином, что тогда?

— Мне было бы стыдно.

Но я запутался. Именно поэтому я прошу, чтобы все мои анекдоты для меня распечатывали. Этот не был распечатан. С Богом, истиной и религией нет проблем — я знаю их из собственного опыта. Но эти анекдоты!

Да, Четана, это против дхармы. И, надеюсь, что этого больше не случится.

Второй вопрос:

*Любимый Мастер,
Почему я не могу видеть собственные недостатки, хотя у меня поразительная способность видеть недостатки других, даже самые мелкие?*

Прагита,

Это вполне нормально. Это не что-то исключительное. Наши глаза сфокусированы на других; мы ориентированы на других. Мы видим только других, — и не только в смысле недостатков, — мы никогда не видим себя. Даже если мы и хотим видеть себя, нам придется посмотреть в зеркало, нам придется создать образ. Когда есть образ, появляется другой. Зеркало помогает нам видеть себя, потому что оно создает другого. Иначе мы абсолютно экстравертны; мы забыли язык внутреннего видения. Поэтому, как следствие, ты не можешь видеть свои недостатки; никто не может.

В то мгновение, когда ты начинаешь видеть свои недостатки, они опадают, как сухие листья. Тогда ничего больше не нужно делать; видеть их достаточно. Просто осознавать свои недостатки — вот все, что нужно. В этой осознанности они начинают исчезать, они испаряются. Человек может продолжать совершать определенную ошибку, только если остается неосознанным. Бессознательность абсолютно необходима, чтобы совершать одни и те же ошибки. Даже если ты пытаешься измениться, ты снова совершишь ту же ошибку в новой форме, в новом обличье. Они бывают всех форм и цветов. Ты обменяешь ошибку на новую, найдешь заменитель, но не сможешь ее отбросить, потому что глубоко внутри ты не видишь, что это недостаток. Может быть, тебе говорят это другие, потому что они видят.

Именно поэтому каждый считает себя таким красивым, разумным, добродетельным, святым — и никто с ним не соглашается! Причина проста: ты смотришь на других, ты видишь их реальность но относительно себя пребываешь в иллюзиях — красивых иллюзиях. Относительно себя ты полон фантазий. Все,

что ты знаешь о себе, это не более чем миф; он не имеет ничего общего в реальностью.

В то мгновение, когда человек видит собственные недостатки, начинается радикальная перемена. Именно поэтому все будды веками говорили только одно: осознанность. Они не учат вас характеру. Характеру учат священники, политики, но не будды. Будды учат вас сознанию — не совести. Совесть это трюк, который играют с тобой другие. Другие говорят тебе, что правильно, а что неправильно; они навязывают тебе идеи. Они продолжают их навязывать, начиная с самого детства, когда ты так невинен, так уязвим, так деликатен, что есть возможность привить, впечатать это в тебя. Они обусловили тебя с самого начала. Эта обусловленность называется совестью, и эта совесть продолжает направлять всю твою жизнь. Совесть это стратегия общества, направленная на то чтобы тебя поработить.

Будды учат сознанию. Сознание означает, что ты не учишься у других, что правильно, а что нет; нет необходимости ни у кого учиться. Ты просто должен идти вовнутрь; просто путешествия вовнутрь достаточно. Чем глубже ты идешь, тем больше высвобождается сознания. Когда ты достигаешь центра, ты настолько полон света, что темнота исчезает. Когда ты приносишь свет в свою комнату, тебе не приходится выталкивать из комнаты темноту. Присутствия света в комнате достаточно, потому что темнота это всего лишь отсутствие света. Такого же рода и все твоё безумие, ненормальность.

Но каждый может видеть недостатки других, поэтому не волнуйся об этом, Прагита. В такой же ситуации живет каждый.

Человек, переодетый Адольфом Гитлером, пришел к психиатру. — Как видите, — сказал он, — у меня нет проблем. У меня величайшая армия в мире, все деньги, которых я только могу пожелать, и вся возможная роскошь, которую только можно себе представить.

— В чем же тогда ваша проблема? — спросил доктор.

— В моей жене, — ответил он. — Она думает, что она миссис Джонс.

Не смейтесь над этим беднягой. Он не кто иной как каждый из вас.

Человек вошел в приемную портного и увидел человека, висящего в центре потолка на одной руке.

— Что он там делает? — спросил он портного. — О, не обращайтесь внимания, — сказал портной. — Он считает себя лампочкой.

— Но почему же вы не скажете ему, что он не лампочка? — вздрогнул посетитель.

— Что? — ответил портной. — Работать в темноте?

В то мгновение, когда ты узнаешь, что безумен, ты больше не безумен. Это единственный критерий нормальности. В то мгновение, когда ты узнаешь, что невежествен, ты становишься мудрым.

Дельфийский оракул объявил Сократа мудрейшим человеком на Земле. Люди поспешили к Сократу и сказали ему:

— Радуйся, наслаждайся: Дельфийский Оракул объявил тебя мудрейшим человеком в мире.

— Чепуха, — ответил Сократ. — Я знаю только одно: что я ничего не знаю.

Люди были озадачены и сбиты с толку. Они пришли обратно в храм и сказали Оракулу:

— Ты говоришь, что Сократ мудрейший человек в мире, но он сам это отрицает. Напротив, он говорит, что совершенно невежествен. Он говорит, что он знает только одно: что он ничего не знает.

Оракул рассмеялся и сказал:

— Именно поэтому я объявил его мудрейшим человеком в мире. Именно поэтому — именно потому, что он невежествен.

Невежественные люди считают себя мудрыми; смотреть наружу в человеческой природе. Мы наблюдаем всех и вся, кроме самих себя. Поэтому мы знаем о других больше, чем о самих себе; мы ничего не знаем о самих себе. Мы не свидетельствуем функционирование собственных умов, мы не наблюдательны внутри.

Тебе нужно совершить поворот на сто восемьдесят градусов — вот что такое медитация. Ты должен закрыть глаза и начать наблюдать. Поначалу ты найдешь только тьму и ничего больше. Многие пугаются и спешат наружу, потому что снаружи

светло. Да, снаружи светло, но этот свет не просветлит тебя, этот свет совершенно тебе не поможет. Тебе нужен внутренний свет, свет, источник которого находится в самом твоём существе, свет, который не может погасить даже смерть, свет, который вечен. И он у тебя есть, есть потенциал! Ты рождаешься с ним, но держишь его позади; ты никогда на него не смотришь.

И поскольку веками, многие жизни, ты смотрел наружу, это стало механической привычкой. Даже если ты спишь, ты продолжаешь видеть сны. Сны это отражение внешнего. Когда ты закрываешь глаза, ты начинаешь видеть дневные сны или думать; это снова означает, что тебя интересуют другие. Это стало такой хронической привычкой, что нет даже небольших интервалов, небольших окон в твоё существо, в которых ты мог бы увидеть, кто ты такой.

Поначалу это тяжёлая борьба, это тяжко, трудно — но не невозможно. Если ты решителен, если ты предан внутреннему исследованию, тогда рано или поздно это происходит. Тебе просто нужно продолжать копать, продолжать бороться с темнотой. Вскоре ты пройдёшь через темноту и войдёшь в царство света. И этот свет будет истинным светом, гораздо более подлинным, чем свет солнца или луны, потому что весь свет снаружи — временный; он есть только на время.

Даже солнце однажды умрет. Не только небольшие светильники однажды исчерпывают запас жизненных сил и умирают утром; даже солнце с его безмерным запасом умирает с каждым днем. Рано или поздно оно станет черной дырой; оно умрет, и от него не будет приходить никакого света. Как бы долго оно ни жило, оно не вечно. Внутренний свет вечен; у него нет ни начала, ни конца. Он созвучен Богу.

И я не заинтересован в том, чтобы предлагать вам отбросить недостатки, стать лучше, улучшить свой характер — нет, совсем нет. Я совершенно не заинтересован в вашем характере; я заинтересован только в вашем сознании.

Стань бдительным, более сознательным. Просто иди глубже и глубже в себя, пока не найдёшь центр своего существа. Ты живёшь на периферии, а на периферии всегда беспорядок. Чем глубже ты идёшь, тем более глубокое воцаряется молчание. И в этих опытах молчания, света, радости, твоя жизнь начинает двигаться в другое измерение. Ошибки, заблуждения начинают исчезать.

Поэтому не волнуйся об ошибках, заблуждениях и недостатках. Пусть тебя заботит одно, одно-единственное явление; вложи всю свою энергию в одну цель: стать более сознательным, стать более пробужденным. Если ты вложишь в это всю свою энергию, это произойдет, это неизбежно. Это твоё право от рождения.

Третий вопрос:

*Любимый Мастер,
Что имеешь в виду, когда называешь Сарджано большим
ртом?*

Нирмал,
Именно это: большой рот!

Я расскажу тебе вымышленную историю:

Я направлялся в Гималаи; меня сопровождала Радха. Среди ночи поезд остановился в джунглях, и весь поезд ограбили. Грабители пришли и в наш вагон.

Я им сказал:

— Не беспокойте нас. Берите что хотите.

И они унесли оба наших чемодана. Я беспокоился о Радхе: она может очень испугаться или очень расстроиться из-за потери своих вещей, но меня ждала неожиданность. Когда они ушли, она стала смеяться:

— Ха-ха! Ха-ха!

— В чем дело, Радха? В чем а-ну-дело?

— Я их провела! Я спасла твои часы за пятьдесят тысяч долларов, мой Ролекс, серьги, золотое кольцо с бриллиантами и все ценности.

— Но как это тебе удалось?

— Я положила все это в рот.

— Это меня очень огорчает, — сказал я.

— Почему?

— Если бы мы взяли с собой Сарджано, он спас бы оба чемодана! В следующий раз, когда мы поедem в Гималаи, нужно запомнить: Сарджано должен нас сопровождать.

Четвертый вопрос:

Любимый Мастер,

Значит ли это одна и то же, если носить малу или крест?

Жан,

Это не одно и то же — это полярные противоположности. Люди, которых интересует крест, патологичны. Их не интересует Христос, их интересует крест. Если бы их действительно интересовал Христос, их интересовал бы и Будда, Лао-цзы, Кришна, Кабир. Но их не интересует Христос, их интересует крест.

Поэтому я не называю христианство христианством; я называю его «крестианством». Если бы Иисус не был распят, не существовало бы того, что во всем мире известно как христианство. Этим людей больше интересует смерть; это болезненный интерес. Они заинтересованы в поклонении смерти. Иисус вторичен, крест переместился на первый план. Он привлек их внимание тем, что был распят, что страдал. Это люди, которых всегда интересует страдание, несчастье, смерть.

Мой интерес не в смерти, мой интерес — в жизни. Я люблю жизнь безусловно. Я праздную и смерть, потому что это часть жизни — не как смерть, но как часть жизни, как последний штрих, как крещендо, как высочайшее цветение жизни. Если ты правильно жил, твоя смерть будет красивым явлением. Но в основе, по сути я заинтересован в жизни.

Мала представляет жизнь, крест представляет смерть. Мала символизирует определенное искусство превратить жизнь в гирлянду. Бусины это мгновения. Каждая бусина должна быть совершенной; каждое мгновение должно быть прожито в его совершенстве. И через них пропущена невидимая нить, проходящая через каждую бусину; это нить вечности. Каждое мгновение пронзает вечность.

Пока твоя жизнь не знает, что такое вечность, твоя жизнь будет просто грудой бусин или грудой цветов, но не будет гирляндой, не будет малой. В ней не будет никакой внутренней гармонии — бусины останутся бессвязными. Они будут хаосом, а не космосом; не будет ни порядка, ни дисциплины. Но дисциплина должна быть невидимой, как нить.

Как человек приходит к познанию вечности? Единственный способ познать нить — идти вовнутрь бусин. Там, в самом центре бусины, ты найдешь проходящую нить. Идя глубоко в каждое мгновение, идя в него тотально, ты найдешь вечность. Каждое мгновение — часть вечной процессии, вечного празднования.

Мала символизирует время как бусины, нить как вечность — невидимую. В мале сто восемь бусин. Сто восемь бусин представляют сто восемь методов медитации; все методы медитации можно свести к ста восьми — сто восемь фундаментальных методов. Методов могут быть тысячи, с небольшими отличиями, с небольшой разницей — комбинации двух методов или нескольких частей одного или другого метода. Человек может создать сколько угодно методов, но фундаментальных методов — сто восемь.

В мале сто восемь бусин и медальон с изображением кого-то... никто не знает, кто это. Кто-то безымянный, кто-то, кто скорее никто чем кто-то; человек, который давно умер как отдельная сущность, который больше не существует как «я», но лишь как открытое пространство. Именно туда ты должен добраться, именно туда ты должен прибыть. Это твой предельный дом.

Мала это не крест. Христианство поклоняется смерти, и в этом его заблуждение. Оно утратило радость жизни, смех, чувство юмора. Оно потеряло связь с Иисусом. Оно поклоняется распятому Иисусу, но не способно поклоняться живому Иисусу.

А мое усилие здесь в том, чтобы помочь вам поклоняться жизни, жить так радостно, с таким юмором, чтобы ваша жизнь стала танцем. Я не хочу, чтобы вы становились печальными и серьезными — конечно, искренними, но не серьезными — никогда. Я хотел бы, чтобы вы глубже вошли в существование. Танцуйте с цветами! Беседуйте со звездами! Смотрите людям в глаза, любите и ничего не сдерживайте. Только недуховные люди сдерживаются, живут как скряги, живут только частично, фрагментарно, не интегрировано.

Не живите случайной жизнью; пусть сквозь нее будет пропущена невидимая нить. Санскритское название нити — *сутра*. Именно поэтому высказывания Будды, Патанджали, Кришны, Махавиры называются сутрами: это нити. Если ты их

понимаешь, твоя жизнь не остается просто грудой, случайной грудой. Ты не будешь просто бревном, плывущим по реке, отдавшимся на милость бессознательных сил. Твоя жизнь станет сознательным движением, твоя жизнь станет искусством. В ней будет чувство направления, и каждое действие будет соединено с другим действием жизни. Ты не будешь случайным. Если ты случаен, ты будешь только шумом; если ты не случаен, ты можешь стать музыкой.

Мала символизирует музыку, гармонию. Она показывает, что ты нашел сутру, нить, которая делает твою жизнь одним целым. Жизнь прекрасна, когда это одно целое; жизнь уродлива, когда она фрагментарна — когда ты только толпа, когда толпа все время борется у тебя внутри, когда все время продолжается гражданская война.

Конечно, крест очень повлиял на человечество, потому что миллионы людей находили в кресте смысл — потому что он подходит к их жизням. Они живут почти что на кресте: они живут в агонии, они никогда не чувствовали вкуса экстаза.

Не случайно послание Кришны не достигло миллионов. На днях я говорил, что Заратустра не достиг миллионов по той простой причине, что он любил жизнь. Иисус достиг миллионов людей не из-за себя самого, но из-за случайности в его жизни. Это произошло из-за евреев и римлян: если бы они его не распяли, если бы они его терпели, если бы он умер своей смертью, никто бы о нем ничего не услышал. Не было бы ни всех этих церквей, ни тысяч монахов и монахинь — они собрались вокруг креста. Крест стал важным, потому что он синхронизируется с чем-то в их жизнях. Их жизнь это страдание, и крест его олицетворяет. Они тоже на кресте. Их жизнь это агония, вся их жизнь — ад.

То что я говорю не будет привлекательно для многих. Это привлечет лишь немногих разумных людей, храбрецов, лишь немногих, которые действительно здоровы и целы. Это несчастье, но так было до сих пор.

Когда кто-то приходит и учит жизни, тебе он кажется очень далеким; кажется, между тобою и им не происходит никакого диалога. Он говорит о танце, а ты не умеешь даже ходить! Он говорит об экстазе, а ты не знаешь даже, что значит это слово.

Одна из моих саньясинок недавно приехала из Греции. Она сообщила мне, что в греческом языке слово «экстаз» — экс-

тазис — означает автобусную остановку! Кажется, в этом больше смысла. В каком-то смысле, это и есть автобусная остановка, фактически, последняя, конечная. Дальше идти некуда — последняя автобусная остановка. Ты слышишь слово «экстаз», звук до тебя доходит, но смысл упускается. Но когда ты слышишь слово «страдание», до тебя доходит не только звук, ты знаешь и смысл. Когда ты знаешь, что такое крест, ты полностью соглашаешься; с ним согласуется твоя жизнь.

Но твоя жизнь ошибочна. Твоя жизнь это еще не жизнь, ты еще не родился. Именно поэтому Иисус снова и снова повторяет: Пока вы не родитесь заново...

Все мое усилие здесь в том, чтобы дать вам новое рождение. Мала это не крест.

Пятый вопрос:

*Любимый Мастер,
Почему журналисты всегда пишут статьи против тебя?*

Сударшан,
Радуйся, что они всегда пишут; не волнуйся о том, что они пишут. Если они пишут, это значит, что здесь что-то происходит. И они могут писать только против, потому что чтобы написать что-то в нашу пользу, ты должен пережить на опыте то что здесь происходит; без опыта ты не можешь написать об этом положительный репортаж. Ты должен пробыть здесь несколько месяцев.

Они приходят только на один день, оглядываются по сторонам, видят медитирующих — но видя медитирующих, ты не видишь медитации. Они видят, что что-то происходит, и это что-то так ново для них, что не соответствует их представлениям об ашраме, монастыре. Поэтому, естественно, они обращаются против меня, они занимают противоположную позицию.

Если они индуисты, они обязательно будут абсолютно против — по той простой причине, что это не индуистский ашрам; он не соответствует их представлению об ашраме. Индуистский ашрам должен быть очень тупым и мертвым. А здесь столько танца, столько песни, столько радости и столько любви, что они шокированы. Здесь все так интенсивно.

Веками они создавали определенный идеал индуистского ашрама. Люди не должны быть активными; они поклоняются пассивности. Люди должны отречься от жизни — а мы здесь наслаждаемся жизнью. Как они могут писать о нас положительно? Им кажется, что я разрушаю весь их идеал. Им кажется, что веками они поклонялись определенному идеалу, а я его разрушаю. И в некотором смысле они правы.

Я хочу разрушить это глупое представление об ашраме: что он должен быть мертвым, люди не должны быть активными, люди должны быть тупыми, не творческими, против жизни, против любви, против всего, что пахнет радостью — они должны быть ходячими трупами!

В индуистском представлении о саньясе человек должен становиться саньясином только после семидесяти пяти лет. Это значит, — в Индии! — никто не может стать саньясином. Средний возраст — тридцать шесть лет, значит, что касается среднего человека, кажется, ни у кого никогда нет возможности стать саньясином. Семьдесят пять — тогда принимай саньясу; это четвертая стадия жизни, когда смерть стучится к тебе в двери, когда ты уже одной ногой в могиле — тогда ты должен стать саньясином.

А здесь вы видите молодых людей, таких молодых, что не можете поверить своим глазам. Почему эти люди стали саньясинами? Это не время для саньясы!

Я пытаюсь создать совершенно новую концепцию саньясы. Поскольку они против жизни... конечно, если ты против жизни, возраст семидесяти пяти лет кажется правильным. Поскольку жизнь тебя уже покинула, ты можешь отречься, по крайней мере, ты можешь наслаждаться идеей о том, что отрекся от жизни. Жизнь тебя уже покинула — какой теперь смысл в отречении? От чего ты отрекаешься? Вся эта идея глупа. Тогда почему бы не принимать саньясу, когда ты уже мертв? Лишь еще несколько дней, может быть, неделя. Зачем торопиться? Обожди еще немного!

В Индии, когда человек умирает, его покрывают оранжевой тканью. Не знаю, кого они хотят обмануть — покрывая мертвое тело одеждой саньясина. Неся тело к месту кремации, расппевают имя Бога. Не знаю, кто слушает эти песни — этого бедняги больше нет. Они просто обманывают самих себя.

Индуисты неизбежно должны быть против меня. Сюда приходят джайны, и они тоже неизбежно против меня — это не джайнский ашрам. Фактически, джайны всегда были против ашрамов; нет такой вещи как джайнский ашрам. Они хотят, чтобы саньясины были бродягами. Они очень боятся, что человек будет оставаться на одном и том же месте, он станет привязанным к этому месту; к дому, к окружающим людям. К тому же, они очень боятся жизни, поэтому лучше все время двигаться. Джайнский монах не должен оставаться на одном месте дольше трех дней; на четвертый день он должен уйти. Невозможны никакие привязанности, никакая дружба, никакие любовные романы; самое большее, у него есть знакомые. За три дня ты не можешь действительно сблизиться с людьми. В первый день ты приходишь, фактически, только один день ты остаешься в деревне, на третий день ты готовишься уйти. Это страх жизни! В моем представлении, саньясин должен быть бесстрашным.

Поэтому, когда сюда приходит джайнский монах, видя столько людей вместе в такой радости, в такой любви, в такой глубокой вовлеченности друг в друга, в такой близости, дружбе, любовном романе... В этих шести акрах, может быть, происходит больше, чем во всем мире! Фактически, иногда мне становится интересно, сколько любви может содержаться в шести акрах! Кажется, вместимость любви неограниченна.

Если кто-то приходит... если приходит христианин, он не может найти своего представления о монастыре. Есть христианские монастыри, куда не пускают женщин; тысячи лет туда не входила ни одна женщина. Не разрешается даже принести ребенка женского пола, двухмесячного ребенка. Что же за люди живут внутри — монахи или монстры? Они боятся двухмесячного ребенка. Что им может сделать бедный двухмесячный ребенок? Они боятся самих себя — они могут что-то сделать. Они кипят! Они совершают всевозможные извращения, они становятся извращенными. Если людям не позволить быть естественными, они становятся извращенными.

Все сексуальные извращения происходят из монастырей, помните это. Все они имеют религиозные истоки, они очень, очень духовные и святые. Истоки всех сексуальных извращений лежат где-то в религии. Только монахи живут в монастыре... долго ли, по-вашему, они могут избегать гомосексуализма? В женском монастыре живут только монахини; могут ли они не

стать лесбиянками? — этого невозможно избежать. Это естественно, что-то обязательно случится.

Поэтому, когда эти люди приходят сюда, они — кто-то. Очень трудно найти журналиста, у которого нет собственных предубеждений; он приходит со своими предрассудками. Это место совершенно новое, поэтому, естественно, они обижены, взбешены. Мои высказывания возмутительны — так и задумано. Для этих людей это электрошок. Они очень встревожены и хотят отомстить.

Помни одно: если ты пишешь репортаж о чем-то хорошем, это никогда не становится новостью. Никого не интересуют хорошие вещи; людей интересует что-то плохое, что-то сенсационное. Они всегда в поисках сенсации. А здесь можно найти достаточно сенсационных вещей, больше чем где-либо еще. Их не нужно изобретать — мы их обеспечим!

Отец Мерфи был священником в бедном приходе. Он провел опрос, как собрать деньги для церкви, и ему сказали, что у владельцев лошадей всегда есть деньги.

Он пошел на конный аукцион, но совершил очень плохую покупку, потому что его лошадь оказалась ослом.

Тем не менее, он подумал и решил выставить осла на скачках. Осел пришел третьим, и на следующее утро газеты пестрели заголовками: «Осел отца Мерфи вошел в тройку победителей¹».

Архиепископ прочитал газеты и очень рассердился.

На следующий день осел пришел первым, и в заголовках говорилось: «Осел Отца Мерфи вышел вперед²».

Архиепископ кусал локти, пытаясь сообразить, что предпринять. Отец Мерфи выставил осла в третий раз, и он пришел вторым. В газетах написали: «Осел отца Мерфи снова на месте³». Архиепископ решил, что это заходит слишком далеко, и запретил Отцу Мерфи выставлять осла на следующий день, что вдохновило редактора на следующий заголовок: «Архиепископ налагает запрет на осла Отца Мерфи⁴».

¹ Здесь и дальше игра слов: «Показалась задница Отца Мерфи»...

² ...У Отца Мерфи задница спереди.

³ ...Задница Отца Мерфи снова на месте.

⁴ ...Архиепископ чешет задницу Отцу Мерфи.

В конце концов архиепископ услышал об этом и приказал Отцу Мерфи избавиться от осла. Но он не смог его продать, поэтому он отдал его Сестре Агате. Узнав об этом, архиепископ приказал Сестре Агате немедленно избавиться от осла, и она продала его за десять долларов.

На следующий день в газетах было написано: «Сестра Агата продает своего осла за десять долларов⁵».

Не волнуйся о журналистах. Наслаждайся всем что они пишут и помоги найти еще больше, чтобы они продолжали писать. Сейчас меня гораздо более заботит, чтобы они продолжали писать, потому что, пишут ли они за или против меня, это привлекает ко мне больше и больше людей. А если человек сюда пришел, бежать очень трудно! Поэтому я абсолютно благодарен журналистам, что бы они ни делали. Они проводят такую гуманитарную работу и оказывают мне такую услугу!

Поэтому, когда они сюда приходят, не становись в боксерскую стойку. Помогай им как только можешь.

Шестой вопрос:

Любимый Мастер,

Я сижу молча, ничего не делаю, и вокруг меня растут сорняки.

Родерик,

Сорняки божественны. Не называй их сорняками. Они так же духовны, как и будды. Они настолько же соучаствуют в Боге, что и розы. Удали их с Земли — будет ли какая-нибудь разница между сорняками и розами? Все разделения сфабрикованы умом.

На самом деле ты не сидишь в молчании; иначе кто тебе сказал, что растут сорняки? Твой ум по-прежнему функционирует, нашептывает тебе на ухо. Это твой ум! Если ты действительно молчишь, ума нет — тогда, растут ли сорняки или розы, для тебя это одно и то же. Какая разница? Разве ты не можешь наслаждаться сорняками? Они прекрасный народ! Смотри, как сорняки раскачиваются, танцуют на ветру, на солнце... Чего, по твоему, им недостает, чем розы лучше? Ничем не лучше. Это

⁵ ...Сестра Агата продает свою задницу за десять долларов.

только идея, а идеи меняются. Возможно, однажды розы выйдут из моды, а сорняки станут «писком».

Сто лет назад никто не думал, что люди полюбят кактусы, но теперь кактусы вошли в моду, а розы вышли из моды. Говорить о розах считается старомодным, ортодоксальным, традиционным; говорить о кактусах авангардно, это показывает, что ты современен и идешь в ногу со временем. Люди держат кактусы в спальнях — опасные, ядовитые кактусы, которые могут тебя убить! Но они вошли в моду, а когда что-то входит в моду, всегда находится множество дураков, которые этим восхищаются.

Люди просто продолжают следовать всему, что вводят в моду немногочисленные хитрые и умные люди. Лишь сто лет назад никому бы не понравились картины Пикассо, а теперь Пикассо величайший художник — не только этого века, но и всей истории. Что случилось? Просто изменилась мода. Люди устали от чего-то одного; теперь они перешли в другую крайность.

Родерик, в сорняках нет ничего плохого! Ни в чем нет ничего плохого. Идея о правильном и неправильном показывает вмешательство ума. Ты не сидишь в молчании, ничего не делаешь. Ты дискриминируешь, а это действие. Ты вешаешь ярлыки, а это мышление. Ты судишь.

Отбрось все суждение, все ярлыки, всю дискриминацию... просто наблюдай растущие сорняки. Ну и что? — пусть растут! Когда у тебя вообще нет ума, ты тоже сорняк; если вокруг тебя растут сорняки, ничего удивительного — сорняки окружают сорняк! Наслаждайся!

Однажды король попросил мастера дзен — этот мастер был великим художником — написать бамбук. Мастер сказал:

— На это потребуется время.

— Сколько? — спросил король.

— Трудно сказать, — ответил мастер, — но по меньшей мере, два или три года.

— Ты что, сумасшедший? — сказал король. — Ты один из величайших художников. Я думал, что ты можешь сделать это прямо сейчас!

— Это не проблема, нарисовать бамбук не проблема — но сначала я должен быть бамбуком; иначе как мне узнать, что та-

кое бамбук? Я хочу знать бамбук изнутри! Поэтому я пойду жить в бамбуковую рощу. Никто не знает, сколько на это потребуется времени. Пока я не узнаю бамбук изнутри, я не смогу его написать. Я практиковал это всю жизнь: я пишу только то, что познал из его глубочайшего ядра.

— Хорошо, — сказал король. — Я обожду.

Прошел год. Он послал людей узнать, что происходит, жив ли этот человек. Они вернулись и сказали:

— Этот человек жив, но мы не думаем, что он по-прежнему человек — он бамбук! Он раскачивается с бамбуком на ветру. Мы прошли мимо; он не обратил на нас ни малейшего внимания. Мы сказали: «Здравствуй!» Он не услышал. Мы хотели с ним поговорить. Мы посмотрели ему в глаза — они были так пусты, что мы испугались; либо он сошел с ума, либо что-то произошло. Он способен на все, поэтому мы бежали. Он может нас убить, кто знает? — он может наброситься на нас! Он больше не тот же самый человек.

Король пошел посмотреть сам, и мастер раскачивался на ветру, на солнце. Король спросил:

— Господин, что с картиной?

Он не ответил.

Через три года он появился при дворе и сказал:

— Теперь принесите холст и краски. Я готов. Почему вы снова и снова беспокоили меня? Если бы меня не беспокоили, я пришел бы немного раньше. Эти дураки из числа твоих придворных говорили мне: «Здравствуй!» Здороваешься ли ты с бамбуком? Они потревожили весь процесс. Мне потребовались месяцы, чтобы снова вернуться в бытие бамбука и забыть, что я человек. Тогда пришел ты и сказал: «Господин». Разве так обращаются к бамбуку? «Когда ты собираешься писать картину?» Слышал ли кто-нибудь о том, чтобы бамбук писал картину? Ты дурак, и тебя окружают дураки! Я же говорил тебе, что приду, когда буду готов.

Принесли холст, кисти и краски, и он нарисовал бамбук за секунды. И говорят, король заплакал от радости. Он никогда не видел такой картины: она была такая живая! Это была не обычная картина. Она не была нарисована снаружи, она была изнутри бамбука — как будто бамбук не был нарисован, но вырос на холсте.

Родерик, сиди в молчании и ничего не делай, и пусть вещи происходят — что бы ни происходило. Если растут сорняки, пусть растут. Они имеют такое же право расти, что и ты. И если ты позволяешь все без всякого суждения, если ты не судишь, ты вырастешь к таким вершинам радости и благословения, которые сейчас не можешь себе даже представить.

Седьмой вопрос:

Любимый Мастер,
То, что ты говоришь об итальянцах, ужасно. Конечно, это правда, но все равно это ужасно.

Ади,
Я знаю, что это ужасно, что я могу сделать? Я люблю итальянцев, и мне хочется говорить о них как можно больше. Они прекрасный народ. Я бью только когда люблю. Не волнуйся о тех, кого я бью. Например, я еще не бил голландцев. Я жду — когда я наберусь достаточно любви к ним, я начну бить и их! Это мой способ выразить любовь и излить любовь.

Почему итальянцы не верят в реинкарнацию?
Посмотри на это под таким углом: кто захотел бы вернуться к жизни в качестве итальянца?

Женщина с ребенком на руках сидела в зале ожидания на вокзале в Италии, горько рыдая. К ней подошел портер и спросил, что случилось.

— О боже мой, — закричала она, — здесь были какие-то люди, и они были очень грубы со мной и моим сыном. Я так расстроена — они сказали, что он уродлив!

— Ничего, ничего, дорогуша, — сказал он. — Не беспокойтесь об этом. Вот что я вам скажу — хотите хорошенькую чашку чаю?

— Вы очень добры, — сказала она, вытирая глаза. — Это было бы очень приятно.

— А пока я его готовлю, — сказал он, — хотите банан для вашей обезьяны?

Итальянец вошел в бар, с человечком на плече одного фута ростом. Бармен, невзирая на шок, принес заказанное виски с содовой. Не успел парень отпить глоток, как маленький парень вышиб стакан из его руки. Он заказал еще один, и снова маленький парень сбросил его на пол. Эта сцена повторилась несколько раз.

В конце концов бармен не мог больше сдерживаться. — Что происходит? — спросил он.

— Это долгая история, — ответил итальянец. — Но много лет назад в я был Египте, и я нашел волшебную лампу. Я потерял ее, и появилась джиния, и предложила мне исполнить три желания. Сначала я пожелал миллион долларов. Затем я пожелал вечной жизни.

— Звучит великолепно, — сказал бармен. — Что же было третьим желанием?

— Я пожелал член длиной в двенадцать дюймов.

Дошло? Помни, если ты столкнешься с джинией, никогда не загадывай третье желание. Посмотри в словаре и найди значение слова «член».

Последний вопрос:

Любимый Мастер,
Я чувствую шок, когда ты используешь слово «fuck». Что делать?

Саргамо,
Это одно из самых прекрасных слов. Английский язык должен им гордиться. Не думаю, что в каком-либо другом языке есть такое красивое слово.

Один Том из Калифорнии провел великое исследование в этом направлении. Думаю, это был знаменитый Том, который известен как Том, Дик и Гарри.

Он говорит:

Одно из самых интересных слов в английском языке сегодня это слово *fuck*. Это волшебное слово: одним своим звуком оно может описать боль, удовольствие, ненависть и любовь. Оно подпадает под множество языковых грамматических категорий. Его можно

употребить как глагол, — как переходный: *John fucked Mary*, так и не переходный: *Mary was fucked by John*, — а также как существительное: *Mary was a fine fuck*. Кроме того, оно может быть использовано как прилагательное: *Mary is fucking beautiful*. Как видите, мало слов такой многогранности, как *fuck*.

Кроме сексуального значения, оно употребляется в следующих смыслах:

Мошенничество: *I got fucked at the used car a lot.*

Невежество: *Fucked if I know.*

Проблемы: *I guess I am fucked now!*

Агрессия: *Fuck you!*

Неудовольствие: *What the fuck is going on here?*

Затруднение: *I can't understand this fucking job.*

Некомпетентность: *He is a fuck-off.*

Подозрение: *What the fuck are you doing?*

Наслаждение: *I had a fucking good time.*

Просьба: *Get the fuck out of here!*

Враждебность: *I am going to your fucking head off!*

Приветствие: *How the fuck are you?*

Апатия: *Who gives a fuck?*

Усовершенствование: *Get a bigger fucking hammer.*

Удивление: *Fuck! You scared the shit out of me!*

Тревога: *Today is really fucked.*

К тому же, оно очень полезно для здоровья. Если каждое утро делать это как Трансцендентальную Медитацию — утром, когда встаешь, первым делом повтори мантру «Fuck You!» пять раз — это прочищает горло. Именно благодаря этому у меня никогда не садится горло!

На сегодня достаточно.

Глава 5

Как сладко быть свободным

Искатель!
Не будь безрассуден.
Постоянно медитируй,
Или тебе придется глотать огонь
И просить пощады.

Если ты не мудр,
Как ты можешь быть тверд в уме?
Если ты не можешь себя успокоить,
Чему ты когда-либо научишься?

Как ты станешь свободным?

Со спокойным умом
Приди в пустой дом своего сердца,
И почувствуй радость пути
За пределами мира.

Смотри вовнутрь —
Подъем и падение.
Какое счастье!
Как сладко быть свободным!

Это начало жизни,
Мастерства и терпения,
Добрых друзей на пути,
Чистой и активной жизни.

Так живи в любви.
Делай свою работу.
Положи конец своему отчаянию.

Посмотри, как жасмин
Отпускает и роняет
Свои увядшие лепестки.

Урони волю и ненависть.

Спокоен ли ты?
Успокой тело.
Успокой ум.

Ты ничего не хочешь.
Твои слова тихи.
Ты тих.

Собственными усилиями
Пробуди себя, наблюдай себя.
И живи радостно.

Ты — мастер,
Ты — приют.
Как торговец объезжает хорошую лошадь,
Овладей собой.
Как радостно ты следуешь
Словам пробужденного.

Как спокойно, как уверенно
Ты приближаешься к счастливой стране,
К сердцу молчания.

Как бы он ни был юн,
Искатель, утверждающийся на пути
Ярко сияет над миром.

Как луна
Выйди из-за облаков!
Сияй.

Шотландский рыбак умирает, добирается до небес, и ворот его останавливает Святой Петр со словами:
— Ты слишком много лгал, чтобы сюда попасть!
— Помилосердствуй, — отвечает шотландец. — Вспомни, ведь ты сам начинал рыбаком.

Гаутама Будда напоминает своим бодхисаттвам, что, может быть, сейчас они совершенно забыли путь, самое начало пути, который прошли сами. Кто помнит сны утром, после пробуждения? Через несколько секунд эти сны забыты.

То же самое происходит, когда ты становишься просветленным: все страдание, все кошмары, все отчаяние, от которого ты столько страдал, просто становится таким незначительным, таким неуместным, что просто исчезает из твоего сознания. Это больше не часть твоей жизненной истории — как будто все это случилось с кем-то другим, не с тобой. Поэтому Будда напоминает своим бодхисаттвам, как началось путешествие; лишь помня самое начало, смогут эти люди помочь другим.

Первое, что он говорит: Не забывай говорить только с искателями. Многие задают вопросы, не становясь искателями, многие любопытны, но не ищут. Любопытный человек немного инфантилен. Каждый ребенок любопытен — любопытен обо всем и вся, любопытен о тысячах и одной вещи, но на самом деле не заинтересован в том, чтобы их узнать. Он задает один вопрос; не успеваешь ты ему ответить, как он начинает спрашивать что-то другое. Он совершенно не слушает твой ответ, ему больше не интересно; это преходящее явление. Просто что-то привлекло его внимание; он увидел цветок и спросил о нем, затем услышал шум самолета и стал спрашивать о самолетах, затем его взгляд падает на что-то еще...

Искатель значит тот, для кого поиск не просто дело любопытства, не детское явление, но зрелое исследование, для кого поиск стал вопросом жизни и смерти. Пока истина не становится вопросом жизни и смерти, ты не искатель.

Будда говорит своим бодхисаттвам, своим апостолам: Говорите только с искателями, обращайтесь только к искателям. Не тратьте время понапрасну на инфантильных людей, которым любопытно все и вся. Их вопросы могут казаться великими, но они не вкладывают сердце в эти вопросы. Они спрашивают просто чтобы спросить; они не заинтересованы в том, чтобы найти

ответ, они не готовы ничем рискнуть. Если они могут получить ответ бесплатно, может быть, они будут готовы выслушать; но они не готовы платить. А настоящие вопросы жизни не могут быть разрешены так дешево. Ты должен платить, и платить всем своим существом. Ты должен вовлечься; нужна преданность.

Каждый может спрашивать о Боге, но очень немногие люди готовы чем-то рискнуть, пойти в неизвестное, двинуться в приключение — а приключение Бога величайшее из всех приключений. И оно требует многого; оно очень требовательно — оно требует тотальной преданности. Оно не допустит никаких других увлечений. Оно не может быть одним из многих увлечений; оно должно быть первым и единственным. Лишь тогда есть надежда, что однажды ты можешь найти ответ, который тебя освободит. Поэтому он говорит:

Искатель!

Не будь безрассуден.

Первое, чему нужно научить этих людей, искателей — не быть безрассудными. Люди живут очень безрассудно, люди живут очень случайно. В их жизнях нет никакого чувства направления. Они не знают, куда идут, откуда приходят, почему делают определенные вещи. Может быть, это делают другие, и они подражают, но подражатели — не искатели. Может быть, другие ходят в церковь или храм, и они делают то же самое. Они на самом деле не люди, а овцы.

Искатель должен быть львом. Он должен научиться быть свободным от психологии толпы, от плебейского ума. Он должен научиться путям индивидуальности, независимости. Он должен думать, что он делает и зачем. Он не должен быть просто жертвой естественных жизненных сил; у него должно быть определенное чувство направления. Лишь тогда есть возможность достижения, возвращения домой, возможность к чему-то прийти, достичь удовлетворенности, состояться, расцвести, принести плоды. Иначе жизнь останется бессмысленной; это просто нагромождение бессвязных событий.

Не будь безрассуден. Первое: Не будь просто любопытен. Второе: Не будь безрассуден.

Нью-Йорк был переполнен по случаю конвенции. Каждая гостиница и каждый дом были забиты до отказа. Филлипс устал — ему просто нужно было найти место для ночлега.

— Подойдет что угодно, — сказал он служащему гостиницы.

— Я могу устроить вас на кушетке в холле, — ответил служащий. — Но в противоположном углу еще одна женщина. Если вы не будете шуметь, она вас не побеспокоит.

— Ладно, — сказал Филлипс. Он вошел в холл, но через пять минут снова подбежал к служащему.

— Эй! — крикнул он. — Да она же мертвая!

— Я знаю, — был ответ, — но как *вы* узнали?

Все любопытны совершенно без причины — это было не его дело. Даже он не смог бы ответить, почему — какой-то бессознательный инстинкт, может быть, биология, может быть, химия, но не его сознание.

Кто или что определяет твою жизнь? — биология, химия, психология, гормоны? Кто определяет твою жизнь? Ты? — сознательное ли ты существо?

Пьяный вошел в бар в Глазго и спросил:

— Был ли я здесь вчера вечером?

— Да, — ответила девушка за стойкой.

— И много денег потратил?

— Около тридцати фунтов.

— Слава Богу — я думал, я их потерял!

Ангус прилепился домой, проведя ночь с друзьями по рыбалке, и наткнулся на пугало с распростертыми руками.

— Нет, Джимми, — сказал он, — я тебе не верю. Сом не может быть таких размеров.

Несколько шотландских солдат предстало перед трибуналом по обвинению в разгроме бара, и одного из них попросили объяснить, с чего все началось.

— Значит так, сэр, — сказал он, — рядовой Мак-Спорран сказал, что рядовой Мак-Дугалл врет, и рядовой Патерсон стукнул его стулом по башке. Рядовой Фрэйзер вытащил свой кортик и отрезал кусок ноги у рядового Мак-Дугалла. Два или три товарища рядового Мак-Дугалла набросились на рядового Фрэйзе-

ра, а два или три других стали разбрасывать вокруг стаканы и столы. И тут — слово за слово — началась драка!

Будда говорит: *Искатель! Не будь безрассуден.*

Постоянно медитируй.

Или тебе придется глотать огонь

И просить пощады.

Постоянно медитируй. Человек, который действительно ищет, не будет довольствоваться философскими ответами, полученными от других; он захочет узнать сам. Он не будет интересоваться философией, он будет интересоваться религией. В этом разница между философией и религией. Философия жонглирует словами, запутывает волосы, бесконечно спорит об абстрактных идеях, ни к чему не приходя. Религия же больше похожа на науку: она экспериментирует, она делает ударение на опыте. Наука это религия объективного мира; религия это наука субъективного мира.

Философия однажды умрет; она уже на смертном одре. Ты можешь пойти в университет и посмотреть: с каждым годом в отделение философии приходит все меньше и меньше людей. Многие отделения философии пусты, из них все ушли. Люди идут в науку или религию. Те, кто заинтересован в том, чтобы познать истину о мире, занимаются научными исследованиями, физикой, математикой, биологией. Люди, которых интересует собственный внутренний мир, собственная субъективность, собственное сознание, движутся в религию, подходят ближе и ближе к религии.

Религия это наука внутреннего. Философия — ни то, ни другое: она не является ни наукой внешнего, ни наукой внутреннего; она в промежутке. Она только думает; она думает обо всем — о науке, о религии, — но только думает. А если только думать, ни чего не произойдет. Ты можешь придумать умные ответы, но они не решат реальных проблем; проблемы реальны, а ответы всего лишь абстрактны. Реальные проблемы могут быть разрешены только реальными ответами.

Поэтому Будда говорит: Искателя можно убедить медитировать — только искателя можно убедить медитировать. Медитация означает, что ты начинаешь изменять свой внутренний

мир. Ты начинаешь удалять пыль с внутреннего мира, ты начинаешь удалять из внутреннего мира все то, что в нем ненужно. Ты выбрасываешь весь мусор, весь сор, который тебя наполняет. Медитация означает опустошение себя от всего, вложенного обществом, чтобы создать ясное, чистое видение, чтобы приобрести зеркальное качество. Когда на зеркале нет пыли, оно отражает реальность; так же и с медитацией.

Медитация означает: сделать свое сознание подобным зеркалу. Мысли подобны пыли, их необходимо удалить. Все мысли состоят из содержимого ума: желаний амбиций, воспоминаний, фантазий, снов... все умствование это различные формы мыслей, разные виды, разные слои пыли. И слой пыли такой толстый, что зеркало вообще не работает — поэтому тебе приходится спрашивать других. Как только пыль удалена, тебе не нужно никого спрашивать, ты можешь видеть сам. Существование дало тебе волшебное зеркало — и оно у тебя внутри.

Я слышал прекрасную притчу; наверное, это притча, это не могло быть историческим событием:

Когда Александр Великий пришел в Индию, он собрал множество ценных сокровищ. Перед самым уходом он встретил факира, голого факира. Он спросил его:

— Видишь мои сокровища? Видел ли ты когда-нибудь, чтобы у кого-нибудь было столько сокровищ?

— Все твои сокровища ничто, — ответил факир, — но я могу дать тебе одну вещь, которая сделает тебя действительно богатым.

Александр не мог себе представить, что ему может дать голый факир. В чаше для подаяния у него было маленькое зеркало. Он передал зеркало Александру.

— Это зеркало сделает меня богатейшим человеком в мире? Наверное, ты сумасшедший!

— Сначала посмотри в зеркало.

Александр посмотрел в зеркало: оно не показало его лицо — оно показало его внутреннее существо, его внутреннее пространство, его субъективность. Его существо отразилось в зеркале.

Он коснулся ног факира и сказал:

— Ты прав — все мои сокровища ничто в сравнении с этим зеркалом.

И говорят, это зеркало всегда было при нем.

Эта притча красива. Это зеркало символизирует медитацию. Наверное, факир дал ему какую-то медитацию, потому что лишь медитация может позволить тебе осознать, кто ты такой.

Но Будда говорит, что медитация должна стать постоянной. Будда привносит в мир совершенно новую версию медитации. До Будды медитация была делом, которым нужно заниматься раз или два в день, час утром, час вечером, вот и все. Будда дает совершенно новое толкование всему процессу медитации. Он говорит: Такой вид медитации, которой ты занимаешься час утром и вечером, или пять раз в день, не имеет большой ценности. Медитация не может быть чем-то таким, что ты делаешь отдельно от жизни всего час или пятнадцать минут. Медитация должна стать чем-то синонимичным самой твоей жизни; она должна быть как дыхание. Ты не можешь дышать час утром и час вечером, потому что тогда вечер никогда не придет. Она должна стать как дыхание: даже когда ты спишь, дыхание продолжается. Ты можешь впасть в кому, но дыхание продолжается.

Будда говорит, что медитация должна стать постоянным явлением; лишь тогда она трансформирует тебя. И он разработал новую технику медитации.

Его величайшим даром миру была випассана; ни один другой учитель не приносил миру таких великих даров. Иисус прекрасен, Махавира прекрасен, Лао-цзы прекрасен, Заратустра прекрасен, но их вклад ничто в сравнении с вкладом Будды. Вклад Будды больше вкладов их всех вместе взятых, потому что его метод так научен — простой, и все же такой мощный, что если ты однажды сонастраиваешься с ним, он становится в твоей жизни постоянным фактором.

Тогда тебе не нужно ничего делать; что-то делать нужно только в самом начале. Как только ты усвоил этот навык, он остается с тобой; не нужно ничего делать. Тогда, что бы ты ни делал, это остается с тобой. Это становится основой твоей жизни, фоном твоей жизни. Ты идешь, но идешь медитативно. Ты ешь, но ешь медитативно. Ты спишь, но спишь медитативно. Помни, даже качество сна медитирующего совершенно другое, нежели чем качество сна немедитирующего человека. Все становится другим, потому что появился новый фактор, который переменяет весь гештальт.

Випассана просто означает наблюдать дыхание, смотреть на дыхание. Это не *йогическая пранаяма*: это не приведение дыхания в определенный ритм — глубокое дыхание, быстрое дыхание. Нет, она совершенно не меняет дыхания; она не имеет ничего общего с дыханием. Дыхание должно быть использовано только как средство, чтобы наблюдение стало в тебе постоянным явлением. Ты просто наблюдаешь его, и это самое тонкое явление. Если ты можешь наблюдать свое дыхание, тогда тебе будет легко наблюдать мысли.

Вот один из величайших вкладов Будды: открытие связи между дыханием и мыслями. Он был первым во всей истории человечества, кто сделал абсолютно ясным, что дыхание и мышление глубоко взаимосвязаны. Дыхание это телесная часть мышления, а мышление — психологическая часть дыхания. Они не отдельные, это две стороны одной монеты. Он был первым человеком, который говорил о телоуме как об одном целом. Он первым стал говорить о человеке как о психосоматическом явлении. Он не говорит о теле и уме, он говорит о телоуме. Они не два, поэтому не нужно соединять их никаким «и». Они уже едины — телоум — не нужно даже дефиса; телоум это единое явление. Каждый телесный процесс соучаствует в психологии и наоборот.

Ты можешь это наблюдать, ты можешь провести эксперимент. Просто останови дыхание на мгновение, и ты будешь удивлен: в то мгновение, когда ты останавливаешь дыхание, прекращается и мышление. Или можно наблюдать другое: когда мышление очень быстро, меняется и дыхание. Например, если ты полон сексуальной похоти, и мышление становится слишком горячим, изменится и дыхание: оно не будет ритмичным, оно потеряет ритм. Оно станет более хаотичным, неритмичным.

В гневе твое дыхание меняется, потому что изменилось мышление. В любви дыхание меняется, потому что изменилось мышление. Когда ты в мире, расслаблении, дома, у дыхания другой ритм. Когда ты беспокоен, встревожен, в беспорядке, в боли, ритм дыхания другой. Просто наблюдая дыхание можно определить, в каком состоянии пребывает ум.

Медитирующие приходят к определенной точке: когда мышление прекращается, прекращается и дыхание. И тогда возникает великий страх — не бойся. Многие медитирующие мне сообщали: «Мы очень боимся, нам очень страшно, потому что

мы осознали, что дыхание останавливается». Естественно, человек думает, что когда останавливается дыхание, смерть близка. Это дело только нескольких секунд — ты умираешь. Дыхание останавливается в смерти; дыхание останавливается также и в медитации. Поэтому у глубокой медитации и смерти есть нечто общее: а обоих состояниях дыхание останавливается. Поэтому человек, познавший медитацию, познает и смерть. Именно поэтому медитирующий освобождается от страха смерти: он знает, что дыхание может остановиться, но он по-прежнему существует.

Дыхание это не жизнь; жизнь это нечто гораздо большее. Дыхание это просто связь с телом. Связь может быть перерезана; это не значит, что закончилась жизнь. Жизнь по-прежнему сохраняется; жизнь не кончается с прекращением дыхания.

Будда говорит: Наблюдай дыхание; пусть оно остается нормальным, как обычно. Сидячая поза тоже поможет; поза Будды, поза лотоса очень поможет. Когда у тебя прямая спина, и ты сидишь в позе лотоса, со скрещенными ногами, твой позвоночник прямо соответствует силам гравитации, и тело находится в наилучшем положении для расслабления. Пусть позвоночник будет прямым, а тело расслабленным, висющим на позвоночнике — не напряженным. Тело должно быть свободным, расслабленным, позвоночник — выпрямленным, чтобы гравитация имела на тебя наименьшее воздействие.

Ты не наблюдал? Если ты хочешь заснуть, ты ложишься по той простой причине, что лежа горизонтально на земле ты максимально соприкасаешься с силами гравитации, потому что гравитационное притяжение работает во всем теле, притягивает тебя к земле. Ты немедленно засыпаешь. Трудно спать стоя. Труднее всего заснуть в позе лотоса. Тело так расслаблено, что нет необходимости засыпать, и гравитационные силы сведены к минимуму; поэтому они не тянут тебя вниз; они не могут сделать тебя тяжелым, тупым и заставить впасть в летаргию. Ты яркий и полный жизни. В позе лотоса ты разумнее чем в какой-либо другой позе. Тело воздействует на ум.

Ученые с этим соглашаются: только потому что некоторые обезьяны каким-то образом... они не смогли найти причину, по которой это произошло, но обезьяны есть обезьяны — может быть, из любопытства некоторые обезьяны встали на две ноги и стали первобытными людьми; они были зачинателями. Это было

великим нововведением; ничто другое не может с ним сравниться. Некоторые обезьяны встали прямо на две ноги и тем самым произвели великую революцию; революция эта заключалась в росте ума. Прямая поза тела помогла уму выйти из сна. Он стал более разумным, более бдительным, более сознательным.

Другие животные, которые перемещаются на четырех ногах, не смогли развить такого разума, хотя умы многих из них имеют почти такой же потенциал, что и человеческий ум. Например, ум слона умеет такой же потенциал, что и ум человека, но он его не развивал, и не думаю, что когда-нибудь разовьет. В цирке слона пытаются научить сидеть в кресле или даже несколько секунд стоять на двух ногах, но тело слона такое тяжелое, что ему не удастся стоять на двух ногах долго. Поэтому мозг остается затуманенным; гравитационное притяжение удерживает его в бессознательном состоянии.

Поэтому поза лотоса это нечто ценное. Это не просто телесное явление; она воздействует на ум, она изменяет ум. Сядь в позу лотоса — вся суть в том, что спина должна быть ровной, позвоночник прямым и точно под углом девяносто градусов к земле. Именно в этой точке ты можешь быть наиболее разумным и бдительным, наименее спящим.

И тогда наблюдай дыхание, естественное дыхание. Не нужно дышать глубоко, не меняй дыхание; просто наблюдай его таким, как оно есть. Но тебя удивит одно: в то мгновение, когда ты начинаешь его наблюдать, оно меняется — потому что даже сам факт наблюдения это перемена, и дыхание не может оставаться прежним.

Малейшие перемены в твоём сознании тотчас же отражаются на дыхании. Ты сможешь это увидеть; когда ты наблюдаешь, ты сможешь увидеть, что дыхание становится немного глубже. Если оно становится глубже само собой, все в порядке, но ты ничего не должен с ним делать по своей воле. Наблюдай дыхание, и мало-помалу ты будешь удивлен тем, что когда твоё дыхание становится ровнее и спокойнее, ум тоже становится ровнее и спокойнее. Наблюдение за дыханием сделает тебя способным наблюдать и ум.

Это только начало, первая часть медитации, физическая часть. Вторая часть — психологическая. Тогда ты можешь наблюдать более тонкие вещи у себя в уме — мысли, желания, воспоминания.

По мере того как движешься глубже в наблюдение, начинает происходить чудо: чем более ты наблюдаешь, тем меньше транспорта в уме, тем больше тишины, молчания; больше и больше молчаливых пространств, больше и больше промежутков и интервалов. Мгновения проходят, а ты не встречаешь ни единой мысли. Мало-помалу, мгновения становятся минутами, минуты — часами...

И тогда вступает в действие определенная арифметика: если ты можешь оставаться абсолютно пустым сорок восемь минут, в этот день ты станешь просветленным, в это мгновение ты станешь просветленным. Но вопрос не в твоём усилии; не смотри на часы, потому что каждый раз, когда ты смотришь на часы, это мысль. Ты должен снова начать считать с начала; ты снова оказываешься в нулевой точке. Нет необходимости наблюдать время.

Но на Востоке это было опытом всех великих медитирующих: сорок восемь минут кажутся предельной точкой. Если такой промежуток возможен, если на такой промежуток времени мышление останавливается, и ты остаешься бдительным, без единой мысли в уме, ты способен воспринять Бога внутри. Ты стал хозяином, и тотчас же приходит гость.

*Если ты не мудр,
Как ты можешь быть тверд в уме?*

Ты должен быть очень разумным; лишь тогда ты можешь быть тверд в уме. Что он подразумевает под разумом? Обычно мы ведем себя очень неразумно: мы действуем согласно верованиям; верования удерживают нас в неразумном состоянии. Мы действуем согласно заимствованному знанию; это удерживает нас в неразумном состоянии.

Попытайся принимать вызовы жизни непосредственно; не действуй из верований или знания. Не следуй писаниям и традициям. В них коренная причина твоей глупости, и пока ты не научишься смотреть жизни прямо в лицо, пока не встретишь эти вызовы, разум не возникнет — потому что у него не будет возможности возникновения. Дай эту возможность. Жизнь представляет много возможностей, но ты продолжаешь упускать эти возможности, потому что живешь заимствованными ответами.

Смотри в лицо жизни и ее реалиям сам по себе, даже если твои ответы не так хороши — они и не могут быть совершенными. Конечно, ты не можешь отвечать как будда, но заимствуя ответ у Будды, ты никогда не станешь достаточно разумным, чтобы стать буддой самому. Да, ты совершишь много ошибок, много неверных шагов. Да, ты много раз заблудишься — иди и ни о чем не беспокойся! Жизнь для этого и предназначена: чтобы ты мог попытаться. Именно через множество проб и ошибок человек учится. Когда ты учишься собственными усилиями, ты становишься разумным. А только разумный человек может увидеть красоту медитации и понять важность медитации.

*Если ты не можешь успокоить себя,
Чему ты когда-либо научишься?*

Все познание происходит в медитации; оно не происходит в учебе. Это накопление информации, это не познание. Всегда будь бдителен к заимствованному знанию: каким бы драгоценным оно ни казалось, все оно ложно, фальшиво — для тебя. Оно не фальшиво для человека, который его прожил. Оно истинно для Будды, для Иисуса, для Кришны, но не для тебя. Тебе придется прожить...

У Будды тоже были писания. Он мог читать Кришну; была доступна Гита. Он был хорошо образован — он был сыном короля. Наверное, ему были доступны все писания и великие ученые и учителя. Он мог цитировать Гиту каждый день; он мог бы выучить Гиту наизусть, но тогда он упустил бы свою природу Будды.

Во времена Кришны существовали Веды, но Кришна не заимствовал знания из Вед. Во времена Иисуса был доступен Ветхий Завет, но Иисус попытался найти истину сам. Это нечто очень существенное, что нужно понять: истину нужно найти самому. Лишь тогда она освобождает; иначе она становится бременем — красивым, но бременем.

Как тебе стать свободным?

Только в опыте истины происходит твоя собственная свобода. Свобода это аромат опыта истины.

*Со спокойным умом
Приди в пустой дом, в свое сердце
И почувствуй радость пути
За пределы мира.*

Будда говорит: С молчаливым умом, со спокойным умом... Приди в пустой дом, в свое сердце.

Сердце — твой настоящий дом; он совершенно пуст. Голова полна мусора, сердце совершенно пусто. Переместись из головы в сердце! Весь процесс медитации это перемещение из головы в сердце, из ума в не-ум.

Приди в пустой дом, в свое сердце, и почувствуй радость пути — и ты будешь полон радости — *за пределы мира*. Радость, которая не от мира, аромат, исходящий из запредельного.

*Смотри вовнутрь —
Подъем и падение.*

Подъем и падение твоего дыхания: вот способ смотреть вовнутрь. Многие говорили: Смотри вовнутрь. Сократ сказал: Смотри вовнутрь, познай себя, но никто не дал точного метода. Будда дает точный метод: подъем и падение дыхания. Мост проходит именно через дыхание. Дыхание это мост между душой и телом. Если ты сможешь наблюдать, как поднимается и падает твое дыхание, мало-помалу ты сможешь увидеть тело как нечто отдельное от себя, увидеть дыхание как нечто отдельное от себя, потому что наблюдателя нельзя наблюдать, наблюдающий не может быть наблюдаемым. Внезапно однажды ты осознаешь, что ты свидетель этому всему. И свидетель, несомненно, трансцендентален ко всему, что он свидетельствует. В само это мгновение с тобой случится свобода. Тогда:

*Какое счастье!
Как сладко быть свободным!*

Это начало жизни...

Рождение это не начало жизни. Вот начало жизни: когда ты переживаешь опыт свидетельствующей души. *Это начало...*

*Начало мастерства и терпения,
Добрых друзей на пути,
Чистой и активной жизни.*

Медитируй на эти слова. Буддисты совершенно не поняли этих слов. Как такой человек, Гаутама Будда, может быть эскапистом? Он говорит: *Это начало новой жизни, мастерства и терпения, добрых друзей на пути...*

Он дает тебе новый мир, новый способ любить, новый стиль дружбы; он дает тебе новых друзей. Фактически, только медитирующие могут быть друзьями друг другу, потому что они не соревнуются. Никто другой не может быть другом, он может только притворяться. Как конкуренты могут быть друзьями? Глубоко внутри они враги, потому что каждый стремится к одним и тем же вещам. Ты жаден к деньгам, твой друг тоже жаден к деньгам. Как вы можете быть друзьями? Невозможно. Вся эта дружба — ложная, фальшивая.

Ты хочешь быть премьер-министром и твой друг хочет быть премьер-министром. Кто не хочет быть премьер-министром? Как вы можете быть друзьями? Поэтому говорят, что в политике совершенно нет места дружбе. Некоторые открытые враги, некоторые — скрытые. Именно поэтому в политике каждый день происходят перемены: кто был другом вчера, тот сегодня становится врагом; кто вчера был врагом, сегодня становится другом. Это странный мир, мир политики.

Маккиавелли в «Принце» предлагает политикам: «Никогда не говори друзьям того, что не хочешь, чтобы узнали враги, потому что любой друг может завтра стать врагом» — и тогда возникнут трудности. Тогда тебе придется что-то проглотить, и это будет унижительно.

Политики постоянно это делают: они выплевывают, а потом глотают то, что выплевывают, снова и снова. Сегодня они говорят одно, завтра — другое; им приходится. В политике дружба невозможна.

Дружба возможна только на пути, на пути к Богу, потому что это не соревнование. Бог может быть и у меня, и у тебя; нет речи о том, чтобы я получил Бога, и поэтому он не достался тебе. Бог может быть у миллионов людей, потому что Бог бесконечен, истина бесконечна. Если у меня есть истина, это не значит, что ее не может быть у тебя. Фактически, напротив, если

она есть у меня, это означает, что она может быть и у тебя! Если она есть у меня, почему бы ей не быть у тебя? Поэтому, в определенном смысле, это совершенно новый вид дружбы.

... *Чистой и активной жизни*. Как можно назвать Будду эскапистом? Он говорит: ... *Чистой и активной жизни*. Он имеет в виду творчество, творчество, которое приходит из медитативной невинности, из медитативной чистоты. Настоящий творец возможен лишь в медитации. Ваши так называемые художники — девяносто девять процентов — не настоящие художники. Ваши так называемые поэты не поэты, так называемые музыканты не музыканты — может быть, техники. Они умеют играть, они умеют сочинять, они умеют рисовать, но одно лишь умение рисовать не делает тебя творцом.

Творец это совершенно другое явление. Творец привносит в мир нечто от Бога, нечто от творца. Но как тебе привнести в мир Бога, если ты не познал Бога сам?

Будда — творец, Иисус — творец. Их слова, их действия — вот единственное доказательство существования Бога. Само их присутствие доказывает, что Бог есть. Их присутствие творческое: само их присутствие трансформирует тысячи людей. Будда не эскапист и не может им быть. Ни один пробужденный человек не может быть эскапистом. Труссы бегут, храбрые люди движутся в творчество.

Так живи в любви — это слова Будды, помни:

Так живи в любви.

Делай свою работу.

Положи конец своему отчаянию.

Он не против любви, он не против творчества, он не против работы. *Делай свою работу* — потому что если ты не занимаешься работой, которая тебе по сердцу, ты останешься несостоявшимся. И медитирующий немедленно находит, в чем состоит его работа. Медитирующему свойственно найти, в чем его работа; ему не нужно об этом думать. Это так ясно и громко, что он знает, что должен быть музыкантом, поэтом или кем-то еще. Это становится так ясно, что нет ни малейших сомнений. И он начинает работать; это его медитация.

Здесь много людей, которые боятся работы. Они не знают, что работа, которая происходит здесь, полностью от-

личается от работы, с которой они раньше сталкивались в жизни. Это было нечто совершенно другое. Когда я даю вам какую-то работу, она нужна для того чтобы помочь вашему росту. Пока вы не сможете найти собственную работу, я буду продолжать ее вам давать — только до того момента, когда вы сможете сами ее найти. И любая работа, которая вам здесь дается, это не что иное как медитация для вас. Если это не медитация, вы совершенно не поняли послание.

*Посмотри, как жасмин
Отпускает и роняет
Свои увядшие лепестки.*

Урони своеволие и ненависть.

Будда говорит: Как жасмин роняет свои увядшие лепестки, или как листья падают с дерева, когда умирают, мертвые листья. Точно так же урони своеволие и ненависть. Первое, что по его словам должно быть отброшено — легко, без усилий, как увядшие лепестки жасмина, падающие сами по себе, — это своеволие, воля, эго.

Поэтому иногда я направляю вас на определенную работу, в которой вам придется отбросить эго, а вы думаете, что это какое-то наказание. Это не вид наказания; это вызов, это ситуация, в который тебе рано или поздно придется отбросить эго, потому что оно снова и снова будет создавать тебе страдание. Это заставит тебя ясно осознать, что именно твое эго причиняет тебе страдания.

На днях Аншумали написала: «Любимый Мастер, работать в Вриндаване под руководством Дикши кажется наказанием». Это не так, Аншумали. Это награда, а не наказание! Это наказание, если ты хочешь цепляться за эго; если ты уронишь эго, это награда. И тогда ты сможешь увидеть красоту этой работы — и красоту Дикши. Она замечательная итальянская Мама! Она любит своих работников, она любит своих людей; она совершенно предана. Конечно, она любит так сильно, что кричит и вопит. Так сильна ее любовь, что она верит, что вы сможете понять ее вопли. Но она — хорошее средство; она безмерно помогла многим людям.

Здесь происходит сто групповых терапий, но Дикша лучше всех! Хотя никто и не знает, что это групповая терапия — это секретная групповая терапия.

Если ты отбросишь свою волю, свое эго, отпадет и ненависть, потому что ненависть это не что иное как тень эго. Если нет эго, нет и ненависти; если есть эго, за ним всегда следует ненависть. Кто бы ни встал у тебя на дороге... и каждый окажется на дороге, потому что эго на могут подстраиваться друг под друга. Эго всегда в конфликте, эго всегда ссорятся, они склочны, отсюда — ненависть.

Отбрось эго и увидь красоту отсутствия эго. Тогда нет ни ненависти, ни гнева. Ты становишься такой молчаливой, твоя энергия становится твоей спокойной и тихой, и внезапно ты начинаешь видеть мир в совершенно ином свете, под новым углом. Тогда обычный мир больше не обычный — он стал священным.

*Спокоен ли ты?
Успокой тело.
Успокой ум.*

Будда говорит: Начни с тела, затем перейди к уму. Успокой тело, наблюдая дыхание; успокой ум, наблюдая мысли.

*Ты ничего не хочешь.
Твои слова тихи.
Ты тих.*

Тогда ты придешь к видению того, что нет никаких желаний. Как может желание существовать в молчаливом уме? Желание это состояние смятения, желание это состояние бессознательности, желание безумно. Когда ты молчалив, безумие исчезает.

Три раза Джесси приводила Сэнди в церковь в надежде стать с ним мужем и женой, но священник отказывался, ссылаясь на состояние опьянения жениха.

— Почему ты так настойчиво приводишь его в таком состоянии?
— спросил он.

— Пожалуйста, преподобный, — объяснила Джесси, — трезвый он не пойдет.

Если ты протрезвеешь, станешь молчаливым, ты не сделаешь многих вещей, которые делаешь сейчас и начнешь делать многие вещи, о которых раньше и не помышлял. Твоя жизнь больше не будет пустой растратой; она станет творчеством, безмерным творчеством. Твоя жизнь не будет растить шипы, она будет растить розы. Это одна и та же энергия!

Но ум удерживает тебя занятым такими глупостями, такими глупыми подробностями таких глупостей. Просто посмотри, что продолжает делать ум... и тебе не нужно будет и говорить, что ты сумасшедший.

Маленький человек входит в «Канцелярское Совершенство» — эксклюзивный Нью-Йоркский магазин писчебумажных товаров. К нему приближается элегантный продавец и в костюме от Брукс Бразерз.

— Не могу ли я вам помочь, сэр? — говорит продавец культурным голосом.

— Да, мне нужно немного бумаги для письма.

— Вы предпочитаете линованную или нелинованную, сэр?

— Подойдет что угодно. Это неважно.

— Писать будете шариковой или чернильной ручкой?

— Не знаю. Что подвернется под руку...

— Вы бы хотели толстую или тонкую как луковая шелуха?

— Послушайте, мне все равно. Просто дайте мне любую старую пачку!

— Может быть, вы выберете что-нибудь из ароматизированной коллекции?

— Если хотите. Но мне нужно успеть на автобус — дайте мне какой-нибудь бумаги, пожалуйста!

— Только один момент, сэр. Вы хотели бы бумагу ручной работы в специальной презентабельной упаковке или специальный коммерческий сорт?

Голос маленького человечка поднялся на октаву.

— Послушайте, в десятый раз повторяю... подойдет любая бумага! Только сделайте это быстро!

— Тогда, может быть, ваш любимый цвет — красный, голубой, желтый?..

В это мгновение в магазин врывается другой человек. Его щеки мокры от слез, а под глазами темные круги.

— Послушайте, — всхлипывает он, — вот цвет плитки у меня в ванной, вот размер моего унитаза. Задницу я показал вам вчера. А теперь не дадите ли вы мне немного туалетной бумаги?

Просто посмотри на свой ум... глупые вещи и глупые детали продолжают до бесконечности! Ты продолжаешь и продолжаешь — когда ты остановишься? ...пожалуйста! Именно это говорит Будда.

Файнберг, похоронный директор, торговался со своим другом Вайнштейном.

— Могу тебе предложить прекрасный гроб, — сказал он.

— Мне не нравится думать о таких вещах. Сколько?

— Он сделан из слоновой кости, и серебряными рукоятками и замком. Для тебя всего две тысячи долларов.

— Я об этом подумую.

По дороге домой Вайнштейн остановился в Минкис Мортуариз, чтобы сравнить цены.

— Могу вам предложить кое-что хорошее, — сказал директор.

— У меня есть гроб из слоновой кости с серебряными рукоятками, и я даже подброшу замок. Цена тысяча долларов.

Вайнштейн бросился обратно к Файнбергу и завопил:

— Так, говоришь, слоновая кость с серебряными рукоятками и замком?

— Да! — ответил Вайнштейн.

— А шелковая строчка?

— Не смотрел. Не думаю.

— Вот видишь! — говорит Файнберг. — Через шесть месяцев тебе придется ее заменить.

Ум продолжает готовиться не только к этой жизни, но и к следующей. Люди пишут завещания, сочиняют себе эпитафии, решают, как оформить свою могилу, какой положить мрамор. Человек кажется таким безнадежно неразумным, что продолжает тратить впустую свою жизнь на такие глупости, которые вообще не имеют смысла. Но ты должен заглянуть в свой собственный ум.

Ты ничего не хочешь. Твои слова тихи. Ты тих. Будда говорит, так должно быть — никаких желаний, потому что все желания тщетны. Они относятся к будущему; жизнь — в настоящем. Все желания отвлекают тебя от настоящего, все желания отвлекают тебя от жизни, все желания разрушительны для жизни, все желания это откладывание жизни на потом. Жизнь — сейчас, а желания уводят тебя прочь, дальше и дальше от сейчас. И когда мы видим, что наша жизнь это страдание, мы продолжаем перекладывать ответственность на других, но никто не ответствен, кроме нас самих.

— Мой добрый человек, — сказал посетитель заключенному, — как случилось, что ты оказался в таком месте?

— Понимаете ли, сэр, — сказал осужденный, — вы видите несчастную жертву несчастливой даты тринадцать.

— Ясно! — сказал посетитель. — А как это было?

— Двенадцать присяжных и один судья, сэр.

Никто не хочет обвинить самого себя. Подойдет что угодно — несчастливое число, линия жизни, судьба, астрология... звезды, бедные звезды создают страдание Аншумали! Даже если они будут искать Аншумали, им будет трудно ее найти — Земля такая крошечная. Наше солнце в двенадцать тысяч раз больше Земли, а наше солнце это очень посредственная звезда. Есть звезды в миллионы раз большие, чем солнце; в сравнении с этими звездами наша Земля просто частица пыли, незаметная, которой можно пренебречь. Ею можно пренебречь, пропустить. Есть миллионы звезд, известные науке, и еще миллионы, наверное, остаются за пределами нашей досягаемости, потому что наши инструменты имеют ограничения. Эти звезды определяют судьбу служащего конторы сборщика налогов, метельщика на вокзале!

Человек так глуп, невероятно глуп. Он продолжает перекладывать ответственность на кого-то другого. Пока ты все это не прекратишь, ты никогда не станешь религиозным. Религиозный человек это тот, кто принимает ответственность на себя.

Первое, что делает тебя несчастным, это твое желание, постоянно желание того или другого. Прекрати его. А когда желания нет, нет и мыслей. Функция мыслей в том, чтобы помочь тебе желать; они инструментальны. Если у тебя нет желаний,

мысли обречены на исчезновение — сами по себе. А когда нет ни мыслей, ни желаний... *Ты тих.* Ты спокоен, собран, центрирован, укоренен.

Рано утром случился пожар, и молодому итальянскому репортеру посчастливилось первым прибыть на место происшествия и получить отчет о случившемся у одного из уцелевших жителей дома.

— Это было ужасно, — рассказал этот человек. — Представьте себе, что вокруг вас крошатся стены, и языки пламени буквально лижут вам щеки, в каком бы направлении вы ни смотрели, и железный перил буквально дымится под вашими руками. Но среди этого всего — хочу, чтобы вы знали — я оставался совершенно спокойным и уравновешенным.

— Если вы были спокойны и уравновешенны, — ответил репортер, — как обидно, что вы забыли надеть штаны!

Люди, считающие себя спокойными и уравновешенными, на самом деле не спокойны и не уравновешенны, они просто в это верят; они надеются, что они спокойны и уравновешенны. Очень редкие люди спокойны и уравновешенны. Это происходит только в высшей точке медитации, не раньше. Поэтому не обманывай себя.

*Своими собственными усилиями
Пробуди себя, наблюдай себя.
И живи радостно.*

Прими ответственность, и это даст тебе великое прозрение. Если ты ответствен за свое страдание, если ты ответствен за все свои кошмары, тогда возможно и другое: ты можешь проснуться. Если ты ответствен за свой сон, ты можешь проснуться; если ответствен не ты, а какие-то звезды, что ты можешь сделать? Ты жертва, и тебе придется страдать. Если только звезды не передумают — если они вообще думают...

Собственными усилиями пробуди себя, наблюдай себя. И живи радостно. И люди говорят, что Будда пессимист? — он говорит: *Живи радостно.*

Будда говорит: Не верь в спасителя, потому что это старый ум, тот же самый ум, который хочет переложить ответст-

венность на кого-то другого. Теперь христиане думают, что Иисус их спасет. Индуисты думают, что когда возникнет необходимость, Кришна вернется; он предпримет еще одно воплощение, чтобы спасти человечество. Когда вы собираетесь почувствовать собственную ответственность? И люди не понимают, что это просто уродливо, оскорбительно, унижительно; это падение ниже человеческого достоинства.

Христианин и еврей шли рядом. Проходя мимо церкви, они увидели большой плакат: "Иисус сохраняет".

— Это ерунда, — сказал еврей. — Моисей инвестирует.

Никто не может тебя спасти; не жди никакого спасителя. Ты можешь спасти себя, это правда.

Это еще одно из величайших прозрений Будды в человеческое страдание, в человеческую реальность: Не верь, что кто-то тебя спасет. Ты причина собственного страдания, ты можешь быть и причиной своего блаженства.

Ты — мастер,

Ты — приют.

*Как торговец объезжает хорошую лошадь,
Овладей собой.*

Как радостно ты следуешь

Словам пробужденного.

И если ты медитируешь, ели ты становишься немного молчаливым, немного бдительным, ты полюбишь эти слова, потому что они имеют вкус истины — но только для тех, кто медитирует.

Как радостно ты следуешь словам пробужденных. Тогда все пробужденные внезапно становятся твоими современниками. Тогда ты можешь понять Иисуса, Будду, Кришну, Лао-цзы. Лишь тогда, если ты медитируешь, внезапно раскрываются тайны и закрытые двери, и то, что тебе никогда не было ясно, внезапно становится ясным. Но это происходит в медитации, и другого пути нет. Путь не в том, чтобы изучать, собирать больше и больше знаний, спорить, философствовать, но только в том,

чтобы становиться более и более молчаливым. В полном молчании, Бог говорит с тобою через пробужденных.

Как тихо, как уверенно

*Ты приближаешься к счастливой стране,
К сердцу тишины.*

И тогда в твоих шагах будет уверенность, потому что все будды будут твоими свидетелями. По мере того как ты начинаешь чувствовать вкус радостей медитации, по мере того как ты становишься более и более бдительным в медитации, когда у тебя внутри начинают расцветать цветы, все будды свидетельствуют для тебя. Ты знаешь, что на правильном пути; в тебе возникает великая уверенность.

Как тихо, как уверенно ты приближаешься к счастливой стране, к сердцу тишины.

Как бы он ни был молод,

*Искатель, утвердившийся на пути,
Сияет над миром.*

Дело не в возрасте. Будда первым стал посвящать в саньясу молодых людей. До него в индийской традиции только очень старым людям — старше семидесяти пяти — разрешалось принимать саньясу. Саньяса была для стариков. Будда совершил революцию: он стал посвящать молодых людей.

И мой собственный опыт говорит: чем ты моложе, тем лучше, потому что становясь старше, ты собираешь больше и больше ржавчины, больше и больше пыли. По мере того как ты становишься старше, ты более и более обременен опытом, знанием и всевозможными глупостями. Становясь старше, ты теряешь бдительность, энергию, силы, чтобы экспериментировать с неизвестным, чтобы исследовать неизвестное. Становясь старше, ты начинаешь так бояться смерти, что из страха приходишь к Богу, а пришедшие к Богу из страха никогда его не достигнут. Страх это не мост, а стена. Те, кто идет к Богу, ища истины из любви к истине, — лишь у них есть мост. Для этого нужна определенная молодость, определенная храбрость, определенная способность рисковать. Для этого нужна энергия, свежесть; потому что религия это бунт в самой своей основе.

Будда говорит: *Как бы он ни был молод...* Не беспокойся об этом. Зрелость не имеет ничего общего с возрастом; старение это необязательно рост. Человек может быть молодым и взрослым или очень старым, но инфантильным. Между возрастом и зрелостью нет обязательной связи. Зрелость приходит в медитации. Старение это обычный процесс; стареет каждый. Стареют животные, стареют деревья, стареют люди; это не имеет ничего общего с трансформацией.

Как бы он ни был молод, искатель, который утверждается на пути, сияет над миром.

*Как луна,
Выйди из-за облаков!
Сияй.*

Будда говорит своим бодхисаттвам, идите и скажите искателям: *Как луна, выйди из-за облаков! Сияй.*

И то же самое я говорю вам: *Как луна, выйди из-за облаков! Сияй.*

На сегодня достаточно.

Глава 6

Поднимаясь в любви

Первый вопрос:

*Любимый Мастер,
Я влюбился в женщину, с которой развелся два года назад.
Возможно ли это?*

Шраддхан,
Человек это почти машина. Человек это еще не человек; он функционирует бессознательно, он живет во сне. Поэтому возможно все. Фактически, ты всегда влюбляешься в одну и ту же женщину, хотя по видимости это кто-то другой. Тип один и тот же, потому что твои пристрастия остаются прежними, твой ум остается прежним, твой выбор остается прежним.

Просто наблюдай людей, их любовные романы, и ты будешь удивлен. Это всегда один и тот же мужчина или одна и та же женщина — да, с другим лицом, в другой маске, в другой одежде, другого размера и формы. Но эти различия не настоящие различия.

Пока не нов ты сам, как ты можешь влюбиться в кого-то нового? Кто будет выбирать? Как ты будешь выбирать? Тому же самому уму понравится такое же лицо, такие же глаза, такой же цвет, такая же форма, фигура, походка, манера говорить. Снова через несколько дней ты устанешь точно так же, как уставал раньше. Снова ты почувствуешь себя в западне, в заключении, и женщина снова почувствует то же самое. Но человек живет в таком бессознательном состоянии, что от него нельзя ожидать ничего большего.

Если человек сознателен, многое становится возможным. Прежде всего, «падать в любовь» становится невозможно. Ты начинаешь подниматься в любви; само качество твоей любви становится другим. Это больше не отношения, это состояние твоего существа. Ты полон любви, ты делишься своей любовью, но с твоей стороны нет никаких требований. Это больше не деловая сделка; любовь больше не выставляет условий, ничего не просит. Ты просто благодарен, что кто-то принял, не отверг твою любовь. Ты чувствуешь благодарность. Это не оковы для другого, это не порабощает другого. В такой любви нет стремления владеть; она абсолютно безусловна и лишена требований. Она дает свободу. А когда любовь дает свободу, любовники начинают высоко парить, начинают двигаться к Богу. Любовь становится дверью в божественное.

Прямо сейчас любовь тянет тебя вниз. «Падать в любовь» не случайная фраза — ты, несомненно, падаешь, гравитация тянет тебя вниз. Поначалу ты чувствуешь себя прекрасно, но лишь поначалу. Это только волнение, потому что ты надеешься, что случится что-то новое. Поначалу ты взволнован, это кажется великим приключением, но вскоре ты находишь ту же самую старую гниль — ничего нового, ничего особенного. Изменились лишь партнеры, но игра осталась прежней — и она разыгрывается с тем же насилием, с тем же уродством.

Шраддхан, не только ты влюбился в ту же самую женщину; это делает каждый. В обычном, бессознательном состоянии человечества ни на что большее надеяться нельзя. Тебе повезло, что ты развелся, но одному жить трудно, если ты не знаешь красот одиночества.

В то мгновение, когда ты один, ты начинаешь страдать от своего одиночества, ты начинаешь жаждать компании другого. Тогда подойдет кто угодно, даже та самая женщина, с которой ты развелся; это лучше, чем быть одному. Даже если это приносит страдание, люди предпочитают одиночеству страдание в компании.

Пока ты не узнаешь радостей медитации, тебе не избежать падения в любовь. Когда ты начнешь наслаждаться собственным существом, своей радостью, пространством, абсолютной свободой, безграничным сознанием, тем, что никто не занимает твое внимание, никто не пытается привлечь твое внимание, никто не ущемляет твою свободу, не вмешивается в твою свободу...

Когда ты начинаешь наслаждаться одиночеством, ты становишься медитирующим. Да, любовь тоже станет возможной после этого, но это будет любовь совершенно другого рода.

Наверное, ты страдал от одиночества и, найдя ту же самую женщину снова, подумал, что лучше быть с ней, чем одному. Наверное, ты забыл все свои мучения — у людей очень короткая память.

И это нужно понять: ум имеет тенденцию забывать мучительную часть событий и помнить только удовольствие. Это одна из стратегий ума, чтобы оставаться у власти, чтобы оставаться твоим хозяином. Он всегда стремится забывать о страдании; он продолжает преувеличивать, усиливать, украшать удовольствие. Реальность совершенно другая, но ум живет в воображении.

На твою память совершенно нельзя положиться, потому что все твои воспоминания вымышлены. Ты думаешь только, как это было красиво, ты забыл все мучения; ты выбрал лишь несколько мгновений, которые были красивы. Наверное, было несколько мгновений, которые были красивы; но лишь несколько мгновений, мало и редко. И они не могут быть так красивы, как ты сейчас думаешь; иначе зачем было разводиться с этой женщиной? Наверное, мучений было гораздо больше, боли было гораздо больше — это было невыносимо. Наверное, ты слишком много страдал, женщина слишком много страдала. Дело не в том, виновата в этом женщина или ты; просто два бессознательных существа вместе обязательно причинят друг другу страдания.

Если ты не можешь быть счастлив один, как ты можешь создать счастье для кого-то другого? Ты сам не счастлив, как ты можешь создать счастье для другого? Ты можешь дать лишь то, что у тебя есть. Ты несчастен — ты можешь притворяться, что не несчастен, но долго ли? Медовый месяц не может продолжаться вечно. Через неделю или, самое большее, две недели все кончено, и тогда ты знаешь, что вы оба несчастные люди. А когда два несчастных человека живут вместе, их несчастье только удваивается, помни, оно становится больше.

Но ты забываешь все это. Впоследствии ты удаляешь те части, которые были несчастны, ты сохраняешь только красивые мгновения. И не только сохраняешь, но и приукрашиваешь, раскрашиваешь снова и снова. Мало-помалу они

теряют всякую связь с реальностью. Твое прошлое вымышлено, твое будущее вымышлено; только настоящее реально. Но ты совершенно не живешь в настоящем; ты живешь либо в прошлом, либо в будущем.

Почему возник этот вопрос, Шраддхан? Наверное, мучения начались снова! Вот почему ты спрашиваешь: «Возможно ли это?» Ты это сделал, и ты меня спрашиваешь, возможно ли это? Ты сам не можешь поверить, что ты сделал.

Когда люди вместе, они хотят быть одни; когда они одни, они хотят быть вместе. Люди невозможны!

Ризолли, человек средних лет, сидел на ступеньках парадного входа и горько плакал.

— А-что с тобой а-ну-случилось? — спросил его сосед, Паскале.

— Жена а-Бонаоччи а-только что умерла, — сказал Ризолли, вытирая слезы.

— Ну и а-что? — говорит сосед. — Она ведь а-не была а-твоей а-ну-родственницей.

— Я а-знаю, — говорит Ризолли. — Кажется, а-ну-всем везет, а-кроме меня.

Когда ты с кем-то, немедленно возникает тысяча и одна проблема, которых раньше не было. Когда ты один, эти проблемы исчезают, но возникает новая: одиночество кажется таким пустым. Ты приходишь в растерянность, ты не знаешь, что теперь делать. Вскоре ты начнешь забывать все страдание, которое приносили тебе отношения. Ты думаешь: «Может быть, на этот раз все будет по-другому». Может быть, она изменилась, может быть, изменился ты. Может быть, вы оба чему-то научились из опыта.

Гарри и его девушка, Франческа, сидели на кушетке и смотрели по телевизору старый фильм Роя Роджерса. Когда Рой проезжал через перевал, Гарри сказал:

— Держу пари, что его лошадь споткнется и упадет.

— Ладно, — говорит Франческа.

И действительно, лошадь споткнулась.

После того, как проигранное было полностью выплачено, Гарри сказал:

— Должен сказать, что я смотрел этот фильм раньше. Поэтому я знаю.

— Я тоже смотрела, — сказала итальянская девушка, — но я а-не знала, что эта а-ну-лошадь достаточно глупая, а-ну-чтобы споткнуться а-на той же дырке а-ну-два раза!

Но человек еще глупее.

На этот раз извлеки из этого наибольшую пользу, если ты упал в яму, постарайся сделать ее своим домом! Ты американец, а это единственная религия, в которую может верить американец: Пытайся снова, снова и снова.

Второй вопрос:

Любимый Мастер,

Я не могу Тебя понять; я пытался изо всех сил, но не смог. Что мне теперь делать?

Говиндо,

А нужно ли вообще меня понимать? Что такое понимание? Это интеллектуальное усилие. А то, что я пытаюсь вам сообщить, не имеет ничего общего с интеллектом. Ты можешь это почувствовать, но не можешь понять. Ты можешь это прожить, и только прожив, ты сможешь понять.

Но люди пытаются делать прямо противоположное — сначала они хотят понять. Вот эта идея: Пока мы что-то не поймем, как мы можем это испробовать, как мы можем это прожить? Логично, что сначала человек должен понять, а затем попытаться прожить.

Но жизнь не логична; жизнь гораздо глубже логики, и много раз она бывает абсолютно нелогична. Если ты попытаешься цепляться за логику, ты многое упустишь, и это многое будет самым драгоценным. Ты упустишь любовь, ты упустишь медитацию, ты упустишь радость, ты упустишь Бога, ты упустишь свободу. Ты упустишь все, что только есть осмысленного, что дает красоту, великолепие. Ты упустишь присутствие божественности, которая окружает тебя. Логика это препятствие, не мост.

Говиндо, ты говоришь: «Я не могу тебя понять». Наверное, ты пытаешься это сделать из головы. Это общение от сердца к сердцу. Если ты хочешь меня понять, голова это не нужный инструмент; тогда ты будешь вечно продолжать все понимать неправильно. Но если ты хочешь меня понять, тогда ты должен забыть все о старых образцах понимания вещей. Я здесь учу не математике, не философии.

Я учу чему-то совершенно экзистенциальному. Ты должен это прожить, ты должен совершить квантовый прыжок. Тебе говорили снова и снова: прежде чем совершить прыжок, подумай дважды. А вот что говорю я: сначала соверши прыжок, потом думай сколько хочешь, потому что теперь эти раздумья ничего не могут изменить, не могут принести никакого вреда. Но сначала должен произойти прыжок.

Медитацию нужно пережить на опыте. Если ты попытаешься вычислить, что это такое, ты упустишь суть, потому что это совершенно не дело ума. Медитация означает состояние не-ума. Я постоянно тяну вас в состояние не-ума, всеми возможными способами.

То что я делаю здесь абсурдно, нелогично. Вам придется отложить логику в сторону; иначе я скажу одно, а вы поймете совершенно другое.

Судья спросил профессора в суде:

— Почему вы припарковали машину в этом месте?

— Потому что там был знак, — сказал профессор, — «Хорошее место для парковки!».

Отложи интеллект в сторону. И помни, я не говорю отложить в сторону разум. Напротив, если ты можешь отложить интеллект в сторону, ты сможешь стать более разумным, потому что разум и интеллект не синонимичны, но противоположны друг другу. Разум это ясность; интеллектуальность это не более чем затуманенное состояние. Интеллектуальность означает, что ты слишком знающий; твоё знание постоянно во все вмешивается. Твой ум постоянно интерпретирует, твой ум судит.

¹ Игра слов; «Fine for parking»: «Штраф за парковку».

Слушай меня без суждений. Я не говорю со мной соглашаться, — дело не в том, чтобы соглашаться или не соглашаться, — просто слушай.

Когда ты идешь в горы и слушаешь звук водопада, ты соглашаешься или не соглашаешься? Ты просто слушаешь! Когда ты слушаешь красивую музыку, ты соглашаешься или не соглашаешься? Нет вопроса о согласии или несогласии; слушание лишено суждений.

Поэтому критики продолжают многое упускать. Критик идет слушать музыку, но его слушание не тотально; он постоянно сравнивает, судит, интерпретирует. Ты должен быть очень некритичным. Ты должен просто быть открытым, уязвимым, восприимчивым, молчаливым; чтобы все, что бы ни произошло, проникло глубоко в глубину твоего существа.

Если ты полон собственного ума, Говиндо, ты поймешь меня неправильно; это неизбежно.

Мисс Зоквоски, привлекательная шатенка, вошла в набитый автобус и встала напротив молодого парня.

Парень, подумывая о том, чтобы уступить ей место, сказал:

— Как далеко?

— У тебя достаточно наглости, — ответила польская девушка. — Я же не спрашиваю, какой длины.

Если ты носишь в уме какую-то идею, если ты предубежден, тогда что бы ты ни слышал это не то, что тебе говорят, но то, что ты способен услышать.

Ведущий ток-шоу: «Леди, скажите мне за тридцать долларов, кто был первым человеком на Земле?»

Леди: «Адам».

Ведущий: «Правильно. А теперь за двести долларов скажите мне первые слова Евы, когда она встретила Адама».

Леди (затрудняясь с ответом, поворачивается к ведущему и говорит): «М-даа, это крепкий орешек!»

Ведущий: «Дайте этой даме двести долларов!»

Говиндо, не оставайся предубежденным своими мыслями. Наверное, ты пришел с великим знанием, наверное, ты при-

шел с собственными концепциями и слушаешь сквозь джунгли собственных идей.

То что я говорю просто, предельно просто. Мои утверждения абсолютно обычны. Я не святой человек, я не святой. Я гораздо обычнее тебя! Во мне нет ничего особенного. Я вообще не существую, как я могу быть особенным? Поэтому мои утверждения очень просты — их может понять и ребенок. Но ты должна упустить.

В автобусе на третьей Авеню Манхэттана очень суровая старая дева была шокирована, услышав, как Скарпетти, иммигрант, рассказывает своему другу:

— А-ну-сначала кончает Эмма, а-ну-потом кончаю я, а-ну-мы кончаем а-вместе, а-ну-снова кончаю я, а-ну мы кончаем вместе, опять кончаю я, а-два раза пи-пи, а-потом я кончаю а-в последний раз».

Не успел Скарпетти договорить, пунцовая от смущения старая дева повернулась к стоящему рядом полицейскому:

— Вы разве не собираетесь арестовать этого ужасного старика? — прошипела она.

— За что? — спросил полицейский. — За то, что он объяснил, как пишется «Миссисипи²»?

Давайте я повторю: «А-ну-сначала идет-а «М»-а, а-ну-потом идет «И», два «С»-а идут а-вместе, а-ну-снова идет «И», два «С»-а идут а-вместе, а-ну-снова идет «И», а-два раза «П», а-потом идет «И» а-в последний раз».

² Игра слов:

On a Third Avenue bus in Manhattan, a very prim spinster was shocked overhearing Scarpetti, the immigrant, saying to his friend, "Emma come-a first, I come-a next, two assa come-a together, I come-a again, two assa come-a together again, I come-a once-a more, pee-pee twice, then I come-a for the last-a time."

When Scarpetti was finished, the crimson-faced old maid turned to a policeman sitting nearby. "Aren't you going to arrest that terrible old man?" she whispered.

"Why?" asked the policeman. "For spelling 'Mississippi'?"

Ты спрашиваешь меня: «Что мне делать? Я пытался изо всех сил, но не смог». Теперь, пожалуйста, не пытайся изо всех сил. Фактически, перестань пытаться, прекрати пытаться. Начни слушать просто ради радости слушания. Ветер, поющий в кронах деревьев... слушай. Звук бегущей воды... слушай. Не пытайся понять. И просто в этом слушании нечто начнет достигать твоего сердца. Начнет происходить песня, танец. Твое сердце начнет распускаться как цветок и испускать великий аромат — и это будет настоящим пониманием.

Говиндо, ты напрасно пытался изо всех сил. Расслабься со мной, не пытайся изо всех сил. Пытаясь изо всех сил, ты будешь оставаться напряженным — а через напряжение понять меня невозможно. Расслабься, отдохни. Я здесь учу тебя тотальному расслаблению и отдыху.

Понимание произойдет не через голову, но через сердце — не в логике, но в любви.

Третий вопрос:

*Любимый Мастер,
Почему творчество так больно?*

Прем Сарва,
Творчество это высочайший пик твоего сознания; поэтому оно болезненно, тяжело. Ты движешься вверх по склону. Быть не творческим очень удобно; это движение по наклонной плоскости. Тебе не нужно ничего делать, с твоей стороны ничего не требуется; достаточно гравитационного притяжения. Когда ты спускаешься с горы на равнину, ты можешь выключить двигатель, не нужно бензина; машина будет просто катиться вниз. Но если ты поднимаешься вверх, потребуются усилие, великое усилие.

Творчество требует огромного усилия, потому что в движении вверх многое должно быть отброшено; ненужная тяжесть должна быть отброшена. А ты несешь с собой столько багажа; все это ненужно, бесполезно. Но люди продолжают собирать, люди великие собиратели. Они собирают всевозможный мусор в надежде, что однажды он пригодится. Они жадны, они чувствуют себя пустыми, и продолжают набивать себя всевоз-

можными вещами. Ты так полон эго, а эго это огромная тяжесть. Ты не можешь двигаться вверх. Тебе придется отложить эго в сторону — а это величайшая боль.

Быть творцом значит отбросить саму идею: «я отделен от существования». Творчество возможно, лишь когда ты един с существованием. Творчество происходит лишь когда ты так настроен с творцом, что с твоей стороны нет никаких помех. Величайшая помеха исходит от эго. Оно питается помехами, оно живет помехами. Эго значит идея: «Я отделен». Если ты думаешь, что отделен, ты живешь во лжи — а творчество течет из опыта истины.

Ты должен познать истину: ты не отделен. Ни один человек это не остров, все мы части одного континента. Все существование едино, одно органическое единство; поэтому все великое приходит только в те мгновения, когда творец растворен в целом. Великая живопись, великая поэзия, великая музыка, великий танец случаются лишь когда ты растворен, когда тебя больше нет. Если ты есть, внезапно ты становишься преградой, ты останавливаешь поток. Тогда Бог не может использовать тебя как флейту, не может через тебя петь. Флейта должна быть просто полым бамбуком, открытым пространством, просто средством. Великие поэты, великие музыканты, великие танцоры — все они средства. Они не танцуют, ими танцуют. Они не поют; какая-то неизвестная энергия поет через них.

Именно поэтому творчество болезненно — потому что никто не хочет растаять, слиться и раствориться. Мы цепляемся за свои личности. Фактически, мы хотим быть творческими, чтобы повесить на свое эго еще несколько медалей — чтобы эго было более знаменитым, чтобы ты мог сказать: «Я кто-то особенный. Я великий поэт, великий композитор, великий писатель» — или что-то в этом роде. Это величайшая проблема, с которой должен столкнуться каждый творец: он должен отбросить эго.

И поначалу ты хочешь быть творческим ради эго. Это очень парадоксальный процесс: тебе придется отбросить то самое эго, которое было поначалу движущей силой, которое хотело быть знаменитым, которое хотело оставить свое имя звучать в коридорах времени, которое хотело сделать историю. То же самое эго вызывает прекращение потока неизвестных энергий.

Бог всегда изливается; ты просто должен быть открытым, доступным. Ты не отделен.

Поначалу это ранит; если ты сопротивляешься, это ранит еще больше. Если ты не очень сопротивляешься, это не так больно; если ты вообще не сопротивляешься, это вообще не больно. Тогда отбрасывание эго может быть одним из самых радостных действий.

В этом заключается вся саньяса. Все послание основано на этом простом явлении: радостно отбросить эго. Вопрос не в том, чтобы отдать эго мне. Эго это не что-то такое, что ты можешь отдать, это просто вымысел, не реальность. И когда мастер говорит: «Отдай мне свое эго», он просто дает тебе средство, потому что ты живешь с идеей о том, что эго вещественно. Он знает, что эго нет, и поэтому говорит: «Отдай его мне, сдай его мне, и ты от него освободишься». Дело не в том, что ты что-то даешь — тебе нечего отдать; он ничего не принимаешь, — ему нечего принять. Но это средство создано для того чтобы помочь тебе избавиться от этой ложной сущности. Как только ты отбрасываешь эту идею, внезапно ты видишь все в целом: ничего не было отдано, ничего не было принято. Ты остался прежним, но старое неверное понятие исчезло. Люди сдают очень неохотно.

На днях один саньясин написал мне: «Я могу сделать все, что ты говоришь, но не могу сдать». Как тогда ты можешь делать все, что я говорю? Это первое, что я говорю! А он пишет: «Я могу сделать все, что ты говоришь, но не могу сдать». Он думает, что делает очень ясное утверждение. Это единственное, что я говорю: Сдай эго. И дело не в том, чтоб отдать его мне — сдай его дереву, но сдай. Сдай его реке, пойдя и утопи его в реке. Сожги его, похорони его, кремируй! Сделай что угодно, но покончи с ним.

Я не заинтересован в том, чтобы коллекционировать ваши эго. Что мне делать с таким количеством эго? Если ты так страдаешь от одного, с таким количеством эго я буду жить в седьмом аду! Я не собиратель эго. Это только средство, простое средство. Ты говоришь: «Куда мне положить свое эго?» Я говорю: «Ладно, давай его мне», потому что знаю, что тебе нечего дать, но отдав его, ты будешь счастлив. По крайней мере, ты почувствуешь себя великолепно, сдавшись; по крайней мере, ты отдал свое эго в хорошие руки.

Но этот саньясин говорит: «Я не могу сдаться». И людям, особенно с Запада, это очень трудно.

Это очень важно понять: западное образование, западная психология — все они подчеркивают эго: «Усиливай, улучшай свое эго». Под разными именами эго усиливается. Сила воли — не что иное как другое название для эго. Вся идея в том, что человек должен иметь стальное, несгибаемое, сильное, подобное камню, жесткое эго, потому что жизнь это постоянная борьба за выживание. Ты должен бороться, ты должен завоевывать.

Даже такой человек как Бертран Расселл пишет книгу по науке и называет ее «Завоевание природы». Все представление, западное представление в том, как завоевывать; даже природа должна быть завоевана. А кто ты такой? — часть природы. Часть пытается завоевать целое. Это все равно что если бы правая рука пыталась завоевать все тело. Возможно ли это? Это смехотворно. Наука не завоевала природу, но в самой попытке ее завоевать многое разрушила.

На Востоке у нас совершенно другое представление: природу нужно понять. Закон — Будда называет его дхаммой, фундаментальным законом жизни, — нужно понять, чтобы сонастроиться с ним. Дело не в завоевании, но в том, чтобы идти с ним в ногу, быть с ним в гармонии. Быть гармоничным с природой значит быть блаженным.

Если Запад утратил все блаженство, весь мир, ничто за это не ответственно кроме этой дурацкой идеи о завоевании природы. Природу не нужно завоевывать. Но та же самая идея продолжает существовать во множестве форм — в науке, и даже так называемые религиозные люди продолжают говорить о силе воли. О силе воли написаны сотни книг. Это чистая растрата времени и сил, не только бесполезная, но и отравляющая человеческие умы. Такие люди как Дэйл Карнеги или Наполеон Хилл продолжают отравлять: «Как завоевывать друзей и влиять на людей». Глубоко внутри идея та же: как завоевывать, как влиять. Наполеон Хилл написал книгу: «Думай и богатей». В чем секрет богатения? Если взглядеться, ты найдешь силу воли, весь секрет, волшебный секрет заключается в силе воли. Но сила воли это только другое название для силы эго — а эго бессильно, в нем нет никакой силы. Поэтому люди продолжают напрасно бороться, сражаться друг с другом, соревноваться друг с другом,

и в результате каждый несчастен. Поэтому западному уму кажется очень трудным сдаться.

Ситуация не лучше и на Востоке. На Востоке тысячи лет людей учили, что самое основное — сдаться, поэтому люди готовы сдаться очень легко, настолько легко, что это стало простой формальностью; в этом нет никакой значительности. На Востоке человек может коснуться ног мастера без всякого намерения сдаться. Он касается ног всех и каждого; это просто формальность. Это все равно что рукопожатие, это ничего не значит; это все равно что поздороваться. В этом нет значения; это формальность. Это своего рода приветствие старших, каждого, кто уважаем другими, каждого, кто известен как религиозный, набожный, святой человек. Люди касаются ног своих отцов, матерей, старших родственников; это просто обусловленность.

Поэтому восточный человек находится в затруднении. Его затруднение в том, что он не знает, что значит сдаться; у него недостаточно эго, чтобы сдаться. А у западного человека слишком много эго; поэтому он чувствует сопротивление. Но в целом западный ум в лучшем положении, потому что если он понимает суть и сознательно сдает эго, его сдача гораздо глубже сдачи восточного человека.

Это мой опыт с тысячами саньясинов с Востока и Запада. Сдача западного саньясина гораздо более тотальна. Конечно, ему это трудно, ему требуется больше времени, но когда это происходит, это действительно происходит. Восточному человеку не требуется времени чтобы сдаться; он всегда готов, даже прежде чем его попросят, но это его не меняет. Он касался ног многих людей; фактически, он начал чувствовать эго нового, более тонкого вида: «Я так скромн, что готов сдаться. Я так хорошо сдался». Но теперь это «я» сохраняется в гораздо более тонком виде.

Ты спрашиваешь меня, Марва: «Почему творчество так больно?»

Из-за эго. Есть и другие проблемы. Если ты слишком знающий, тебе трудно быть творческим.

В дзен есть древняя традиция. Говорят, что если ты хочешь быть художником, двенадцать лет учишь технике живописи и достигни предельного совершенства; затем на двенадцать лет забудь о технике и живописи; делай что-то другое. Полностью повернись спиной к живописи; забудь о ней, как будто ты

не имеешь с ней ничего общего. Затем однажды начни заниматься живописью снова.

Это нечто значительное. Двенадцать лет ты учился технике, потому что без техники твои картины будут детскими; но если это только техника, технически твои картины будут совершенны, но в них не будет никакой жизни, они не будут творческими. Поэтому тебе придется научиться технике, позволить ей впитаться, а затем полностью забыть о ней, чтобы она вошла тебе в плоть и кровь, впиталась до мозга костей. Затем, через двенадцать лет однажды внезапно начни писать картины снова. Теперь ты не знаешь технику. В определенном смысле ты знаешь, экзистенциально она стала частью тебя; это больше не знание. Поэтому твои картины не будут ни техническими, ни детскими.

Сначала научись технике, затем разучись. Лишь тогда однажды взорвется творчество. Сначала научись технике танца, затем забудь о технике и стань спонтанным. Лишь тогда...

Есть два типа людей — один, который думает, что не нужно учиться технике: «Я хочу быть творческим человеком, не техником». Тогда их живопись, музыка, танец останутся детскими попытками и не будут иметь большой ценности. И есть противоположные люди, которые учатся технике как только могут, и техника ловит их. Они прекрасно рисуют, но чего-то недостает: недостает души, духа; это мертвый труп. Поэтому ты должен отбросить все знание. Ты должен разучиться снова, чтобы стать свежим, невинным.

И третье: если ты пытаешься быть творческим с определенным скрытым мотивом, ты никогда не найдешь правильного направления своих энергий, потому что если художники знамениты, их становится много. Например, во Франции много художников. В Индии ты не найдешь столько художников; в Индии много святых — это зависит от моды. Во Франции в моде живопись; люди, которые считаются разумными, должны быть художниками. В Индии они должны быть святыми — те же самые дураки! Если бы они родились во Франции, они бы писали картины; в Индии те же самые дураки стали святыми.

В каждой стране своя мода — в разные времена. Например, в Индии ни один святой никогда не думает о живописи, но в Японии все святые пытаются писать картины. Они учатся каллиграфии и живописи — это просто мода.

Если ты живешь согласно некой преобладающей моде, это просто означает, что ты хочешь быть знаменитым, принятым традицией и людьми. Ты не исследуешь свой настоящий потенциал; тебя гораздо больше волнуют мнения других. Ты должен отбросить и это. Не волнуйся о мнениях других, просто найди, в чем ты чувствуешь себя хорошо. Может быть, это никому не понравится — ну и что? Может быть, ты не прославишься — ну и что? Не волнуйся об этом. Награда не в том, чтобы прославиться; награда в том, чтобы быть вовлеченным, тотально вовлеченным в творчество. Награда в самом действии; она не выходит за рамки действия, не следует за действием. Дело не в том, что когда ты написал картину, она понравилась людям, и ее выставляют по всему миру. Нет, награда в том, что когда ты ее пишешь, ты совершенно ею поглощен. Это молчание, эта радость, эта энергия, это мгновение, когда тебя нет, а Бог есть: вот награда.

Четвертый вопрос:

Любимый Мастер,

Что происходит? Я итальянец, а все еще не просветлен.

Ананд Шраван,

Достаточно быть итальянцем; просветления больше не нужно. В просветлении нуждаются другие, не итальянцы. У тебя первый приз — просветление это второй приз! Ты не должен быть слишком жадным. Быть итальянцем так прекрасно; именно поэтому ни один итальянец никогда не становился просветленным. И не думаю, что это когда-либо произойдет по той простой причине, что итальянцы рождаются просветленными. Отбрось эту жадность. Что ты будешь делать с просветлением? Достаточно спагетти! Наслаждайся спагетти от всего сердца. Оставь просветление бедным индусам; у них больше ничего нет. Именно поэтому в Индии случилось столько просветленных: когда у тебя больше ничего, остается только просветление.

Для просветления требуются некоторые вещи, которые отсутствуют в итальянцах по самой их природе. Требуется разум. Где тебе его взять? Это не товар; его не найдешь на рынке, не купишь. Он не доступен во внешнем мире. Итальянцы крайне

экстравертны, а просветление происходит где-то внутри. Для него требуется великое понимание — а итальянцы очень искусны в том, чтобы все понимать неправильно.

Однажды летом в Нью-Йорке горилла убежала из бродячего цирка. Бронзини шел по Бродвею, и горилла подбежала и пристроилась рядом.

Потрясенный полицейский регулировщик при виде Бронзини, разгуливающего под руку с гориллой, поспешил к нему.

— Эй, — сказал полицейский. — Что ты делаешь с этой обезьяной?

— Не а-знаю, — ответил Бронзини. — Он а-просто подошел-а и а-пошел а-ну-рядом.

— Лучше отведи его в зоопарк!

— Ладно, босс, — сказал итальянец.

На следующий день тот же самый полицейский заметил Бронзини гориллу, идущих под руку по Парковой Авеню. Полицейский был взбешен.

— Эй ты! — закричал он Бронзини. — Я же сказал тебе отвести обезьяну в зоопарк!

— Я так и а-сделал, — ответил итальянец, — и ему а-ну-так понравилось, что сегодня я а-веду его а-ну-смотреть мультики!

Итальянцы такие земные, чистые Зорбы! Кроме меня никто не хочет принимать их в саньясины. Но я люблю абсурдные вещи. Я хочу совершить это чудо: сделать некоторых итальянцев просветленными. На это мало надежды — я надеюсь вопреки всем надеждам — но и терять нечего. Их нужно испробовать.

Они очень телесные люди, полностью ориентированные на тело. Римляне всегда были самыми телесными людьми на Земле. В этом есть собственная красота, потому что люди, которые считают себя духовными, во многих отношениях эксцентричны, безумны, ненормальны, очень эгоистичны — конечно, в очень благочестивой форме. Они всегда считают себя Святейшим-Ты. И они болтуны. Они говорят о великих вещах, но их жизнь становится уродливой.

Это произошло на Востоке: люди говорят о Боге — а у них нет ни хлеба, ни масла. А без хлеба и масла нет ни Бога, ни какой-либо возможности Бога.

Поэтому нет ничего плохого в ориентации на тело; человек должен оставаться укорененным в теле. Человек должен быть Зорбой, но не должен в этом застрять. Человек должен подняться немного выше. Зорба должен стать и Буддой. Тогда он состоялся; оба удовлетворены — и тело, и душа.

Итальянцы слишком ориентированы на тело, и они в этом застряли.

Жена Граналди только что умерла, и он устроил ужасную сцену у могилы. Снова и снова он продолжал рвать на себе волосы и повторять:

— А-что мне делать? А-что мне делать? А-что мне делать?

Священник мягко взял Граналди за руку и попытался его утешить.

— Сын мой, я знаю, что ты страдаешь от ужасной утраты, но со временем ты оправивишься, — говорил он, уводя Граналди с кладбища.

— Ох, а-что мне делать? — завывал Граналди. — А-что мне делать?

— Попытайся взять себя в руки, — сказал священник. — Пройдут месяцы, ты справишься со своим горем, и через год или два ты встретишь какую-то молодую женщину, женишься на ней, и все будет хорошо.

— Да, Отец, я все это знаю! — сказал итальянец. — Но а-что мне делать а-ну-сегодня ночью?

Итальянцы должны освободиться от своей излишней ориентации на тело. Просветление это предельное цветение сознания. Оно может случиться лишь если ты укоренен в теле, но не может случиться только в теле. Ты должен двигаться вовнутрь, ты должен трансцендировать и тело. Твои корни должны быть в теле, но крылья — в душе.

Шраван, не волнуйся. Это еще не произошло, но может произойти. Здесь так много итальянцев; они сдались глубже чем кто-либо другой. Они преданы больше чем кто-либо другой. Впервые так много итальянцев пытается двигаться глубже в медитацию; из этого обязательно что-то получится. Но они нашли во мне что-то такое, чего не могли найти больше нигде. Они могут найти со мной контакт, потому что я не против тела. Я не против ничего. Я думаю, не никаких проблем, если ты любишь

спагетти — ты все равно можешь быть духовным! Нет никакого противоречия.

Для меня даже секс и самадхи взаимосвязаны. Для меня сплетни и евангелия ничем не отличаются — где-то глубоко внутри это стороны одной и той же монеты. Поэтому итальянцы находят со мною глубокое созвучие. Они не могут быть заинтересованы ни в каком другом духовном человеке в обычном смысле. Я целый человек, не святой.

Локателли, Свенсон и О'Хара сидели в угловом салуне.

— Вне всяких сомнений, — сказал Свенсон, — итальянские телки самые лучшие!

— Да, согласился О'Хара, — я хотел бы провести милый длинный уикенд с Джиной Лоллобриджидой.

— А я бы выбрал Софи Лорен, — сказал Свенсон.

— Это-а очень а-ну-мило, — сказал Локателли, — но я хочу Вирджинию Пайплайн-а!

— Никогда о ней не слышал! — сказал Свенсон.

— Кто она? — спросил О'Хара.

— Это самая потрясающая итальянская девушка. О ней даже написали в газете, — сказал Локателли. — Смотрите, вот, на первой странице: «Пять человек погибло трахая Вирджинию Пайплайн³».

Не волнуйся, Шраван, я здесь для того чтобы тебе помочь. Может быть, на этот раз ты не сможешь убежать. Так много итальянцев поймано в сеть, и некоторые из них обречены на то, чтобы стать буддами. Не волнуйся, просветление случится со многими — включая итальянцев!

Последний вопрос:

*Любимый Мастер,
А как насчет поляков?*

Пурнананда,

³ Игра слов; "Five Die Laying Virginia Pipeline": «Пять человек погибло при прокладке Трубопровода Вирджинии».

Боже мой, так ты поляк? Поляки великие люди, даже лучше итальянцев. Итальянцы ничто в сравнении с поляками! Как видишь, когда искали Папу, его не смогли выбрать из числа итальянцев — пришлось выбрать поляка. Если ищешь дурака, поезжай в Польшу.

Свами Анандо пожертвовал этим подлинным письмом от своей матери.

Дорогой сын,

Пишу всего несколько строк, чтобы ты знал, что моя еще жить. Я писать это письмо медленно, потому что знать, что ты не можешь быстро читать.

Ты не узнаешь дом, когда вернешься. Мы переехали.

В новом доме есть стиральная машина, но она работать не очень хорошо. На прошлой неделе я положить в нее тринадцать рубашек, потянуть за цепь, и больше никогда их не видеть.

Твоя сестра Ханна сегодня утром рожать ребенка. Я не знаю, это мальчик или девочка, поэтому не могу сказать, ты теперь дядя или тетя.

Твой дядя Леопольд утонул на прошлой неделе в чане виски. Некоторые нырять, чтобы его спасти, но он от них отбиваться. Мы кремировать его тело, но потребовалось три дня, чтобы потушить огонь.

Твой отец не пить много на рождество. Я класть бутылку касторового масла в его пиво. Он бегал до самого Нового Года.

На прошлой неделе дожди идти два раза. Первый три дня, другой четыре дня.

Попытайся научиться писать поскорее.

Твоя любящая мать,

XXX.

P.S. Хотела послать десять долларов, но уже запечатать конверт.

Поляки великие люди — здесь нужно больше поляков! Но бедным полякам трудно приехать, потому что их страной правят коммунисты.

Несколько дней назад я получил письмо: кто-то хочет открыть центр где-то в Польше. Они хотят, чтобы центр остался скрытым; не думаю, что это у них получится! Они даже хотят стать саньясинами, но их поймают.

В России есть несколько саньясинов. Они не могут ходить в оранжевом, не могут носить малы, но у них все получается. У них есть малы, они приняли меры, чтобы их получить. Теперь пришло это письмо из Польши: они хотят малы и книги — но они не оставили адреса!

Джонсон отправился в зоопарк смотреть Самсона и Лайонелла, известных как два самых опасных льва в мире. О Самсоне не было никаких сомнений, потому что даже если мимо пролетало перо, он бросался на него и разрывал в клочья. Но Лайонелл, другой лев, побольше, ничего не делал, кроме как просто лежал между камнями и вылизывал между задних ног.

Джонсон подошел к служащему зоопарка и спросил, почему Лайонелла считают самым диким львом.

— Хотя сейчас он просто лежит и облизывает чувствительные части тела, — объяснил тот, — Лайонелл гораздо свирепее второго льва. Фактически, только двадцать минут назад он съел поляка, который упал к клетку.

— Почему же тогда он вылизывает задницу?

— Он пытается избавиться от вкуса во рту.

Пурнананда, встретиться с Анандо. Попытайся определить — может быть, здесь скрывается еще несколько поляков, потому что они знают, что я на них наброшусь. Теперь вы можете объявить об этом открыто, потому что я все равно на вас наброшусь! Поэтому каждый поляк может объявить себя поляком. Можете учредить небольшое общество поляков.

В новой коммуне хорошо будет завести небольшие сообщества, отдельные сообщества для итальянцев, поляков, немцев... Правда, будут некоторые затруднения.

Гайан написал мне сегодня утром: «Любимый Мастер, может быть, ты не знаешь, но я должен тебе сказать, что я наполовину итальянец — в этом виноват мой отец, итальянец, — и наполовину немец — в этом виновата моя мать, немка».

Такие люди как Гайан окажутся в некотором затруднении, но мы можем принять меры: он может жить на линии границы, наполовину на итальянской территории, наполовину на немецкой. И не думаю, что найдутся люди, которые немцы, итальянцы и поляки одновременно; это трудно, очень трудно.

На сегодня достаточно.

Глава 7 За пределами Запредельного

*Ничего не желая,
Всем сердцем
Останови поток.*

*Когда мир растворяется,
Все становится ясным.*

*Иди за пределы
Этого пути или другого пути,
На дальний берег,
Где мир растворяется,
И все становится ясным.*

*За пределы этого берега
И другого берега,
За пределы запредельного,
Где нет ни начала,
Ни конца.*

Без страха — иди.

*Медитируй.
Живи чисто.
Будь тих.
Делай свою работу с мастерством.*

*Днем сияет солнце,
И сияет воин в своих доспехах.
Ночью сияет луна,
И мастер сияет в медитации.*

Но и днем, и ночью
Человек, который пробужден,
Сияет светом своего духа.

- Смотрите, Капитан Колумб, земля! Мы открыли землю!
- Прекрасно! Скорее пошлите телеграмму Королеве Изабелле!
- Но, Капитан, телеграф еще не изобретен!
- Мамма мия! Я а-что, все а-ну-должен делать сам-а?

Наука это традиция, она не зависит от открытий одного человека. Это продолжительность; в нее внесли вклад многие люди и многие по-прежнему вносят. И все равно она никогда не будет завершенной; что-то всегда будет оставаться неоткрытым. Это социальное явление. Без Ньютона невозможен Альберт Эйнштейн; без Альберта Эйнштейна нет возможности того, что кто-то что-то найдет за пределами теории относительности. Наука взаимозависима; это не работа одного человека. Многое нужно принять от других, многое нужно заимствовать; это наследование. Поэтому наука зависит от прошлого и укоренена в прошлом.

Религия это совершенно другое: каждая индивидуальность должна открыть ее сама. Религия это не традиция и никогда не может быть традицией. Нельзя заимствовать прозрения у кого-то другого; прозрение должно быть подлинно твоим. Лишь тогда оно значительно. Ты можешь видеть лишь собственными глазами, ты можешь понимать лишь в собственной медитации, ты можешь переживать опыт лишь в цветении собственного сердца.

Не может быть речи ни о какой зависимости. Если бы не было Будды, ты все равно мог бы проснуться, если бы не было Христа, ты все равно мог бы стать просветленным. Твое просветление — абсолютно твое; оно индивидуально. В этом красота религии; именно поэтому религии нельзя научить. Науку можно научить; религию каждая индивидуальность, каждый искатель должен открывать заново. Двигаясь путем науки, ты словно идешь по земле: остаются следы. Путь религии все равно

что птицы, летящие в небе — они не оставляют следов... и никто не может следовать будде.

Ты можешь любить Будду, но не можешь ему следовать. Ты можешь любить Христа, но не можешь ему следовать. Да, любовь тебе поможет, поможет понять, даст тебе храбрость исследовать, придаст твоему духу сил идти в неизвестное. Это окажет безмерную помощь, потому что в этом путешествии нет карт, а ты плывешь в океан. Другой берег, дальний берег, невиден; нет гарантии, что ты его когда-либо достигнешь. Но в любви к Будде, Христу, Лао-цзы, Заратустре, Кришне в тебе возникает глубокое доверие, вера в дальний берег — он существует: «Если я буду искать всем моим существом, есть возможность его открыть». Но риск велик, и тебе все придется делать самому. Ты должен идти один. Ты должен быть совершенно один; никто не составит тебе компанию на этом пути.

Мастер может лишь указать тебе путь, но не может пойти с тобой. Он может тебя подтолкнуть, поощрить, помочь разными способами, но все же ты должен идти один. Ты должен заново открыть все, каждую деталь истины.

В науке все совершенно по-другому: как только истина открыта, она открыта для всего человечества. Как только открыто электричество, никто другой не должен открывать его снова и снова. Это было бы глупо, совершенно глупо. Как только оно открыто, оно становится наследием всего человечества.

Но это не так применительно к внутренней, субъективной истине. Тысячи раз она была открыта; но когда она приходит как вопрос, как исследование, как то, что ты должен открыть, тебе придется начать с самых азов, как будто ты первый, как будто до тебя никого не было. Ты должен разбить лед, ты должен идти в нехоженые земли.

Это великий вызов. Трусые от него бегут, но смелых людей это безмерно привлекает. Смелые находят, что это магнетическая сила, которая их притягивает. Поэтому Будда всегда говорит о бесстрашии. Он говорит: *Без страха — иди.*

Другие религии, особенно, организованные религии, укоренены в страхе. Если бы Будда написал древнюю притчу об Адаме и Еве, их изгнание из рая он описал бы совершенно по-другому. Он восхищался бы Адамом и Евой. Он не назвал бы это первородным грехом, он назвал бы это первородной добродете-

лю — они восстали, они не побоялись Бога и его наказания, они были бесстрашными людьми.

Он бы их не осудил, это определенно; он бы безмерно их восхвалял. Это было вызовом для их духа, для самой их души, когда им сказали: «Не ешьте плодов с этого дерева, дерева знания, потому что иначе вы будете наказаны, сурово наказаны — и не только вы, но и ваши потомки будут подвергаться наказанию веки вечные».

И наказание было очень суровым. Бог сказал Адаму и Еве: «Если вы съедите плод с дерева знания, то станете смертными. Прямо сейчас вы бессмертны». Наказанием была смерть. Может ли быть худшее наказание? Смерть это предельное наказание.

Будда восхитился бы ими. Если бы Адам и Ева не восстали, если бы не съели плод с дерева знания, человечества бы не было — и не было бы ни Христа, ни Будды, ни Заратустры, ни Лао-цзы. Адам и Ева по-прежнему бродили бы голые среди зверей в Эдемском Саду. Не было бы ничего подобного человечеству. Это сознание, эта осознанность, это исследование — ничего этого бы не было. Вся заслуга принадлежит Адаму и Еве.

И змей не был бы Дьяволом. В истории Будды змей, наоборот, был бы древним буддой, подстрекающим Адама и Еву: «Идите без страха и съешьте плод, не бойтесь, не будьте трусами!» На Востоке змей всегда представлял мудрость. Иисус тоже говорит: Будьте мудрыми как змеи. На Востоке змея символизирует внутреннюю силу, силу семени твоего предельного цветения; это твой потенциал. Поэтому *кундалини* называет силой змеи.

Кундалини означает змею, лежащую в глубоком сне; ее нужно разбудить. Когда она просыпается, она начинает двигаться вверх. Когда она достигает предельного центра твоего существа, — *сахасрары*, — последнего центра, последней ступеньки лестницы, ты прибыл домой. Змея не символизирует личину Дьявола. Будда написал бы всю историю совершенно по-другому.

Но и христианство, и иудаизм основаны на страхе. Только две религии в мире, буддизм и джайнизм, не основаны на страхе; все остальные религии основаны на страхе. Лишь эти две религии основаны на бесстрашии, и я не вижу, как можно осно-

вать религию на страхе. Во всех языках мира религиозных людей называют «богобоязненными»; это полная чепуха. Религиозные человек не боится Бога, он любит Бога — а любовь и страх не могут существовать вместе. Если ты кого-то любишь, ты не боишься; если ты боишься, ты не можешь любить.

Любви не существует в мире по той просто причине, что мы пытались создать любовь из страха. Отец, мать, священник, политик — все они пытаются создать в тебе страх. Мать говорит: «Слушайся меня, иначе ты будешь страдать!» Отец говорит: «Я сильный». Тысячей и одним способом он показывает свою власть над маленьким ребенком и говорит: «Люби меня — я твой отец!» Конечно, ребенок должен притворяться, потому что он зависим, беспомощен. Он любит мать из страха; его любовь фальшива. Он любит отца из страха; это только притворство, лицемерие. Он любит Бога из страха — страха ада, страха наказания, страха мучений.

Знаете ли вы? Христианство верит, что если ты совершаешь грехи, то будешь вечно страдать в аду. Это кажется такой абсурдной концепцией. Сколько грехов ты можешь совершить за одну маленькую жизнь? А христианство верит только в одну жизнь. Если индуисты скажут, что ты должен будешь страдать в аду за свои грехи, их арифметику можно понять, потому что они верят в миллионы жизней, и ты можешь совершать сколько хочешь грехов. Конечно, и страдание будет в той же пропорции, наказание будет в той же пропорции. Но христианство предлагает вечный ад. Сколько грехов ты можешь совершить? Ты можешь курить сигареты, а потом в аду тебя бросят в огонь, и ты будешь вечно дымиться! Или, если ты алкоголик, сколько ты можешь выпить за одну маленькую жизнь? Из семидесяти лет одна треть уходит на сон; во сне ты не можешь совершить никаких грехов, если только не учитывать и сны. Другая треть уходит на работу, конторы, фабрики, поля, магазины... Сколько времени остается на грехи? Просто сосчитай по дням — ты не насчитаешь много времени. И твои грехи будут просто мелочами. Да, ты можешь влюбиться в жену соседа, но страдать за это веки вечные? Это совершенно неправильно, несправедливо! Может быть, два или три года заключения в аду это еще куда ни шло, но вечность? Можешь ли ты представить себе вечность? Она никогда не кончается, страдание будет бесконечным!

Это просто способ создать страх. И люди любят Бога из страха, молятся из страха.

Будда против страха; для него страх это и есть первородный грех. Он верит в бесстрашие — верит и правильно делает; это его опыт. Таков же и мой опыт: истинная любовь случается лишь когда страх исчезает полностью.

Истинная религия еще не случилась в мире, потому что мы пытались создать дешевую религию, основанную на страхе. Истинная любовь еще не случилась в мире. Жена боится мужа, поэтому притворяется, что любит его; муж боится жены, поэтому продолжает говорить: «Дорогая, я тебя люблю!» как можно чаще.

Именно это Дэйл Карнеги предлагает всем мужьям: «Любишь ты ее или нет, суть не в этом. Повторяй как можно чаще каждый день, при каждой возможности. Один или два раза позвони жене с работы и скажи, что любишь ее». Все это делается из страха.

Из-за страха мир лишен роз любви. Любовь может случиться — каждый человек рождается с безграничной способностью к любви, — но каждого калечит и парализует страх.

Будда говорит своим бодхисаттвам: Идите и учите людей нескольким фундаментальным вещам. Вот первое, что он говорит:

*Ничего не желая,
Всем сердцем
Останови поток.*

Эти слова — его шифр; вам придется расшифровать кодированное послание. В те древние времена слова нужно было помнить, поэтому давались лишь небольшие, сконцентрированные сутры. Каждая сутра зашифровывалась в кодированное послание; вам придется его расшифровать. Вам придется перевести каждую сутру на современный язык; иначе вы упустите ее значение.

Ничего не желая... Как это возможно — ничего не желать? Это самая фундаментальная истина в посланиях Будды. Он говорит не *ничего не желая*, но *желая ничто*. *Ничего не желая* было бы непониманием. Он говорит: *Желая ничто, всем сердцем останови поток.*

Под «поток» он подразумевает ум. Он всегда называет ум потоком, потому что он продолжает течь; бодрствуешь ты или спишь, он продолжает течь. Это поток мыслей.

В современном мире первым использовал буддистское название ума один из великих психологов, Уильям Джеймс; он назвал его «поток сознания». Будда говорит, что он подобен постоянно текущей реке. Как ты можешь ее остановить? Старые методы — подавлять, контролировать, и все они оказались несостоятельными, совершенно несостоятельными; они потерпели крах во времена Будды.

В определенном смысле первый в мире психолог — Будда, а не Зигмунд Фрейд. И прозрение Будды в ум гораздо глубже всех психологов вместе взятых. Нет способа избавиться от постоянного ошеломляющего наводнения энергии ума, умствования, просто контролируя или подавляя его. Подавление абсолютно разрушительно. Если ты что-то подавляешь, оно всплывет снова и снова, и тебе придется снова и снова подавлять. Вся твоя жизнь будет своего рода гражданской войной; ты будешь постоянно бороться с собой. И эта борьба будет бесконечной, потому что таким образом ты не можешь разрушить ум; это не способ избавиться от ума. Фактически, борясь с умом, ты даешь ему огромную энергию.

Уму можно давать энергию двумя способами: борясь с ним или потакая ему. Одно ведет к подавлению, второе — к отождествлению, но и то, и другое питает ум. Поток становится больше и больше.

Ты можешь подавлять — подавление просто — и все человечество научилось подавлению, потому что вы всегда выбираете линию наименьшего сопротивления. Подавление — нетрудное дело. Возникает гнев: ты можешь на него сесть, ты можешь продолжать улыбаться фальшивой улыбкой, но рано или поздно забудешь о нем. Но он по-прежнему кипит у тебя внутри, и с каждым днем ты накапливаешь больше и больше гнева. Если гнев спонтанен, в нем есть собственная красота, но если ты накапливаешь гнев, который теряет связь с реальностью, он не будет спонтанным.

Может быть, что-то случилось десять лет назад; теперь это не имеет никакой связи с реальностью, никакого контекста — ты внезапно взрываешься. Ты выглядишь как ненормальный. Именно так люди становятся ненормальными. Если бы они ра-

зозлились десять лет назад, когда для этого был правильный контекст, никто не назвал бы их ненормальными, но десять лет они на нем сидели; его стало слишком много. Десять лет они постоянно накапливали все больше и больше гнева. Каждый день они подавляли, сидели на вулкане; рано или поздно он начинает извергаться. Либо так, либо ты становишься таким мертвым и тупым, таким неживым, что извергаться нечему. Ты должен совершенно устранить себя из жизни, уйти в монастырь, стать таким нечувствительным, чтобы люди могли продолжать тебя оскорблять, и ничто не могло проникнуть через твою толстую кожу...

Джованни был приговорен к тюрьме за то что занимался любовью с телом своей жены через несколько часов после ее смерти. — Есть ли у вас что сказать в свою защиту? — спросил судья. — Честное а-слово, мастер а-судья, — ответил итальянец, — я а-не знал, что она а-ну-мертвая. Она а-такая была а-последние двадцать лет!

Есть миллионы людей, которые на самом деле не живы — они боятся быть живыми, потому что если они живы, тогда приходит к жизни весь их гнев, вся их похоть, вся их жадность. Чтобы продолжать их подавлять, они должны оставаться на минимуме; они никогда не живут по максимуму. А не жить по максимуму значит упустить Бога, упустить все — все красоты и благословения жизни.

Ты должен жить по максимуму; лишь тогда ты узнаешь всю безмерную красоту существования. Лишь тогда с этих высот ты осознаешь великолепный аромат, постоянное празднование, которое продолжается и продолжается без конца. Но ты не можешь жить по максимуму; ты боишься, потому что если ты живешь тотально, тогда в тебе всплывет все подавленное.

Миллионы людей выбрали мертвую жизнь; они мертвы прежде чем действительно умирают. Они живут только по минимуму, зарабатывают на жизнь; не чтобы жить, но просто чтобы существовать как овощ. Они так боятся — священники нагнали на них столько страха.

Будда против подавления. И если ты что-то подавляешь, оно находит для выражения какой-то другой путь, какой-то искаженный путь. Именно поэтому я говорю, что сексуальные из-

вращения имеют религиозные истоки — по той простой причине, что все религии были против сексуальности.

Секс должен быть трансформирован, не подавлен. Это чистая энергия, это огонь! Но не обязательно сжигать свой дом в этом огне. Ты можешь обогреть свой дом, если в нем слишком холодно, ты можешь наполнить дом светом, если в нем темно. Именно этот огонь становится светом, теплом, но он может и сжечь твой дом. Ты должен быть очень бдительным, осторожным, внимательным.

Твои жизненные энергии нейтральны: они могут причинить тебе вред, могут и помочь; все зависит от тебя. Не осуждай их. Ты ответствен — и только ты!

Но люди продолжают осуждать секс, как будто секс имеет какое-то отношение к тебе. Секс не имеет к тебе никакого отношения; секс это чистая энергия. Но если ты ее подавляешь, она станет извращенной; тогда она найдет другие пути выхода. Если ты закроешь естественный выход, тогда энергия начнет выходить неестественно. И ты остаешься тем же прежним глупцом, ты совершенно не изменился; ты не вырос в понимании.

Мулла Насреддин пришел из деревни в большой город, и богатый друг пригласил его в свою ложу в опере.

Он сказал:

— Мы будем сидеть рядом с другими людьми, поэтому обязательно смени носки перед выходом!

Через некоторое время после того как они вошли и заняли места, соседи стали оборачиваться и принюхиваться, возмущенные плохим запахом.

— Я же сказал тебе сменить носки, — сказал друг Мулле.

— Я так и сделал, — сказал Насреддин, — и так как я знал, что ты мне не поверишь, в доказательство вот старые, у меня в кармане!

Если ты прежний глупый парень, неважно, что ты делаешь со своим сексом, со своей жадностью, со своей ревностью. Они вернутся в какой-то другой форме, другой дорогой; они станут еще тоньше.

Будда говорит, что все что нужно это больше осознанности, больше понимания — не подавления и не контроля. Если ты можешь лучше осознавать свои желания, если ты можешь на-

блюдать свои желания, тогда происходит чудо, величайшее чудо из всех чудес. В то мгновение, когда ты начинаешь осознавать свои желания, ты можешь легко увидеть, что ни одно желание никогда не может быть удовлетворено; по самой своей природе оно неосуществимо. Каждое желание это просто стремление к чему-то невозможному, каждое желание означает еще, еще и еще. Как тебе осуществить это постоянное стремление к большему? Даже если в твоих руках все богатства мира, желание останется прежним.

Я слышал, что Диоген сказал Александру Великому:

— Ты никогда не думал об одной вещи? — хотя это очень сомнительная возможность, но не думал ли ты об этом? Если ты завоеешь весь мир, что дальше? Больше мира нет, мир только один. Если ты действительно добьешься успеха — ты никогда об этом не размышлял? — что ты тогда будешь делать?

И говорят, Александр очень опечалился. Диоген рассмеялся и сказал:

— Послушай! Ты еще даже его не завоевал, но сама идея, что ты завоевал весь мир... что ты будешь делать дальше? — потому что другого мира нет. Ты будешь в полной растерянности, потому что ум просит большего. Он не будет удовлетворен одним миром — он никогда не будет удовлетворен.

Ум означает недовольство; это сама его природа. Желания это только проявления недовольства. Наблюдая свои желания, мало-помалу ты начинаешь осознавать тщетность желания, начинаешь осознавать, что природа желания абсурдна. Ты осознаешь, что по самой своей природе желания неосуществимы. Когда ты видишь это, происходит трансформация, происходит чудо, начинается радикальная перемена; но в видении этого — не в подавлении, не в контроле, но в понимании.

Скрипач был убежден, что сможет использовать свое искусство в музыке для укрощения диких животных. И вот со скрипкой в руках он приехал в самое сердце африканских джунглей, чтобы это доказать.

Не успел он начать играть, как на вокруг стали собираться все возможные звери, чтобы его послушать. Птицы, львы, бегемоты,

слоны — все столпились вокруг, очарованные его прекрасной игрой.

Тут из реки выполз на берег крокодил и — ам! — проглотил скрипача.

Другие звери были крайне возмущены.

— Какого черта ты это сделал? — закричали они. — Мы так наслаждались.

Крокодил приложил руку к уху и сказал:

— Что-что?

Ум абсолютно глух; он продолжает и продолжает делать те же самые глупости, никогда не видя, никогда не слыша послания. Каждое желание приводит тебя к точке, в которой происходит радикальная перемена, но ум не может ни увидеть, ни услышать ее. Он слеп, он глух. Когда одно желание кончается крахом, ум думает: «Если это желание не осуществилось, это не значит, что не осуществляются другие». Он продолжает надеяться, что, наверное, должны быть желания, которые осуществляются, если не в этот раз, так в следующий; если не сегодня, то завтра; если не в этой жизни, то после смерти, на небесах. Но ум продолжает думать и катиться по старой колее.

После ограбления банка сержант подбежал к инспектору и сказал:

— Он ушел, сэр!

Инспектор был в ярости.

— Но я же сказал приставить человека к каждому выходу! — рявкнул он. — Как ему удалось уйти?

— Он ушел через один из входов, сэр!

Ум всегда находит способ снова убедить тебя в той же глупой игре. Будда говорит это наблюдать. Только в наблюдении ты начинаешь «хотеть ничто».

И наблюдать ты должен всем сердцем; наблюдение не должно быть частичным, иначе оно не сработает — потому что если ты наблюдаешь частично, тогда часть тебя, не вовлеченная в наблюдение, будет продолжать заниматься старыми трюками, старыми стратегиями. Все твое сердце должно быть наблюдательным, чтобы в тебе не осталось ни одного темного участка, чтобы все твое существо осознало абсурдность желания.

Джими Картер посетил одно из крупнейших учреждений для людей с умственными расстройствами. Он осмотрел главное здание и заходил увидеть ферму. Его шофера не оказалось рядом, и ему пришлось воспользоваться обычным автобусом.

Через несколько минут медбрат привел несколько пациентов.

Когда они входили, он стал считать:

— Один, два, три, четыре, пять...

Он подошел к президенту и сказал:

— А вы кто?

Мистер Картер сказал:

— Я президент Соединенных Штатов!

Медбрат сказал:

— Шесть, семь, восемь...

Не имеет значения, кто ты, где ты. Если ты желаешь, ты сумасшедший... Шесть, семь, восемь. Ты ненормальный. Фактически, если ты не достаточно ненормальный, как ты можешь хотеть стать президентом? Годами люди пытаются стать президентами; вся их жизнь посвящена единственной цели: стать президентом. И чего они добиваются? С той же энергией они могли бы стать буддами, с тем же усилием они могли бы стать пробужденными. Но мы направляем энергию на такие неправильные цели — деньги, власть, престиж — и все они ведут к безумию.

Желание безумно. Наслаждайся жизнью! — не заботься слишком о завтра. Не жертвуй сегодня ради завтра; иначе ты всегда будешь упускать все возможности, которые открываются для внутреннего роста.

Желая ничто, всем сердцем останови поток.

Наблюдай. Попытайся понять саму природу желания, и в самом этом понимании остановка случится сама собой. Тогда поток просто исчезает, испаряется, как будто его никогда и не было. И в то мгновение, когда ты свободен от ума, ты свободен и от всего страдания, от всего недовольства.

*Когда мир растворяется,
Все становится ясным.*

С растворением ума весь мир, который создает вокруг себя ум, очевидно, тоже растворяется, — он зависел от ума, он был проекцией ума. Не исчезнут деревья и розы... розы будут

гораздо краснее, а деревья — зеленее. Люди будут гораздо красивее; даже камни на морском берегу станут как бриллианты. Все станет драгоценным.

Этот мир, реальный мир, не исчезнет вместе с твоим умом, но ты живешь в совершенно другом, собственном мире: мире собственных желаний. Ты не видишь реального мира, ты видишь только свой собственный мир, спроецированный на реальный мир. Реальный мир просто используется как экран, на который ты проецируешь свои желания. Ты никогда не видишь того, что есть; ты продолжаешь видеть то, что соответствует твоим желаниям.

Говорят, что сапожник никогда не видит лиц людей, он всегда смотрит на их обувь. Конечно, его не заботят их лица, он не имеет ничего общего с их лицами; его заботит только их обувь. И видя обувь человека, он узнает о нем все: богат он или беден, успешен или неудачник. Эта туфля скажет ему все: форма туфли, старая она или новая, насколько она изношена; все это скажет ему, что это за человек. Анализ туфли, произведенный сапожником, даст ему совершенный анализ ее обладателя. Не нужно ходить к психоаналитику, ты можешь пойти к сапожнику и оставить ему туфлю. Он может составить тебе карту: что ты за человек, что происходит в твоей жизни.

Портные тебя никогда не видят, они видят только твою одежду. Они делают о тебе заключения по твоей одежде. Люди видят только свои желания и проецируют свои желания. Если кто-то полон похоти, даже безобразная женщина покажется красивой.

Мулла Насреддин иногда ездит в резиденцию в холмах; у него там есть бунгало. Иногда он говорит: «Я еду на три недели», и возвращается через десять дней. Так было столько раз, что однажды я спросил его:

— Ты никогда не следуешь своему решению. Ты говоришь, что едешь на три недели, и возвращаешься через неделю. Иногда ты говоришь, что едешь на пять недель, а возвращаешься через десять дней. В чем дело?

Он рассмеялся; он сказал:

— У меня есть критерий, и мне очень трудно принять решение отсюда. Ты знаешь, что у меня есть бунгало в холмах — и там есть женщина, которая заботится о бунгало. Она самая уродли-

вая женщина, которую только можно себе представить, и сколько я там пробуду, это зависит от этой женщины.

— Не понимаю, — сказал я.

— Позволь мне объяснить. Она так отвратительна, омерзительна, но когда я туда приезжаю, она не так омерзительна и отвратительна. Через четыре или пять дней я даже начинаю видеть в ней что-то красивое. К седьмому или восьмому дню она начинает выглядеть очень красивой. В то мгновение, когда я вижу, что во мне возникает желание, я сбегая — вот как я принимаю решение. Это означает, что мне пора ехать. Я знаю, что она уродлива, но теперь мои глаза меня обманывают, проецируют. Теперь моя неосуществленная сексуальная похоть проецируется на нее; она не то, чем мне кажется. Тогда я начинаю собираться — я схожу с ума. Тогда я немедленно спешу домой; пора домой, оставаться опасно. Я не хочу заниматься любовью с этой отвратительной женщиной. Я прекрасно знаю, что она отвратительна, но приходит время, где-то между семью и десятью днями, когда на нее начинает выглядеть красивой как Софи Лорен.

Ты переживаешь это на опыте снова и снова, но не понимаешь. Когда впервые ты влюбляешься в женщину или мужчину, другой выглядит почти как бог или богиня; это твоя проекция. Вскоре ты лишишься иллюзий. Виноват в этом ты, не другой. Дело не в том, что другой тебя обманул; другой ничего не сделал. Ты был голоден, ты жаждал, ты жил с подавленным желанием, и это желание создало в тебе иллюзию. Ты влюбился, ты увидел что-то такое, чего не было на самом деле. Влюбленные постоянно видят вещи, которых нет, которых не видит никто другой; именно поэтому все остальные считают влюбленных безумцами. Они сами думают, что сошли с ума, через две или три недели, но когда они влюблены впервые, они думают, что нашли женщину, которая создана для них — они созданы друг для друга.

Я постоянно получаю письма. Одна женщина, саньясинка, находит кого-то почти каждый месяц, пишет мне и забывает тот факт, что писала то же самое, по крайней мере, три года: «Любимый Мастер, кажется, мы созданы друг для друга». Она понятия не имеет, что писала это, по крайней мере, пятьдесят раз! Когда кто-то ее волнует, она забывает обо всем.

Я ей напомнил. Она сказала:

— В других случаях, может быть, я ошибалась, но на этот раз, поверь мне, мы действительно созданы друг для друга!

И через две или три недели между этими созданными друг для друга людьми все было кончено.

Фактически, никто не создан ни для кого другого; каждый создан для самого или самой себя. Никто не создан ни для кого другого — Бог никогда не создает вас парами! Отбросьте всю эту чепуху. Он просто создает индивидуальности.

На Востоке есть истории — наверное, это истории, не история. В джайнских писаниях говорится, что в самом начале мира Бог создавал мужчину и женщину вместе. Каждая мать рожала близнецов, мальчика и девочку; они должны были стать мужем и женой. Они не были братом и сестрой — они были созданы друг для друга! Должно быть, это исполнение желаний. Человек всегда думал: «Должен быть кто-то, кто мне абсолютно подойдет. Где-то должен существовать кто-то как раз для меня, а я для нее». Нет никого подходящего для тебя, и ты никому не подходишь. Бог создает только индивидуальности, Бог верит в индивидуальности — он индивидуалист.

Фактически, брак это человеческое изобретение, Бог не верит в брак. Он сам остается один, без жены; ты видишь — суть так ясна. Иначе он, по крайней мере, женился бы на Святом Духе! Святого Духа можно превратить как в мужчину, так и в женщину — дух есть дух! У него нет тела; он мог бы дать ему тело. Если он может создать мир, что ему мешает создать для себя женщину? Он был так щедр к мужчине — он дал ему первую женщину, Лилит. И Лилит была действительно красивая женщина, но в первую же ночь они начали драться подушками — первая эмансипированная женщина! Движение Освобождения женщин началось с Лилит. И драка произошла из-за того, что Бог дал им одиночную кровать, они оба хотели в ней спать, но не помещались. Лилит просто отвергла идею, что она должна спать на полу. Она сказала:

— Если хочешь спать на полу, пожалуйста!

Адам очень обиделся — мужчина спит на полу, а женщина в кровати? Среди ночи они постучались к Богу и сказали:

— Ты должен это разрешить.

Бог тоже, кажется, очень странный тип — это было так просто. Он мог бы позвонить Ашишу: «Сделай двуспальную кровать!» Именно это сделал бы я. Зачем поднимать вокруг это-

го столько шума? Или, если бы Ашишу требовалось слишком много времени, — как это обычно бывает, — он мог бы забрать кровать: «Спите на полу оба, будьте равными!» Он мог бы послать Дикшу ее забрать; она забрала бы все, даже пол! Но пути Бога очень странны.

Он растворил Лилит. Он сказал:

— Ты исчезнешь. Ты не сможешь с этим справиться.

Затем он сделал Еву, вынув из Адама ребро, чтобы она была частью Адама. Это очень уродливое действие, очень антифеминистическое. И с тех пор Бог был мужской шовинистической свиньей!

Никто не создан ни для кого другого, поэтому два человека не могут абсолютно подходить друг другу. Все ваши идеи о том, кто кому подходит, иллюзорны, и рано или поздно они будут разбиты. Вы должны либо пойти на компромисс, либо расстаться. Но никто не создан друг для друга.

Те, кто понимает, начинают принимать уникальность другого, начинают уважать уникальность другого. Они знают, что они разные, и все же они решили быть вместе. И то, что они разные, красиво, потому что многообразие придает жизни богатство.

Но ты продолжаешь создавать вокруг себя мир, иллюзорный мир. Будда говорит именно об этом мире: *Когда мир растворяется* — он имеет в виду, что растворяется ум со всеми своими проекциями — *все становится ясным*.

Когда никаких проекций больше нет, у тебя появляется ясность, безмерная ясность, сознание без всяких облаков. Ты можешь видеть все насквозь. Это видение есть свобода, это видение есть спасение, это видение есть нирвана, это видение — возвращение домой.

Иди за пределы...

Иди в это видение. Иди за пределы ума, иди за пределы известного, потому что ум состоит из известного. Иди за пределы познаваемого, потому что все познаваемое рано или поздно станет известным и снова создаст ум. Поэтому иди за пределы известного — известное значит то, что уже стало частью ума, — и познаваемого — того, что потенциально может рано или позд-

но стать частью твоего ума. Иди за пределы известного, познаваемого, чтобы ты мог войти в непознаваемое, в таинственное. Запредельное символизирует таинственное.

Этого пути или другого пути...

Будда не фанатик; он говорит, что неважно, какому пути ты следуешь. Помни: ты должен выйти за пределы ума. Следуй любому пути! В этом его красота — это очень редко. Ты не найдешь этого качества в религиозных фанатиках; он совершенно не фанатик. Он говорит, что несущественно, чему ты следуешь, неважно, переправляешься ли ты на другой берег вплавь, на лодке или парохоме, или еще как-нибудь... это твое дело. Переправься на другой берег; в этом суть. Подойдет любой путь, если он ведет к другому берегу, подойдет любой путь, если он ведет за пределы ума.

Есть только два пути. Один, осознанность, медитация, — путь Будды. Другой, любовь, преданность — путь суфиев. По сути есть лишь два пути, но Будда очень ясен. Он говорит: *этого пути или другого пути...*

Под «этим путем» он подразумевает свой путь; под «другим путем» он подразумевает путь любви, преданности. Это не его путь, но он его не запрещает. Он не говорит, что ты не можешь достичь другим путем. Он не говорит: «Мой путь единственный». Он не говорит, он не объявляет: «Только те, кто со мной, достигнут, а остальные окажутся в аду». Нет! Он говорит: «Ты можешь идти и другим путем. Только держи в сознании одно — ты должен выйти за пределы».

*К дальнему берегу,
Где мир растворяется,
И все становится ясным.*

*За пределы этого берега
И дальнего берега,
За пределы запредельного,
Где нет ни начала,
Ни конца.*

«За пределы запредельного» — так Будда называет Бога; он никогда не использует слова «Бог». Но «за пределами запредельного» именно то, что символизирует слово «Бог». Почему он говорит «за пределы запредельного»? Разве не достаточно сказать «запредельное»? Это не так, потому что, если сказать «запредельное», кажется, ты это воспринял; это значит, воспринял твой ум. Если сказать «другой берег», это значит, что хотя это и другой берег, но все же что-то подобное берегу; по крайней мере, это тоже берег, значит, он должен быть похож на этот — может быть, он немного другой, более красивый, больше деревьев, больше зелени, больше ароматных цветов — но берег есть берег.

«Этот берег» и «другой берег» твой ум способен постичь. Поэтому он говорит: Все, что может быть постигнуто умом, нужно оставить позади. Запредельное непостижимо.

За пределы этого берега и дальнего берега — ты должен выйти за пределы обоих берегов, — за пределы запредельного, где нет ни начала, ни конца.

Когда к Будде пришел человек — он годами практиковал медитацию — и сказал:

— Ты мне сказал: «достигни ничто», и я достиг. Что теперь делать?

— Теперь выбрось его! Пойди и выбрось его!

Человек был озадачен. Он сказал:

— Но я добивался этого многие годы!

— Цель этого достижения лишь в том, чтобы его выбросить — лишь тогда ты действительно будешь в состоянии ничто; иначе нечто превратится в нечто — ты этого достиг. Это не настоящее ничто. Как ты можешь достичь настоящего ничто? Настоящее ничто недостижимо, непостижимо. Оно за пределами постижения, за пределами постижимого. Иди и выбрось его!

К Будде пришел король и принес в одной руке много драгоценных бриллиантов, в другой цветок лотоса — вне сезона. Он хотел предложить бриллианты. Будда сказал:

— Брось!

И он бросил бриллианты — неохотно, потому что это такая великая драгоценность, думая: «Этот человек не понимает, что говорит». Но вокруг десять тысяч монахов, и если их не бросить,

они подумают, что он скряга, рассмеются и скажут: «Если ты пришел предложить их ему, и он говорит их бросить, брось! Ты предложил их ему, и теперь что с ними делать, это его дело». Он их бросил, но очень неохотно.

Тогда он предложил цветок лотоса. Будда сказал:

— Брось!

Он бросил и этот цветок. Теперь он стоял с пустыми руками, и Будда сказал:

— Брось!

Теперь король пришел в растерянность. Он сказал:

— Господин, мне больше нечего бросить; мои руки абсолютно пусты.

Будда сказал:

— Тогда брось!

Теперь король подумал: «Этот человек сумасшедший! Я говорю, что мои руки пусты, а он говорит что-то бросить».

Один из бодхисаттв Будды, Манджушри, рассеялся и сказал:

— Господин, ты не понимаешь моего мастера. Он говорит: «Не сохраняй идею пустоты, отбрось и ее — потому что идеи пустоты достаточно, чтобы тебя наполнить; идеи пустоты достаточно, чтобы создать ум». Будда говорит: «Брось все безусловно. А когда ты бросил все, не сохраняй идею, что ничего не осталось. Отбрось и это, чтобы не на что было претендовать».

Вот значение выхода за пределы запредельного. Это предельное состояние нирваны — когда эго, ум, личность, все это прекращает существовать, и ты исчезаешь в таинственном, чудесном, вселенском.

Без страха — иди.

Медитируй.

В этом заключается вся медитация: наблюдать свои желания, понимать их природу... и уронить их как, как дерево роняет осенью сухие листья.

Живи чисто.

А когда произошла медитация, и желание исчезло, тогда живи из этой невинности. Прямо сейчас ты живешь из желаний. Ты хочешь этого, ты хочешь того, иногда ты хочешь даже Бога, иногда — нирваны, иногда — медитации, но ты живешь из желаний.

Есть другой образ жизни — настоящая жизнь — которая проживается в невинности, без желания. Ты наслаждаешься всем, что встречается тебе на пути, ты радуешься, но не желаешь.

Живи чисто — именно это Будда называет чистой жизнью: жизнь, которая живет не из желаний.

Будь тих.

Ты будешь естественно тихим — когда не остается никаких желаний, не остается и шума.

Делай свою работу с мастерством.

Тогда, что бы ты ни делал, чем бы ты ни наслаждался, делай это с мастерством и искусством. Он очень любил искусство, сноровку, совершенство. Он не был перфекционистом, помни, потому что не был невротичным человеком, но любил совершенство. Делай все тотально. Что бы ты ни делал, делай это с такой любовью, с такой преданностью и вовлеченностью, чтобы на мгновение это стало всей твоей жизнью.

Однажды Винсента Ван Гога кто-то спросил:

— Какая из твоих картин самая лучшая?

Он писал картину. Он сказал:

— Вот эта — эта самая лучшая.

Через несколько месяцев этот человек снова спросил его — а он писал какую-то другую картину — какая картина самая лучшая. Он сказал:

— Вот эта.

— Но это неправильно, — сказал человек. — Несколько месяцев назад ты сказал это о другой картине.

Винсент Ван Гог ответил:

— Что бы я ни делал в этот момент, это и есть самая лучшая картина. Всегда эта, не та. Всегда сейчас, не тогда.

Это путь совершенства, безупречности, искусства, мастерства. Что бы ты ни делал, сделай это вопросом жизни и смерти. Вложи в это всю свою энергию, и это даст тебе безмерное блаженство. Ничего не делай вполсердца. Лишь тогда расцветает творчество, лишь тогда ты становишься соучастником Бога-создателя.

Днем сияет солнце,

И воин сияет в своих доспехах.

Ночью сияет луна,

И мастер сияет в медитации.

Это кодовые слова. Солнце символизирует воина. Солнце это горячая энергия; солнце это насильственная энергия. Луна символизирует медитирующего, мистика; это прохладная энергия. Это та же энергия, помни — та же самая энергия, не другая энергия. Но проходя через луну, лучи солнца становятся прохладными; в этом чудо луны, алхимическая перемена происходит благодаря луне. Луна просто отражает солнечные лучи; это зеркало. Но в луне происходит радикальная перемена: лучи, которые были горячими, насильственными, становятся молчаливыми, прохладными, мирными.

Солнце символизирует воина, бойца, солдата. Луна символизирует саньясина, медитирующего, мистика.

Будда говорит: *Днем сияет солнце, и воин сияет в своих доспехах.*

День принадлежит воину, солнце принадлежит воину. Воин значит тот, кто пытается завоевать других, кто пытается стать хозяином других. Это глупое усилие, но это дешевле. Легко поработить кого-то другого, всегда легко найти кого-то, кто тебя слабее, легко кому-то навязать себя.

Но мистик, медитирующий, движется в совершенно другом направлении — он движется в свое внутреннее пространство. Он пытается овладеть собой, не другими, но собой — это истинное мастерство. Первое усилие глупо.

Миром веками правили солдаты, и именно поэтому мир в таком хаосе. Миру нужно больше и больше саньясинов, потому что каждый саньясин становится луной: он трансформирует насильственную энергию мира в прохладный резервуар энергии. Нужно, чтобы мир был полон саньясинов, и лишь тогда мы по-

лучим мир, который может забыть о войнах и научиться языку мира и любви. Миру нужно много саньясинов, чтобы трансформировать энергию.

Именно это подразумевается под полем будды: в нем много саньясинов вместе, и это создает такую огромную трансформирующую силу, что всевозможные энергии, проходящие через поле будды, становятся прохладными, женственными, более похожими на цветы, чем на камни. Они теряют жесткость, становятся тонкими — деликатными, как лепестки розы.

Ночью сияет луна... Ночь это время мистика, день это время воина. Ночь символизирует перемену всей атмосферы. Легче медитировать ночью, чем днем. Медитация гораздо ближе ко сну, чем к какой-либо другой деятельности, с одним лишь отличием: во сне ты теряешь сознание, в медитации остаешься сознательным — в таком же расслаблении. Днем очень трудно спать; если ты хочешь спать днем, ты должен закрыть все двери и окна, закрыть все шторы, чтобы стало темно. Если солнечные лучи проникнут вовнутрь, они не дадут тебе спать; солнечные лучи активизируют твою энергию. Ночь помогает отдохнуть и расслабиться. Это время мистика.

Саньясины должны больше и больше использовать ночное время для медитации. Ты можешь идти вовнутрь глубже и легче, потому что в эту сторону дуют ветры; днем ты движешься против ветра. Днем хороши активные медитации; динамическую медитацию хорошо делать днем, медитацию танца хорошо делать днем. Но ночью — випассана, молчаливые медитации, просто сидя и ничего не делая, просто расслабляясь, потому что расслабляет вся атмосфера... Солнце село, деревья уснули; ночью тебя окружает энергия совершенно другого качества. Медитировать легко.

Будда говорит: *Мастер сияет в медитации ночью.*

Под «мастером» он подразумевает человека, который пытается овладеть собой; под «воином» — человека, который пытается овладеть другими. Но как только ты достиг, как только ты стал просветленным, больше нет речи о дне и ночи, солнце и луне.

*Но и днем, и ночью
Человек, который пробужден,
Сияет в лучах своего духа.*

Будда, пробужденный, просветленный сияет и ночью, и днем; для него нет никакой разницы. Как только ты стал пробужденным, ничто не имеет значения. Но пока этого не произошло, используй атмосферу ночи для медитации больше и больше.

А когда ночью светит луна, медитировать гораздо легче. Ночь полнолуния лучше всего для медитации. Многие из тех, кто стал буддой, достигли просветления в ночь полнолуния, даже сам Будда. Может быть, это было совпадением, но это важно помнить. Он родился в ночь полнолуния, стал просветленным в ночь полнолуния и умер в ночь полнолуния. Кажется, что-то в полной луне было синхронно с его энергией.

Используй это. Будь бдителен и используй любую возможность, которая помогает тебе идти вовнутрь. Как только ты пробужден, проблем нет. Тогда ты можешь быть расслабленным, спокойным, мирным где угодно.

Кто-то спросил Будду:

— Когда ты умрешь, попадешь ли ты в рай?

— Не говори ерунды, — ответил Будда. — Где бы ни был будда, там рай. Будды не попадают в рай; куда идет будда, туда идет и рай.

Это гораздо ближе к истине, гораздо красивее; сами слова значительны. Нет вопроса о том, попадают ли просветленные в рай — просветленные живут в раю, где бы они ни были. Можешь послать их в ад — если он есть — и ад будет трансформирован. Само их присутствие сделает ад полем будды. Само их присутствие проведет энергии ада через трансформацию.

Это случилось:

Однажды в воскресенье христианский священник отправлял проповедь:

— Те, кто не верит в Бога и живет аморальной жизнью, попадут в ад; те, кто верит в Бога и живет моральной жизнью, попадут в рай.

Один человек встал и спросил:

— У меня возник вопрос. Вот этот вопрос: Куда попадут те, кто не верит в Бога и живет моральной жизнью? И те, кто верит в Бога и живет аморальной жизнью?

Священник был в растерянности; его этому не учили. Вопрос был коварный. Он сказал:

— Пожалуйста, дай мне время это обдумать. Через семь дней, в следующее воскресенье, я тебе отвечу.

Эти семь дней были для него действительно адскими. Он пытался сообразить, но это было невозможно. Если он скажет: «Те, кто не верит в Бога, но живут морально, все равно попадут на небеса», тогда этот человек скажет: «А зачем тогда верить в Бога? Зачем вообще беспокоиться о Боге? Просто быть моральным достаточно». Он подумал: «А если я скажу, что люди, не верящие в Бога, но моральные, попадут в ад, тогда мораль не имеет никакого значения. Зачем тогда быть моральным? Просто верить в Бога достаточно. Верь в Бога и живи как можно аморальнее. Зачем упускать такую возможность?»

Он сводил себя с ума, не мог спать по ночам. Он постоянно думал, смотрел в книги, но не было никакого ответа.

Пришло воскресенье; он пришел в церковь немного раньше, чтобы помолиться Иисусу.

— Помоги мне! — стал он молиться. Всю ночь он не спал, и вот в молитве он заснул, и ему приснился очень красивый сон, очень значительный сон. Ему приснилось, что он едет в поезде. Он спросил, куда едет поезд, и пассажиры ответили, что поезд едет в рай.

— Это очень хорошо! — сказал он. — Именно это мне и нужно — увидеть его собственными глазами. Сократ никогда не верил в Бога, но жил моральной жизнью. Будда никогда не верил в Бога, но жил чистой жизнью. Махавира никогда не верил в Бога, но кто может сравниться с Махавирой в чистоте жизни? Если эти трое там, вопрос решен; если я их там не найду, вопрос решен.

Поезд достиграя; он был очень удивлен. Увидев рай, он не мог поверить своим глазам — он выглядел почти как ад! Конечно, на вывеске было написано, что это рай, но, кажется, ее не красили целую вечность. Накопилось столько пыли, столько грязи. Все выглядело как пустыня: ни зелени, ни деревьев, ни роз, ни лотов. Он встретил нескольких святых, которые казались почти мертвыми. Пыль скопилась и на них, как будто они разучились мыться, как будто в раю никто не моется. Он спросил:

— Здесь ли Сократ? Здесь ли Будда? Здесь ли Махавира?

Святые ответили:

— Никогда не слышали об этих людях.

Он поспешил в справочную. Он спросил:

— Есть ли поезд, который идет в ад?

— Да, — сказали они. — Он отправляется прямо сейчас. Ты можешь на него успеть.

Он бросился в адский поезд, и при приближении к аду он снова был очень удивлен: столько аромата, столько зелени, столько цветов, столько прекрасных птиц, все поют и танцуют. Он сказал:

— В чем дело?

Все казались такими радостными, такими сияющими. Он спросил людей на вокзале:

— Это действительно ад? Это ад?

— Да, это ад, — сказали они, — но никто не может поверить, что это ад. С тех пор как прибыли эти трое — Сократ, Будда и Махавира — все переменялось. Они трансформировали всю атмосферу. От ада осталось одно название — на самом деле это рай. А другое место только называется раем; на самом деле это ад.

Я абсолютно согласен с этим сном. Я могу себе представить, что ваши так называемые святые, где бы они ни были, создают ад. Но если такой человек как Будда, Сократ, Махавира, Иисус, Лао-цзы или Заратустра окажутся в аду, тогда аду предстоят перемены. Дело не в месте; дело в том, кто в этом месте.

Но днем и ночью человек, который пробужден, сияет светом своего духа.

Ты можешь сказать рай или ад... *Человек, который пробужден, сияет светом своего духа.* Где бы он ни был, он создает новый мир, он создает совершенно другую энергию. Он производит алхимическую трансформацию.

Во-первых, не будьте солдатами, будьте саньясинами, потому что именно так однажды вы станете буддами. Двигайся по направлению к овладению собой. Используй все средства, методы, чтобы стать хозяином самого себя. И тогда, однажды, когда ум исчезнет со всеми его иллюзиями, и ты достигнешь ясности, когда ты сможешь увидеть то, что есть, — ты будда. Тогда, где бы ты ни был, ты в раю.

На сегодня достаточно.

Глава 8

Смех: любовь, радость, благодарность

Первый вопрос:

*Любимый Мастер,
Все это шутка? Но она до меня не доходит.*

Вималкирти,
Это, несомненно, шутка, но до тебя она не может прийти. Ты немец, и мало того, что немец — правнук немецкого императора! Только подумай, старик, должно быть, переворачивается и подпрыгивает в могиле, видя, как ты в оранжевом подметаешь пол в Пуне! Что ты думаешь? — это не шутка? Могло ли присниться твоему прадеду, что это однажды случится с одним из его потомков? Невозможно, — но это случилось!

Тебе веками говорили, что жизнь это серьезное дело; это стало глубокой обусловленностью. На самом же деле жизнь похожа на шутку. Это игривость, это *лила*. Все зависит от того, как ты ее принимаешь. Если ты принимаешь ее серьезно, она становится серьезной, но тогда ты страдаешь — страдаешь от собственной идеи. Жизнь становится тяжестью, бременем, горой у тебя на груди; ты под нею раздавлен. Жизнь теряет всю свою радость, весь свой смех. Ты просто тащишься, ты не живешь. Как человек может жить без смеха?

Именно человек это единственное на Земле животное, которое умеет смеяться. Смех это единственная особенность человеческого существа, не логика, но смех. Животные тоже способны к логике, — они применяют ее по-своему, — но они не

могут шутить, не могут смеяться, не могут видеть смешную сторону; для них это невозможно. Все животные — серьезный народ, и все серьезные люди — животные! В тот момент, когда ты избавляешься от своей серьезности, ты избавляешься и от животности.

Поэтому у меня нет уважения к вашим святым. Они очень серьезны, гораздо серьезнее ослов, гораздо серьезнее буйволов. Они пали, не поднялись. Ваши святые серьезны, ваши политики серьезны, ваши революционеры серьезны, ваши ученые серьезны. Все они принимают жизнь так, будто через нее нужно как-то прорваться, не как танец. Сама концепция танца очень далека от них. Они не могут даже идти, они тащатся. Они не живут, они только медленно умирают. Они джут, пока смерть не освободит их от всей боли и страдания жизни.

Очень редко можно найти человеческое существо, которое не помышляло бы о самоубийстве один или два раза. В среднем каждое человеческое существо думает о самоубийстве четыре раза в жизни. Оно его не совершает, но это другое дело. Может быть, у него не хватает духу, может быть, он боится того, что случится после смерти. Кто знает? Может быть, это хуже самой жизни. По крайней мере, жизнь известна, знакома; рискованно двигаться в неизвестное.

Индийцы не совершают самоубийства по той простой причине, что они верят, что их снова пришлют обратно, так какой смысл? — тебе предстоит родиться еще миллионы раз. Все индийские религии ищут не Бога, помните, но свободы от жизни, свободы от круга рождений и смертей. Как эти люди могут наслаждаться, как могут эти люди быть благодарными Богу? Они жалуются, и жалуются очень громко. Они говорят: «Мы не хотим родиться. Мы никогда не хотели родиться. Почему нас сначала не спросили? Это несправедливо! Это не подарок, несправедливо посылать нас в жизнь, о которой мы никогда не просили. Несправедливо посылать нас в жизнь, в которой ничего нет кроме страдания».

Но жизнь это не страдание. Именно наш подход, наш способ на нее смотреть делает ее уродливой. Искажено наше видение, не сама жизнь. Искажено наше зеркало, не сама жизнь. Поскольку зеркало искажено, жизнь кажется искаженной.

Вималкирти, для меня все это шутка. И я не шучу — я в этом очень серьезен!

Ты говоришь: «Но до меня она не доходит».

Я слышал, в Германии людям не разрешается шутить в субботу вечером. Почему? — потому что они могут начать смеяться в церкви в воскресенье утром. Им нужно столько времени, чтобы понять! А ты правнук германского императора, тебе, может быть, нужно немного больше времени! Но если ты здесь, до тебя обязательно дойдет. Не беспокойся. Жизнь так полна забавных моментов, что почти невозможно их упустить. Как люди продолжают их упускать, это просто чудо; иначе ты везде найдешь шутки.

Когда Уинстон Черчилль впервые был назначен премьер-министром — он устал от предвыборной компании, от всей политики, которая ей предшествовала, всей борьбе, чтобы оказаться на верхушке — его жена подумала, что неплохо позвать друга, который знает много прекрасных шуток, чтобы он рассказал несколько шуток Уинстону Черчиллю. «Это его немного расслабит, поможет ему немного посмеяться. Столько дней он был так серьезен, он выглядит таким усталым».

Позвали друга; он пришел со всеми последними анекдотами. Он спросил Уинстона Черчилля:

— Хочешь знать последние анекдоты?

Черчилль посмотрел на него и ответил:

— Пожалуйста, не продолжай — я назначил их всех в свой кабинет!

Если ты оглянешься по сторонам, если ты достаточно наблюдателен, тогда ты обязательно споткнешься о что-то такое красивое и такое забавное. Сама идея создать мир, создать тебя — такая космическая шутка! Наверное, у Бога было чувство юмора.

Старый раввин умирал, и кто-то спросил его... потому что люди боялись за старого раввина. Он был не слишком религиозным, не слишком добродетельным; фактически, он был прямой противоположностью. Они были обеспокоены. Он спросили его:

— Готов ли ты встретить Бога?

Он открыл глаза и сказал:

— Да, именно это я и делаю — просто пытаюсь вспомнить несколько хороших анекдотов, чтобы ему рассказать. Наверное, он

так устает от всех этих вытянутых лиц, всех этих печальных святых. И несколько анекдотов, несколько сплетен о земле принесут ему настоящее наслаждение.

Я абсолютно согласен с этим раввином. Если ты встретишь Бога, не падай на колени и не начинай молиться — он так от всего этого устал! Расскажи ему хороший анекдот. Это будет более глубоким общением с ним. Пусть он хорошо посмеется. Этот смех будет откровением.

Вималкирти, несколько шуток для тебя:

Карпуик прибежал в отделение скорой помощи в одной из городских больниц. Дежурный врач был изумлен, когда обнаружил, что у Карпуика ожог мошонки.

— Как это случилось? — спросил он.

— Я готовил завтрак, — ответил поляк, — и в книге рецептов было написано: «Положите яйца в кипяток».

Пилсудский привел жену к врачу и пожаловался, что не может совершить с ней половой акт, потому что она слишком тугая.

— Ладно, — сказал врач. — Давайте проверим!

Он положил жену на стол, нанес немного вазелина на свой инструмент и легко вошел в жену Пилсудского.

— Эй! — сказал поляк, наблюдая за упражнениями доктора. — Если бы это не было в медицинских целях, я бы подумал, что ты трахаешь мою жену!

Мой подход к жизни — подход смеха. Смех содержит любовь, смех содержит радость, смех содержит благодарность. Смех содержит безмерную благодарность Богу.

Если ты действительно глубоко в смехе, исходящем из живота, эго исчезает. Это редко случается в любой другой деятельности, но в смехе это обязательно происходит. Если смех тотален, эго не может существовать; ничто не убивает эго так как смех. Именно поэтому все эгоисты серьезны. Эго может существовать только в серьезности; эго живет, питается серьезностью. Все серьезные люди опасны.

Мы можем разрушить все виды серьезности в мире. Храмы должны быть полны танца и празднования. Именно так живут деревья, звезды, реки, океаны. Все существование, кроме

человека, пребывает в несерьезном состоянии; кажется, только человек серьезен. Ни один ребенок не рождается серьезным, помни, но мы разрушили всю невинность ребенка. Мы разрушили его качества удивления и благоговения, мы разрушили весь его смех, мы разрушили все, что красиво и ценно и вместо этого дали ему груз, который он должен носить в голове — знание, теологию, философию. Чем больше мы даем ему образования, тем больше и больше он теряет чувство юмора. Он не видит ничего смешного в существовании, потому что начинает жить из своего знания; он знает все. Из-за его знания все чудо разрушено. Из-за его знания убито величайшее религиозное качество — благоговение.

Молодой человек по имени Бриз
Отягощенный степенями бакалавра и магистра
Свалился от напряжения.
Его доктор сказал: «Это просто —
Вы убиваете себя степенями!»

К тому времени как ты возвращаешься из университета, ты почти мертв. Твое состояние патологично. Ты болен — болен знанием, задушен знанием. Ты не можешь смеяться; это только для детей и сумасшедших.

А все мое усилие здесь, Вималкирти, в том, чтобы сделать тебя и тем, и другим: и подобным ребенку, и совершенно сумасшедшим. Если случатся эти две вещи, только тогда ты мой саньясин. Моя единственная заповедь — смех!.. и все остальное последует. Если ты можешь любить, если ты можешь смеяться, тотально, всем сердцем, твоя жизнь станет таким блаженством и благословением, и не только для тебя, но и для других. Ты будешь благословением для мира.

Ты должен отбросить всю серьезность. Ты должен отбросить серьезность, потому что она была тебе навязана; это не твоя природа. Ты не пришел в этот мир серьезным; ты пришел смеясь. Каждый ребенок рождается с радостью, и к тому времени как ему исполняется четыре года, он начинает умирать. Четыре года для мальчиков и три года для девочек это возраст, в котором начинается смерть. Девочки всегда во всем впереди мальчиков; даже в этом они на год впереди.

И когда смерть утверждается в тебе, она убивает тебя постепенно. Ты не умираешь внезапно в семьдесят или восемьдесят лет; это только завершение процесса, который начался в три или четыре года. Ты никогда не замечал того факта, что если ты пытаешься вспомнить свою жизнь, то не можешь пройти барьер возраста трех лет? Самое большее, ты можешь вспомнить себя, когда тебе было три года; за пределами этого все пусто. Почему? Ты, несомненно, был, и эти три года вовсе не были пусты; фактически, в них было больше опыта, чем в любом другом году твоей жизни. Каждое мгновение было полно опыта. Ты постоянно исследовал жизнь, людей, все; ты находился в постоянном исследовании.

В одном университете провели эксперимент. Он состоял в том, чтобы очень сильный человек повторял за ребенком все, что бы он ни делал. Ему платили; ему пообещали заплатить, сколько он захочет. Он был очень крупный мужчина, борец, известный борец, и он не сомневался, что сможет повторить движения ребенка. Что может сделать ребенок? Но через четыре часа он в изнеможении лежал на земле, потому что как только ребенок понял, что за ним повторяют, он стал прыгать, бегать, кататься по полу, громко смеяться... И он сделал столько всего, что через четыре часа борец лежал на полу в изнеможении!

Он сказал:

— Никогда в жизни я так не уставал. Я боролся всю жизнь, я боролся в великих поединках и всегда был победителем. Это мое первое поражение!

А этот маленький ребенок совершенно не устал; он был готов продолжать; он бросал борцу вызов. Он говорил:

— Давай, давай! Давай еще повеселимся! Ты что, устал? Почему ты лежишь на полу?

Каждый ребенок рождается с такой огромной энергией, но мы ее разрушаем. Мы парализуем каждого ребенка, мы калечим каждого ребенка. Наши церкви, храмы и священники нанесли человечеству величайший вред. Они величайшие преступники в мире, величайшие грешники. Они согрешили против человечества — они парализовали каждое человеческое существо. Ты не знаешь, кем бы ты был, если бы тебе с самого начала позволили тотальную свободу — если бы ты был свободен смеяться, если бы ты был свободен любить, если бы ты был свободен быть радостным, если бы тебе не мешали, не препятствова-

ли, не искажали, не манипулировали, не принуждали, не направляли в определенных направлениях...

Ни один ребенок не заинтересован в деньгах, потому что ни один ребенок не дурак. Ни один ребенок не заинтересован в том, чтобы быть президентом или премьер-министром, потому что ни один ребенок не глуп. Его интересы более естественны. Его интересуют цветы, его интересуют бабочки, его интересуют галька на морском берегу. Ему интересно танцевать под звездами, под солнцем, на ветру. Ему интересно залезть на дерево или на гору. Ему интересно плавать в реке или в океане.

У него совершенно другие интересы, но мы извращаем все его энергии. Мы говорим: «Не нужно лезть на дерево, не нужно лезть на гору. Взберись по лестнице успеха!» — что абсолютно посредственный процесс, абсолютно неразумный процесс. «Взберись по лестнице успеха. Будь богаче чем другие. Соревнуйся. Будь ревнивым. Будь собственником. Борись!» — борись за вещи, которые бессмысленны. Тогда ты теряешь свою радость, тогда ты теряешь свой смех. Тогда жизнь кажется кошмаром, а не прекрасной шуткой.

Вималкирти, это космическая шутка.

И в моем видении в будущем религиозность обязательно будет укоренена более в жизни, чем в смерти, более в смехе, чем в серьезности, более в танце, чем в том, чтобы просто продолжать тащиться дальше.

Второй вопрос:

*Любимый Мастер,
Почему, несмотря на видимость, пустота осязаемее формы,
сознание — мысли, молчание — слова?*

Дэва Брюс,
Пустота это источник всех форм. Пустота вечна, формы временны. Формы это рябь на озере, пустота — само озеро. Формы меняются и уходят, пустота остается. Формы это только видимость, пустота — реальность.

Поэтому Будда называет реальность *шуньей*. Шунья означает предельную пустоту. Да, она гораздо осязаемее, чем ваши так называемые реальные вещи, потому что эти реальные вещи возникают из пустоты и возвращаются в пустоту. Пустота это и

источник, и цель. Все возникает из ничто и снова исчезает в ничто.

Поэтому, помни, ничто не означает, что в нем ничего нет; ничто просто означает, что это все. Ничто это «не-что». Вещи это формы; ничто это бесформенная энергия. Оно может проявляться в миллионах форм, и только ничто может проявляться в миллионах форм, потому что у него нет собственной формы. Оно текуче, доступно для любой формы, у него нет сопротивления ни к какой форме. Оно может выражать себя миллионами способов, потому что в нем нет одержимости, нет фиксации. Оно может расцвести розой, может расцвести лотосом. Оно может быть песней, может быть танцем, может быть молчанием. Все возможно, потому что ничто просто означает, что еще не возникла ни одна форма. Как только форма принята, вещи становятся ограниченными, возможности становятся ограниченными. Как только форма принята, ты не свободен полностью; твоя форма становится оковами. Поэтому медитация это вход в ничто.

Западные религии совершенно упустили суть. Даже их Бог имеет форму; у Бога не может быть формы. Придать Богу форму антропоцентрично; это значит спроецировать собственную форму на Бога.

Если бы лошади были философами, — а кто знает, может быть, некоторые лошади философы, — тогда Бог был бы лошадкой, прекрасной лошадкой, лошадкой с великолепными качествами. Лошади не могут представлять Бога в виде человека — невозможно. Человек не вел себя с лошадьми хорошо. Они представят Дьявола в виде человека, но не Бога. Человек думает о Боге как о человеке.

Библия говорит, что Бог сотворил человека по своему образу. Истина противоположна: человек сотворил Бога по своему образу. Поэтому у негритянского Бога негритянская форма, у индуистского Бога индуистская форма, у китайского Бога китайская форма. Китайский Бог не может быть в индуистской форме; это невозможно. Китаец не может себе представить, что Бог может быть в какой-либо другой форме кроме как китайской — конечно, в самой красивой китайской форме, но она будет китайской. Это наши идеи, спроецированные на Бога.

Бог это не форма, Бог это бесформенность. Бог это абсолютное ничто, Бог это тотальная пустота. Из этой пустоты воз-

никает все — деревья, люди, горы, земли, звезды, создания. Они приходят, на некоторое время они здесь, а затем снова исчезают в предельной пустоте. Пустота есть начало и конец; пустота до начала и после конца. Будда называет это запредельным, предельным запредельным, за пределами запредельного.

Ты спрашиваешь меня, Брюс: «Почему, несмотря на видимость, пустота осязаемее формы, сознание — мысли, молчание — слова?»

Сознание есть Бог, потому что сознание есть ничто. Мысль это мир; поэтому Будда называет ум «миром». В то мгновение, когда возникает мысль, возникает волна в озере сознания, возникает форма, а форма только временна, мгновенна. Вскоре она исчезнет; она не сохранится долго, она не вечна. Не цепляйся за нее. Наблюдай, как она приходит, наблюдай, как она уходит. Наблюдай, как она возникает и как она исчезает, но не цепляйся за нее. Помни сознание, в котором она возникает и растворяется снова. Это твоя реальность, это твоя истина. Мысль может быть хорошей, может быть плохой, но хороша она или плоха, не имеет значения. Мысль есть мысль; она не вечна — и это единственный критерий реальности.

Именно поэтому мистики всего судили реальность: все, что вечно, реально; что бы ни было мгновенно, это лишь явление сновидения. Нет разницы между сном, который ты видишь ночью, и сном, который ты видишь днем; нет разницы между сном, который ты видишь с закрытыми глазами, и сном, который ты видишь с открытыми глазами. Да, есть небольшая разница: один сон абсолютно частный. Ночью с закрытыми глазами ты видишь личный сон; днем с открытыми глазами ты видишь коллективный сон, объективный сон. В нем много участников, поэтому он дает тебе чувство, что он реален. Это не так. Что происходит, когда ты засыпаешь? Ты забываешь о дне.

Говорят, что Чжуан-цзы однажды утром проснулся и стал смеяться. Его ученики собрались и спросили:

— В чем дело?

Чжуан-цзы сказал:

— Я столкнулся с проблемой, которую не могу решить. Помогите мне ее решить.

Впервые он просил помощи учеников, чтобы решить проблему. Обычно он всегда решал их проблемы.

Ученики сказали:

— Наверное, это очень большая, сложная проблема — расскажи нам.

— Проблема проста, — сказал он, — но в то же время очень сложна — и я не думаю, что ее можно решить; она кажется неразрешимой. Именно поэтому я смеюсь. Я рассмотрел ее со всех сторон; она кажется абсолютно неразрешимой. Проблема в том, что ночью мне приснилось, что я стал бабочкой.

— Но что в этом особенного? — сказали ученики. — Нам всем снятся всевозможные сны — сны есть сны. Теперь ты проснулся, и со сном все кончено. Зачем поднимать столько шума вокруг сна?

— Я не поднимаю шум вокруг сна, — сказал он. — Вот в чем проблема: если Чжуан-цзы приснилось, что он стал бабочкой, — теперь возникает проблема — может быть, эта бабочка заснула, и ей приснилось, что она Чжуан-цзы! Кто теперь есть кто? Я Чжуан-цзы, которому приснилось, что он бабочка, или бабочка, которой снится, что она Чжуан-цзы?

Фактически, разницы нет. Бабочка это форма, Чжуан-цзы — тоже форма. Одна форма возникла, когда ты спал, другая — когда ты проснулся, но и то и другое формы. Чжуан-цзы это ни то, ни другое — он ни бабочка, ни Чжуан-цзы. Он сознание, он осознанность; осознание сна, осознание бабочки и Чжуан-цзы. Именно это и есть осознанность. И эта осознанность гораздо более реальна, фактически, это единственная реальность. Ни одна мысль не реальна.

И то же самое справедливо относительно молчания. Слова возникают в озере молчания, красивые слова, но это только формы. Поэтому все мистики настаивают: двигайся от слов к бессловному, от звука к молчанию, от формы к бесформенному, от мысли к сознанию. Не оставайся запутавшимся в формах, мыслях, словах. Именно в этом вся медитация.

Не отождествляйся со всем, что возникает в тебе и исчезает. Оставайся центрированным в том, что никогда не возникает и никогда не исчезает, что есть всегда. Оставайся центрированным в вечной реальности своего существа, и ты узнаешь величайшее возможное блаженство, и ты узнаешь истину, которая освобождает. Ты узнаешь свободу от всех форм — потому что все формы создают оковы. Ты узнаешь, что ты не мужчина и

не женщина, не черный и не белый, ни это, ни то — *нети, нети*. Ты узнаешь, что есть лишь чистая осознанность, у которой нет ни имени, ни формы.

Именно это говорит Будда: У тебя нет никакой формы, у тебя нет никакого имени. Не гонись за тем, чего у тебя нет, потому что гонясь за тем, чего у тебя нет, ты создаешь себе страдание, создаешь себе напрасную боль. Просто будь тем, что ты есть, был всегда и будешь всегда. Не пытайся стать — будь! И ты уже есть. Вопрос не в том, чтобы стать, вопрос не в том, чтобы куда-то прибыть. Ты уже есть, ты был всегда. Просто проснись! Проснись от сна, от всех снов — ночных, дневных. Проснись от всех форм и сделай своим домом бесформенное.

Все пробужденные говорят одно: Познав бесформенное, познав вечность, твоя жизнь состоялась. Ты достигнешь безмерного удовлетворения, блаженства и благословения.

Третий вопрос:

*Любимый Мастер,
Я грек и люблю чеснок. Моя подружка его терпеть не может, она англичанка. Она называет меня дикарем. Что со мной не так?*

Дэво,
С тобой все порядке, как и с чесноком, но чеснок создаст тебе некоторые проблемы. И проблема, с которой ты столкнулся, не так велик; вскоре тебе придется столкнуться с большими проблемами. Английская леди, самое большее, оставит тебя; это не проблема — это будет решением проблемы!

Найди какую-то женщину — освободись от леди! Женщина прекрасна, леди это проблема. Очень трудно найти английскую женщину — я еще ни одной не видел. Они все леди. Может быть, не все мужчины лорды, но все женщины леди.

Англичанин и его жена гуляли по своему западноиндийскому поместью, и вдруг увидели черных девочку и мальчика, которые занимались любовью в кустах.

— Боже правый! — воскликнула английская леди. — Она это делают точно как человеческие существа!

Если она считает тебя дикарем, это ничего — по крайней мере, ты для нее человеческое существо! Или, может быть, она не считает тебя человеческим существом, но не может этого сказать. Так невежливо говорить, что ты не человеческое существо, и она говорит, что ты дикарь. Это не очень большая опасность — самое большее, леди тебя оставит. Продолжай есть чеснок. Если тебе придется выбирать между леди и чесноком, выбери чеснок — он гораздо полезнее для здоровья. Но настоящая проблема тебе еще предстоит — когда тебя оставит английская леди, ты будешь в беде.

Ты слышал о цыганской девушке, которой пришлось перестать носить на шею ожерелье из чеснока? Оно действительно отгоняло вампиров, но привлекало слишком много итальянцев.

Поэтому, если хочешь перестать есть чеснок, брось его, когда тебя оставит английская леди; тем временем она будет защищать тебя от итальянцев. Каждому мужчине нужна для защиты женщина; иначе он беспомощен. Когда другие женщины видят, что одна женщина тебя защищает, они тебя не беспокоят. Как только они увидят, что ты остался без защиты, они тут же на тебя набросятся!

Поэтому сначала воспользуйся чесноком, чтобы избавиться от английской леди, затем немедленно брось чеснок; иначе на тебя набросятся итальянцы. От английской леди избавиться легко; от итальянских женщин избавиться практически невозможно, потому что они не леди. Они истинный женщин и создадут тебе множество проблем. Они помогут тебе только в одном: они позволят тебе так остро осознать проблемы, которые приносит любовь, проблемы, которые приходят с любовью, что ты начнешь думать о религии, Боге, медитации. Все эти великие вещи не были бы возможны без женщин. Люди начали думать об этих вещах, потому что их мучили женщины. Это было бегством, путем к отступлению, чтобы они могли терпеть все что происходит вокруг. Они могли надеяться на рай когда-то после смерти. Они потеряли надежду на жизнь, потому что знали, что

куда бы они ни пошли, какая-то женщина обязательно создаст им проблемы.

Кажется, сначала Бог послал одного мужчину. Он сделал Адама, но если бы мужчина был один, он никогда не подумал бы о Боге. Он сделал женщину — женщина была постоянным напоминанием. Она никогда не оставляет тебя в покое, она заставляет тебя верить в ад. А если ты веришь в ад, ты вынужден верить и в небеса.

Дэво, в тобой все в порядке, но если ты хочешь жить с чесноком, тебе придется отречься от жизни. Английская леди, может быть, в определенном смысле права: ты должен быть дикарем, ты должен жить в пещере, как можно дальше от человечества. Чеснок просто опасен для любой близости, общения. Он очень полезен для здоровья; он позволит тебе прожить дольше, чем ты прожил бы без него. Или, может быть, поскольку ты будешь жить один, жизнь покажется тебе дольше!

Если ты хочешь более подробный совет о чесноке, спроси Майтрейю — он специалист по чесноку и его великим качествам. Я никогда его не пробовал, поэтому на то что говорю я полагаться нельзя. И я никогда не подпускал к себе близко ни одного дикаря. Вы знаете мой нюх! Никакие люди, поедающие чеснок, никогда не подойдут ко мне на пушечный выстрел! Чеснок хорош, но немного бесчеловечен; он хорош для тебя, но плох для всех остальных.

Четвертый вопрос:

Любимый Мастер,

Может ли невинность случиться во взрослом без осознанности?

Ананд Мануэль,

Невозможно, чтобы во взрослом случилась невинность без осознанности. Осознанность это только метод, который помогает вам разрушить все обусловленность, которую навязало вам общество. Общество загнипнотизировало вас, но гипноз был проведен таким тонким образом, проводился так долго и начался когда ты был такой маленький, что ты его никогда не осознаешь. Ты загнипнотизирован с молоком матери, тебе даны всевозмож-

ные обусловленности, и эти обусловленности разрушают твою невинность.

Если ты не осознаешь, ты не сможешь увидеть, что ты обусловленное человеческое существо, что ты живешь с заимствованными идеями — с идеями, который навязали тебе другие против твоей воли — что ты почти заключенный. Дело не в том, живешь ли ты в тюрьме, но ты живешь с идеологией, которая является тонкой тюрьмой. Ты индуист — как ты можешь быть невинным? Ты христианин — как ты можешь быть невинным? Идеология удерживает тебя от невинности; она делает тебя знающим, а знание это единственная вещь, разрушающая невинность. Она отнимает у тебя всю способность удивляться.

Есть миллионы людей, которые не чувствуют никакого удивления в жизни. Они видят цветок розы, и все же ничего не видят — ни красоты, ни благоговения. Они не остановятся ни на единое мгновение. Кажется, в розе нет для них послания, как будто они ее вообще не видели.

Каждый день ты проходишь мимо красивых деревьев, птицы поют на солнце ранним утром, цветы благоухают, но ты — робот. Ты продолжаешь болтать внутри своего ума — якети-якети-яак... и так далее, и так далее. То, что ты болтаешь внутри, в тебя вложили. Твой ум был использован как компьютер: точно так же как программируют компьютер, запрограммировали тебя.

В коммунистической России тебя запрограммируют коммунизмом. Тебя тоже научат о святой троице, их святой троице. Тебя научат об их собственной Библии, тебя научат об их собственной религии. Коммунизм это религия, заменитель других религий. Маркс, Энгельс, Ленин — вот и их троица; «Капитал» это их Библия. Они верят во все эти вещи так же фанатично, как любой католик, индуист, мусульманин. Мусульманин верит в Каабу, коммунист верит в Кремль. Объекты меняются, но верование остается прежним. Оба они знающие, оба лишились своей чистоты, своей невинности, своего подобного ребенку качества.

Если ты полон знания, ты думаешь, что знаешь все ответы. Ты ничего не знаешь, потому что пока ты не знаешь себя, ничто не познано. И красота самопознания в том, что оно углубляет таинства жизни, не демистифицирует ее; оно делает ее более таинственной, чудесной. Человек мудрости, человек, который

глубоко проник в собственное бессознательное, все больше и больше наполняется удивлением и благоговением. Но обычный знающий человек продолжает жить в абсолютной неосознанности; ничто не заставляет его удивляться. Он знает все ответы.

Собака вошла в ресторан и заказала бифштекс.

— Как вам его приготовить? — спросил официант.

— Хорошо прожарить, положить сверху мятую вишню. Затем положите на него немного маринованных помидоров и вымочьте в перце.

Официант принес еду.

— Вы наслаждались обедом? — спросил официант, когда собака съела бифштекс.

— Очень, — ответил а собака. — Но, кстати, не кажется ли вам это немного необычным?

— Нет, — ответил официант. — Я тоже люблю такой же бифштекс.

Официант знает слишком много о бифштексах — он совершенно не смотрит на собаку.

В два часа утра взломщик Гедалия пытался проникнуть в дом. Он перепробовал все двери и окна, но ничего не смог открыть. Осторожно он взобрался на балкон второго этажа. Заглянув в закрытое окно, он увидел ребенка в колыбели. К этому времени он пришел в такое отчаяние, что решил обратиться за помощью к младенцу.

— Бай-бай, малыш, — проворковал он. — Ку-ку, бу-бу, открой окошко, и мы немножко поболтаем, а?

— Открыть окошко? — завопил младенец. — Глупый верзила, я еще не могу даже ходить!

Младенец еще не может ходить, но он уже стал знающим, он может говорить.

Вы все стали знающими. Вы ничего не знаете, и все же полны знания. Ваше знание просто прикрывает ваше глубокое невежество, не делает вас мудрыми. Оно просто несколько приукрашает, полирует вашу глупость.

Просто посмотри на вещи, не вноси в них знания, и можешь быть, тебя ждет сюрприз.

Ты спрашиваешь меня: «Может ли невинность случиться во взрослом без осознанности?»

Это невозможно. Начало невинности взрослого — осознать, что ты обусловлен. Миллионы людей не осознают, что они обусловлены. Если ты не знаешь, что ты в тюрьме, зачем, прежде всего, пытаться из нее выбраться?

На днях я наткнулся на газету. Наверное, ее редактор был здесь, наверное, он прослушал один из моих дискурсов. Он комментирует то что я сказал против индийской культуры — как будто этого достаточно чтобы меня критиковать: я против индийской культуры! Он принимает как должное, что все, что идет против индийской культуры, обязательно неправильно. Но кто сказал, что я против индийской культуры? Я против всего гнилого — индийского, не индийского, не имеет значения! Я против самой идеи об индийской культуре, китайской культуре, японской культуре. Я против самой идеи о том, чтобы делить человечество, я против прошлого. Я здесь не поддерживаю индийскую культуру. Поэтому для меня это не критика — фактически, это комплимент!

Я против всего, что мертво. Человек не должен вечно таскать с собой трупы, их нужно похоронить или сжечь. Я не верю ни в какую культуру, я не верю ни в какую страну, я не верю ни в какую расу, я не верю ни в какую религию.

Я верю в религиозность, я верю в культурность, я верю в человечество. Но человечество не индийское, религиозность не индуистская, не христианская, не мусульманская, культурность не имеет ничего общего ни с одной страной. Это грация, которая приходит в медитации, в осознанности. Это красота, которая случается с тобой, когда ты укоренен в собственном сознании, когда ты утверждаешься в собственном сознании, когда ничто не отвлекает тебя от собственного сознания.

Да, каждый человек должен снова стать ребенком, но как ему снова стать ребенком? Нет другого пути, кроме как стать осознанным. Сначала осознай всю свою обусловленность — есть тысяча и один слой обусловленности — а когда ты осознаешь, мало-помалу освободи себя от всей обусловленности. Отбрось эту обусловленность, выйди из-под гипноза, чтобы ни одного слоя пыли не осталось на зеркале твоего существа. Когда на зеркале твоего существа нет ни одного слоя пыли, ты можешь отражать то что есть — и это Бог, это истина, это нирвана.

Но ты задаешь этот вопрос, чтобы избежать осознанности. Нет короткого пути; осознанности избежать нельзя. Осознанность это единственный метод — позволь мне повторить, *единственный метод*, — который может обручить самые корни всей обусловленности и освободить тебя из тюрьмы, в которой ты живешь. Вопрос только в том, чтобы стать более и более осознанным; ничто другое тебе не поможет. Сделать это за тебя не могу ни я, ни кто-то другой. Если кто-то делает это для тебя, ты будешь снова обусловлен. Помни это, ты должен быть разобусловлен, не обусловлен заново. Именно это происходит: христианин становится индуистом; конечно, он разобусловлен как христианин, но он становится обусловленным как индуист.

Мое усилие здесь в том, чтобы разобусловить тебя, помочь тебе быть необусловленным и не обуславливать тебя снова. Мое усилие здесь в том, чтобы оставить тебя в тотальной свободе; тогда ты должен решать, что делать со своей жизнью. Ты хозяин своей жизни; я могу просто дать тебе некоторые указания, как избавиться от всей ерунды, которую тебе навязали. Как только ты свободен от всей этой ерунды, я не дам тебе никаких положительных инструкций, что делать и чего не делать, потому что это снова будет обусловленностью.

Поэтому осознанность поможет тебе в двух смыслах: во-первых, она поможет тебе стать необусловленным, а затем поможет найти способы и средства жить свою жизнь. Это будет единственным способом избавиться от обусловленности и единственным способом найти новый стиль жизни, новое видение жизни.

Пятый вопрос:

Любимый Мастер,

Я уезжаю путешествовать с Радхой. Услышав о твоём опыте путешествия с нею, я почувствовал, что мои чемоданы в абсолютной безопасности, но теперь мне пришло в голову, что может быть, нужно взять с собой и Сарджано?

Ананд Амито,

Нет, я категорически против! Сарджано может помочь сохранить чемоданы и коробки, но Радха? Радха будет в опасности.

Лучше рискнуть чемоданами — ты не сможешь спасти Радху от Сарджано. Избегай Сарджано, даже если он захочет ехать. Конечно, он поможет тебе спасти чемоданы, но тогда не станет Радхи.

Это твоё дело. Если ты слишком привязан к своим чемоданам, можешь взять с собой Сарджано; но такие случаи происходят нечасто. Я говорил о вымышленном путешествии — а ты отправляешься в настоящее. В настоящем путешествии таких вещей не происходит...

Шестой вопрос:

Любимый Мастер,

Ты действительно знаешь итальянский язык? Тогда, пожалуйста, скажи мне, как будет по-итальянски холодильник и еще как будет хорошенькая девушка.

Сатьям,

Я недостаточно хорошо знаю итальянский, но сделаю, что смогу. Холодильник по-итальянски будет а-ну-холодильная коробка; хорошенькая девушка будет а-ну-молодильная коробка.

Последний вопрос:

Любимый Мастер,

Есть ли какая-либо надежда для человека из Америки? Как насчет человека, который родом из Калифорнии, но англичанин и немец; отчим шотландец, мать еврейка; выглядит как швед и чувствует себя итальянцем?

P.S. И живет с нью-йоркским русско-еврейским поляком!

Анупама,

Ты в беде! Просветление абсолютно неизбежно!

На сегодня достаточно.

Глава 9 Какое заблуждение!

Мастер оставляет заблуждение.
Он безмятежен.
Он оставляет все позади.

Он не обижается
И не обижает.
Он никогда не платит злом за зло.

Горе тому, кто
Понимает руку на другого,
И вдвойне горе тому,
Кто возвращает удар.

Спротивляйся удовольствиям жизни
И желанию причинять вред —
Пока отчаяние не исчезнет.

Никогда не обижай
Ни мыслью, ни словом, ни действием.

Чти человека, который пробужден,
И он покажет тебе путь.
Чти огонь его жертвы.

Не спутанные волосы, семья или каста
Делают мастером,
Но истина и добро,
Которыми он благословен.

Твои волосы спутаны,
И ты сидишь на шкуре оленя.
Какая глупость!
Тогда как внутри тебя раздирает похоть.

Одежда мастера в лохмотьях.
Его вены вздулись,
Он изможден.
Один в лесу
Он сидит и медитирует.

Хэнк ехал по прерии, напевая и насвистывая. Внезапно его лошадь заржала и остановилась. Перед ними была огромная змея. Хэнк вытащил пистолет и только собрался выстрелить, как змея закричала:

— Не стреляй! Если ты пощадишь мне жизнь, я могу исполнить тебе любые три желания!

— Ладно, — сказал Хэнк, сообразив, что ему терять нечего. — Мое первое желание быть красивым как Пол Ньюмэн. Вторых, я хочу мускулистое тело, как у Мухаммеда-Али. И третьих, я хочу такой же прибор, как у моего коня!

— Исполнено! — сказал змея. — Когда ты проснешься завтра утром, ты все это получишь.

На следующее утро Хэнк проснулся и поспешил к зеркалу. И правда, у него было лицо Пола Ньюмэна, и к своему удовольствию он увидел массивные плечи и бицепсы точно как у Мухаммеда-Али. Затем он в нетерпении посмотрел вниз и издал леденящий душу вопль:

— Боже мой, я совершенно забыл! Вчера я ехал на Нелли!

Человек живет почти что в глубоком сне. Он не осознает, кто он, что он делает, что он думает, куда он движется, почему он туда движется. Вся его жизнь это жизнь сомнамбулы, лунатика. Он совершенно бессознателен. Из этой бессознательности возникает тысяча и одно заблуждение; он не впадает в них соз-

нательно, но не может их избежать. Дело не в его решении не заблуждаться, но в осознанности. Если он осознает, заблуждение исчезает как исчезает темнота, когда ты вносишь свет. Если он не осознает, он может подумать, что делает что-то хорошее, он может верить всем сердцем, что делает что-то хорошее, но будет делать что-то не то. Конечным исходом его жизни будет то, что в мире станет больше хаоса.

Ты можешь наблюдать «добродеев»: все они пытаются помочь, все они пытаются служить; они пытаются сделать так, чтобы вся их жизнь была жизнью служения. В мире столько слуг общества, столько миссионеров, столько социальных реформаторов, столько великих революционеров — и посмотрите, в каком состоянии мир. Может ли быть хуже? Это исход всех ваших великих усилий, всех ваших великих святых. Дерево узнают по плоду, и все ваши религии и всех ваших святых можно узнать по миру, который они помогли создать. Это самый уродливый мир.

Ответствен не Бог — Бог сделал красивый мир. Его мир был безмерно красив: деревья, цветы, реки, горы, звезды. Но мир, созданный человеком, социальные структуры, созданные человеком, уродливы, насильственны, совершенно ошибочны. Все плохое можно делать под именем хорошего.

Адольф Гитлер не пытался сознательно делать зло, помни это. Он не был преднамеренно разрушитель; он думал, что пытается помочь человечеству. Он думал, что пытается принести в мир лучшее человеческое существо — сверхчеловека. Он глубоко верил в философию сверхчеловека Фридриха Ницше, и считал, что немцы единственные сверхчеловеческие существа, что им предназначено править миром.

Он никого не обманывал; он был полностью убежден в этом факте. Для него было фактом, не вымыслом, что немецкая раса это арийская раса, и люди нордической расы — чистейшие в мире. Он смог повлиять на миллионы очень разумных людей по той простой причине, что был так убежден в том, что говорит и делает. Его убежденность была гипнотической. Он не был человеком большого разума, он был очень посредственным, но в нем было одно: он был убежден, что только благодаря ему в мире станет лучше жить. Он не считал, что совершает насилие, убивая миллионы евреев — он служит человечеству, он избавляется от врагов человечества. И дело не в том, что он кого-то дурачил

— он был так бессознателен, что сам был одурачен собственными убеждениями.

Адольф Гитлер причинил огромный вред — как и все политики. Они всегда делают это под прекрасными лозунгами: социализм, демократия, свобода, равенство и тому подобное. Все они пытаются улучшить мир, но конечным результатом оказывается большее и большее замешательство и хаос. Мир был бы гораздо лучшим местом, если бы мы были достаточно бдительны, чтобы не слушать этих лунатиков. Но мы тоже спим. То что они говорят для нас привлекательно; в этом есть великое магнетическое качество.

Фактически, Будда обречен на непонимание, не Адольф Гитлер, Иисус обречен на непонимание, не Йосиф Сталин. Йосиф Сталин, Адольф Гитлер, Бенито Муссолини — они говорят на языке, который вы понимаете. Они просто такие же люди как вы; вы живете в таком же сне. Поэтому между вами и ими происходит общение, которого не хватает между вами и Буддой, между вами и Лао-цзы.

Будда стоит на Евересте, а вы живете в темных долинах внизу. Вы не смотрите вверх, вы разучились смотреть вверх. Вы ползаете в грязи. Тех, кто ползает рядом, вам легче понять. Они говорят тем же языком, они говорят вашими выражениями; они в полной гармонии с вами. Они ничем не отличаются. Но Будда, Кришна, Мухаммед — это другие люди. Они говорят другим языком, из другого видения — хотя и используют те же самые слова. Но они придают вашим словам другой смысл, и вы упускаете этот смысл.

Медитируй над этим:

- Почему ты не хочешь, милая?
- Я слишком устала.
- Ну, давай...
- Оставь меня в покое!
- Я не смогу спать!
- Теперь и я не могу спать.
- Пожалуйста.
- Почему — среди ночи?
- Потому что мне жарко.
- Тебе становится жарко в самое неподходящее время!
- Ты меня не любишь!

- Люблю...
- Если бы ты меня любила, ты бы это сделала.
- Ладно, черт с тобой.
- В чем дело?
- Не могу найти.
- Так лучше.
- Должно быть — открыто нараспашку.
- Хватит; спасибо, дорогая.
- В следующий раз открывай это проклятое окно сам!

Что вы думали все это время?

Будда говорит:

Мастер оставляет заблуждение.

...Потому что мастер оставляет ум. Ум есть заблуждение нет другого заблуждения. Ум это источник всего заблуждения. Мастер это мастер только если им больше не помыкает ум. Мастер хозяин себя; он больше не бессознателен. Что бы он ни делал, он делает это преднамеренно. Что бы он ни делал, он совершенно это осознает. Его жизнь не случайна. Каждое его действие укоренено в его сознании, намеренно.

Мы живем в уме. Ум может даже стать святым, может притворяться святым, но никогда им не будет. Это невозможно; быть святым противоречит самой природе ума. Просто посмотри на историю религии — она полна кровопролития. Фактически, во имя религии было совершено больше преступлений, чем ради чего-либо другого. Во имя религии, Бога, истины, христианства, ислама было убито, замучено больше людей, чем даже во имя любой политической идеологии. Религия на первом месте. Религия была гораздо более вредоносна; она опережает даже политиков. Она опережает политиков по той просто причине, что политик не может долго скрываться; рано или поздно он проявит свою суть. Но религиозный человек может скрываться веками, и ты никогда не узнаешь.

Люди, распявшие Иисуса, даже не поняли, что совершили грех. Я никогда не встречал еврея, который бы сознательно принимал, что распятие Иисуса было преступлением. И дело не в том, что нет хороших евреев, святых евреев, ученых раввинов...

есть очень благочестивые люди. Даже такой человек как Мартин Бубер не смог набраться храбрости сказать: «В прошлом мы совершили преступление». Нет, это кажется невозможным. Преступление было совершено Иисусом, потому что он объявил себя Сыном Божьим. Это было преступлением: он попытался спроецировать себя как образ мессии, посланца Божьего. Это было преступлением, и он был справедливо наказан — евреи в этом абсолютно убеждены.

Прошло две тысячи лет; я никогда не встречал ни единой книги, написанной евреями, в которой принималось бы: «Мы совершили ошибку». Это кажется невозможным. Они не могут этого увидеть, потому что это преступление было совершено во имя религии.

Тысячи христиан были убиты мусульманами, и наоборот. Были войны, которые назывались *джихадами* — святыми войнами. Нет, ни одна война никогда не может быть святой, ни одна война не может быть джихадом; все войны святотатственны. Какой предлог вы находите, это другое дело; это всего лишь предлог, чтобы сражаться. Вы хотите сражаться, вы хотите убивать и разрушать. Вы находите хорошие предлоги, красивые предлоги — святые войны... гибнут миллионы людей.

В этих святых войнах тысячи женщин были изнасилованы; это изнасилование свято. Если свято убийство, почему не изнасилование? Тогда и оно свято — оно совершается во имя религии. Все, что совершается во имя религии, хорошо.

Ваши святые, которые выглядят такими религиозными и благочестивыми, — причина всей этой чепухи, всего этого хаоса в мире. Когда мы избавимся от всей этой глупости? Разве человек еще не зрел? Разве не пришло время избавиться от всей этой глупости, которая веками имела такую ошеломляющую власть? Разве не пришло время отсоединить себя от прошлого?

Но единственный способ отсоединить себя от прошлого — отсоединить себя от ума, потому что твой ум есть прошлое. Ум значит известное, прошлое. Ум это история, ум это время. Ум христианский, индуистский, мусульманский, ум индийский, немецкий, китайский. И пока ты не освободишься из хватки ума, что бы ты ни делал, это будет вредоносным заблуждением. Может быть, тебе это не покажется вредным, — это другое дело, — но будет вредным. Из ума никогда не может произойти ничего хорошего.

Добро это побочный продукт медитации, а зло — побочный продукт ума.

Один человек сказал Мулле Насреддину:

— Как поживает твой друг, адвокат?

— Боюсь, что он лежит на смертном одре¹.

— Вот эти адвокаты! На смертном одре, и все лжет?

Это состояние ума: он продолжает лгать даже на смертном одре. Фактически, когда смерть подходит ближе, ты начинаешь лгать больше и больше, ты начинаешь обманывать себя большим количеством вымыслов, ты начинаешь окружать себя мифами о Боге, рае, аде. Ты начинаешь создавать сны и жить в снах, потому что вся твоя жизнь рушится. Ты упустил возможность. Ты не был творческим, ты был разрушительным.

И помни, никто не может быть нейтральным. В жизни ты либо что-то создаешь, либо разрушаешь; ты живешь либо в уме, либо за пределами ума. Если ты живешь за пределами ума, ты становишься творческим. Быть в медитации значит быть творческим. Тогда все что ты делаешь красиво; это приносит в мир больше славы, больше благословений. Иначе, что бы ты ни делал, это только сделает мир еще уродливее.

Стол и стул глубоко любили друг друга. Они решили пожениться и как водится получили потомство.

— Как мы его назовем? — спросил стул.

— Чэйбл².

Конечно, ребенок стула и стола должен называться чэйбл. И именно это делают люди: производят чэйблы. Это кажется единственной производительностью: все что они делают это производят больше детей.

Одна женщина мне говорила:

— Я ненавижу своего мужа до мозга костей! Я его ненавижу! Боюсь, что однажды я убью его, отравлю его!

— Но как же так, — сказал я, — что у вас восемнадцать детей?

¹ игра слов: lying: лежать, лгать.

² Смесь слов chair: стул; и table: стол.

— Я пыталась создать такую толпу, чтобы он в ней потерялся.

Люди ненавидят, но все равно продолжают воспроизводство, потому что их производительность не знает другого выхода.

Рина пришла в бюро зарегистрировать рождение шестого ребенка.

— Но, мисс, это ваш шестой ребенок от одного отца, — сказал клерк. — Почему бы вам не выйти за него замуж?

— Вы шутите? — ответила Рина. — Мне ни капли не нравится этот сукин сын!

Но люди должны что-то делать; они не могут просто сидеть. Они должны найти себе какое-то занятие. Именно так в мире возникает все вредное.

Будда говорит: *Мастер оставляет заблуждение.*

Он безмятежен.

Безмятежность это аромат медитации, безмятежность это благоухание медитации. Он так безмятежен, так молчалив, что может быть абсолютно пустым, вне всяких желаний. Когда всякое желание оставаться занятым исчезает, лишь тогда через тебя может случиться что-то хорошее, тогда через тебя может случиться Бог — а хорошее происходит через тебя только когда через тебя происходит Бог. Добро это не что иное как текущий через тебя Бог.

Он безмятежен.

Он оставляет все позади.

Он оставляет прошлое, он оставляет ум, он оставляет воспоминания, он оставляет свою традицию. Он не конформист и не может быть конформистом. Ни один мастер никогда не был конформистом; это было бы противоречием в терминах. Он всегда бунтарь. Он — чистый бунт. В каждое мгновение он умирает для прошлого; он никогда не накапливает прошлое. Поэтому он всегда остается свежим, свежим как роса на солнце ранним утром, свежим как лист лотоса, свежим как лепестки розы. Он все-

гда свеж, он всегда молод; он никогда не стареет. Он взрослеет, но никогда не стареет. Конечно, тело стареет, но его сознание остается абсолютно свежим; оно никогда не покрывается никакой пылью и ржавчиной. И он так безмятежен, что может сидеть один вечность ничего не делая — и все же он будет абсолютно блаженным. Он будет наслаждаться этой безмятежностью.

Эту безмятежность нельзя культивировать снаружи; эта безмятежность приходит лишь когда ты становишься наблюдателем ума, когда ты стал наблюдателем ума и через свидетельствование трансцендировал ум. Тогда внезапно, из ниоткуда, со всех сторон взрывается безмятежность. Она осыпает тебя как цветы и продолжает изливаться. Тогда твоя жизнь это жизнь добродетели. Дело не в том, чтобы ее культивировать, дело не в том, чтобы ее создавать — это следствие медитации.

Это нужно помнить снова и снова; никогда не забывай, потому что это забывали миллионы раз. Снова и снова будда приходит и напоминает, но ты продолжаешь забывать по той простой причине, что привитая безмятежность дешева. Ты можешь выглядеть безмятежным, ты можешь сделать безмятежное лицо; ты можешь это изображать, ты можешь быть хорошим актером, ты можешь быть очень эффективным, но это будет не более чем лицемерие. Глубоко внутри ты будешь кипеть; глубоко внутри ты сохранился ад. Снаружи ты душишься духами, а внутри царит зловоние. Внутри ты цепляешься за свое страдание, за свое прошлое, за все что мертво, гнило, за все, что должно быть сожжено; ты цепляешься за это. И те, кто цепляется за мертвые трупы, мало-помалу сами становятся мертвыми; те, кто живет с трупами, сами становятся трупами. Лишь на поверхности они могут улыбаться, смеяться; глубоко внутри только слезы — слезы боли.

Но этот странный факт нужно понять о человеке: он цепляется за прошлое. Даже если прошлое уродливо, он цепляется за прошлое, хотя он только страдал. Зачем он цепляется за прошлое? — потому что прошлое дает ему определение, прошлое дает ему тождественность, прошлое дает ему представление о том, кто он такой.

Проведя шесть недель в командировке, женатый коммивояжер вошел в уест-сайдский бордель в Чикаго. Он подошел к мадам, дал ей стодолларовую купюру и сказал:

— Я хочу худшую из ваших подопечных!

— Но сэр, — ответила мадам, — за сто долларов вы можете купить лучшую.

— Нет, — потребовал бизнесмен. — Я хочу самую худшую из возможных.

— Я не могу этого допустить, — взмолилась мадам. — Вы достойны лучшего.

— Послушайте, дама, — сказал он. — Меня не интересует секс, я просто тоскую по дому!

Наблюдай свой ум, наблюдай, как ты цепляешься за прошлое. Цепляться не за что — всего лишь сухие кости, скелеты, но ты за них держишься, как будто в них вся твоя жизнь. И поскольку ты за них держишься, твои заняты и ты не можешь держаться ни за что другое; поскольку ты смотришь в сторону прошлого, ты не можешь видеть настоящего и наслаждаться его красотой, радостью. Ты не можешь войти в настоящее — а настоящее это двери в божественное. Прошлого больше нет.

Бог это никогда не прошлое, Бог это всегда настоящее. Бог никогда не будущее, Бог это всегда настоящее. Ты не можешь сказать: «Бог был», ты не можешь сказать «Бог будет», ты можешь сказать только «Бог есть». Фактически, даже сказать, что Бог есть, было бы повторением, потому что Бог значит есть-ность; есть-ность и Бог синонимичны.

Будда говорит: *Он оставляет все позади.*

Мастер не может быть индустом, не может быть буддистом, не может быть христианином. Мастер это просто мастер; эти имена — для рабов. Кто-то раб под именем христианства, кто-то раб под именем индуизма. Это рабы; они не знают, что такое свобода. Они цепляются за такую сущую чепуху, но цепляются так крепко, что не могут увидеть ничего другого. Их глаза полны пыли прошлого. Они слепы из-за прошлого; у их слепоты нет никакой другой причины.

Вы упускаете Бога не потому что вы грешники; вы упускаете Бога потому что вы ориентированы на прошлое. А Бог доступен только сейчас... здесь. Бог знает только одно время, сейчас, и только одно место, здесь. А ты никогда не сейчас и никогда не здесь; ты всегда где-то еще. «Тогда» и «там» — твои ключевые слова; слова «сейчас» и «здесь» для тебя почти бессмысленны.

Мастер живет здесь и сейчас. *Он оставляет все позади.*
Он продолжает сжигать за собой мосты.

Он не обижается

И не обижает.

Он никогда не платит злом за зло.

Очевидно, если кто-то его оскорбляет, он не принимает этого. Ты не можешь оскорбить мастера, это невозможно. Как ты можешь оскорбить человека, который этого не принимает? Чтобы оскорбить человека, нужны две вещи: кто-то, чтобы его оскорбить, и его готовность принять оскорбление.

Однажды Будду очень оскорбили какие-то люди. Они обошлись с ним очень плохо. Он выслушал молча и затем сказал:

— Вы хотите сказать еще что-нибудь? — потому что мне нужно вовремя добраться до другой деревни. Наверное, люди ждут меня. Если вы хотите еще что-то сказать, когда на обратном пути я пойду той же дорогой, я вам сообщу и специально отведу для вас время, чтобы вы могли прийти и сказать все что захотите.

Люди были очень озадачены. Они сказали:

— Мы ничего не говорим, мы оскорбляем тебя”

Будда рассмеялся. Он сказал:

— Для этого вы немного опоздали. Вам следовало бы прийти, по крайней мере, десять лет назад. Теперь я не так глуп. Вы можете оскорблять, это ваша свобода, но принимать оскорбление или нет — это моя свобода. И я не принимаю.

Еще он им сказал:

— В другой деревне, через которую я прошел, люди вышли и предложили мне сладости. Я поблагодарил их. Я сказал: «Мне не нужны сладости, я не ем сладости». И что, по-вашему, они сделали с этими сладостями?

Кто-то из толпы сказал:

— Наверное, они отнесли их обратно домой.

— А что вы будете делать? Вам тоже придется отнести свои оскорбления обратно домой. Я не принимаю оскорблений — вам ничего не остается, как взять их обратно.

Когда ты чувствуешь себя оскорбленным, ты в этом участвуешь. Ты не сознателен, и кто угодно может нажимать на

твои кнопки. Ты функционируешь как машина: стоит нажать на кнопку, и ты включен, стоит нажать на другую, и ты выключен. Кто угодно может привести тебя в бешенство, кто угодно может заставить тебя смеяться и улыбаться, кто угодно может заставить тебя рыдать и плакать. Кто угодно, любой дурак! Ему просто нужно знать, где у тебя кнопки — и почти у всех они в одних и тех же местах. Очень редко можно найти человека, у которого кнопки не там, где у других.

Поляк ехал на фольксвагене, и вдруг он остановился. Поляк пошел посмотреть, что случилось — и не нашел двигатель. Он подумал:

— Боже мой, наверное, у меня украли двигатель!

И тут другой поляк остановился рядом. Он сказал:

— Что-то случилось?

Первый ответил:

— Да, кажется, у меня украли двигатель.

— Не волнуйся, — сказал второй. — Сегодня утром я заглянул в багажник — у меня два. Можешь его взять!

У фольксвагена двигатель не на обычном месте; он не спереди, а сзади. Но Бог пока ничему не научился у фольксвагена — он по-прежнему делает такие же двигатели с такими же кнопками, может быть, в чем-то немного разными, но эта разница невелика. Кто угодно может нащупать... небольшой поиск, и ты найдешь кнопки у кого угодно. Если ты знаешь свои кнопки, ты знаешь и кнопки всех остальных.

Трудно придется только с буддой, потому что он ты можешь продолжать нажимать на его кнопки, и ничего не случится, потому что он больше не отождествлен со своим механизмом. Он будет наблюдать, как ты нажимаешь на его кнопки, и наслаждаться упражнением, которое ты ему предоставляешь, вот и все.

Он не обижается и не обижает. Он никогда не платит злом за зло. Он понимает человечество так глубоко. Поняв себя, он понял несчастное состояние всех человеческих существ. Ему жаль людей; он сострадателен. Он не платит злом за зло по той просто причине, что, прежде всего, не чувствует обиду. Во-вторых, ему вас жалко; он не хочет вам противостоять.

Однажды это случилось в Бароде:

Я говорил с большой толпой. Кого-то из сидящих в первом ряду так задели мои слова, задели настолько, что он совершенно потерял контроль и вышел из себя. Он швырнул в меня туфлей. В этот момент вспомнил, как в студенческие времена играл в волейбол, поймал его туфель налету и попросил бросить второй. Он был в растерянности. Я сказал:

— Брось и второй! Что мне делать с одним? Если ты хочешь что-то подарить...

Он ждал. Я сказал:

— Чего ты ждешь? Бросай и второй, потому что так ни я не смогу носить туфли, ни ты. И я не собираюсь его возвращать, потому что за зло не нужно платить злом! Так что, пожалуйста, дай мне и второй.

Он был так шокирован, что не мог поверить своим глазам... во-первых, он сам не мог поверить, что он сделал — он был очень хороший человек, известный знаток санскрита, пандит. Он не ожидал, что поведет себя таким образом, но это случилось — люди так бессознательны. Если бы я повел себя так, как он бессознательно ожидал, все было бы в порядке. Но я попросил второй туфель, и это его очень потрясло. Он был в шоке.

Я сказал его соседу:

— Стащи с него второй туфель. Я его так не отпущу, я хочу оба. Фактически, я думал о том, чтобы купить пару туфель, а этот человек так щедр!

Туфли были совершенно новые.

Этот человек пришел ко мне поздно ночью, коснулся моих ног и попросил прощения. Я сказал:

— Забудь об этом, нет никаких вопросов... Я не был зол, за что мне тебя прощать? Чтобы простить, сначала нужно разозлиться. Я не разозлился, я наслаждался этой сценой. Фактически, в этом было что-то красивое, потому что многие заснули, и это их внезапно разбудило! По дороге я думал, что это прекрасная мысль, и я должен подать эту идею некоторым моим последователям: пусть иногда бросают туфли, чтобы спящие просыпались. По крайней мере, на несколько мгновений они останутся бдительными, потому что что-то происходит! Я тебе благодарен.

Годами он продолжал писать мне письма: «Пожалуйста, прости меня! Пока ты меня не простишь, я буду продолжать писать».

Но я ему говорил: «Сначала нужно разозлиться. Простить просто значит, что я признаю, что разозлился. Как я могу тебя про-

стить! Ты меня прости, потому что я не могу на тебя разозлиться, не могу тебя простить — прости меня!»

Не знаю, простил он меня или нет, но он меня забыл. Он больше не пишет.

*Горе тому, говорит Будда,
Кто поднимает руку на другого,
И вдвойне горе тому,
Кто возвращает удар.*

Почему *горе тому, кто поднимает руку на другого?*... Потому что он поднимает руку на самого себя, потому что нет никого, кто был бы другим. Все существование едино. Когда ты кого-то бьешь, ты бьешь самого себя. Ты просто ведешь себя инфантильно. Это одна и та же реальность: я одна волна, ты другая. Ты бьешь другую волну в океане — обе они бьют сами себя.

Горе человеку, который поднимает руку на другого, и вдвойне горе тому, кто возвращает удар. Почему вдвойне? — потому что тогда он создает порочный круг. И именно так мы живем — во множестве порочных кругов. Люди продолжают бороться; кто-то один начинает, и кажется, этому нет конца. Ты делаешь что-то из мести, и другой ждет возможности отплатить тебе тем же, затем ты платишь ему тем же, и так далее, и так далее. Это происходит из жизни в жизнь, это продолжается.

Мудрец, мастер это человек, который делает шаг за пределы всех этих порочных кругов.

Однажды к Будде пришел человек и плюнул ему в лицо, в таком он был гнев. Будда спросил его:

— Это все, или ты хочешь что-то еще? Пожалуйста, сделай это, и пусть с этим будет покончено.

Человек спросил:

— Что ты имеешь в виду?

Будда сказал:

— В прошлой жизни я тебя оскорбил, и теперь пришло время замкнуть этот порочный круг. Теперь ты оскорбляешь меня, и я ничего не делаю в ответ; я просто принимаю это и замыкаю круг — просто чтобы с тобой рассчитаться. Я ждал тебя; фактически, в тот день, когда ты пришел в этот город, я надеялся, что ты

придешь и что-то сделаешь, чтобы закрыть счет. Это мой последний порочный круг; все остальные я закрыл. Теперь я свободен от всех порочных кругов. Я тебе благодарен; иначе что-то продолжало бы висеть в воздухе — лишь одна нить, но что-то висящее, неоконченное.

Теперь круг замкнулся, и я не хочу продолжать дальше. Теперь от меня зависит, продолжать или не продолжать. Теперь я хозяин; до сих пор хозяином был ты. Плонув мне в лицо, ты утратил эту позицию; теперь я хозяин, и я не хочу продолжать этот порочный круг. Это моя последняя жизнь, и я хочу закрыть все счета со всеми — хорошие или плохие, все счета должны быть закрыты — чтобы я мог войти в предельное без всяких струн, привязывающих меня к миру. Я безмерно счастлив, — сказал ему Будда.

*Спротивляйся удовольствиям жизни
И желанию вредить —
Пока отчаяние не исчезнет.*

Удовольствие зависит от других, а все, что зависит от других, делает тебя рабом, создает оковы. А предельная цель Будды — свобода, нирвана — свобода от всех оков.

Поэтому все пробужденные говорили: Ищи блаженства. Не трать время на обычные удовольствия. Во-первых, они мгновенны; во-вторых, каждое обычное удовольствие приносит боль. Боль это другая сторона той же монеты. Оно приносит боль в той же пропорции; чем больше удовольствие, тем сильнее боль. Поэтому, когда ты чем-то наслаждаешься, осознавай: вскоре за этим последует боль; это неизбежно. Точно как день следует за ночью, а ночь за днем, боль и удовольствие следуют друг за другом. Они не отдельные, они неразделимы.

Во-первых, удовольствия мгновенны, это просто мыльные пузыри. Тратить на них свою драгоценную жизнь просто глупо, неразумно. Во-вторых, каждое удовольствие приносит боль. Но люди так глупы, что никогда не смотрят на связи. Они думают, что боль приходит из какого-то другого источника, они думают, что удовольствия могут продолжаться вечно. Снова и снова удовольствия загоняют их в боль; снова и снова они продолжают думать, что какие-то причины разрушили их удовольствия.

Были причины или нет, неважно; каждое удовольствие мгновенно; оно исчезнет, и ему на смену приходит боль... Ты можешь это рационализировать; эта рационализация только поможет тебе продолжать двигаться в прежней колее. Но увидь этот факт. Видение истины приносит великое освобождение; видя, что удовольствие неизбежно приносит боль, ты будешь свободен от них обоих.

И третье: та же самая энергия, которая вовлечена в удовольствие, должна двигаться в блаженство. Удовольствие зависит от других; блаженство абсолютно независимо, оно принадлежит тебе. Оно возникает внутри твоего существа, это сама твоя природа; поэтому ты ни от кого не зависишь. И поскольку это сама твоя природа, оно вечно. Нет полярности, нет противоположности блаженству.

Счастье находит между удовольствием и блаженством. В счастье есть что-то независимое и что-то зависимое; это смесь. Поэтому человек, который живет только удовольствием, в определенном смысле находится в лучшем состоянии; он здоров, здоров как здоровы животные. Животные живут только удовольствием: когда приходит боль, они страдают, когда приходит удовольствие, они наслаждаются. Они продолжают возвращаться между удовольствием и болью. Человек, который живет удовольствием — Дон Жуан — в определенном смысле здоров, нормален, потому что относится к животному миру; он еще не человек. В определенном смысле его жизнь ясна, в ней нет сложностей.

Но человек, который живет счастьем или пытается найти счастье, живет ради счастья, в гораздо большем замешательстве, потому что он ни там, ни там. Он уже не животное, но еще не божество; он в промежутке. Он едет на двух лошадях; он в большом затруднении. В таком состоянии находятся почти все человеческие существа. Очень редко встречается человек, живущий только удовольствиями — редко встречается грек Зорба, который живет только удовольствиями. Он ясен, в нем нет замешательства. Он просто ходит по земле; у него нет идей о том, чтобы летать по небу. Он принял закон гравитации и не знает никакого другого закона.

Человек, живущий ради счастья, который знает красоту музыки, который знает красоту живописи, искусства, который нечто высшее, чего не знают животные, в гораздо большем замешательстве; он в гораздо большем хаосе... потому что пока ты

слушаешь великую музыку, музыка вносит нечто снаружи и вносит нечто внутри; это встреча двух полярностей. Ты висишь по середине, и обе они тянут тебя в разные стороны. В твоей жизни будет больше тревоги.

Именно поэтому бедные люди не в такой боли, как богатые. Богатые страны живут в боли, потому что у них достаточно удовольствий; они ими пресытились. Теперь они хотят чего-то высшего, и с высшим возникают проблемы.

Животная часть хорошо уравновешена, потому что это наследие миллионов лет. Это твоя химия, физиология, физиология. Все устроено, инстинктивно. Тебе не нужно осознавать, не нужно ничего делать. Но если ты ищешь счастья, тогда тебе придется отправиться в более призрачный мир, менее вещественный — высший, но более призрачный.

И третья цель — блаженство, которое снова очень ясно, ясно как первое, фактически, гораздо яснее, потому что в первом есть ясность, но это ясность очень низкого порядка. В третьем есть ясность высочайшего качества. Лишь пробужденные знают ясность третьего.

Будда говорит: *Сопrotивляйся удовольствиям жизни...* Станьте немного более зрелыми. Не будьте инфантильными, не оставайтесь животными. Сложите свои энергии в более высокие жизненные цели — пусть целью будет блаженство.

В жизни людей, живущих удовольствиями, есть еще одна черта: это желание вредить другим, потому что удовольствия создают соревнование. Если ты хочешь больше денег, конечно, тебе придется вырвать их у кого-то другого. Если ты хочешь больше власти, тогда этой власти лишится кто-то другой. Если ты хочешь быть президентом, кто-то другой не будет президентом. Отсюда постоянная борьба. Чтобы добиться успеха, ты должен причинить вред многим. Ты должен быть очень разрушительным, бесчеловечно разрушительным.

Лишь только цель блаженства может быть ненасильственной; желание удовольствия будет насильственным.

Будда говорит: *Сопrotивляйся удовольствиям жизни и желанию вредить — пока отчаяние не исчезнет.* Будь бдителен. Он не говорит подавлять, он не может этого сказать. Осознавая — чтобы удовольствия не тянули тебя вниз, чтобы мало-помалу ты освободился от своего животного наследия, чтобы мало-помалу ты смог трансцендировать свою биологию.

Избегай желания вредить другим. В том чтобы вредить другим есть определенная радость. Мы продолжаем ранить других; это дает тебе чувство власти. Когда ты кого-то ранишь, это помогает тебе почувствовать свою власть. Это очень уродливо, эгоистично, но это делает каждый. Наблюдай себя, наблюдай, как ты ранишь других. Может быть, ты не делаешь ничего специально, чтобы их ранить, но одного жеста может быть достаточно. Люди ходят, говорят так, что это ранит других. И никто не может их ни в чем упрекнуть, потому что то что они делают так тонко. Они используют слова, которые могут ранить, и используют их с таким искусством, что тебе их не в чем упрекнуть. Они всегда могут найти объяснение.

Черного джентльмена арестовали за то что он застрелил человека. На следующее утро его привели в суд.

— Почему ты застрелил этого человека? — спросил судья.

— Потому что он назвал меня сукиным сыном!

— Но ты не должен был его за это убивать!

— Знаете, Ваша Честь, а что бы вы сделали, его бы он вас назвал сукиным сыном?

— О, меня бы он так не назвал.

— Я знаю, Судья, но предположим, он назвал вас сукиным сыном, что тогда? Конечно, он не может назвать вас «черномазым сукиным сыном», — вы не черный! — но если бы он назвал вас сукиным сыном, который вы есть, что тогда?

Люди продолжают очень искусно находить способы... Человек должен оставаться осознанным, пока отчаяние не исчезнет.

Никогда не обижай

Ни мыслью, ни словом, ни действием.

Это не значит, помни, что люди не будут обижаться. Они все же могут обижаться, но это не должно быть твоим намерением. Будда не говорит, что никто не будет обижен на мастера, потому что тысячи были обижены на самого Будду. Конечно, многие были обижены на Иисуса; иначе почему бы его распяли?

Будда говорит: *Никогда не обижай ни мыслью, ни словом, ни действием.* Это не должно быть твоим намерением. И все же

это произойдет: когда мастер говорит, почти неизбежно кто-то будет этим обижен, потому что люди поймут его слова по-своему. Они не услышат, что он говорит; они услышат только то что смогут. Они поймут его неправильно. Это абсолютно неизбежно, этого нельзя избежать.

Это было поздно вечером в маленьком городе. Джо, владелец местной пивной, лениво полировал стаканы, и вдруг вбежал Мики.

— Джо, — закричал он, — беги домой да побыстрее. Я заглянул, чтобы тебя проведать, и слышал незнакомый голос в спальне. Я заглянул в окно, и боже мой! Мне жаль тебе это говорить, но твоя жена в постели с другим мужчиной!

— Правда? — говорит Джо деловито. — А как он выглядит?

— Он высокий и совершенно лысый.

— Густые усы?

— Точно! Точно! — закричал Мики.

— А ты не заметил, не было ли у него спереди золотого зуба?

— Проклятье, так и есть!

— Наверное, это этот придурок, Дик Робертс, — говорит Джо.

— Этот что угодно трахнет!

Если ты говоришь с мужем о жене, это совершенно другое дело. Ему все равно, ему больше не интересно, он пресыщен, для все это кончено. Ты можешь волноваться и думать, что нужно что-то предпринять, но муж слушает из своего опыта брака с этой женщиной; он не может отложить в сторону этот опыт.

Я что-то тебе говорю; ты будешь слушать из своего опыта, из своих воспоминаний, из своих путей толкования. Никто не знает, что ты из этого вынесешь; в этом будет больше твоего чем моего. Может быть, я запущу процесс, вот и все, но ты создашь все явление сам.

Поэтому, помни, мастер никогда не обижает, и все же люди обижаются.

Будда говорит:

Чти человека, который пробужден.

Это было одной из самых красивых вещей на Востоке — цветок, который расцвел на Востоке — который Восток может

гордиться: мы всегда чтим человека, который пробужден. В других частях мира, особенно на Западе, уважают специалиста, техника, ученого, человека, который многое умеет. Но человек, который сознатель, не почитаем просто за свое сознание.

Гурджиева совершенно не чтим. На Востоке он был бы Буддой; на Западе его совершенно не чтим — его оскорбляли как только могли по той простой причине, что Запад понятия не имеет о том, как чтить пробужденного, потому что пробужденный человек не служит никакой утилитарной цели. Он не сможет помочь, если у тебя сломалась машина; он не сможет починить машину... в мире он ничем не может тебе помочь. Фактически, все что он может сделать это помочь тебе избавиться от мира. А никто не хочет избавляться от мира; каждый хочет владеть миром. Поэтому на Западе уважают специалистов; На Востоке специалистов никогда не уважали. Специалист это хорошо — он слуга, он обслуживает, ему за это платят. Но мы чтим будду.

Чтить будду значит чтить розу, у которой нет никакой утилитарной цели. Ее нельзя съесть. В случае голода роза ничем не поможет; пшеница будет гораздо лучше. Если тебе придется выбирать между розой и пшеницей, ты выберешь пшеницу. Что делать с розами? Будда подобен розе: ты можешь восхищаться его красотой, ты можешь танцевать вокруг розы, ты можешь петь ей песни, ты можешь смотреть на разу и славить Бога, что еще? Она не может наполнить пустой желудок, она не может помочь преуспеть в мире, она не может сделать тебя великим воином. Если у тебя есть роза, она не сделает тебя Александром Великим; нужен меч, а не роза.

Но специалист настолько же спит, что и ты; нет никакой разницы, никакой качественной разницы. Поэтому на Востоке специалистам всегда платили, но они не получали никаких почестей.

Киноактер сказал психоаналитику:

— Меня привлекают мужчины, а не женщины.

— Ты пришел в нужное место, милашка!

На Востоке психоаналитик не может быть уважаемым; на Западе он один из самых уважаемых людей. Он опередил даже священников. Теперь священники учатся быть психоаналитиками; священники ходят в университеты учиться психотерапии,

психоанализу, психосинтезу и всевозможной чепухе, потому что знают, что профессией священника все кончено; они должны ее чем-то украсить. Они видят, что психоаналитик поднимается выше и выше; на Западе это самая высокооплачиваемая профессия. На Востоке никто не подумает, что в профессии психоаналитика есть что-то особенное. Да, может быть, он лучше автомеханика, он мозгомеханик — но тоже водопроводчик. Ты ему платишь, но почет это совершенно другое.

Почет приходит на смену плате, когда плата неуместна. Когда ты не можешь заплатить, когда нет возможности отплатить — тогда почет. Почет это принятие того факта, что заплатить невозможно; долг не может быть оплачен.

*Чти человека, который пробужден,
И он покажет тебе путь.
Чти огонь его жертвы.*

Будды показывают тебе путь. Ты должен сделать шаг, ты должен его пройти; будды только указывают. Они не дают подробных указаний, потому что каждая индивидуальность так уникальна и так отличается от других, что невозможно дать детальные указания. Только туманные инструкции, только указания, стрелки, самое большее, намеки — не приказы, не заповеди...

Я слышал историю о Десяти Заповедях. Конечно, Бог спросил сначала индусов:

— Хотите несколько заповедей?

Он отказались наотрез.

Тогда он спросил французов, и они сказали:

— Мы хотим жить в свободе, мы не хотим никаких помех.

Он спрашивал всех, и никто не хотел. В конце концов он спросил Моисея:

— Хочешь несколько заповедей?

— А сколько они стоят? — спросил он.

И Бог сказал:

— Абсолютно бесплатно!

— Тогда я возьму десять!

Чти человека, который пробужден, и он укажет тебе путь. Он не будет тобой командовать; он не будет тебе говорить: «Делай это, не делай то». Он просто дает тебе некоторые намеки — и оставляет тебе свободу, позволяет тебе тотальную свободу. Ему не нужно ни подражать, ни следовать; его нужно только понять. Ты должен научиться у пробужденного человека красоте, блаженству пробуждения, вот и все, и тогда искать тебе самому. Это всегда индивидуальный поиск, частное исследование. Истину нельзя передать из одних рук в другие; она непередаваема.

Чти огонь его жертвы... Почему будду нужно чтить? — из-за огня его жертвы. Для тебя невозможно понять жертву будды, потому что для тебя она абсолютно невидима. Ты узнаешь, лишь когда станешь буддой. То что он познал нельзя вложить в слова, но он пытается; это постоянная жертва.

То что он познал за пределами ума, и все же он пытается всеми воз возможными способами дать тебе понять, помочь тебе понять. Он вкладывает всю свою энергию в то, чтобы сделать невоспринимаемое воспринимаемым. Его жертва огромна. Он идет на такие трудности — совершенно без причины, потому что он ничего от этого не выиграет. Его работа кончена! Его корабль приплыл. Он может оставить тело в любое мгновение, он решает в каждое мгновение, но все же продолжает жить в теле — а это ограничение, оковы. Все же он продолжает страдать в теле по той простой причине, что хотел бы передать непередаваемое. Его сострадание бесконечно.

Рамакришна страдал от рака. Много раз ученики говорили ему:

— Парамahanсадева, если эта боль слишком сильна, мы будем очень печальны, несчастны, но, пожалуйста, оставь тело.

Он говорил:

— Все равно, больно тело раком или нет. Быть в теле это страдание; даже если оно здорово, это страдание, потому что я могу быть безграничным как небо. Но ради вас я буду цепляться за тело еще немного.

Мастер должен изыскать способы и средства цепляться за тело, потому что все старые связи разрушены, все старые контакты разрушены. Он должен выковать новые связи, а это действительно одна из самых трудных задач в существовании.

Рамакришна был очень заинтересован в еде, настолько, что его жена всегда была смущена. Он мог говорить с учениками, и внезапно на середине слова поспешить на кухню и спросить Шарду: — Что ты готовишь?

Это все равно что я посреди лекции побежал бы на кухню и спросил Вивек: «Что ты готовишь?», а затем вернулся, и вы должны были бы ждать!

Шарда много раз говорила:

— Это неправильно. Что подумают люди?

Рамакришна всегда смеялся и никогда не отвечал. Однажды Шарда потребовала:

— Отвечай! В этом есть что-то странное.

Каждый раз, когда она приносила еду, он вставал; так ему хотелось знать. Он приподнимал ткань и заглядывал в тали. Вокруг сидели люди, и они смеялись и хихикали: «И этот человек реализовал Бога?»

Однажды Шарда настояла на своем, и Рамакришна сказал:

— Если хочешь знать правду, я тебе скажу: для меня это единственный способ удержаться в теле. Я создал ложное желание пищи. И помни, в тот день, когда я не проявлю интереса к пище, это конец. После этого я проживу только три дня.

Шарда не обратила это внимания — кто обращает внимание на таких людей? Они продолжают говорить о стольких вещах; ты слушаешь и не обращаешь внимания.

Но однажды Шарда пришла с тали... Рамакришна не встал. И мало того: он смотрел на дверь, но затем повернулся к ней спиной и стал смотреть в другую сторону. Шарда внезапно вспомнила — и тали выпала у нее из рук.

Рамакришна сказал:

— Теперь ты понимаешь; тогда ты упустила. Теперь осталось только три дня...

И точно на третий день он умер.

Только став пробужденным, просветленным, ты узнаешь, как человек, пришедший домой, продолжает по-прежнему жить в караван-сараях — грязном, уродливом, — и продолжает помогать людям, которые ненормальны. *Чти огонь его жертвы...* Поэтому, говорит Будда, чти его.

Ни спутанные волосы, ни семья, ни каста

*Не делают мастера,
Но истина и добро,
Которыми он благословен.*

*Твои волосы спутаны,
И ты сидишь на оленьей шкуре.
Какая глупость!
Если внутри тебя раздирает похоть.*

Характер ничего не определяет. Ты можешь окружить себя прекрасным фасадом, но действительно определяющий фактор у тебя внутри.

*Одежда мастера в лохмотьях.
Его вены вздулись.
Он изможден.
Один в лесу
Он сидит и медитирует.*

Годами Будда медитировал в лесу, один, не заботясь о своей одежде, не заботясь о своем теле, не заботясь ни о чем кроме медитации; все было отброшено из его сознания кроме одного: как достичь центра. Если ты его достиг, нет проблем, но прежде чем его достичь, поиск должен быть направлен только на одно. Ты должен сосредоточить все свои силы только на одном, исключив все остальное. Пока твой поиск не настолько тотален, целен, прочувствован всем сердцем, ты не добьешься в нем успеха.

Один в лесу он сидит и медитирует.

Где бы ты ни был, научись быть один, сидеть один. Это трудно, это самая трудная в мире вещь, потому что когда ты один, ум начинает умирать. Он не может существовать в одиночестве, ему нужна компания. Поэтому каждый раз, когда ты один, ум говорит: «Сделай что-то, куда-то пойди. Включи телевизор, включи радио». Ум хочет компании, увлеченности, занятия.

Если ты можешь просто быть один... сидеть в молчании, ничего не делая, и приходит весна, и трава растет сама по себе. Однажды твое внутреннее существо расцветает тысячелепестковым лотосом. В этот день ты тоже становишься

буддой, и только тогда ты сможешь понять смысл жизни Иисуса, смысл слов Будды, смысл слов Лао-цзы, Заратустры. До этого все, что ты пытаешься понять, это только интерпретации твоего ума, и эти интерпретации были величайшим источником бедствий.

Отбрось ум — в мире нужно отречься только от одного, и это ум, — и двигайся к не-уму, ко внутреннему молчанию и безмятежности. Узнай себя в своем абсолютном одиночестве, и твоя жизнь состоится, твоя жизнь будет благословенна: благословенна вечным блаженством, благословенна истиной, благословенна свободой.

На сегодня достаточно.

Глава 10

Стань Богом в смехе

Первый вопрос:

*Любимый Мастер,
Обязательно ли быть евреем, чтобы стать просветленным,
или это только помогает?*

Амитабх,
Религии недоставало одного очень фундаментального качества: чувства юмора. Это было большим бедствием, потому что это сделало религию больной.

Чувство юмора это часть, существенная часть целостности человека. Оно сохраняет его здоровье, молодость, свежесть. Веками религией управляли печальные люди. Они изгнали смех — из церквей, из мечетей, из храмов. В тот день, когда смех снова войдет в святые места, они будут действительно святыми, потому что тогда они станут целыми. Смех это единственное качество, которое отличает человека от животных. Только человек способен видеть забавное, абсурдное. Только у него есть способность и сознание, чтобы осознать космическую шутку, которая и есть это существование. Это действительно космическая шутка; это не серьезное дело.

Серьезность это болезнь, но серьезность восхваляли, уважали, чттили. Для святого было абсолютно необходимо быть серьезным; поэтому только патологические люди интересовались религией, люди, неспособные смеяться. А люди, неспособные смеяться, ниже человеческого уровня, они еще не люди — что говорить о божественности? Это невозможно — они еще не стали людьми. А быть человеком это мост между животным и

божественным. Поэтому я безмерно уважаю чувство юмора, смех.

Смех священнее молитвы, потому что молиться может только глупец; для этого не нужно большого разума. Чтобы смеяться, нужен разум, нужно присутствие духа, быстрота восприятия вещей. Шутку нельзя объяснить: либо ты ее понимаешь, либо упускаешь. Если ее объяснить, теряется вся суть; поэтому шутки нельзя объяснять. Либо она доходит немедленно... если до тебя не доходит тотчас же, ты можешь попытаться найти смысл; ты найдешь смысл, но в нем не будет шутки. Все дело было в мгновении.

Для юмора нужно присутствие, полное присутствие. Это не вопрос анализа, это вопрос прозрения.

Амитабх, что касается юмора, быть немного евреем хорошо — каждый должен быть немного евреем! Это подготовит почву для просветления, это сделает тебя более живым. Просветление означает стать тотально живым. Смех приносит тебе жизнь.

И если ты можешь смеяться тотально, нужно понять еще несколько вещей. В глубоком смехе эго исчезает, эго вообще нет. У тебя не может быть и смех, и эго. Если есть эго, оно удерживает тебя серьезным. Все эгоисты серьезные люди, и все серьезные люди эгоисты.

Чтобы ты мог смеяться, ты должен быть как ребенок — лишенным эго. А когда ты смеешься, внезапно есть смех, а тебя нет. Ты возвращаешься, и смеха больше нет. Когда смех исчезает, когда он уменьшается, ты возвращаешься, возвращается эго. Но в само мгновение смеха ты получаешь проблеск отсутствия эго.

Есть только два рода деятельности, в которых легко почувствовать отсутствие эго. Это смех и танец. Смех это абсолютно физиологический метод, телесный метод почувствовать отсутствие эго. Когда танцор теряет в танце, эго больше нет — есть лишь танец. Смех немного тоньше танца, немного более внутренний, но у него тот же аромат. Когда ты смеешься... Смех должен исходить из живота. Он не должен быть только поверхностным, он не должен быть вежливым, он не должен быть только хорошими манерами.

Я слышал:

Одна машинистка увольнялась с работы. В ее последний день в этой конторе босс начала шутить старые шутки, которые шутил всегда. Все смеялись, кроме машинистки. Босс спросил:

— Что с тобой случилось? Ты не понимаешь шутки?

— Я их давно поняла, — ответила она. — Ты повторял их тысячи раз, но я больше не должна смеяться. В любом случае завтра я уйду. Эти дураки смеются, потому что им приходится смеяться — ты босс. Поэтому, смешная шутка или нет, это неважно. Они вынуждены смеяться, это часть их обязанностей. Но я уйду, что ты можешь мне сделать? Я не смеюсь, ты не можешь заставить меня смеяться над этими тухлыми шутками.

Если ты смеешься из чувства долга, ради хороших манер, из вежливости, этот смех не из живота, он только поверхностный; ты изображаешь его на периферии. Тогда ты не поймешь то, что я говорю о смехе.

Смейся так, чтобы было вовлечено все твое тело, все твое существо, и внезапно произойдет проблеск. На мгновение прошлое исчезает, будущее исчезает, эго исчезает, все исчезает — есть только смех. И в это мгновение смеха ты сможешь увидеть, что все существование смеется.

У индусов нет чувства юмора. В Индии нет ни одной индийской шутки. Все шутки, которые рассказываются в Индии, заимствованы, нет такой вещи как индийская шутка. Индусы серьезные люди, очень религиозные люди, святые люди. Как они могут снизойти до таких вещей как шутки? Они говорят о Боге, они говорят о мокше, они говорят о нирване... они не могут смеяться. В этом нет ничего смешного! Ты не можешь смеяться в делах Бога. Но если ты не можешь смеяться в делах Бога, ты никогда не поймешь Бога.

Индийские статуи Будды совершенно отличаются от китайских или японских статуй Будды. Наверное, вы заметили разницу; разница огромна. У индийского Будды очень атлетичное тело. У него очень подтянутый живот, эго почти нет. Он никогда не смеялся из живота. Если живота нет, как можно смеяться из живота? Но у китайского Будды большой живот, и не только живот — даже в статуе можно заметить в животе рябь смеха. Даже в мраморном изображении можно увидеть, что он смеется, эго живот смеется.

Ни один индус не согласится с китайской скульптурой. Он скажет:

— Это неправильно, Будда не такой, у него нет такого живота...

Китайский Будда выглядит как клоун — но я очень уважаю китайского Будду. Китайский Будда впитал в себя Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ли-цзы. Он беременный Лао-цзы, вот почему у него такой большой живот. Внутри его живота — Лао-цзы. А Лао-цзы нельзя заставить молчать. Наверное, он смеется, дрыгает руками и ногами и делает всевозможные вещи; отсюда эти волны на животе.

У Лао-цзы есть чувство юмора. Может быть, поэтому Лао-цзы не смог стать основателем великой религии. Не существует религии с его именем. Да, есть немногие люди, которые последовали его пути, но нет никакой организованной церкви — по той простой причине, что Лао-цзы кажется таким несерьезным. Он ездил на буйволе. Он что, не мог найти лошадь? Кто угодно может позволить себе хотя бы осла — но буйвол?.. и мало того, он не сидит на нем как надо, он сидит задом наперед! Буйвол идет в одну сторону, Лао-цзы смотрит в другую. Наверное, он создавал смех везде, куда бы он ни пришел. Наверное, люди собирались посмотреть на эту сцену.

А Чжуан-цзы далеко превзошел своего мастера. Никогда не было такого красивого человека как Чжуан-цзы. Все что он говорил было абсолютно абсурдно, смехотворно! — но полно глубокого смысла. Сначала ты рассмеешься, потому увидишь суть, что таким радостным способом он указывает на определенные истины, на которые указать можно только радостно. Если ты серьезен, ты не можешь дать людям понять красоту существования, празднование существования.

Жизнь это не трагедия, это комедия. Она не трагична. Но религиозные люди основывались на самой идее о том, что жизнь трагична: это страдание, полное страдание — над чем тут смеяться? Поэтому они привлекали людей, неспособных смеяться, жить, любить.

Мое усилие здесь, Амиабх, прямо противоположно. Я хочу, чтобы ты как можно большему научился у Будды, у Лао-цзы, у Чжуан-цзы. Я хотел бы, чтобы ты впитал все великие опыты, происшедшие в прошлом, чтобы стал возможным высший синтез. В этом высшем синтезе смех будет одним из самых

существенных качеств. Место смеха рядом с истиной, храбростью и добродетелью.

В этом смысле евреи красивые люди. У них величайшее в мире чувство юмора. Они находятся в одной крайней точке; в другой крайней точке англичане. Я получил столько гневных писем от англичан: Любимый Мастер, ты не понимаешь англичан». А зачем их понимать? И почему я должен понимать англичан, для чего? Мне что, больше нечем заняться?

Я рассказывал столько анекдотов об итальянцах, и ни одного гневного письма. Они понимают, что шутки есть шутки! Если понимать слишком много, невозможно шутить. Нужно немного недопонимания.

Один из самых английских из всех английских саньясинов, Прембодхи, написал: «Ты совершенно не понимаешь англичан». Ты просто доказываешь мою правоту!

Кто-то еще написал: «Это неправильно. Ты говоришь, что ни одна английская женщина не женщина; все они леди». Я просто оказал знак уважения!

Я думаю, всем известно, что о мертвых нельзя говорить плохо. Мертвым нужно всегда выказывать уважение. Именно это я и делаю! На что ты злишься?

Я снова повторю: очень трудно, почти невозможно найти английскую женщину — бывают только леди. Не все мужчины джентльмены; в конце концов, мужчины есть мужчины, мальчики есть мальчики! Тем более старые мальчики! Но что касается женщин, они несут краеугольные камни культуры, религии. У английской женщины определенное лицо. Ни у одной другой женщины не бывает таких носов... им всем нужна пластическая хирургия!

Амиабх, единственная проблема с евреями начинается когда речь заходит о цене. Они будут продолжать торговаться веки вечные. Просветление может быть прямо у них перед носом, но они будут торговаться о цене.

В этом проблема, Амиабх; это ты должен осознавать.

Шотландец пришел в ателье и заказал костюм.

Еврейский портной принес прекрасный твид Гарриса.

— Смотрите, — сказал он. — Он не стоит пятьдесят фунтов, и даже не сорок. Тридцать фунтов, и он ваш.

Шотландец тщательно изучил его.

— Я не дам вам двадцать пять фунтов, и даже не двадцать. Моя цена восемнадцать фунтов.
— Решено, — сказал еврей. — Вот такой бизнес я люблю — нет необходимости торговаться.

Однажды два еврея столкнулись после того как не виделись сорок лет и поспешили в ближайший бар это отпраздновать.

— Будет так приятно снова вместе выпить после всех этих лет, — сказал один.

— Да, — сказал другой, — но не забудь, теперь твоя очередь угощать.

Богатая вдова нуждалась в переливании крови, и еврейский донор спас ей жизнь. Она была так благодарна, что дала ему сто фунтов, но через некоторое время ей снова понадобилось переливание крови, и на этот раз она дала донору пятьдесят фунтов. Когда он спас ей жизнь в третий раз, в ней уже было столько еврейской крови, что она просто сказала ему большое спасибо.

Второй вопрос:

Любимый Мастер,

Я совершенно несчастен. Как мне выбраться из своего несчастья?

Вандан,

Я никогда не встречал человека, который был бы совершенно несчастен. Ты это терпишь, ты с этим существуешь, ты с этим живешь. Если все так плохо, человек должен перестать дышать! Зачем продолжать жить?

Все не может быть так плохо. Может быть, тебе нравится преувеличивать. Есть люди, которые как увеличительные стекла, они все увеличивают. Конечно, есть мелкие несчастья, но большие? Как это тебе удастся? Не могу представить себе такого несчастья, чтобы его можно было бы назвать абсолютным; иначе ты просто умрешь на месте.

Поэтому, во-первых, помни, перестань преувеличивать. Это тоже путь эго. Эго так странно, что оно хочет все преувеличивать. Даже если это несчастье, оно хочет поднять вокруг

него много шума. Может быть, в нем ничего нет: если пойти в его корни, ты найдешь мышь, а продолжаешь говорить о слонах.

И я знаю тебя, Вандан. Я никогда не видел тебя совершенно несчастным. Ты выглядишь совершенно нормально. Если только не все нормальные люди совершенно несчастны... просто это имеет привычку преувеличивать.

Мальчик прибежал из школы. Он тяжело дышал, пыхтел, потел. Он сказал матери:

— Бог спас меня. За мной гнался тигр, очень опасный и свирепый тигр.

Мать сказала:

— Перестань преувеличивать! Я говорила тебе перестать преувеличивать, а ты делаешь это снова и снова. Где этот тигр?

Мальчик показал ей из окна. Снаружи стояла маленькая, тощая голодная собачка. Мать сказала:

— И это тигр? Иди наверх и молись Богу, проси прощения. и никогда больше не преувеличивай. С меня довольно!

Мальчик пошел наверх. Через пять минут он вернулся к матери, и мать сказала:

— Ты помолился?

— Да, — сказал он, — и знаешь, что ответил Бог? Он сказал: «Не волнуйся. Когда я в первый раз увидел эту собачку, я сам подумал, что свирепый тигр. Поэтому тебе не о чем беспокоиться. Я сам был обманут, что сказать о тебе? Я такой большой, и все же подумал, что это опасный тигр. Я уже приготовился убежать, как вдруг присмотрелся повнимательнее и понял: нет-нет, это только собачка. А ты маленький ребенок, поэтому испугаться было естественно».

Несчастье не так велико, как ты его представляешь. Поэтому, во-первых, приведи вещи к правильному размеру. Прежде чем выбраться из этого, пусть исчезнет тигр. Будь очень фактичным. Если ты действительно хочешь трансформировать свою жизнь, будь фактичным. Ты не можешь выбраться из вымысла. Ты можешь выбраться из фактов; факты можно изменить, но вымыслы изменить нельзя.

Но путь ума, путь эго — все увеличивать. Оно все заставляет казаться большим. И тогда, конечно, ты начинаешь

преувеличенно страдать. Причина не так велика, но следствие может быть очень большим — все зависит от тебя.

Посмотри снова, подумай снова, пересмотри всю ситуацию. Что ты называешь «полным несчастьем»? И тогда ты найдешь обычные факты жизни. Но мы не хотим быть обычными. Это жаждет быть незаурядным. Даже в несчастье оно хочет быть незаурядным.

Кто-то спросил Бернарда Шоу:

— Куда бы ты хотел попасть, в рай или в ад?

— Куда бы я ни попал, это неважно, — ответил он. —

Вот что важно: я хочу быть первым. Даже если это ад, я хочу быть первым. Я не хочу быть вторым, я не хочу ни за кем следовать. Поэтому я думаю, ад лучше, потому что в раю Будда, Иисус и Заратустра... столько конкурентов. Мне придется стоять в очереди, а я этого терпеть не могу! Я готов попасть в ад, я готов страдать в аду, но я хочу быть первым.

Это всегда жаждет первенства. Оно говорит:

— Мое страдание больше страданий кого-то другого. Кем бы я ни был, я больше, я особенный, я незаурядный.

Однажды ко мне пришел судья. Ко мне приходила его жена. Я был удивлен, потому что жена всегда говорила, что он очень против меня и не хочет, чтобы она слушала меня, читала мои книги или приходила ко мне. Но каждый раз, когда я посещал город, она приходила ко мне.

Поэтому я был удивлен. Я его спросил:

— Твоя жена всегда говорит, что ты против меня.

— Дело не в том, что я против — я просто боюсь, что... Моя жена уже сумасшедшая, и если то что ты говоришь попадет ей в голову, она все преувеличит. Она создаст для меня проблемы.

— Почему же ты пришел?

— Я просто пришел сказать, что если она говорит, что у нее рак, считай, что у нее головная боль. Не беспокойся о том, что у нее рак. Я страдал всю жизнь. Потом я извлек урок: она преувеличивает.

И, фактически, так и было. Каждый раз она приходила и говорила о раке. У нее рак сердца, у нее то, у нее это — а муж сказал, что у нее ничего нет! Просто ипохондрик... она постоянно преувеличивает.

ипохондрик умер. Перед смертью жена спросила его:

— Хочешь сказать последние слова?

— Да, — сказал он. — Я хочу, чтобы на моей могиле большими буквами написали: «Теперь-то вы мне верите?»

Первое что нужно сделать это вернуться к уровню реальности. Это трудно, Вандан, особенно для женщины. Они живут в воображении. Когда ты влюбляешься, ты думаешь, что влюбилась в греческого бога, но к тому времени когда медовый месяц кончается, ты знаешь, что это всего лишь чертов грек! Через семь дней греческий бог превращается в чертова грека.

Это снова случится. Снова ты влюбишься и снова создашь воображение, великие проекции. Все твои проекции рано или поздно будут разбиты вдребезги, потому что у реальности нет обязательства соответствовать твоим проекциям.

Поэтому, прежде всего, сведи свою идею несчастья к фактическому, реальному. И тогда из него не так трудно выйти. Вторых, нужно это осознавать. Просто осознавай, и ты из этого выйдешь — потому что ты можешь осознавать, только если ты не это.

В этом чудо осознанности. Если ты что-то наблюдаешь, одно определенно, абсолютно определенно: это не ты. Наблюдатель это никогда не наблюдаемое. Наблюдаемое присутствует как объект, на который ты смотришь. Ты наблюдатель, не объект.

Поэтому есть страдание, боль или удовольствие, и какой бы то ни было опыт — но ты не это. Ты вне!

Два мыльных актера жаловались друг другу, как тяжело обстоят дела в кинематографическом бизнесе.

— У меня не было роли десять лет, — вздохнул один.

— Это еще ничего, — сказал другой. — У меня не было работы со времен немого кино.

— Это действительно тяжело.

— Держу пари. Я начинаю задумываться, не уйти ли мне из этого бизнеса.

Сорок лет ты в этом не участвуешь, и по-прежнему пытаешься сообразить, как из него выйти!

Просто наблюдай. Вот два шага, Вандан: во-первых, опусти свое страдание до уровня реального, и тогда наблюдай — потому что только реальность можно наблюдать; вымысел нельзя наблюдать, ты с ним отождествляешься. Когда есть реальность, она объективна; наблюдай ее, и внезапно приходит осознание. Ты наблюдатель, ты снаружи.

Ты спрашиваешь меня: «Как мне из него выйти?» Вандан, ты уже вышла. прямо сейчас ты вне его! То что ты страдаешь это только иллюзия. Если тебе хочется, ты можешь продолжать верить, что ты в страдании. Попытайся. Попытайся из него выбраться. Ущипни себя, побей себя по щекам и проснись!

Третий вопрос:

*Любимый Мастер,
Т против чеснока? Я ел его с самого детства, и не нахожу запах плохим.*

Вираго, медитируй на эту историю...

Фостер сидел в приемной известного врача на Парковой Авеню. — У меня ужасная проблема, — объяснил он. — Все что я ем превращается в газы. Я только что съел бифштекс с картошкой, и он превратился в газ.

— Это может быть серьезно, — сказал врач.

— Но к счастью, — продолжал Фостер, — мои газы без звука и без запаха. Можете ли вы это вылечить?

— Уверен, что смогу помочь, но сначала я дам вам слуховой аппарат и вылечу нос.

Четвертый вопрос:

*Любимый Мастер,
Недавно ты упомянул, что духовное эго опаснее обычного. Не мог бы ты объяснить?*

Прем Унмадо,

Все эго опасны, потому что эго это ложная сущность. Фактически, эго не существует. Оно есть, потому что ты не осознаешь, кто ты такой.

Эго в точности как темнота. У темноты нет собственного положительного существования; это только отсутствие света. Поэтому ты не можешь ничего сделать с темнотой непосредственно. Если ты хочешь удалить темноту, ты не можешь удалить ее непосредственно; тебе придется принести свет. Если ты хочешь принести темноту, ты не можешь создать ее непосредственно; тебе придется выключить свет. Что бы ты ни делал, тебе придется делать это со светом, потому что у света есть существование. У темноты нет существования, а с несуществующими вещами ничего нельзя сделать.

Эго не существует, это ложная сущность. Это отсутствие бдительности, осознанности. Ты не сознателен; поэтому тобой помыкает эго, поэтому охраняется темнота.

Все эго опасны, потому что ты живешь в чем-то таком, чего нет. Ты живешь ради чего-то, чего нет, ты жертвуешь тем что есть ради того чего нет. В этом опасность. Реальная жизнь приносится в жертву на алтарь несуществующего эго.

Ты гонишься за деньгами, властью, престижем, но фактически никто на самом деле не заинтересован во власти, в деньгах, в престиже. Это только пути существования эго. Если у тебя больше денег, у тебя может быть больше эго; если у тебя больше власти, у тебя может быть больше эго. В основе этого лежит желание расширить эго, но чем более укрепляется твое эго, тем гуще становится темнота, тем меньше возможности стать осознанным. А оставаясь неосознанным, ты упускаешь всю возможность жизни, золотую возможность, в которой можно реализовать Бога, в которой можно познать истину. Жизнь, которая может быть постоянным празднованием, вечной радостью, жертвуется ради чего-то абсолютно бессмысленного.

Поэтому, помни, все эго опасны. Но духовные эго самые опаснее просто потому, что все другие эго грубы. Ты можешь видеть, что политик гонится за своим эго, ты видишь даже, что это иногда видит и сам политик. Оно так грубо, как можно его не видеть? Ты обязательно о него споткнешься, оно как скала.

Но духовное эго очень тонко, оно как аромат. Ты не спотыкаешься, оно не бьет тебя как скала. Удалить его не так легко как скалу. Это тонкий аромат. Чем более духовным ты стано-

вишься, тем тоньше становится твое эго. Эго становится благочестивым, а когда яд благочестив, конечно, это гораздо опаснее, потому что ты думаешь, что это нектар. На нем написано, что это нектар; внутри бутылки яд.

Поэтому ваши святые эгоистичнее, чем ваши грешники. У грешников есть все надежды, они могут достичь Бога легче чем ваши так называемые святые. Ваши святые живут с такими эгоистическими подходами, они полны навоза священных коров, мусора.

Человек мира объявляет, что у него много денег, а религиозный человек объявляет, что у него много добродетели. Мирской человек претендует на власть, престиж, а ваш так называемый святой претендует на власть, духовную власть. Он пытается показать свою духовную власть.

Однажды один так называемый святой пришел к Рамакришне. Рамакришна сидел на берегу Ганга в Дакшиневаре, где он жил. Духовный человек сказал Рамакришне:

— Я слышал, что ты великий святой. Если это действительно так, пойдем со мной, походи по воде. Если ты можешь ходить по воде, я поверю, что ты духовный человек.

Рамакришна рассмеялся. Он сказал:

— А ты можешь ходить по воде?

— Да, могу.

Рамакришна спросил его:

— Сколько времени тебе потребовалось, чтобы научиться ходить по воде?

— Восемнадцать лет огромных усилий, аскезы, *тапачарьи*, постов, молитв. Я жил в пещере в Гималаях. Я пожертвовал всем. Тогда мне были даны духовные силы.

Рамакришна сказал:

— Я не духовный человек, я простой человек, очень обычный. Но я хочу сказать тебе одно. Когда я хочу переправиться на другой берег, паромщик берет с меня одну пайсу. Это цена восемнадцати лет твоих трудов. Ты потратил восемнадцать лет впустую. Может быть, ты и духовный, но ты дурак, ты безнадежно глуп! Никогда не встречал такого неразумного человека — потратить восемнадцать лет на то, чтобы ходить по воде! Какой смысл. Ладно, ты ходишь по воде, ну и что?

Это духовное эго, которое рано или поздно пойдет показывать свою власть, доказывать: «я святее тебя». Этот человек пришел с такой идеей — доказать Рамакришне: «я святее тебя, я выше тебя».

Это бессмысленно. Говорят, Будда не совершал никаких чудес. Махавира не совершал никаких чудес. И насколько я понимаю, что чудеса, связанные с именем Иисуса, изобретены.

(звук пропадает...)

Видите? Какой-то христианин взбесился! Все чудеса это изобретение христиан.

У меня совершенно другой подход. Когда христиане говорят, что Иисус превратил воду в вино, это не буквальный факт. Это просто значит, что такие люди как Иисус пьянеют от простой воды. Я знаю это из собственного опыта. Я никогда не смешиваю содовую с виски; я смешиваю содовую с содовой и пьянею; воды достаточно. Все несет в себе эссенцию Бога; что еще нужно, чтобы пьянеть? Существования более чем достаточно.

Но духовный человек попытается каким-то образом доказать свою духовность. Он будет доказывать это чудесами, он станет экзибитионистом. Именно поэтому духовное эго гораздо опаснее. Поскольку тебе не так легко его увидеть, Унмадо, я назвал его более опасным.

Отбрось идею о том, что ты отделен от существования. И я не говорю тебе бороться с эго, это чепуха. Я говорю, создай в себе больше осознанности, стань более наполненным светом сознания, и эго исчезнет само собой. И когда оно исчезает само собой, в этом есть особенная красота, в этом есть благословение. Когда в тебе нет эго, ни мирского, ни духовного — когда нет эго никакого вида, ты един с Богом. Препятствие разрушено, последняя преграда пала.

Переживать Бога значит переживать жизнь во всей ее сущей простоте, в ее предельной красоте. Переживать Бога значит переживать истину в ее вечности. Тогда ты за пределами смерти и за пределами времени.

Эго это единственная преграда. Не борись с ним — духовное или мирское, оно одно и то же. Создай больше сознания, будь более медитативным. Медитация это единственное лекарство. Оба эти слова происходят от одного корня: медитация и медицина — потому что медитация это тоже лекарство. Она тебя

исцеляет, она излечивает тебя от величайшей болезни, болезни эго.

Пятый вопрос:

*Любимый Мастер,
Собираешься ли ты однажды посреди дискурса пойти на кухню и осведомиться, что там готовят?*

Панта,
Извини, но я не могу этого сделать — по многим причинам. Прежде всего, я не Рамакришна; я это просто я, никто другой.

Во-вторых, все мои повара здесь: Вивек, Астха, Ниргун, Прагья — некого спрашивать.

В-третьих, я ем одну и ту же еду утром, днем и вечером из года в год. Фактически, всем моим поварам скучно ее готовить. Кроме меня, всем она надоела! Это мое средство заставить их испытывать скуку.

Только подумай: им приходится готовить одно и то же утром, днем, вечером, каждый день. Если только они не станут просветленными, они сойдут с ума.

Поэтому спрашивать не о чем, я и так знаю. В моей еде не бывает перемен.

В-третьих, я не знаю, где кухня! Поэтому, Панта, даже если я захочу, то не смогу ее найти. Я знаю только свою комнату, знаю как дойти до Будда-холла и обратно. Я заблужусь в Лаоцзы. После стольких жизней я наконец нашел дорогу. Пожалуйста, не заставляй меня снова заблудиться.

Шестой вопрос:

*Любимый Мастер,
Какое самое грязное слово в индийском языке?*

Даршан,
«Работа»!

Седьмой вопрос:

*Любимый Мастер,
Ты не окончил историю о священнике и его воскресной проповеди. Разве не так?*

Четан Хари,
Это правда. Я не окончил ее специально, чтобы ты попросил меня ее окончить.

Когда священник увидел ад, такой красивой, полный таких экстатичных людей, он, несомненно, был взволнован. Он знал способы достичь небес, но понятия не имел, как попасть в ад. И, видя ад, он захотел попасть в ад, не в рай.

И он спросил некоторых людей. Они сказали:

— Лучше спроси Будду, вон он сидит под деревом.

Он подошел к Будде и спросил его:

— Господин, не можешь ли ты указать мне путь в ад, потому что я не хочу больше видеть рай. Одного раза достаточно. Я совершенно не хочу туда попасть. Я прожил всю жизнь, готовясь к раю. Я знаю все способы, методы и средства, чтобы туда попасть. Но я не знаю, как оказаться в аду.

Будда сказал:

— Отправляйся обратно на вокзал, купи билет в Пуну и прими саньясу. Это лучший и самый эффективный способ попасть в ад.

Этот священник здесь. Пожалуйста, не спрашивай, как его зовут, потому что священники немного стеснительны, он смутится — особенно католические священники. Но он здесь. Если ты приложишь некоторые усилия, ты его найдешь.

Последний вопрос:

*Любимый Мастер,
Ладно, скажи мне прямо: может ли Бог действительно существовать в Америке? Я завтра уезжаю, и мне немного не по себе от мысли о том, каким серьезным бывает мир, и, знаешь ли, Бог тоже. Не мог бы ты дать мне несколько твоих лихих шуток на случай, если мы встретимся?*

Тошен,
Забудь слово «он». Бог это не он, а она. Если ты будешь искать ее с идеей, что это он, ты никогда его не найдешь. Именно так люди его упускают. Они продолжают его искать как будто он мужчина, но он давно переменял пол.

Полковник Стэнфорд, непоколебимый сторонник Юга, умер и добрался до рая. Через неделю его друг, полковник Бьюргард, отбыл в мир иной, и его тоже пропустили через Жемчужные врата. Они встретились.

— Никогда не сомневался, что ты здесь окажешься, — сказал полковник Бьюргард, — но теперь, когда мы умерли, расскажи, как жизнь здесь, наверху?

— Неплохо, — ответил полковник Стэнгард, — но я бы тебе посоветовал сесть. Однажды я увидел Бога — это негритянка.

Это не только она, но и негритянка — черная женщина. Если ты действительно ищешь Бога в Америке, запомни это.

И тогда тебе придется научиться нескольким вещам. Если ты встретишь какую-то негритянку, тебе придется научиться искусству, тебе придется самому научиться быть немного негром, иначе не будет общения, причастия.

Бог изменился. Он устал быть белым мужского пола. Все устают от одного и того же. Люди по-прежнему думают, что он прежний. Вы поклоняетесь старым фотографиям, вы таскаете с собой старые альбомы. Неудивительно, что очень немногие его находят.

Подумай о Боге как о женщине. Бог может быть только женщиной; самая идея о том, что Бог мужчина, немного шовинистична, это идея мужчины. В христианской троице нет места ни одной женщине. Посмотри на эту чепуху: они создали место даже для Святого Духа. Кто такой этот Святой Дух? Троица немного бы потеряла, если бы в ней не было Святого Духа, но она выглядит такой уродливой без единой женщины. Есть отец, есть сын, но где же мать? Уж не голубой ли Бог?

Это мужская эгоистическая проекция. Помни: «он» содержится в «она», но не наоборот. Мужчина рождается из женщины, но ни один мужчина не может родить женщину. Естест-

венно думать о Боге как о женщине — как о матери, не об отце. Это фашистская идея.

Не случайно немцы называют свою страну «отчизной». Никто не называет свою страну «отчизной». Каждый называет свою страну «матерью-родиной» — это кажется правильным — кроме немцев... они называют ее отчизной.

Бог это мать, это материнское явление. Все это существование как мать. И Бог гораздо мягче, чем любой мужчина, гораздо более уязвимый, гораздо более открытый. Бог это утроба существования. Все существование возникает из этой утробы.

Поэтому, Тошен, отбрось эту идею о «нем»; думай о «ней». И помни: он устал быть белым, он больше не белый. Теперь он черный, и он этим наслаждается, потому что теперь его могут найти очень немногие люди. Даже если ты с ним столкнешься, ты подумаешь: «это просто черномазый». Даже если он к тебе постучится, ты не откроешь дверь.

И если ты его встретишь, ты спрашиваешь меня, какую шутку ему рассказать. Расскажи вот эту:

— Почему негры такие хорошие любовники? — спросил белый наниматель у Кинни, шофера.

— У вас, белых ребят, проблема в том, что вы входите и спешите, спешите, спешите, и не успели вы заметить, как все кончилось, — сказал Кинни. — А нужно так: войди, делай это легко, длинными движениями, немного сладких разговоров, остановись ненадолго, не торопись, затем еще немного длинных движений, мирно и спокойно.

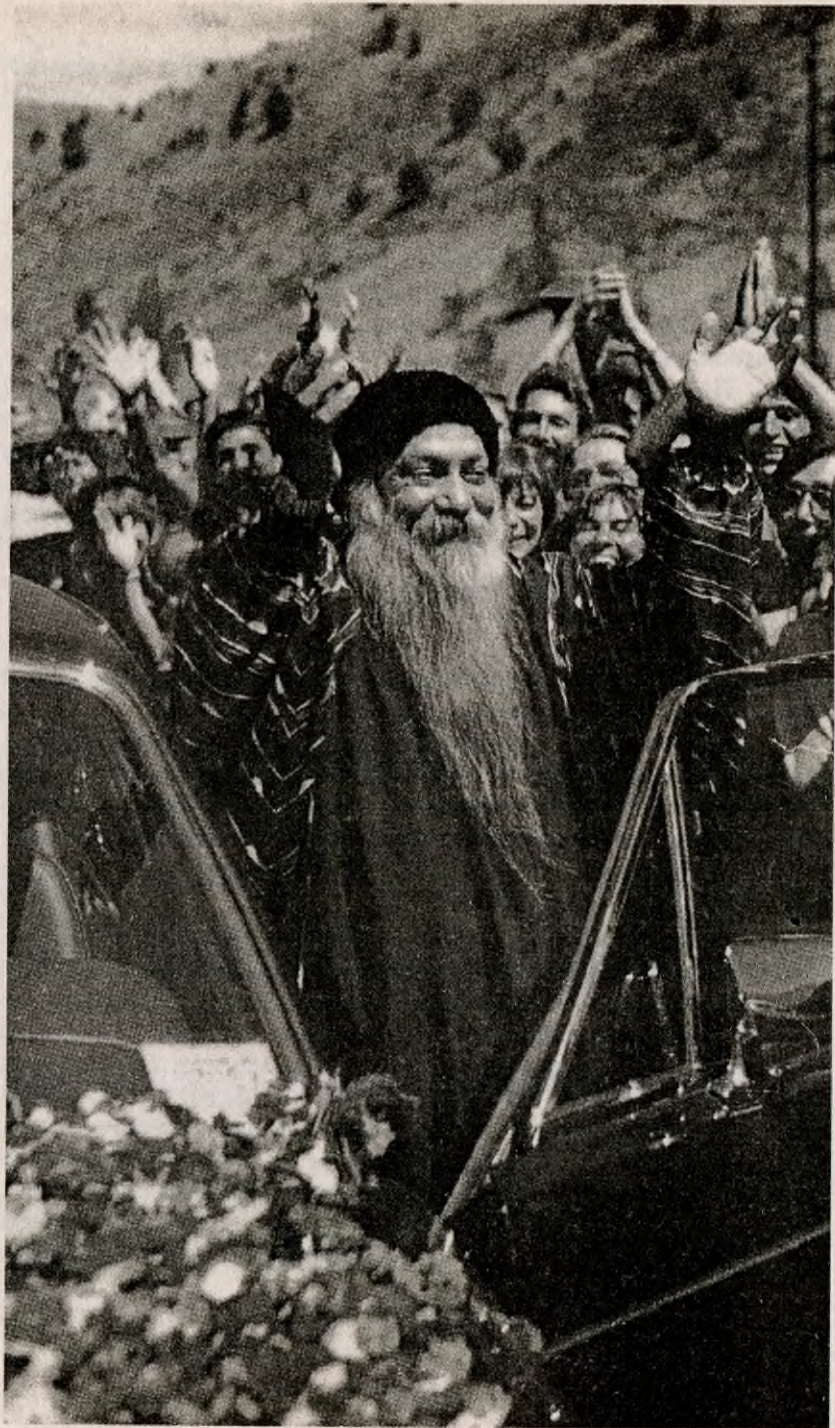
Этой ночью белый забрался в постель со своей женой и стал заниматься с ней любовью точно так, как предложил Кинни.

Через двадцать минут сущего наслаждения она прошептала:

— Боже мой, где ты научился трахать как черный?

На сегодня достаточно.

Ошо

Дукне ристи и вода

Беседа 1

Бегство в реальность

Первый вопрос:

Ошо, у вас есть послание к саньясинам и друзьям, которые собираются в Лондоне в кафе — Роял?

Саньяса — это бунт и против прошлого, и против будущего. Человек живет или в прошлом, или в будущем, но никогда в настоящем.

А настоящее — вот единственная реальность; больше не существует ничего. Существование знает только одно время — “сейчас”, и только одно пространство — “здесь”. Но ум живет либо в прошлом, которого уже нет, либо в будущем, которого еще нет. Ум живет в несуществующем, и, следовательно, ум никогда не пересекается с реальностью. Он не может этого сделать из-за своего назначения.

Саньяса — это бунт против самого ума. Это такой образ жизни, где ум не хозяин. Хозяин — не-ум, а ум только обслуживает его. В действительности, ум — это механизм. Он хорош как замечательное создание природы, но в тот момент, когда слуга становится хозяином, возникает опасность, великая опасность. Тогда ваша жизнь должна превратиться в хаос, беспорядок. Слуга слеп, глуп, несознательен. Жить по уму значит не жить совсем; это — полнейшая глупость. Ум не бывает ни оригинальным, ни разумным. Он всегда повторяется, всегда заимствован, он всегда механичен, а следовательно глуп и неразумен.

Саньяса — это гигантский прыжок в реальность, бегство в реальность из нереального.

Есть общества, чей золотой век миновал, к примеру индийское общество. Его золотой век прошел. Оно верит, что будущее становится все хуже с каждым днем — нет никакой надежды. Индийское общество живет в состоянии депрессии, безнадежности, не имея возможности перемены к лучшему. Оно прозябает в нищете, бедности и болезнях. Но благодаря той идее, что золотая эра уже давно прошла, прошла тысячи лет назад, и мы все каждый день падаем, оно не верит в эволюцию, оно верит в инволюцию, оно верит в регрессию. Это не прогрессивная философия, а регрессивная.

Запад живет в будущем; его золотой век еще должен наступить:

бесклассовое общество, крещендо коммунизма, мир равенства и свободы, безгосударственное государство. Эти золотые дни впереди, далеко впереди.

По сути, и то, и другое одинаково. Если приходится выбирать между двумя, тогда я предлагаю: выбирать скорее прогрессивную глупость, чем регрессивную, если это единственный выбор. По меньшей мере с прогрессивной глупостью у вас есть какая-то надежда, у вас появится какой-то трепет, какой-то восторг; вы будете работать на лучшее будущее. Оно никогда не наступит, но, по крайней мере, вы будете заняты красивыми мечтами. Его никогда не было раньше, никогда не будет в будущем. Оно сейчас! Это тот самый случай!

Адама и Еву никогда не изгоняли из сада Эдем! Вот мое послание! Всю историю изобрели священники. Адам и Ева все еще живут в саду Эдем, разве что они съели плод знаний. И кто подал им этот плод знаний? Не змея; священник, теолог, философ. Плод знания *не растет* на деревьях! Он растет в церквях, в соборах, в университетах. Он носит степени — профессор, доктор, кандидат наук и он встречается во всех формах и размерах.

Существует индуистский мир знаний, мусульманский мир знаний, христианский мир знаний. Вы можете выбрать свой собственный плод, вы можете сходить за ним в магазин. Он удовлетворит любой спрос, согласно любимым потребностям.

Несчастье, случившееся с человеком, произошло не из-за того, что он потерял истинный рай; он до сих пор там, но он уснул. И в своих снах он стал индуистом, мусульманином, христианином, иудеем, теистом, атеистом, коммунистом, социалистом, фашистом. В своих снах только он потерял следырая. А видеть сны означает жить лишь в воспоминаниях — что есть прошлое, или в фантазиях — что есть будущее.

Мое послание, Ананд Пунам, для Лондона, где тысячи саньясинов собираются впервые вместе для празднования нового открытия: Британского Поля Будды...

Вот мое послание, скажи им: избавьтесь от прошлого и будущего, и живите здесь и сейчас! Это самоубийство — жить где-то еще, кроме здесь и сейчас, потому что каждое проходящее мгновение драгоценно, настолько драгоценно, что вы не можете его вернуть. Не упустите его!

Но все религии были самоубийственны. Конечно, они не называют это суицидом, они дают этому красивые имена — аскетизм, *тапасчарья*, а по существу все это не что иное, как мазохизм, са-

моистязание. Они называют это самоотречением, уничтожение себя постепенно, медленно. Все мировые религии до сегодняшнего дня жили с философией жизнеотрицания.

Мой фундаментальный подход — принятие жизни, тотальное жизнеутверждение. Нет другого Бога, кроме жизни! Сама идея Бога, отличного от жизни, опасна, так как если Бог отличен от жизни, то, естественно, вы начинаете выбирать Бога *против* жизни. Вы будете за бога и против жизни, потому что жизнь мгновенна, а Бог дает вам алчность вечной жизни.

Я говорю вам: нет другого Бога, кроме жизни, а значит, вопрос выбора не возникает совсем. Живите! Живите тотально, живите страстно, живите разумно, живите любя. Станьте огнем таком интенсивным, таким тотальным, что каждое мгновение начинает приобретать аромат вечности.

Помните, вечность не горизонтальна. Она не похожа на прямую, идущую от А до В, от В до С, от С до Д — это не горизонталь — это интенсивность, она вертикальна. Она погружается от А к более глубокой А1, а не двигается к В, от А до А1, от А1 к А2, от А2 к А3. В действительности там, где дело касается интенсивности, “А” только алфавит. В сущности, слово “алфавит” от “А”, оно происходит от арабского “Алеф”. “А” достаточно! А когда вы можете получить “А”, стоит ли беспокоиться о “В”?

Человек с попугаем на плече подходит к пограничному пункту.

— Вы должны заплатить пошлину за попугая, сэр, — говорит таможенник.

— Сколько?

— Давайте посмотрим, — отвечает таможенник, перелистывая перечень, — “Попугай: живые — пятьдесят фунтов, чучела — десять фунтов”.

— Билл, даже и не думай об этом! — завопил попугай.

Даже попугай гораздо разумнее ваших священников! Но человек жил в мрачной тени самоубийственного подхода; “отрекитесь от жизни, бегите от жизни в монастыри, в пустыни, в горные пещеры. Уходите от жизни настолько далеко, насколько это возможно”. Так тому учили и учили так долго, что ум привык к идее, что чем дальше вы от жизни, тем ближе вы к Богу. Ерунда! Чем ближе вы к жизни, тем ближе вы к Богу; Бог — самая сердцевина жизни.

Две жертвы кораблекрушения попали на необитаемый остров.

Без пищи и воды они прожили там несколько дней. Никакого шанса сбежать не было, поскольку море кишмя кишело акулами.

Наконец один из них пал на колени, воздел руки к небу и взмолился:

— Господи, спаси нас! Если ты спасешь нас, я обещаю, что буду всегда ходить в церковь и петь твои молитвы, я никогда не буду больше пить, курить и играть в карты, никогда не буду заниматься любовью с женщиной, никогда не прочитаю ни одного романа и не посмотрю ни одного фильма!

Второй потерпевший посмотрел на него и рявкнул:

— Так для чего же ты хочешь выжить?

Так называемые “религиозные” люди жили, но удивляешься — зачем? Если уход от жизни — это единственный способ приблизиться к Богу, тогда зачем совершать постепенное самоубийство? Почему бы не сделать это сразу и покончить с этим?

В мире, на самом деле, еще остались племена аборигенов, где никто ни разу не совершал самоубийства. Отсутствует сама его идея. Должно быть из-за этих идиотских религий эта мысль вошла в человеческий ум. Ни одно дикое животное не убивает себя, но некоторые совершают самоубийство в зоопарке, когда они теряют свою свободу, когда их притесняют, принуждают. Им необходимо иметь вокруг себя определенное пространство. Когда их территориальная потребность уничтожена, когда они подчиняются человеческим существам согласно их идеям, тогда они начинают терять интерес к жизни.

Известны случаи, когда в зоопарке животные совершали самоубийство, или сходили с ума, или становились сексуальными извращенцами, чего никогда не случалось с дикими животными. В природе не существует ни сексуальных извращений, ни гомосексуализма, но в зоопарках это бывает.

Это очень показательно, это показывает что, если вы помещаете людей в неестественное окружение, то они начинают терять свой инстинктивный разум, свое природное понимание, они начинают превращаться в сумасшедших. Они или сходят с ума, или становятся извращенцами, или совершают самоубийство.

Человечество совершает все это. Приходится это признать. Пора признать, что религии превратили землю в зоопарк. Из-за них, так называемых “святых” и “махатм”, человеческие существа стали извращенцами. И самое удивительное в том, что это люди, отрицающие все извращения, но они — истинные создатели извра-

щений! Гомосексуализм — религиозный феномен! Все сексуальные извращения родились в монастырях.

Монастыри — это зоопарки, где людей заставляют жить в соответствии с определенными идеями, провозглашенными другими, может быть тысячелетия назад. Те одеяния были сшиты не для них теперь их носят под одеждой!

Людей кроют по одежде. Может, эту одежду шили Моисей, или Мухаммед, или Иисус, или Будда, и они, возможно идеально подошли тем людям, для которых их готовили, но сейчас, по истечении трех тысяч лет, двух тысяч лет, или даже пяти тысяч лет...?

Код индуизма был написан пять тысячелетий назад — его написал Ману — ему следуют до сих пор. Все изменилось за пять тысяч лет. Если Ману придет на землю, я не думаю, что он сможет что-либо узнать! Он вообще ничего не сможет узнать; все переменялось. Но индуисты пытаются жить согласно Ману; это рождает извращения.

Одеяния шили древние, согласно своим идеям, согласно своему пониманию, согласно своим нуждам, согласно их ситуации, а их насаждают людям, которые живут в совершенно другом мире. Сейчас единственный путь таков: или резать одежды, или резать людей. Все религии решили резать людей.

Если одежды вам велики, тогда вас придется массажировать, и растягивать, и раскатывать, и коверкать всевозможными путями! Или если одежда вам мала, вас придется отрезать, вам необходимо сделать пластическую операцию. Придется отрубить вам голову или отрезать ноги... Человек вынужден жить за определенные идеи, словно идеи важнее человека! Как будто человек создан, чтобы жить для идей. Я против всей этой чепухи. Мои саньясины должны жить как личности. Я не даю вам никакой дисциплины, так как любая дисциплина рождает извращение, каждая дисциплина только подходит человеку, который развивает ее. Только посмотрите на все эти дисциплины, что продвигались через столетия...

Будда любил кушать один раз в день; сейчас этому следует каждый буддист. Это неправильно и опасно. Это рождает вину, потому что если вы чувствуете себя голодным два раза в день, то вы будете чувствовать вину. А если вы — американец, вы ощутите голод пять раз в день! Сколько вины...

И в самом деле, очень странно, что Будда, должно быть, любил есть только раз в день. Причина одна: он родился в семье, где ели мясо; он родился в расе воинов, сыном царя. И теперь, животные-

мясоеды питаются только один раз в день, лев есть только один раз в двадцать четыре часа, потому что мяса хватает, одного раза достаточно; в нем нет ничего грубого. Если же вы питаетесь один раз в день овощами, вы умрете с голоду, так как их девяносто процентов — это грубая пища. Мясо может перевариться целиком; оно уже переварилось другим животным. Это переваренная пища, это чистая пища. Но когда вы едите овощи, вы должны кушать несколько раз. Можете наблюдать это: обезьяны — вегетарианцы едят целый день. Львы едят только один раз в день.

Будда родился в семье, где ели мясо, чисто невегетарианской; это стало его привычкой. Конечно, когда он стал просветленным, он перестал есть мясо, но тридцатилетняя привычка осталась. Привычки так легко не меняются! А сегодня ему следуют глупцы, и они едят один раз в день, и они — вегетарианцы и невегетарианцы, и никто не делает на этот счет никаких замечаний. Если они — вегетарианцы, они не должны этого делать: это опасно для здоровья, это опасно для их энергетики. То же самое касается каждой дисциплины — десять заповедей, или других религиозных принципов.

Вот совсем недавно один саньясин написал мне, что он не может рано уснуть, он засыпает только в три часа ночи. Конечно, он чувствует себя виноватым! Религиозный человек должен ложиться спать рано и вставать в брахмамухурт — до восхода солнца. Он чувствует себя очень виноватым. Это абсолютно нормально. Он хорошо высыпается. Он спит семь часов от трех до десяти; ему достаточно сна. Таковы его биологические часы; это химия его организма, которую необходимо принимать во внимание, это ничей другой принцип.

Все священные книги написаны стариками, а старым людям обычно трудно спать по утрам. Ребенок в утробе матери спит двадцать четыре часа; затем, выйдя из утробы, сон медленно сокращается — двадцать два часа, двадцать часов, восемнадцать часов, шестнадцать часов... К тому времени, когда он становится молодым, устанавливается примерно восьми-шестичасовой сон. Когда человеку семьдесят, восемьдесят лет, тогда достаточно два-три часа. А рукописи написаны стариками, потому что идея была такая: чем старше, тем мудрее. Ни один молодой человек не написал ни одного святого писания; никто не слышал о молодом человеке, написавшем святое писание. Вам нужно быть очень древним и старым, тогда вы можете писать священную книгу! Возраст в прошлом играл огромную роль. Конечно, эти люди писали, что достаточно трех часов сна; больше

трех — летаргия, *тамас* — это нехорошо, это — зло. Замечательная идея для стариков.

Но этот молодой саньясин напрасно беспокоится. Он перепробовал все способы; он боролся всю свою жизнь. И бесполезно — вся борьба без толку! В действительности, сейчас это хорошо известный научный факт, что у каждого *свои* биологические часы, и каждый должен следовать потребностям своего организма.

В лучшем обществе, которое более научно, более разумно, рационально, у нас будет совершенно другой график работы. Это ужасно, что все должны идти на работу в одиннадцать часов, что все должны ходить в школу в одно и то же время, в университет в одно и то же время. Это неправильно! Это бесчеловечно! Университеты, офисы, предприятия должны быть открыты круглые сутки, и когда люди чувствуют себя хорошо, они должны работать, а когда чувствуют хорошо, они должны спать. Это должно быть их природным правом! И действительно это очень поможет, потому что каждое здание колледжа будет работать как три колледжа, а каждый офис, как три офиса, и не будет такого затора на дорогах, так как движение будет распределено на все двадцать четыре часа. И у всех появится чуть больше свободы жить в соответствии со своими внутренними предпочтениями и неприязнями — согласно инстинкту.

Мой подход в свободе. Мой саньясин должен жить с жизнеутверждающей философией, приятием, в зависимости от того, какой он есть, не создавая “должен” и “не должен”. Эти слова уродливы, они — безобразны!

Настоятельница женского монастыря собрала вместе всех монахинь.

— Проходя по монастырю сегодня утром, я заметила у главных ворот следы мужских ботинок, — объявила она.

Девяносто девять монахинь взвизгнули:

— О боже!

Одна монахиня тайком хихикнула.

— Я пошла по следам. Они вели прямо в нашу спальню.

Девяносто девять монахинь в ужасе воскликнули:

— О боже!

Одна тайком хихикнула.

— Следы вели к одной кровати, и под ней я нашла презерватив!

Девяносто девять монахинь испуганно вздрогнули:

— О боже!

Одна тайком хихикнула.

— Презерватив был использованный, — продолжала настоятельница.

Девяносто девять монахинь скорчились от отвращения:

— О боже!

Одна тайком хихикнула

— Но он был дырявый!

Девяносто девять монахинь тайком хихикнули. Одна монахиня издала пронзительный вопль:

— О боже!

И эти глупцы господствуют над человечеством! Остерегайтесь этого!

Студент-социолог проводил исследование по применению противозачаточных средств, и опросил несколько женщин. У первой он спросил:

— Какие противозачаточные средства вы используете?

На что она ответила:

— Резинки.

Вторым последовал вопрос:

— Ну и как они вам нравятся?

— Вот только иногда они спадают, но в целом — ничего, справляемся.

Студент записал данные и задал тот же вопрос ее соседке. Она принимала таблетки и предпочитала этот метод с тех пор, как ее партнер стал напоминать ей принять таблетку.

На тот же вопрос третья женщина, жена христианского теолога, ответила:

— Мы всегда используем ведро, полиэтиленовое ведро. Сначала мы брали оцинкованное, но от него было слишком много шума для соседей, и когда мы перешли на полиэтиленовое, все стало нормально.

Студент записал и эти данные и попроцался с женщиной. Однако он был весьма озадачен: “Полиэтиленовое ведро? Мой профессор в это не поверит. Я должен вернуться и подробно расспросить эту женщину, как она это делает”. Он побежал назад и спросил у женщины, как это у них получается с ведром.

— Сейчас все объясню. Я женщина достаточно высокая, а мой

муж очень маленького роста, и мы занимаемся этим стоя. Мой муж встает на ведро, и как только начинает закатывать глаза, я выбиваю ведро у него из-под ног.

Ананд Пунам, передайте моим саньясином из Англии, что не нужно брать ведра оцинкованные или полиэтиленовые, не имеет значения. Будьте естественны, будьте проще, будьте ординарными! Существует опасность... потому что однажды став саньясином, вы уже не сможете иметь прежнюю "более священную" точку зрения. Мои саньясины не должны быть "более священными". Помни, я не делаю различий между святым и профаном. Для меня обычная жизнь есть единственная жизнь. Да, ее можно прожить красиво или безобразно, с внутренним светом или слепо, осознанно или неосознанно. Можно прожить ту же обычную жизнь так изысканно, экстраординарно, что она становится священной, но больше нет никакой другой жизни. Вы должны научиться искусству преобразования той самой обиденной жизни в нечто прекрасное.

Так что не становитесь теологами, не становитесь миссионерами. Я ненавижу миссионеров! Мои саньясины не должны быть миссионерами. Будьте заразительны, но не миссионерами! Заражайте людей собой, но не будьте миссионерами!

Христианский теолог как-то ночью проезжал по пустынной дороге, когда его автомобиль сломался. Он огляделся в поисках какого-нибудь ночлега и заметил небольшой домик. Он постучал в дверь. Дверь открыла хорошенькая молодая женщина. Путник объяснил ей что с ним произошло. Женщина колебалась, но он заверил ее:

— Не волнуйтесь, мадам, можете мне доверять. Я — христианский теолог.

Итак, она согласилась. Они прекрасно поужинали вдвоем и прекрасно провели вечер. Прежде чем сказать "спокойной ночи", женщина надела прозрачный пеньюар и сказала:

— Вы можете спать здесь в гостиной, но если вам что-то потребуется, только позовите. Я оставлю дверь моей спальни открытой.

Она пошла спать и провела очень беспокойную ночь, слушая, как храпит мужчина. На следующее утро, измотанная, она вышла кормить своих цыплят.

Мужчина тоже вышел, посвежевший, и заметил:

— У вас столько прекрасных курочек.

— Да их только пятнадцать.

— Только пятнадцать? — сказал мужчина. — Тогда зачем вы держите на такое маленькое количество кур двух петухов?

— Никаких проблем, — ответила молодая женщина, — один из петухов — христианский теолог.

Будьте проще, будьте естественней, будьте спонтанней. Я учу экстазу, и экстазу в обычной жизни. Жизнь никоим образом нельзя отрицать, ее надо преобразить. Отрицание — это бегство, трусость. А вы поклонялись трусам как святым вплоть до настоящего момента. Вы боготворили людей, которым не хватило смелости принять вызов жизни. Ведь существуют миллионы вызовов — в каждом мгновении вызов. Трус убегает. Труса надо осуждать, а не почитать.

Мои саньясины должны жить в мире, тотально в мире, реагируя на каждый вызов, потому что чем больше вы отвечаете на вызовы жизни, тем разумней вы становитесь.

Разум похож на меч: чем больше вы его используете, тем острее он становится. Если же вы его не используете, он начинает ржаветь, он теряет остроту, он становится совершенно бесполезным.

Поэтому ваши святые выглядят скучными, мертвыми. Но нас приучили чтить эти трупы. Нам говорили тысячи лет, что они — настоящие люди. Нисколько они не настоящие! Они — пластиковые, фальшивые. Трус не может никогда быть настоящей личностью. Реальность требует ответа на все вызовы жизни, все опасности жизни, все перипетии жизни, только тогда воскресает целостность, появляется подлинность, возникает ответственность.

Будьте в мире, но будьте не от него. Живите в мире, но не позволяйте миру жить в вас. Вот мое послание.

В дзен есть изречение:

Дикие гуси не намерены оставлять свои отражения.

У воды нет ума, чтобы принять их образ.

У диких гусей нет желания оставлять свои отражения на воде, а у воды нет желания или нет ума принимать их отражения, однако это происходит, когда дикие гуси летят, вода отражает это. Отражение — есть, образ — есть, но у воды нет ума отражать, а дикие гуси, в свою очередь, не стремятся быть отраженными.

Вот что должно стать путем моих саньясинов. Будьте в мире, живите в мире, живите тотально, без амбиций, без желаний, потому

что все желания отвлекают вас от жизни, все амбиции приносят в жертву ваше настоящее. Не будьте жадными, так как жадность переносит вас в будущее, не будьте собственниками, потому что чувство собственности прикрепляет вас к прошлому. Тот, кто хочет жить в настоящем, должен освободиться от алчности, собственности, амбиций и желаний.

Вот что я называю цельным искусством медитации. Будьте осознанны, будьте бдительны и у всех этих воров не будет никакой возможности войти и запачкать вас. Будьте медитативны, но будьте в мире. И это мой опыт, мир помогает сделать вас медитативным. Он предоставляет вам все возможности быть отвлеченными, но если вы не становитесь отвлеченными, тогда любой успех превращается в огромную радость. Вы остаетесь центрированным, вы становитесь центром циклона. Циклон вращается вокруг вас, но ваш центр не затрагивается.

Будьте цветком лотоса. На Востоке лотос символизирует сущность саньясы. Цветок лотоса растет в тине, в грязной тине. Он не сбегает, он остается там. Он плышет по водной глади, но это — красота, выдающееся явление: он — в воде, но вода никогда не касается его. Он такой бархатистый, что если вы выйдете утром... и вы найдете капли росы на лепестках лотоса, на листьях лотоса, и они сверкают подобно жемчужинам на раннем утреннем солнце. Но они не соприкасаются. Лист лотоса или лепесток лотоса остается сухим, он не намокает. Капли покоятся там, но они остаются отдельными.

Это и есть путь истинного саньясина: находиться в мире, оставаясь незатронутыми, непричастными.

Ананд Пунам, когда случается медитация, т. е. когда вы находитесь в мире и остаетесь непричастными — любовь приходит как побочный продукт.

Вот они, опоры моих саньясинов: первый: жизнеутверждение, безусловное жизнеутверждение — вот эти четыре столба моего храма; второй: медитация, третий — любовь, и четвертый... нельзя выразить словами. Его можно только назвать — “четвертый”, “турийя”.

Если вы живете тотальной жизнью, медитативной, любя, то вы придете к переживанию чего-то такого, что невыразимо. Лао-цзы называет это дао, Будда — дхамма, Иисус — логос: разные имена, обозначающие отношение к неназываемому переживанию. Если вы предпочитаете, вы можете называть это Богом. Мне нравится называть это “божественность”, не “Бог”, потому что Бог дает вам идею

лица, а божественность просто дает вам идею присутствия.

Это — четыре столпа моего храма, и каждый саньясин должен возвращать эти четыре столпа, так как каждый саньясин должен стать храмом божественности.

Второй вопрос:

Ошо, Свободный университет в Амстердаме, в Голландии является университетом особого рода, из-за его религиозной позиции. Это сформулировано в Конституции и цели университета.

Ожидается, что все члены университетского сообщества сделают все, что в их силах, в духе этой цели, в послушании Евангелию Иисуса Христа.

В повседневной жизни, однако, для большинства членов Университета кажется очень трудным общаться с любовью и наслаждаться своим трудом. Кажется, что легче просто работать в убийственно серьезной манере и держаться друг от друга на расстоянии. У вас есть послание членам сообщества Свободного университета, которые пытаются работать в духе Иисуса Христа?

Премрадж, во-первых, необходимо запомнить, что можно действовать в духе Иисуса Христа только если вы — Иисус Христос, а иначе — нет. Помните также, что существование не повторяется никогда. Прошло две тысячи лет, другого Иисуса Христа не было и вряд ли он будет. Это так ясно! Прошло двадцать пять веков с тех пор, как пришел Будда Гаутама, и не было никакого другого Будды; пять тысяч лет с появления Кришны, и другой Кришна также не объявился. Заратустра, Лао-цзы, Моисей, — все просветленные остались неповторимыми. И что говорить о пробудившихся? — даже непробужденные уникальны.

Никто в мире не похож на вас, никогда не был и не будет. Вы — единственны! Но религии не принимали этот простой факт. Существование неповторимо, и хорошо, что оно неповторимо.

Только подумайте о том, что миллионы Будд Гаутам сидят под деревьями бодхи — как же это будет скучно! — или миллионы Иисусов Христов влачат свои кресты и скитаются по всему миру. Едва ли они найдут кого-нибудь, чтобы распять их, потому что остальные сами несут кресты. У кого будет время, чтобы кого-то распинать? Это будет безобразно; это будет скучно.

Красоту имеет один Иисус; много Иисусов будут выглядеть словно их изготовили на заводе на сборочной линии, как автомобили Форд: каждую минуту выходит автомобиль, каждую минуту вы-

ходит Иисус, вооруженный крестом и т. д., с двенадцатью апостолами, следующими за ним, и они продолжают выходить с завода, и так круглые сутки!.. Что вы будете делать со столькими Иисусами Христами? Что вы будете делать со столькими Махавирами, столькими Буддами? Нет, это не нужно.

Каждая личность уникальна; уникальность — это дар от существования. Но почему все религии все время поучают: “Живите в духе Иисуса Христа, или в духе Будды Гаутамы” — зачем? У вас что, нет своего собственного духа? Вам не хватает духа? Так выпейте духов — получите немного спирта! Произведите внутренний спирт! Почему Иисус Христос? Что плохого сделал вам этот бедняга? Разве вы не можете прекратить его распинать? Разве вы никогда не сможете его простить?

Вся идея состоит в подражании. Подражать! У вас нет права быть собой, вы должны имитировать. Вы можете быть приняты только если вы — Махавира, Иисус, Кабир, Нанак — но только не вы сами. Неужели вы не видите этот простейший факт? — что Иисус не был Моисеем. Ему следовало бы повторить Моисея, тогда бы он спасся; его бы не распяли евреи, если бы он жил духом Моисея. Но он старался создать свой собственный дух, он старался быть индивидуальностью, и это было его преступлением.

Если бы он только повторял, его бы чттили и прославляли как великого раввина. А он стал бунтарем.

Каждый должен стать бунтарем, а не имитатором!

Вот почему, Премрадж, вы видите, что люди живут с убийственной серьезностью, они не любят свою работу, они не наслаждаются своим трудом. Да и как они могут радоваться? Они занимаются *не своим* делом. Вы никогда не можете наслаждаться чужой жизнью, как бы прекрасной она ни была — *она — не ваша*. Вы можете наслаждаться лишь если будете собой. Цветок розы может быть блаженным лишь как роза. Если вы принудите цветок розы стать бархатцем, он будет убийственно серьезен; он потеряет всю радость, весь аромат.

Вот что происходит. Это происходит не только в так называемом Свободном университете в Амстердаме, это случается повсюду. Индуисты пытаются быть как Кришна или Рама, джайны — как Махавира, мусульмане — как Мухаммед, христиане — как Христос... Все подражают. Весь мир полон имитаций, и весь мир выглядит печальным. Она неизбежна, эта печаль, и не только печаль. За этой печалью спрячено состояние шизофрении, потому что от при-

роды никто не может быть никем, кроме себя. Таким образом, глубоко внутри он является собой, но на поверхности он претендует быть кем-то другим, а значит, все — лицемеры.

Это сотворили с человечеством именно религии: они создали мир лицемеров, шизофреническое человечество, раздробленную личность. Вот их подарок! — приходится ругаться, но именно это они называют даром человечеству. Каждый живет разорванной жизнью, двойной жизнью: с главного входа — одна жизнь, с черного — другая. И, разумеется, он пойман в напряжении между этими двумя: он не может быть тотально ни тем, ни этим. Его разорвали на части! Отсюда несчастье в его глазах, печаль, безжизненность.

Никому не нужно быть кем-то еще. Будьте лишь собой! Окажите немного уважения своей жизни. Уважайте себя, любите себя, так как пока вы не уважаете себя, вы не уважаете никого в мире. Если вы не можете даже уважать *вашу* жизнь, как можете вы уважать другую? Вы можете притворяться, но это неправда, и она не освобождает. Правда освобождает, притворство рождает вокруг вас крепостную зависимость. Это становится заключением, а заключение ненавидят.

Неслучайно пришлось Фридриху Ницше объявить, я говорю “пришлось”, что Бог умер и человек теперь свободен. И это не только его личное мнение, это на самом деле голос миллионов, которым не хватает смелости говорить. Если Бог разрушает вашу свободу, тогда лучше убить Бога и спасти свободу, чем убивать свободу и спасать Бога.

Почему нужно быть похожим на Иисуса Христа? Почему нужно жить в духе Иисуса Христа? В этом нет необходимости! Он никогда никого не имитировал. Если вы действительно понимаете Иисуса, вы не должны повторять его.

Будда никогда никого не повторял. Он мог с легкостью стать Кришной — у него бы хватило ума. Он мог бы претендовать на то, чтобы быть Кришной, но он никогда не делал ничего подобного. Индуисты никогда не были способны простить его, так как он не следовал проторенной дорогой, он не шел за толпой, он не был частью философии толпы. Он шел сам, он проложил свою тропинку к истине.

Каждый должен проложить свою тропинку. К истине не ведут прямые пути, одни лишь тропинки — и те не готовы, вам приходится идти и прокладывать их. Вам приходится искать истину и каждым своим шагом вы прокладываете путь. Там нет готовой тропы,

по которой вы просто идете к истине. Поиск истины — невероятное приключение. Каждое мгновение вы пребываете в огромном удивлении.

То есть сама идея, Премрадж, ошибочна, из этого и проистекают все беды. И тем не менее эти люди называют это “Свободным университетом”! Ну что это за свободный университет, который имеет религиозную позицию, конституцию и цель — пропагандировать христианство?

Ожидается, что все члены университетского сообщества сделают все, что в их силах, в духе этой цели, в послушании евангелию Иисуса Христа.

Тогда какой это свободный университет? В мире есть только один свободный университет — здесь-и-сейчас. До него не было свободного университета и кроме него, пока другого нигде нет.

Свободный университет всего лишь означает, что от вас ничего не ожидают. Вам помогают быть свободным, вас пестуют, чтобы вы были свободными, вас поддерживают, чтобы вы были свободным. Вам дают индивидуальность. Когда появляются ожидания, исчезает свобода. Ожидание — утонченный, очень хитрый способ господствовать. А если ожидание — жить в послушании евангелию Иисуса Христа, тогда все это — лишь фасад, под именем свободы они пропагандируют старое рабство. Иисус — свободный человек, но христиане несвободны.

Фридрих Ницше был прав, говоря, что первый и последний христианин скончался на кресте две тысячи лет. В самом деле, никого, кроме Христа, и не может быть. Такие люди — редкие цветы!

И вы тоже цветок редкий. Может быть, вы еще не расцвели, а значит, вы не осознаете свою редкость; вы и не расцветете, если продолжаете оправдывать эти ожидания. Не исполняйте ничьих ожиданий. Ваша единственная ответственность — это ответственность по отношению к вашему собственному существу. Если вы пытаетесь выполнять ожидания других, у вас будут проблемы, поскольку они будут давить, они будут доминировать, они будут калечить и парализовывать вас. Это — ваши враги! Каждый, кто ожидает что-то от вас, есть ваш враг — берегитесь!

Настоящий друг просто дает вам свободу. Любовь дает свободу; нет никаких ожиданий, нет желания манипулировать вами, даже ненапрямую. Свобода — это высочайшая ценность в жизни — и если бы у вас была свобода, вы бы увидели совершенно другое явление.

Вы можете видеть это здесь. Люди здесь работают — не думаю, что где-нибудь еще люди работают так усердно, так тотально, так самоотверженно — и это величайшая радость. Они радуются в этом! Люди, которые приезжают со стороны, не могут понять этого! Из-за того, что они не могут понять этого, они продолжают распространять слухи.

Прямо сейчас сотни газетных вырезок приходят из Германии — столько сплетен, столько фальшивых заявлений о смерти Вималкирти. Никто, кажется, даже не пытается вдуматься. Все утверждают, что его вынудили, обязали, почти так, словно он служил в армии. Его заставили выполнять самую черную лакейскую работу. Это их идея, что любая работа хуже, но они продолжают внушать свой образ мыслей.

Да Вималкирти делал самую разную работу. Он чистил туалеты, а для них это неприемлемо... правнук последнего императора Германии, племянник королевы Елизаветы и принца Филиппа, связанный почти со всеми королевскими фамилиями Европы. Одна из его тетюшек, королева Фредерика, скончалась только два дня назад. Она была королевой Греции. Другая тетя — королева Испании, принцесса София. Его собственная мать имеет три титула: принцесса Греции, так как родилась в греческой королевской семье, принцесса Дании, потому что она вышла замуж за датского короля, а потом датский король умер, и она вышла замуж за принца Ганновера. Принц Чарльз — его кузен... и этот Вималкирти, принц Ганновера, чистил туалеты, естественно, что его должно быть заставили, принудили это делать.

И все они говорят, что мало-помалу, через четыре года, его повысили, и он получил определенное положение: он стал охранником. Это же полнейшая тупость, неспособность хоть что-то понять. Никто не говорил ему чистить туалеты — он сам это выбрал. Он устал быть принцем, он был по уши сыт этим и хотел знать жизнь во всех ее измерениях. Так, он был уборщиком, он был садовником, он вел группы, он был охранником. Он выполнял разные виды работ, и он любил их все. Он был таким счастливым — но они не видят его счастья.

Они думают, что в ашраме есть какая-то иерархия, что уборщики ниже всех. На самом деле они выше всех! Они не только чистильщики, они также самые чистые люди. Когда я выбираю своих медитируемых, большинство из них вышли из чистильщиков, потому что они *настоящему* чисты!

Сейчас здесь Винод Канна, он — известный индийский актер. Он прожил в роскоши, и он безмерно счастлив получить крохотную комнатуху. Она должна быть в точности того же размера, что и он: шесть на четыре! Но он — *безмерно* счастлив. Это — та же самая комната, где жил Вималкирти, и надо знать: Фрэнсис Хаус выделит двух просветленных — стеречь Винода! С сегодняшнего дня он собирается работать в саду Лао-цзы, и это тот человек, который получал сотни тысяч рупий в месяц, жил самой роскошной жизнью. Какая только возможна в Индии. Сейчас он будет под руководством Мукты, а Мукта — жесткий мастер! Вималкирти когда-то так же был под ее началом.

Вы говорите, что люди там не работают с любовью и не наслаждаются своим трудом. Как они могут? Они пытаются выполнять определенные ожидания, они стараются жить по определенным стандартам. И это рождает серьезность, печаль.

Если каждому позволить быть таким, какой он есть, принятым, уважаемым, безусловно любимым, что только он не захочет сделать... А делать нужно все виды работ: нужны садовники, нужны уборщики, нужны управляющие, нужны охранники, разные люди требуются здесь.

В нашей коммуне нет иерархии. Каждый выполняет свою работу с радостью, все это от той радости, с которой он выбрал именно этот род занятий. Никто не давит, никто не ожидает. Если он не очень хорошо себя чувствует, он может сменить работу; с этим нет никаких проблем, никто его за это не осудит. А это возможно только тогда, когда выше всего ценится индивидуальность.

В этом так называемом Свободном университете в Голландии это невозможно; неправилен сам фундамент — религиозная позиция. В сущности, любая позиция для старта уже ошибочна.

Здесь мы не начинаем ни с какой позиции, здесь нет религиозной позиции. Это просто караван пьяниц, игроков — гораздо более похожий на паб, чем на храм! Только что, отвечая на вопрос Пунама, я подумал, что я сказал неверно. Четыре столба моего храма? Это неверно. Четыре столба моего паба! Но это было бы уже слишком для англичан, и я подумал: "пусть будет четыре столпа храма!" Потому что британские будды собираются быть британскими буддами! Я от них ничего не ожидаю, они собираются быть британскими буддами. Это будет совершенно другой род состояния будды!

У нас здесь только один британский будда — Пропер Сагар — Надлежащий Сагар. В тот день, когда он станет просветленным, вся

Британия будет просветленной! А он уже близок к тому, он поднимается выше и выше. Сейчас он работает там же, где Вималкирти — он мой телохранитель. Сейчас его обязанность — открывать дверцу моего роллс-ройса. Теперь он неотрывно занят одной мыслью, но еще не способен решить, надлежит ему это делать или нет — поэтому его зовут Надлежащий Сагар. Здесь много Сагаров, но он — единственный Надлежащий Сагар.

Задолго до этого я подарил ему шапочку, красивую шапочку. Должно быть, вы видели ее на голове императора Хейли Селасси — шапочку Хейли Селасси. И теперь он озадачен и спрашивает: надевать ли ему эту шапочку, когда он открывает дверцу моего автомобиля? Я сказал Вивек: "Держи наготове фотоаппарат. Как только он наденет эту шапочку, нужно это сфотографировать, потому что рано или поздно он станет просветленным — тогда нам понадобятся эти снимки!"

Премрадж, когда вы пойдете в Свободный университет Амстердама, то скажите им первое: это не свободный университет. Он не может быть свободным, если он продолжает принуждать, ожидая, что люди должны жить в духе Христа. Это что, так просто — жить в духе Христа?

Христос — это не имя человека, это — имя наивысшего состояния сознания. Это в точности то, что мы на востоке называем состоянием Будды, осознанностью. Иисус — это одно, а сознание Христа — совершенно другое явление. Это случилось с Иисусом. Вы никогда не сможете быть Иисусом, но вы можете быть Христом. Однако, если вы — христианин, тогда быть Христом невозможно. Для христиан это возможно, поскольку однажды приняв, что вы — христианин, вы начинаете жить с идеей, что вы не можете быть Христом — он *единственный* едиnorodный сын Божий. *Единородный* сын Божий!.. Что произошло с Богом после этого? Стерилизация? — и чем он занимался до этого? Сидел и думал: "Не произвести ли на свет младенца для бесконечности?" Какой тугодум! И потом, наконец, он производит на свет этого Иисуса Христа, а имя матери неизвестно, потому что в христианской троице нет женщины.

Вероятно, Святой дух функционирует двойко, может быть, Святой дух — бисексуал? Как известно, духи порой делают странные вещи! В противном случае, "Отец, сын и Святой дух"... а где же мать? Вся история кажется весьма надуманной. В троице нет женщины. И тогда Иисус рожден женщиной, и эта женщина не имеет отца.

Странная получается игра!

Однажды приняв себя как христианина, вы лишили себя воз-

возможности быть Христом. Вы стали последователем, а последователь — лишь имитатор. Ему суждено оставаться пластиковым. Да, вы можете быть Христом, но первое, что кажется — нужно быть христианином — или индуистом, или мусульманином. Вы должны быть искателем истины, а истину вы не можете искать, если у вас уже есть определенное предубеждение, если вы уже набрали верования, вы не можете искать истину.

Истина существует только для агностиков, тех, кто говорит: «Я ничего не знаю, но готов узнать. Я готов пройти через все этапы знания, но пока я не увижу, я не поверю». Это должно быть единственным условием веры; никакими другими путями вера не должна в вас входить. И тогда вы можете быть Христом, но тогда вы — также и Будда, и Лао-цзы, и джайн — потому что есть разные имена, разные языки для обозначения того же высшего сознания.

Премрадж, скажите тем людям, что это — не свободный университет. Вам придется избавиться от христианства, если вы желаете быть действительно свободными; вы должны отбросить все позиции. Истинный искатель не может начинать ни с какой позиции, он должен начинать со стартовой черты, не с позиции. Он должен начинать абсолютно пустым, просто как ноль, *табула раса*.

Вот что я называю медитацией. Медитация делает вас совершенно пустым от всех мыслей, предубеждений, концепций и верований, и только тогда появляется возможность познать истину. Познание же истины делает вас Христом, Буддой и тогда, естественно, что бы вы ни делали, только тогда это случится.

Беседа 2

Религия — это бунт

Первый вопрос:

Ошо, я слышал, что канцлер Германии, Тельмут Шмидт, объявил по телевидению, что саньясины — очень опасные люди для государства и общества, и их больше нельзя принимать в сферу обслуживания или респектабельные компании. Многие немцы смотрят телевизор и ведут себя в соответствии с тем, что скажут политики. В сущности, я не хочу иметь ничего общего с обществом, но, считаясь врагом общества, меня не радует идея не получить работу из-за моих малиновых одежд или быть оскорбленным уличными прохожими, потому что они часто проявляют агрессию по отношению к аутсайдерам. Вы говорили, что саньясины это провокация миру, но что вы хотите: чтобы мы боролись или ушли в подполье. И как вы думаете, не трусость ли это, что я остаюсь в Индии не только чтобы быть ближе к вам, но и чтобы избежать этих проблем?

Вит Ашми.

Хорошие новости! Политики начинают бояться только тогда, когда происходит нечто в самом деле значительное, и боятся они во всем мире. Это превосходный знак: просто замечательно, что моих саньясинов не оставляют без внимания, ведь это — самое страшное, что может случиться с человеком.

Верно сказал немецкий канцлер: саньясины — очень опасные люди! Религия всегда опасна. Как только она перестает быть опасной, это больше не религия. Иисус опасен, христианство не опасно — с тех пор, как христианство не имеет ничего общего с Иисусом. Будда опасен, буддисты — нет. Они пошли против своего мастера, они согласились на компромисс с обществом, со всем гнилым, мертвым и традиционным.

Так и должно было случиться, если вы пытаетесь прожить жизнь подлинно, любя. И тогда политики должны быть против вас. Они создали общество, основанное на ненависти, насилии, разделении, недоверии, хитрости и лицемерии. А быть религиозным, значит просто быть против всего этого.

Быть религиозным означает жить жизнью, полной любви, радости, невинности, свободы, индивидуальности, и если необходимо пожертвовать жизнью ради высших ценностей свободы, любви, исти-

ны, то жертвуешь ею с радостью. Она того стоит! Свободой нельзя пожертвовать, блаженством нельзя пожертвовать, любовью нельзя пожертвовать, а жизнь имеет смысл только тогда, когда это все цветет и благоухает. В тот момент, когда это все приносится в жертву, не остается больше ничего, ради чего стоило бы жить. Тогда жизнь — простое прозябание.

Сократу предстоял выбор: если он прекратит объяснять народу свою философию истины, то его освободят от суда и сохранят ему жизнь.

Он рассмеялся и отверг саму эту идею. Хорошо бы запомнить, что он сказал: “Говорить правду и жить по правде — вот моя жизнь! Если я не могу говорить правду и жить по правде, тогда для чего, по вашему, я живу?”

Жизнь является жизнью только тогда, когда в ней есть что-то выше ее. Помните: только то, что выше жизни, наполняет ее значением и смыслом. Если в жизни нет ничего выше ее самой, тогда она пуста и совершенно бессмысленна, тогда она абсурдна.

Я даю вам нечто, ради чего стоит жить и умереть! Ведь иметь что-то, за что можно умереть — величайшая радость в жизни. Только когда у вас есть то, ради чего можно и умереть, у вас есть и то, для чего можно жить.

Подобные угрозы будут появляться отовсюду, но их нужно принять — и не только принять, но и приветствовать. Это хорошие новости! Мне доставляет огромное удовольствие знать, что моих саньясинов начинают воспринимать.

В самом деле, я бы хотел, чтобы существующее до сих пор общество исчезло. Это очень примитивное общество. Оно — почти животное, даже не человеческое; это еще — в будущем. Есть только потенциал, он пока еще не стал явью. А разве бывает большая радость, чем воплощение данного потенциала в действительность? Разве вы можете надеяться в своей жизни на большее приключение? Что может быть более экзотическим, чем огромное усилие занести человечность на эту поруганную землю?

Пока не исчезнут общества — германское, итальянское, индийское, японское — не может быть человечества. Пока не будут полностью разрушены, полностью стерты эти маленькие разделения, которые абсолютно бессмысленны — не может родиться одна цивилизация, одна культура, одна единая религия. Я против обществ, против наций, против государств, потому что они причинили нам большой вред. Можете взглянуть на мировую историю. Она чудовищна, пре-

ступна! Она залита кровью. За трехтысячелетнюю историю произошло пять тысяч войн. О какой цивилизации, о какой культуре может идти речь? Как будто мы здесь только для того, чтобы убивать друг друга!

Но политик процветает на этих разделениях. В тот момент, когда начинается глобальная цивилизация, эти политики обречены на исчезновение. Какой тогда может быть немецкий канцлер, или американский президент, или иранский премьер-министр?

Политики и священники довольно хитро конспиривались против человечества. Одно они знают точно: что они могут существовать только в разделенном мире. Религии, я имею в виду организованные религии, догматические религии, вероучения, культуры — христианство, индуизм, буддизм, джайнизм, удерживают человечество в разделении. Этим и живут тапа, аятолла, шанкарачарья, имам и все эти фокусники. Если человечество едино, то все они исчезнут. Они превратятся в антиквариат, предметы уродливого, кошмарного прошлого.

И в то же время, если нации больше не существуют... и они остались только на картах — земля больше не разделена. Но карты стали иметь значение большее, чем само человечество. В так называемых религиях, святых писаниях слова стали так важны, что человека легко можно убить за слова. За Библию Коран, за Гиту человека можно убить и уничтожить, как будто человек существует только для Библии, Корана и Гиты. Истина как раз в обратном: все эти писания существуют для человека, человек не живет ни для одного писания. То же самое верно и для внешнего мира, мира политики. Над внутренней сущностью человека доминируют священники, над внешней — политики, и все они конспирируются, и это — вековая конспирация. Они очень четко уяснили себе одно: удерживай человека в разделении — в государствах, в церквях, в нациях, в религиях — и ты обрешь власть.

Эти жаждущие власти люди, эти эгоисты обречены бояться моих саньясинов, поскольку это — нечто абсолютно новое, не существовавшее ранее. За Иисусом следовали только несколько евреев, за Буддой — кучка индусов. Мои саньясины принадлежат всем типам, все религиям, всем нациям. Весь мир собрался вместе! Это встреча Запада и Востока.

Мои саньясины доказывают с совершенной определенностью, что Редьярд Киплинг ошибался, говоря: “Запад есть Запад, а Восток есть Восток, и эти двое никогда не сойдутся”. Они сходятся! Они со-

шлись! Они сошлись в облике моих саньясинов.

Здесь нет разделений... и мы не прикладываем никаких усилий для уничтожения разделений, потому что я никогда не борюсь с тьмой, я зажигаю свет. Как только загорается свет, тьма растворяется. Вот чем я отличаюсь от многих хороших людей, которые пытались создать определенный синтез!

Таким был Махатма Ганди. Он старался создать в Индии синтез между христианством, индуизмом, мусульманством, джайнизмом. Но пытаться делать усилие к синтезу предполагает, что вы изначально приняли разделение. Я вообще не признаю разделений, а следовательно, не нужны и усилия для создания синтеза.

И Ганди с треском провалился. Он никого не смог убедить — он не смог убедить даже себя. Всю свою жизнь он пел божественную песню, которую он сочинил вместе со своими последователями, согласно его философии: “Алла, Ашвар, теренам — Алла, Шивар, Господь — все твои имена”. Но когда его застрелили, он забыл все другие имена, он только вспомнил одно: “Эй, Рам!”, что-то он не воскликнул: “Эй, Алла!”. В то мгновение он вспомнил только Раму, индуистского бога, индуистское имя бога. Должно быть, оно вдруг всплыло из самых глубин подсознания. Всю свою жизнь он оставался индуистом. Да, он пытался создать синтез — он искал послания в Коране и в Библии, сходные с Гитой, но само усилие было хитрым и политичным.

Гита верна для него, на этот счет нет и каких возражений. Коран также может быть верен, если он совпадает, соответствует и поддерживает идеологию Гиты. Таким образом, он сможет выбрать только те места из Корана, Библии и Дхаммапады, которые подкрепляют послание Кришны в Гите и не станет говорить о других пунктах, которые абсолютно против Гиты. И он полагал, что создаст синтез. Он просто читал Гиту в других писаниях, но критерием оставалась Гита.

Единственным критерием для моих людей является собственное, личное переживание, собственная медитативность — ни Гита, ни Коран и ни Библия. Я не даю вам никакого священного писания, я пытаюсь помочь вам прочитать то, что написано в вашем сердце. И как только вы узнаете свое сердце, как только вы станете созвучны своему собственному существу, вы поймете, что все человечество едино. Языки отличаются, но религии немного, её не может быть много. Если существует лишь одна наука об объективной реальности, как тогда может быть много религий о внутренней реальности,

субъективной реальности? Если объективная истина одна — то нет ничего вроде индуистской физики, или христианской химии, или буддийской биологии, или мусульманской математики! — если объективная реальность одна, то не имеет значения, экспериментируете ли вы в Индии, или Советской России, или в Америке, вы придете к тем же выводам, а как тогда субъективная реальность может делиться на триста религий? В мире три сотни религий и, должно быть, три тысячи сект от этих трехсот религий, и тридцать тысяч подсект и т.д., и в-четвертых... Просто смешно! Религиозность — одна, любовь одна, истина одна, вкус свободы один!

Но я не пытаюсь создать синтез; я просто создаю ситуацию, в которой вы можете ощутить свой собственный внутренний мир. И как только вы его почувствовали, вы ощутили самую сокровенную внутреннюю сторону существования. И тогда нет наций, нет храмов и государств.

Прав канцлер Германии. Я против государства и общества, так как государство и общество оказались деструктивными. Это — раковая опухоль на сердце человечества. Их необходимо безжалостно истребить! Человек должен освободиться от политики и религиозной политики, а это одна и та же политика. Человеку надо выйти за пределы всех разделений. Те, кто подпитываются разделениями и их эксплуатируют, будут против меня и моих саньясинов.

Какой замечательный вызов — приветствуйте его! Если он приносит страдания, наслаждайтесь этими страданиями, потому что благословение — пострадать за прекрасное. Можно прожить жизнь очень удобную и уютную, если идти на компромисс с ложью. Но ваша жизнь тогда останется ущербной, у нее не будет экстаических пиков.

Вит Ашми, мы должны бороться! Разумеется, наша борьба будет сильно отличаться. Мы не собираемся убивать людей, мы хотим нанести жесткий удар по их умам. Мы не станем рубить головы, но образно мы, конечно, обязаны их обезглавить. Лишь тогда они познают свое сердце, когда они потеряют голову.

Вам многое предстоит вытерпеть, вы потеряете уважение. Уж не думаете ли вы, что Иисус был уважаемым? Уважаем папа-поляк. Какие странные хитросплетения: папа-поляк уважаем, а Иисус был не уважаем. Иисуса прокляли как преступника.

Ал-Хилладжа Мансура не уважали. Его кроваво убили, убили крайне жестоко. Иисус был распят гораздо более гуманно, потому что Ал-Хилладжа Мансура разрезали на куски, кусок за куском.

Сначала ему отрезали ноги, затем — руки, потом язык, потом они выкололи ему глаза. Это самое жестокое убийство, какое когда-либо было. И все же он смеялся до последнего. Даже палачи были слегка ошарашены: “Сумасшедший он, что-ли?”

Один из палачей просил его:

— Почему ты смеешься?

Он ответил:

— Я смеюсь, потому что вы можете убить мое тело, но меня вы не убьете. Также я смеюсь над Богом. Вы меня не поймете, — сказал он, — потому что вы не можете видеть Бога, но я смеюсь и над Богом. Я говорю ему: “Можешь делать со мной что хочешь, можешь явиться в виде палачей, как ты сделал сегодня, но я тебя все равно узнаю. Я могу рассмотреть тебя в этих людях, которые убивают меня! Ты не сможешь меня больше обмануть. Я узнаю тебя в любой маске. Я узнал тебя даже в этих палачах”.

Моим саньясинам придется страдать, страдать по сути неплохо, само по себе страдание — это не несчастье. Если вы страдаете, потому что не можете идти на компромисс, если вы страдаете потому что вы хотите жить вашей правдой, это — наслаждение, это — блаженство. Вы должны стать самой солью земли!

Я знаю, что люди верят политикам. Они создадут для вас разнообразные проблемы, но я знаю, что вырасти вы сможете только пройдя через них. Таким образом, как только я узнаю, что люди собираются создать вам проблемы, я втайне усмехнусь, я скажу: “Хихи”.

Вит Ашми, вы также спросили: “И как вы думаете, не трусовость ли это, что я остаюсь в Индии не только чтобы быть ближе к вам, но и чтобы избежать этих проблем?”

Как сказать. Выражаясь яснее, это — на ваше усмотрение. Если вы хотите оставаться здесь только затем, чтобы быть ближе ко мне, в этом нет никакой трусовости, потому что и здесь у вас будут проблемы — и, в действительности, намного больше... поскольку главный создатель проблем здесь! Я всегда любил озорничать, и люблю до сих пор — я не хочу это от вас скрывать. С раннего детства мне нравились все виды озорства, и мое просветление ничем не отличается. Самое большее — оно сделало мои проделки чуть-чуть просветленнее, и всего, но основа не изменилась. Разумеется, сейчас я проказничаю на более обширных планах, мой холст стал больше, но мне это нравится.

Следовательно, если вы хотите оставаться здесь просто чтобы

быть ближе ко мне — замечательно, но проблем вам не избежать. В Германии вам будет намного лучше, потому что я еще ни разу не слышал, чтобы какого-нибудь саньясина оскорбили в Германии, изнасиловали в Германии или убили в Германии, но все это случалось в Индии. И случалось не раз, потому что Индия намного бескультурнее, намного нецивилизованнее, намного нерелигиозней, чем любая другая страна, по той простой причине, что индусы верят, что они религиозны. Их вера в их религиозность скрывает их нерелигиозность. Они — самые большие лицемеры в мире.

А если вы хотите избежать проблем, не оставайтесь здесь. Германия куда лучше. И второе: если вы здесь только чтобы избежать проблем, вы не будете ближе ко мне; будет отрицательный тип приближенности, и он не имеет смысла, пока не превратится в положительный. Если вы здесь, чтобы быть со мной, тогда это превосходно. В противном случае поезжайте в Германию и зарабатывайте положительное отношение — примите вызов там.

Я — не за подполье — этого не нужно. Лишь в Китае и России я разрешаю моим саньясином оставаться в подполье. Сейчас здесь находятся два моих саньясина из России. Там они были в подполье, каким-то образом они бежали. Только в Китае и России понятно, что заявить открыто будет невозможно, и, тем не менее некоторые русские саньясины делают это открыто; они пошли великолепный способ. Если вы действительно готовы, вы всегда сможете найти способ.

Они ходят в маруновых одеждах и говорят: “Это — цвет коммунизма!”, и они ходят с моим изображением на мале и говорят: “Это — не кто иной, как Карл Макс!” Если захотеть, то всегда можно найти способ! Они наслаждаются, и мне нравится их изобретение — в этом нет ничего плохого — потому что никто ничего обо мне не знает, а значит, они думают так: “Возможно, это и Карл Маркс”. А красный определенно коммунистический цвет, и с этим нет вообще никаких проблем. И всегда можно читать мои книги, пряча их под обложкой “Капитала” и “Коммунистического манифеста”!

Но кроме Китая и России, я не разрешаю вести скрытую деятельность где-либо еще. Оставайтесь открытыми и нанесите хороший удар! Я даю вам столько оружия для борьбы. На самом деле те люди, с которыми вы собираетесь сражаться, уже мертвы. Небольшой толчок и они падут ничком на землю. Здесь вовсе не требуется спортивная борьба! Они давно мертвы... они еще стоят лишь потому, что никто их не толкает!

Второй вопрос:

Ошо, все больше и больше людей начинают верить в самых разных святых, свами и богочеловеков. Что вы думаете об этом явлении? Что вы скажете о таких святых, как Махеша Йоги, Мать Тереза, Прабхупад, Муктананда, Сатья Саи Баба, Дж. Кришнамурти, Ананд Май и т. д. и т. п.? Каким критерием нужно пользоваться, чтобы узнать цену богочеловеку и быть уверенными, что он — не попутчик во встречном направлении?

Д. М. Сешвера.

Во-первых, стоит запомнить: нет ничего нового в том, что происходит сегодня.

Вы спрашиваете меня:

Все больше и больше людей начинают верить в самых разных святых...

И это не новость — они всегда так делали. В действительности, сейчас этим занимается все меньше и меньше людей, а не больше и больше. Иначе, как бы вы объяснили это миллионам индуистов, миллионам буддистов, миллионам христиан, миллионам мусульман? По сути дела, каждый житель Земли принадлежит к тому или иному вероисповеданию. Каким образом вы объясните это?

Даже коммунизм, эдакая безбожная религия, это — церковь. Она имеет собственную библию — “Капитал”, она имеет свою несвятую троицу — Карл Маркс, Фридрих Энгельс, В. И. Ленин. Она имеет свои конфликтующие секты — столько в мире коммунистических партий; китайский лагерь, русский лагерь, прямо как католики, протестанты, шиниты, сунниты, столько интерпретаций своих святых книг, вера в столько интерпретаторов. Кто-то верит в Фиделя Кастро, кто-то — в Мао Цзэ-дуна, кто-то — в Тито, кто-то — в Иосифа Сталина, а кто-то — во Льва Троцкого. Коммунизм — то же самое явление.

Кто-то идет в Каабу, кто-то идет в Кремль. То же самое, такое же паломничество. Вас проклянут, если вы хотя бы раз в жизни не пойдете в Каабу, если вы — мусульманин, или если вы не пойдете в Кремль, когда вы — коммунист. Трудам Карла Маркса поклоняются, их считают безошибочными, точно так же, как это сделали другие религии.

Итак, если вы посмотрите, то не сможете сказать: *Все больше и больше людей начинают верить в самых разных святых, свами и бо-*

голюдей. Что вы думаете об этом явлении?

Так было всегда. Да, есть одно изменение: намного больше людей переходят из одной религии в другую, сходят с дороги, проложенной их праотцами. Это что-то новое, и что-то очень хорошее, что-то просто замечательное. Веками считался общепризнанным тот факт, что религия имеет что-то общее с вашим рождением. Ничего общего с вашим рождением она не имеет!

Недавно мне попалось одно заявление Матери Терезы. Кто-то спросил ее обо мне и о том, что я о ней сказал, и она заявила: “У Раджниша нет никаких оснований вмешиваться в мою работу. Он не должен вмешиваться!” Почему я не должен вмешиваться? Я имею все основания! Если совершается преступление, я должен вмешаться, я должен заявить о преступлении.

Она говорит, что борется с абортами путем усыновления. Но кто несет ответственность за аборт? Мать Тереза, папа-поляк и вся эта компания! Они отвечают за аборт, потому что они против контрацептивов, они — против контроля за рождаемостью. А если вы против контрацепции и против контроля за рождаемостью, тогда неизбежны аборт. Сначала им удалось повернуть так, что аборт продолжается, а потом они борются с ними путем усыновления!

Интервьюер говорит, что я критиковал ее, потому что она отказала в усыновлении ребенка из протестантской семьи из-за того, что он был протестантом, а она хотела, чтобы ребенок был принят в семью католиков. Отвечая на это, она сказала, что каждый ребенок имеет прирожденное право выбирать вероисповедание. Но кто она такая, чтобы выбирать? Ребенок имеет прирожденное право — это я могу понять, и это я принимаю. И, если это верно, тогда ни одного ребенка нельзя крестить, пока он не вырастет и не решит это сам, без манипулирования, обусловленности и учителей. Его нужно оставить одного, и когда он примет решение стать христианином, или буддистом, ли мусульманином, тогда, разумеется, он имеет право. Но маленький ребенок... как вы решите, какую религию он захочет выбрать?

Таким был вопрос, и она сказала: “Самое первое: мы решаем, в какой религии он был рожден”. Теперь, религия не имеет ничего общего с рождением. Вы можете родиться в индуистской семье, что вовсе не означает, что вы должны стать индуистом. Вы можете родиться в семье коммунистов, но это не значит, что вы должны стать коммунистом. Вы можете родиться в семье... отец — врач, мать — врач, но это не показывает, что вы должны стать врачом. Должно

быть так: у двух докторов рождается ребенок — ему надо немедленно давать диплом врача! Ерунда! Религию нужно выбирать.

Интервьюер спросил также: “А если вы не знаете семью ребенка, ведь многие дети, которые поступают в ваш приют — подкидыши; вы не знаете ни семьи, ни их окружения — как вы тогда решаете?”

Тогда она ответила: “Так как я — католичка, и я занимаюсь их воспитанием, они идут в католики, они — католики, я решаю!”

Где же ваше прирожденное право ребенка? Решает за него кто-то другой!

Вся эта старая глупость постепенно исчезает. Люди начали спрашивать себя. Сейчас те, кто окружает меня... Сегодня здесь пять тысяч саньясинов, по всему миру сейчас более двухсот тысяч саньясинов. Это — люди, которые решили за себя сами; это — их решение. А когда религия является вашим собственным решением, тогда это становится совершением, включением. Тогда вы исполняете желание вашего сердца. Тогда есть радость и тогда есть любовь. Тогда это — любовное приключение! Люди в прошлом рождались в определенной семье, и это было их религией. Сегодня происходит лишь одна новая вещь, Силвера: все больше и больше людей взрослеют, больше и больше людей понимают свое прирожденное право, понимают, что им нужно выбрать свою религию. Только тогда они могут вложить в нее душу; только тогда они готовы в случае необходимости пожертвовать жизнью.

Те, кто выбрал Иисуса — а они были евреями — согласно матери Терезе, они ошиблись. Сам Иисус был евреем, он не был христианином — это совершенно точно. Он даже слова такого не слышал — “христианин”! Он жил как еврей и умер как еврей. И люди, которые собрались вокруг него, группка людей, все они были евреями. Согласно матери Терезе, они должны были оставаться евреями. Тогда бы не было ни матери Терезы, ни христианства! Но они выбрали свою тропинку, они решили преступить грань психологии толпы. Они выбрали поход против толпы.

Религиозный человек всегда бунтарь. Религия есть бунт, в этом ее главный запах, ее аромат. И сегодня все больше и больше людей способны на это. Хороший знак: он показывает, что человечество выходит из младенчества.

Вы спрашиваете меня: Все больше и больше людей начинают верить в самых разных святых, свами и богочеловеков. Что вы думаете об этом явлении? Что вы скажете о таких святых, как Махе-

ши Йоги, мать Тереза, Прабхупад, Муктанда, Сатъя Саи Баба, Дж. Кришнамурти, Ананд Мал и т.д.?

Каждый получает того Мастера, которого он заслуживает, и это естественно, это неизбежно. Значит, я делю этих святых на три категории. Первая: идиоты — в мире их насчитываются миллионы, им нужны свои святые, и они имеют все права. Что еще они могут делать? Они — идиоты, и что бы они ни делали, все будет идиотским! А где есть спрос, там и предложение. А значит, Прабхупад, Муктананда, Сатъя Саи Баба удовлетворяют их потребностям. Они совершенно необходимы, иначе потребности идиотов останутся незамеченными! Кто будет о них заботиться? У них есть все права иметь собственных святых, свами и боголюдей.

Вторая категория принадлежит к среднему коэффициенту умственного развития. Ананд Мал, мать Тереза, Махеша Йоги — относятся к средним, ни идиоты, ни интеллектуалы, просто середина — последователи золотой середины. Они продвигаются с осторожностью, они продвигаются, все просчитав. Это те, кто пойдет за Анандом Малом, матерью Терезой, Махеша Йоги.

В третью категорию входят интеллектуалы. Они будут следовать за такими, как Дж. Кришнамурти. Весь его подход — чисто интеллектуальный.

Я не принадлежу ни к одной из этих категорий. Я принадлежу к четвертой: сумасшедшие, умалишенные! Они — самые прекрасные люди на земле — они настоящие люди! По существу, эти сумасшедшие окружали Иисуса, Сократа, Будда, Лао-цзы, Чжуан-цзы. Благодаря им родились величайшие цветы мистики, потому что мистика — это вид сумасшествия — сумасшествия с методом — это выше ума.

Когда кто-то выходит из ума, его называют сумасшедшим, выход за пределы ума — это тоже выход из ума. Сумасшедший падает ниже ума, мистик — выше ума, но оба выходят за его границы; в этом они похожи. А следовательно, каждый мистик в чем-то похож на сумасшедшего, и каждый сумасшедший в чем-то похож на мистика. Вы найдете места, где они частично совпадают. Но эта четвертая категория — настоящая категория.

Для первой категории:

Жил как-то человек, который поехал в далекие земли в поисках просветления. В конце своего путешествия он добрался до жилища одного мудреца, известного как Мастер Мастеров. Как только он предстал перед взором Великого, его охватило странное волнение, и

он пал на землю, чувствуя, что сама земля может раскрыться и поглотить его.

— Наконец... наконец! — он заинался. — Вы всколыхнули самую глубину моего существа, о Мастер!

— Вовсе нет — это было землетрясение, — спокойно ответил Мастер.

Теперь, этот человек стремился не к тому Мастеру. Ему был нужен Муктананда, Прабхупад, которые бы кивали и говорили: “Да, это поднимается кундалини! Ваша кундалини поднялась! Так бывает, когда кто-нибудь приходит ко мне — моя кундалини достает его кундалини”

Этот же Мастер, должно быть, был похожим на меня. Он сказал только правду: “Не будь идиотом! Это — просто землетрясение — ничего не случилось”.

Один ирландец в самолете смотрел кино. Когда он сообразил, что уже видел этот фильм, он встал и вышел из самолета. Долго он плыл по океану, пока не попал на небольшой остров.

Через много лет прекрасная женщина в водолазном костюме выплыла на берег и подошла к ирландцу. Она расстегнула молнию на верхнем кармане и со словами: “Бьюсь об заклад, ты долго не курил” вынула оттуда и протянула ему сигарету. Затем она расстегнула молнию на другом верхнем кармане и со словами: “Бьюсь об заклад, ты долго не пил” вынула оттуда и протянула ему бутылку виски.

Медленно расстегивая переднюю часть костюма, она сказала: “Наверняка, бьюсь об заклад, есть еще кое-что, что ты долго не делал!”

Ирландец воскликнул:

— Господи! Неужели у тебя есть и клюшки для гольфа?

Этим людям тоже нужны Мастера, святые, свами, боголюди, и потребность в них аутентична, очень аутентична, и их большинство. Это те, кто живет в Калифорния-лэнде!

Калифорнийский политик обращается к группе озабоченных горожан с проблемой перенаселения.

— Вы представляете себе, — говорил он, — что пока мы здесь сидим, каждую минуту одна женщина рождает ребенка? Что мы бу-

дем с этим делать?

С дальнего угла комнаты прозвучал голос:

— Ну, для начала хорошо бы найти эту женщину.

Поляк приехал в большой город впервые. Он долго глазел на пятидесятиэтажное здание, в котором разместилась самая крупная в стране газета. Он спросил прохожего:

— Для чего это огромное здание?

Увидя, каким наивным был поляк, прохожий ответил:

— Да здесь живет Великан Бругус!

Бедный поляк весь день ходил перед фасадом здания в надежде взглянуть на великана.

В десять вечера тот же прохожий заметил, что поляк все еще стоит перед домом, и пожалел его:

— Послушай, никакого великана там нет. Я пошутил.

— Говоришь — пошутил! — возразил поляк. — Я только что видел, как подъехал грузовик, полный огромными рулонами с туалетной бумагой для него!

Поляк нашел чек на двадцать долларов. Он поразмыслил над тем, куда бы его потратить. Наконец, он подбросил монетку. “Орел — я его проедаю, решка — пропиваю”

Монетка крунулась в воздухе, упала на его колено и исчезла между пуговицами ширинки брюк. “Ага, — усмехнулся поляк, — вот еще одна возможность!”

Для этих людей Прабхупад, основатель Движения Харе Кришна... Он почти как магнит: он притягивает самых последних идиотов в мире! Молодец. Муктананда — он не настолько велик, как Прабхупад, он очень ему близок. Теперь он сидит на Майами Бич — место как раз для него, именно там нужны такие люди.

Что касается второй категории, среднеинтеллектуальный человек: мать Тереза, Махариши Махешри Йоги, Ананд Мал, — этих людей достаточно.

В полицейский участок поступил звонок:

— Резиденция Филиппа! — пронзительно визжал голос, — быстрее приезжайте сюда! В доме — кот!

— Кот?! И вы звоните нам из-за того? А с кем я говорю?

— Это попугай Филиппа!

Средний интеллект!

Мэрфи, отец десяти детей, купил в аптеке пачку презервативов. Он вернулся в аптеку через шесть недель, жалуясь:

— Они вообще ни на что не годятся. Моя жена снова беременна. Я думаю, они были велики, хотя я и отрезал этот висящий кончик!

Относительно третьей категории, тех, кого привлекает Кришна-мурти:

Полная еврейка медленно возвращалась домой из магазина. У нее была неразрешимая проблема: проходя последний квартал, ей нестерпимо хотелось выпустить газы. Но она сумела дотерпеть до лифта. Там она и освободилась от газов.

Обеспокоенная, однако, тем, что сильный запах может почуять кто-нибудь еще до того, как она поднимется в лифте до своего двадцать пятого этажа, она вытащила из сумочки аэрозоль с хвойным концентратом и опрыскивала им кабину лифта.

На пятом этаже в лифт вошли два профессора и тут же зажали руками носы. Когда полная еврейка вышла, один обратился к другому:

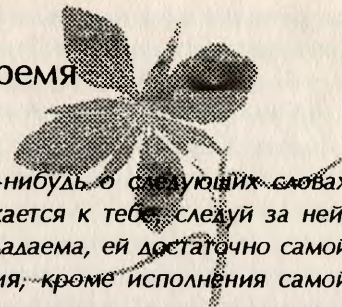
— Боже, ну и запах! Как ты думаешь, что это такое?

На что второй ответил:

— Запах такой, как будто кто-то только что испражнился под сосной.

Беседа 3

Быть экстатичным все время

Первый вопрос:

Ошо, не могли бы вы сказать что-нибудь о следующих словах Халиля Джибрана: «Когда любовь спускается к тебе, следуй за ней. Любовь не владеет и не может быть обладаема, ей достаточно самой себя. Любовь не имеет другого желания, кроме исполнения самой себя».

Анил Бхарти, Халиль Джибран – поэт, а не мистик. Поэт – это мечтатель, а мистик обладает виденьем, и разница огромна. Разница не только в количестве, но и в качестве. Поэт смотрит не на луну, а на отражение луны в мерцающих водах озера. Он видит несколько проблесков там и здесь, но это всего лишь проблески и они очень смутные. Его восприятие не ясно и не может быть таким, поскольку он не прошел через алхимический процесс медитации. Ум стоит между ним и реальностью, а ум всегда интерпретирует; ум — это постоянный комментатор. Он никогда не позволит реальности прийти к вам такой, какая она есть. Он искажает ее, он полирует ее, он изменяет ее. Он делает это в соответствии со своим собственным поведением, своим собственным образцом. Он дает ей форму своих идей, он раскрашивает ее. Конечно, что-то от реальности еще останется, но это что-то отрывочное, как если бы поэт видел красивый сон.

Но мистик познает ее сразу, немедленно, без интерпретаций. Существование и мистик находятся в глубокой общности. Поэт только время от времени находится в некотором роде общения, но никогда не в общности. В общении вы остаетесь отъединенными, соединяющимися на момент, но все еще отъединенными. В общности вас нет больше, вы не только соединены на мгновение – вас просто нет там. Это не вопрос создания моста; вы поглощены, вы созвучны. Вы в состоянии примирения с реальностью.

Запомните это перед тем, как мы начнем медитировать над этими прекрасными словами Халиля Джибрана – они действительно прекрасны. Он один из наиболее восприимчивых поэтов этого века, но он поэт, не мистик; он не Будда, не Христос. Он не может видеть реальность, он фантазирует о ней. Его фантазии прекрасны, психоделичны, но фантазии это фантазии; даже если иногда они отража-

ют реальность, они только отражают ее. Они — отдаленное эхо, или может быть эхо от эха эха.

Халиль Джибран сказал:
*Когда любовь спускается к тебе,
следуй за ней.*

В этих словах подразумевается, что как будто бы любовь это что-то вне вас и вы должны следовать за ней. В действительности, когда любовь здесь, вас здесь нет; некому следовать за ней. Любовь огромна! Любовь — это растворитель для эго. Кто здесь, чтобы следовать? Кто здесь, чтобы не следовать? Если еще кто-то есть, чтобы следовать или не следовать, то это не любовь, это должно быть что-то еще — может быть биология, химия, физиология, не не любовь. Это должно быть инстинктивно; это может быть вождение представляющееся любовью, маскирующееся под любовь. Это должно быть что-то животное.

Когда любовь здесь, любящего нет; они не могут существовать вместе. Это невозможно, это вне природы вещей — они не могут существовать. Если любящий здесь, любви нет; если любовь здесь, вы нигде не найдете любящего. Поэтому кто следует? Кто услышит зов любви и кто пойдет с ней? Если кто-то присутствует, чтобы следовать, то что-то исчезнет — что-то очень важное и фундаментальное исчезнет.

Слова прекрасны, но они пришли не из медитативности. Это дальнее эхо; он фантазировал об этом.

Если бы вы спросили Будду, он бы сказал: когда любовь здесь, вас нет. И нет пути ни следовать за ней, ни идти против нее. Вы — это она! Но вместе с тем вы должны понять многомерность феномена любви.

Самое низкое измерение — это животное; девяносто девять процентов людей никогда не выходят за его пределы. Так что, когда они слышат слова, подобные этим: «Когда любовь спускается к тебе, следуй за ней», они интерпретируют их в соответствии с собой.

Во всех языках мира есть такое выражение «упасть в любовь»; это знаменательно. Почему «упасть в любовь»? — потому что девяносто девять процентов людей действительно падают. Они спускаются в мир инстинктов, биологии, физиологии. Они подвластны гормонам, железам, химии своего тела. Это случается в животных, это случается в деревьях — в этом нет ничего особенного, в этом нет ничего человеческого.

Я не говорю: «Когда ваша биология спускается к вам, следуйте

за ней». Я говорю: «Наблюдайте, будьте осознанными, будьте бдительными», потому что если вы не будете осознанными, вы обязательно попадете под власть самых низких элементов в вас, под власть вашей периферии. Вас подчинят и будут управлять вами бессознательные природные силы. Вот что случается: под именем любви люди просто ведут себя как животные. Это падение! Но существует и высшее измерение любви...

Первый тип любви появляется так, как будто он пришел извне. Он действительно приходит извне, поскольку он приходит с периферии и центр должен следовать за периферией. Периферия — это вещь, наиболее удаленная от вашего центра; она вне вас. Вы находитесь далеко от периферии в глубочайшей святине вашего существа. Когда любовь зовет вас идти дальше, это означает уйти от периферии, уйти куда-нибудь от внешнего.

Мужчина падает в любовь с женщиной или женщина падает в любовь с мужчиной, но это не является чем-то чисто человеческим, это не часть человеческого достоинства. Это действительно падение, и это приносит вам страдание. И помните, это будет обладанием. А также, если вы внимательно наблюдаете, вы увидите, что это не только желание обладать; немного глубже там будет также и желание быть обладаемым. Вы уже обладаете от природы, теперь это будет иметь другие значения. Мужчина будет обладать женщиной, женщина будет обладать мужчиной... и весь конфликт так называемой любви.

Когда вами кто-то обладает, это создает в вас разделение: вы хотите, чтобы вами кто-то владел и все же вы хотите быть свободным. Внутри вас конфликт: вы хотите, чтобы вами обладали, поскольку это дает вам чувство полезности, ценности. Кто-то внимателен к вам, кто-то думает о вас как о драгоценности, так что вы чувствуете себя хорошо от того, что вами кто-то обладает. Но с другой стороны, одновременно вы чувствуете, что превращаетесь в товар. Он может быть драгоценным, но драгоценность не может осознавать. Вы становитесь вещью, вы сокращаетесь до мира вещей, вы становитесь объектом обладания. Вы теряете вашу субъективность и свободу вашей субъективности, отсюда — конфликт.

И вы будете несчастны, поскольку все, что вы делаете, будет удовлетворять только половину желания, а другая половина будет оставаться несбывшейся. Если вы разрешаете себе быть обладаемым, ваше желание быть свободным останется неудовлетворенным; оно борется; если вы не разрешаете себе быть обладаемым, вы остаетесь

свободным, но что-то в вас продолжает утверждать, что никто не обладает вами. Значит ли это, что никто не ценит вас? Значит ли это, что никто не беспокоится о вас, никто совсем не замечает, значит ли это, что вы ничего не стоите?

На этом уровне любви страдание – естественное следствие. Наблюдайте его, поскольку через наблюдение вы можете подняться над ним. Вы можете начать восхождение в любовь, а не падение в любовь. Наблюдение может стать лестницей от низшего к высшему.

Второе измерение ближе к тому, что Халиль Джигран сказал в своем втором утверждении:

*Любовь не владеет и не может быть обладаема,
ей достаточно самой себя.*

Но снова он дает неправильную причину, почему любовь не может обладать и не может быть обладаема. Он говорит: поскольку любви достаточно самой себя – это не так. Любви не достаточно самой себя – любовь нуждается в том, чтобы быть разделенной. Это огромная, переливающаяся через край энергия, которая нуждается в том, чтобы быть разделенной. Цветку не достаточно самого себя; он нуждается в ветре и солнце, поскольку они могут высвободить его скрытое великолепие, его аромат, его благоухание. Если ему не позволить высвободить свой аромат, он будет глубоко страдать.

Любовь страдает, если никто не разделяет ее. Наибольшее страдание приходит, если вы можете отдать и никого нет, чтобы принять это. Любовь не владеет – это правда – и не может быть обладаема – это так. Но причина этого, приводимая Халилем Джиграном, не верна. Это поэтично, но это не проникло в самую суть реальности любви.

Любовь не обладает, поскольку сама сущность любви – свобода. Если вы любите человека, вы будете хотеть для него абсолютной свободы. И если вы любите кого-то, вы можете любить, только если вы любите себя; это непеременимое условие. Вы не можете любить других, если вы не испытываете глубокой любви к себе самому. Первая, начальная любовь – это любовь к себе. Когда это пламя загорится в вас – любовь к себе...

Это не говорили вам столетиями, в действительности, вас учили как раз противоположному: «Не любите себя, это эгоистично». «Любите других!» Даже христиане, которые думали, что они следуют Христу, неправильно интерпретировали его чрезвычайно важное утверждение. Он сказал: «Любите ваших врагов как самих себя». Они взяли только половину этого утверждения; они говорят:

«Любите ваших врагов», но они забыли основное условие. Иисус сказал: «Любите ваших врагов как самих себя», но если вы не любите себя, каким образом вы собираетесь любить ваших врагов? Что будет критерием? Вначале вы должны полюбить себя, затем вы сможете полюбить даже ваших врагов – к чему тогда говорить о друзьях? к чему тогда говорить о любовниках?

Первая любовь должна случиться внутри вас самих; это что-то внутреннее. Это случается только тогда, когда вы становитесь молчаливыми, осознанными, медитативными, когда вы выходите из ума. Ум – это собственник, ум – это диктатор, ум – это деспот. Он хочет властвовать, потому что центр ума – это эго, а эго может ездить верхом на чем угодно – подойдет любая лошадь. Деньги, власть, знания, аскетизм, добродетель подойдут, и любовь подойдет – даже любовь! Даже любовь превратится в лошадь, и эго может ехать на ней.

Любовь не обладает, только когда она не от ума, но Халиль Джигран ничего не знает о не-уме. Медитация означает состояние не-ума. Любовь распускается в состоянии не-ума; вы должны подготовить состояние не-ума для того, чтобы случилась любовь. Это не приходит снаружи, это не приходит откуда-нибудь еще. Когда вы молчаливы, это возникает внутри вас, это расцветает внутри вас.

Медитация действует как весна, и цветы, ожидавшие весны, вдруг распускаются. Ваше внутреннее бытие становится таким полным аромата, оно так благоухает, вы так переполнены благоуханием, вы должны поделиться им. И этого так много, что вы не можете быть скупым в отношении его.

Древняя тибетская история гласит:

Всю свою жизнь мастер отвергал любого ученика, приходящего к нему. Чем больше он отвергал, тем известнее он становился. Все больше и больше людей приходили и просили инициацию, но он отказывал. Его условия были таковы, что никто не мог соответствовать им.

Он имел только одного молодого человека, ухаживающего за ним; этот человек не был учеником, поскольку ему никто никогда не давал инициацию. Мастер старел, поэтому он разрешил этому молодому человеку... Молодой человек хотел служить мастеру. Он сказал: «Если вы не хотите инициировать меня, хорошо, не иницируйте, но позвольте мне быть здесь, чтобы служить вам, чтобы ухаживать за вами. Вы стареете». И он разрешил молодому человеку.

В тот день, когда он умер, он позвал молодого человека и

сказал ему: «Беги в деревню и скажи всем людям, которые хотят получить инициацию, чтобы они немедленно шли сюда».

Молодой человек не мог поверить. Он сказал: «Но как же ваши условия? Ваши условия такие невозможные, что никто до сих пор не мог их выполнить».

Мастер засмеялся и сказал: «Сейчас я могу сказать тебе правду! В действительности, все эти условия были только уловкой, чтобы не говорить людям: «Я еще не достиг; если я сам не имею это, то как я могу дать это вам?» Я никогда не хотел говорить, что я еще не стал пробужденным, блаженным, и поэтому я нашел эту уловку: «Вы еще не заслуживаете инициацию». Но теперь я достиг – этим утром это случилось! – и я так наполнен, что я хочу освободиться».

«Так что, условий вообще нет. Ты просто идешь, и кто бы ни хотел получить инициацию, собери их и скажи им, что это мой последний день. Как только солнце зайдет, я тоже исчезну из этого мира, так что осталось всего лишь несколько часов. Собери столько людей, сколько сможешь!»

Молодой человек не мог поверить, но Мастер сказал и он заторопился. Жители деревни не могли поверить; они подумали, что это какая-то шутка. Человек так настаивал на своих условиях, и условия были такими невыполнимыми – только супермен мог выполнить эти условия!

Эти бедные крестьяне сказали: «Но мы недостойны!»

Молодой человек сказал: «Теперь не имеет значения готовность с вашей стороны. Он готов дать любому, кто хочет быть иницированным, кто хочет разделить истину».

Нескольким людям стало любопытно: «Что случилось?» – только из любопытства, хорошо зная этого старого человека много лет, без веры, но только из любопытства, они пошли. У кого-то умерла жена, и он чувствовал себя немного несчастным, так что он сказал: «Хорошо было бы сходить к старому человеку за некоторым утешением, и если он захочет дать какой-нибудь совет или немного мудрости, почему бы не взять их?» Молодой человек был безработным, его выгнали с работы, и он сидел, бездельничая, поэтому он сказал: «Хорошо, я тоже пойду». Даже маленький ребенок, увидев толпу, идущую к жилищу отшельника, присоединился к ней. Он не пошел в школу в тот день, и это было хорошим оправданием – пойти к святому, так что он пошел туда.

Молодой человек посмотрел на толпу. Он не поверил своим глазам, поскольку он видел – очень мудрые люди приходили, прав-

дивые, очень невинные, добродетельные, пуритане, аскеты и они все были отвергнуты. А эта разношерстная толпа! Он смеялся про себя: «Что случится? Все это кажется просто сумасшедствием! И что этот маленький ребенок собирается получить? И причины, по которым они пришли, – абсурдны: у кого-то умерла жена, кто-то без работы, ребенок не пошел в школу».

Он пошел с этой толпой. Мастер даже не спросил: «Почему вы хотите быть иницированными?» Он просто начал вызывать людей по отдельности и иницировать их. Молодой человек сказал: «Я не могу поверить своим глазам! Я даже вообразить не мог, что это когда-либо случится».

Мастер сказал: «Это очень просто. Теперь я имею это и я могу давать это; тогда я не давал, потому что нечего было давать. И зачем показывать свою пустоту людям? Поэтому я притворялся, что «я имею это, но вы не готовы». Теперь готовы вы или нет, кого это беспокоит? Я снимаю с себя бремя».

Таков путь Мастеров. Когда туча полна дождя, она не беспокоится о том, прольется ли она на камни или на хорошую почву, плодородна ли почва или нет. Она просто проливается! Она проливается без всяких условий.

Так что, это истина любви: когда вы любите себя, когда ваша любовь распустилась, когда она стала реальностью внутри вас, делитесь ей! Она не самодостаточна, ей нужно поделиться. Даже истина нуждается в том, чтобы ей поделились, бытие Будды нуждается в том, чтобы им поделились, сознание Христа нуждается в том, чтобы им поделились. Это непреодолимо, оно должно быть разделено, нет пути избежать этого.

Иначе, почему в таком пожилом возрасте, когда Будде было семьдесят два, он все еще продолжал странствовать и разговаривать с людьми и говорить людям? Он был болен, он был стар, он делался с каждым днем все слабее и слабее, он продолжал странствовать. Его ученики говорили: «Теперь, пожалуйста, остановитесь!» А он говорил: «Я не могу, я должен отдавать. До последнего моего вздоха я должен отдавать». И действительно, так и происходило.

Когда он умирал, когда пришел последний день, он объявил, что сейчас он собирается оставить свое тело: «Хочет ли кто-нибудь спросить что-то?»

Собралось десять тысяч саньясинов, его ученики плакали там. Они сказали: «Ты ответил на все! Ты отвечал непрерывно в течение сорока двух лет утром, днем, вечером. Ты сказал все, о чем мы ког-

да-либо думали, или спрашивали, или разузнавали. Больше нечего спрашивать”.

Будда имел обыкновение спрашивать все трижды.

Он опять спросил: «Есть ли у вас какие-нибудь вопросы?» Они ответили отрицательно. Он опять спросил. «Может быть кто-нибудь имеет вопрос и не спрашивает, только чтобы не беспокоить меня в последний момент моей жизни. Не тревожьтесь, спрашивайте! До последнего моего вдоха я хочу делиться, я должен делиться».

Но они отказались. Они сказали: «У нас нет никаких вопросов».

Затем он сказал: «Прощайте. Теперь я могу закрыть мои глаза, я могу начать исчезать”. Он сказал: «Вначале я уйду из тела, затем из ума, затем из сердца, и затем из души. Как будто бы свеча гаснет... пламя исчезает... вы не сможете найти его нигде, потому что теперь оно везде”.

Когда он закрыл свои глаза и ушел из тела и ума и находился на третьей стадии, прибежал человек. Тридцать лет он ждал, чтобы спросить, но всегда что-то мешало и он не спрашивал. На самом деле, он не видел Будду тридцать лет. Он всегда хотел посетить его, но иногда были покупатели, иногда приезжали гости, иногда жена была больна, иногда какие-то другие проблемы и он всегда откладывал. Обычный человеческий способ: откладывать на завтра... «В следующий раз, когда Будда придет, я спрошу”.

Вдруг он услышал в деревне, что «сегодня последний день, завтра Будды не будет». Так что он закрыл свой магазин. Хотя покупатели еще были там и они говорили: «Что ты делаешь?»

Он сказал: «Хватит с меня! – сейчас я не могу ждать!»

Жена сказала: «Я очень больна» – они всегда больны – «У меня болит голова!» Когда вы собираетесь к Будде, у жены всегда будет болеть голова. «Куда ты идешь?»

Он сказал: «Мне некогда! У меня нет времени даже, чтобы ответить!»

Он ринулся. Жена последовала за ним, покупатели последовали за ним. «Что случилось? Он вдруг сошел с ума?.. Такой рассудительный человек, бизнесмен!»

Он добежал и он попросил учеников: «Я хочу задать вопрос!»

Они сказали: «Слишком поздно. Он спрашивал трижды, и мы отказались. Где ты был? Тридцать лет он проходил через твою деревню, почти каждый год он проходил. Где ты был?»

Он сказал: «Я сожалею, но я всегда откладывал, надеясь, что это будет завтра. Сейчас я не могу отложить. И я не знаю, окажусь

ли я когда-нибудь в моей будущей жизни рядом с таким человеком как Гаутама Будда. Кто знает? Я не могу упустить этот случай!»

Началась ссора. Он говорил: «Я спрошу его!». А они говорили: «Теперь это невозможно!»

И Будда открыл глаза. Он сказал: «Это неправильно. Я еще жив – дайте ему спросить! До последнего моего вдоха, если я жив, я не хочу, чтобы обо мне говорили: «Будда был жив, и человек пришел спросить, и он отказал». Дайте ему спросить”.

И он был готов ответить. Он ответил...

Любовь, истина, блаженство – в них существует внутренняя суть: ими необходимо делиться; они не самодостаточны. Делиться – это только часть их, но они не стремятся к обладанию. Причина абсолютно различна. Причина в том, что любовь дает свободу: она дает свободу себе, она дает свободу другим. Любовь, которая становится зависимостью – не любовь; это похоть, это животное, это не человеческое. Любовь дает свободу, затем она становится человеческой. До этого она род связи.

В любви есть еще одно измерение. В первом измерении любовь – это биологическая потребность; во втором – это психологическое желание делиться; в третьем – вы сами являетесь любовью. В первом это родство, собственничество; во втором связь, дружба, дружелюбие; в третьем вы сама любовь. Само ваше бытие – любовь, вы излучаете любовь! Только после этого любовь приходит к своему крещендо – она достигает своего предела, последнего – вы можете назвать это богом.

Иисус точно сказал: «Бог есть любовь». Я хотел бы изменить высказывание совсем чуть-чуть, те же слова, но другая расстановка. Я хотел бы сказать: любовь есть бог – поскольку, когда вы говорите: бог есть любовь, это просто означает, что любовь – одно из свойств бога; у него может быть много других. Я говорю вам: любовь есть бог – бог сам по себе ничто иное как часть любви – это богоподобие.

И третье утверждение Халиля Джибрана:

Любовь не имеет другого желания, кроме исполнения самой себя.

Красивое утверждение, но только по видимости. Глубже что-то исчезает – оно обязательно исчезнет. Это не вина Халиля Джибрана: он только поэт, он может быть прощен. Он сказал:

Любовь не имеет другого желания, кроме исполнения самой себя.

Нет, даже этого желания нет там, поскольку любовь сама – наполненность. Нет никакого будущего исполнения – в любви нет будущего. Любовь знает только одно время, и оно в этот момент, сейчас. Любовь – средство и цель. Это наполненность, это исполненность и от этой исполненности появляется аромат.

Так что в определенной степени он прав, говоря: «Любовь не имеет желаний». Но во второй части утверждения: «кроме исполнения самой себя» – он совершает ошибку. Это также является желанием: «исполнить себя». Даже если желания нет там. Любовь не имеет желаний, в действительности, любовь случается только тогда, когда вы достигли точки отсутствия желаний.

Вот почему я зову выйти за пределы ума. Ум имеет желания; когда вы выскользаете из ума, вы находитесь в не-уме. Там нет желаний, нет воспоминаний, нет воображения, нет фантазий, нет будущего, нет прошлого. Вы существуете здесь и сейчас.

Именно это тело – Будда. Именно это место – лотосовый рай.

Второй вопрос:

Ошо, вы действительно бог?

Джозеф, боже мой! Ты немец или что-то вроде этого? Ты не можешь понять простую шутку? Бог вообще не существует, так что как я действительно могу быть богом? Не воспринимай меня серьезно – я совсем не серьезный человек – это только шутка! Но ты должен быть немец или, возможно, еврей.

Немец не имеет чувства юмора – он смеется, только когда ему говорят смеяться.

Немец никогда не думает – это то, что делает за него его босс.

Немец любит разнообразие – если только оно никогда не меняется.

Немец никогда не совершает ошибок – если он делает их, он делает их правильно.

Немец любит иностранные обычаи – пока они немецкие.

Немец привержен к порядку – даже хаос строго организован.

Мне нечего делать с богом. Я не беру ответственность за создание этого мира... сделав всю эту работу за шесть дней, это было абсолютно предопределено, что будут неприятности! Человек, который никогда прежде не делал ничего подобного, сделал это за шесть дней, и с тех пор он исчез, никто не слышал о нем. Он должен был сойти с ума, увидев, что он сделал! Но вы очень обеспокоены: «бли я в действительности»? Еврейское беспокойство! Если я действительно бог, то Джозеф будет думать о том, чтобы стать саньясином,

но вначале он должен проверить, дважды проверить: «Действительно этот человек бог?»

Молодой человек пришел в юридическую фирму Гольдберга и Ванштейна. «Могу я увидеть мистера Гольдберга?» — спросил он у секретарши.

«Извините, мистера Гольдберга нет в городе».

«В таком случае могу я увидеть мистера Ванштейна?»

«Извините,» — ответила секретарша, — «мистер Ванштейн женится».

Через неделю он вернулся. «Могу я увидеть мистера Гольдберга?» — спросил он у секретарши снова.

«Извините,» — ответила секретарша, — «мистера Гольдберга нет в городе».

«Тогда как насчет мистера Ванштейна?»

«Я прошу прощения, мистер Ванштейн женится».

Он вернулся через неделю. «Могу я увидеть мистера Гольдберга?» — спросил он.

«Извините, мистера Гольдберга нет в городе».

«Хорошо, тогда позвольте мне увидеть мистера Ванштейна».

«Я прошу прощения, мистер Ванштейн женится».

«Посмотрите,» — негодуяше сказал он секретарше, — «я был здесь три раза, и каждый раз вы говорили мне, что мистера Гольдберга нет в городе, а мистер Ванштейн женится. Что здесь происходит?»

«Разве это не ужасно?» — ответила она. «Каждый раз, когда мистер Гольдберг уезжает из города, он обязывает жиниться (tie up — привязывать, жениться) мистера Ванштейна!»

Евреи имеют свой собственный способ мышления: все должно делаться по-деловому.

Я не являюсь ни реальным богом, ни нереальным богом. И почему вы беспокоитесь обо мне? Вы должны думать о себе!

Это слово «бхагаван» приносит мне огромную пользу. Я видел множество боголюдей в Индии: Сатья Сая Баба, Махариши Махеш Йоги, Миктананда и множество «и так далее блаженных». Я пытался бороться с ними, находясь снаружи, но это было трудно. Тогда я подумал, что лучше быть своим человеком и затем уж бороться, так что я объявил себя Бхагаваном, я стал своим человеком — и теперь я устроил им тяжелые времена.

Но вы должно быть приходите со своими предубеждениями,

идеями о боге, и вы, наверное, серьезный религиозный человек, судя по вопросу. Здесь вы должны отложить все ваши предубеждения. Вот почему я так возмутителен — это часть моей работы.

Преуспевающий юрист был женат на женщине, которая непрерывно его изводила. Она пилила его по поводу его наружности, по поводу того, сколько он пьет, по поводу того, как мало он ее любит, по поводу состояния сада и т.д. Юрист начал задерживаться в своем офисе допоздна, чтобы не встречаться с ней.

Однажды, после нескольких недель, во время которых он защищал некоего Вильяма Райта, обвиняемого в убийстве, он пришел домой очень расстроенный. Он проиграл дело и Райт будет казнен этой ночью, если только губернатор штата не позволит приостановить исполнение решения.

Как только он вошел в дом, его жена начала: «Где ты был? Уже позже десяти!»

«Ох, склочница, склочница, склочница!» — сказал он с раздражением и пошел налить себе выпить.

«Как только ты пришел домой, ты начал пить, даже не подозревавшись со мной!»

«Ох, склочница, склочница, склочница!» — вздохнул он. Затем он прошел вверх принять душ, сказав своей жене, что он ждет звонка от губернатора.

Когда он был в ванной, раздался звонок — Райту была дана отсрочка. Жена юриста решила сообщить ему хорошие новости сама. Когда она вошла в ванную комнату, он стоял голый, наклонясь над ванной, чтобы вытереть ее насухо. «Они не повесят Райта этой ночью,» — сказала она.

«Ох, склочница, склочница, склочница!» — заворчал юрист.

Когда вы имеете предвзятое мнение, вы обречены на затруднения. Вы будете неправильно понимать все.

Здесь все — шутка, нет ничего серьезного. Ни мое бытие Бхагавана не серьезно, ни ваше бытие саньясинов не серьезно. Мы просто играем в игру. Я решил быть Мастером, а вы решили быть учениками. Иногда мы можем даже меняться ролями: вы можете быть Мастером, а я могу быть учеником! Вы только должны будете вырыть яму, таким образом, я могу сидеть там, а вы все сидите на платформе, вот и все! И мы сможем хорошо посмеяться! Одну вещь вы должны запомнить: я буду продолжать говорить, а вы будете продолжать слушать!

Епископ, посещавший психиатрическую лечебницу, услышал от своего гида об одном из больных, настаивающем на том, что он был богом. Епископ выразил интерес к встрече с этим человеком, который оказался почтенной и величественной фигурой с развевающейся белой бородой.

«Я знаю, что вы бог,» — сказал епископ.

«Это правда,» — с легким поклоном ответил старик.

«Существует одна вещь, которую я бы очень хотел знать. Когда вы говорите в Библии о создании мира за шесть дней, вы выражаетесь буквально или метафорически? Вы имеете в виду шесть дней по двадцать четыре часа в каждом, или вы подразумеваете эры или столетия?»

«Я прошу прощения», — ответил старик, — но у меня правило — никогда не говорить на профессиональные темы”.

Третий вопрос:

Ошо, что означает высказывание Гурджиева: «Занимайтесь любовью вначале как животные, поскольку они более чувствительные»?

Ананд Нируп, не воспринимай это буквально, потому что я знаю, мои люди — опасные люди! Он говорил метафорически! Но утверждение Георгия Гурджиева не завершено; оно должно быть завершено для того, чтобы вы правильно поняли его.

Вначале полюбите себя; это должно быть началом, и это также будет концом. Затем круг завершится: вы начинаете с любви к себе, поскольку вы ближе всего к себе самому. Конечно, когда вы начинаете любить себя, ваша любовь — от периферии к центру, потому что вы существуете на периферии. Вы повернуты вовнутрь: вы стоите перед дверью, которая связывает ваше внутреннее и внешнее. Вы смотрите внутрь — вы еще стоите на периферии — и вы падаете в любовь вместе с вашим центром. Это начало. А конец будет состоять в том, что вы достигли центра и вы стоите в центре и смотрите на вашу периферию. Это будет завершением путешествия.

Но между этими двумя, началом и концом, существуют семь ступеней. Утверждение Гурджиева принадлежит только к одной ступени, и оно абсолютно правильно. Животные намного более чувствительны, поскольку они не логичны, не рациональны. Но начинать с животных не слишком хорошо; вы должны пройти немного дальше назад.

Первой ступенью должны быть звезды, солнце, луна. Чем даль-

ше они, тем лучше, поскольку если вы можете любить далекое, будет легче любить тех, кто находится близко к вам. И звезды также имеют огромную чувствительность; они намного примитивнее животных.

Прем Володя, русский саньясин, прислал мне прекрасную шутку:

Брежнев встает утром и выходит на свой балкон, чтобы размять свое тело. Солнце восходит. «Доброе утро, красное солнышко!» — кричит он.

«Долгой жизни Леониду Ильичу Брежневу!» — отвечает солнце.

Очень счастливый от этого, Брежнев идет заниматься своим делом. После напряженного утра он опять выходит на свой балкон и видит солнце, стоящее в зените.

«Добрый день, солнце!» — громко кричит он.

«Долгой жизни товарищу Брежневу, Генеральному секретарю Коммунистической партии Советского Союза!» — приходит в ответ.

Очень довольный, Брежнев возвращается к своей работе. Вечером еще раз, после тяжелого дня он выходит на свое любимое место. Он видит заходящее солнце и с предвкушающей улыбкой кричит: «Добрый вечер, мое маленькое красное солнышко!»

«Пошел к черту!», — приходит ответ. «Я сейчас на Западе!»

Звезды, солнце, луна — начните с них и помните — они будут отвечать вам! И будьте готовы, поскольку они также и не очень воспитаны! Они скажут вам прямую истину, какая бы она ни была.

Затем идите к камням, горам. Почувствуйте камни, их строение, полюбите их. Затем идите к реке, ветру, дождю; они более живые, оживленные чем что-либо. Танцуйте в дожде, в ветре. Плавайте в реке, позвольте себе плыть, течь вместе с ней. Не боритесь против реки, не подталкивайте реку, не плывите против течения. Плывайте вместе с рекой полностью слившись с ней.

Это — как вы сможете научиться множеству способов любви, многим качествам любви. Затем деревья, кустарники, цветы, плоды... двигайтесь очень медленно к жизни. Теперь деревья более живые, цветы ближе, намного ближе чем звезды и камни, и реки. Затем идите к птицам — и только после этого утверждение Гурджиева правильно — к животным.

И если вы сможете любить все эти различные выражения существования, вы сможете любить мужчину и женщину, потому что

мужчина и женщина наивысшее проявление, и они подразумевают звезды, горы, реки, ветры, дождь, деревья, птиц, животных; они подразумевают все это. Мы сделаны из всего этого! Что-то в нас принадлежит звездам, что-то в нас принадлежит рекам, горам, что-то в нас принадлежит деревьям, цветам, что-то в нас принадлежит птицам.

Это не случайно, что вы мечтаете о полетах, это не случайно, что человек изобрел аэропланы, это не случайно, что человека непреодолимо притягивают звезды — в течение тысяч лет. Это может быть астрологией, затем астрономией, а сейчас это огромный аттракцион как достигнуть луны, Марса, а затем звезд. Существует что-то магнетическое, что тянет нас.

Это не случайно, что когда вы заходите в море, что-то в ваших ощущениях приходит в согласие с морем, поскольку восемьдесят процентов вашего тела сделано из морской воды. В начале человек появился как рыба; из рыбы он рос в человека. В действительности, каждый ребенок в материнской утробе несколько дней — рыба. За девять месяцев он должен пройти через все стадии, которые все человечество проходило миллионы лет. Что-то в вас всегда остается рыбьим!

Не удивительно, что когда вы любите женщину, вы начинаете называть ее кошечкой, киской; что-то в этом есть. Каждая женщина имеет кошку внутри своего бытия, каждый мужчина имеет собаку. Поэтому вы можете видеть мужей и жен всегда в собаке-кошачьей борьбе!

Если вы хотите любить мужчину и женщину, вы должны полюбить намного больше вещей. Просто прыгнув в любовь к женщине, вы будете в беде, потому что вам будут неизвестны многие ее измерения. Вы не знаете измерений мужчины, которого вы любите. Что-то в нем каменное; если вы не знаете строения камня и вы не можете любить камень, вы не сможете полюбить Петра. Петр означает камень!

Вы должны испытать любовь ко всему на свете, затем только... поскольку мужчина и женщина — это вершина множества вещей; многое прошло. Они имеют огромное прошлое; оно подразумевается в их существах. Оно там и оно очень живое. Если вы не можете любить деревья, если вы не можете любить ветер, если вы не радуетесь, танцуя под дождем, вы не сможете любить женщину или мужчину; что-то в вашей любви будет отсутствовать. Она не будет иметь завершенности, она не будет иметь ту изящную грацию, которую она

может иметь, которую она должна иметь.

Гурджиев прав, но вы должны двигаться медленно. Начните с себя, затем двигайтесь к самым далеким звездам, а затем от звезд начните двигаться опять к себе. Ваша периферия сделана из этих звезд, и только затем вы сможете придти к точке, вы вновь заново открываете свой центр. В этот момент человек становится просветленным, Буддой, Христом. В этот момент он пришел домой, он совершил целое паломничество. Это паломничество любви.

Молодые люди познакомились на каникулах, влюбились друг в друга и решили пожениться. Единственный священник в этом месте был постоянным жителем местной нудистской колонии.

Они узнали, что священник и члены колонии проводят венчание, если жених и невеста разоблачены и являются членами их группы. Они были рады сделать это, и священник провел церемонию на природе, под деревьями. Нудисты выстроились за мужчиной с одной стороны и за женщиной с другой.

Когда священник сказал женщине: «Хотите ли вы, чтобы этот человек стал вашим законным мужем?» — она посмотрела сначала на жениха, а затем на строй прекрасных, обнаженных мужчин и сказала: «По правде сказать, мне кажется, что я предпочту того парня в конце колонны!»

Вы должны узнать любовь во всех ее проявлениях! Не застегивайтесь слишком скоро. Двигайтесь свободно вместе со всем существованием. Любите многих мужчин, любите многих женщин. Только затем, медленно-медленно вы сможете найти человека, с которым ваше сердце чувствует синхронность. Это не легкая работа. Ни один астролог не сделает это для вас, ни отец, ни мать не сделает это для вас. Нет другого пути сделать это; только путь проб и ошибок.

Не будьте подавляющим, будьте выражающим. Все старые религии до сих пор репрессивны; они сделали все человечество печальным.

Кришна Прем спросил меня: «Бхагаван, я смотрю вокруг и я не вижу ни одного экстатичного мужчину, включая меня, но я вижу экстатичных женщин. Почему это так трудно для мужчин — отпустить себя?»

Это просто. Все религии создавались мужчинами; нет ни одной религии, которая была бы создана женщиной. И почему мужчины создали все эти религии? Все эти религии подавляют — подавляют

сексуальную часть. Должно быть понято несколько вещей: мужчина боится идти глубоко в секс, потому что в том, что касается секса, он намного слабее женщины. Женщина способна на множество оргазмов, мужчина на это не способен. Он непреодолимо боится женщины.

Поэтому все человеческие общества, особенно так называемые цивилизованные общества, — уничтожали саму возможность узнавания женщинами — даже узнавания — что они могут иметь оргазм. Только в эти двадцать, тридцать лет было открыто, что женщина не только может иметь оргазм, но что она может иметь множество оргазмов. Но мужчина должен знать с самого начала, что ни один мужчина не сможет удовлетворить женщину, если она может иметь множество оргазмов. Мужчина может иметь только один оргазм; после одного оргазма он закончил. А женщина еще в пути; может даже не начала!

Вторая неприятность заключается в том, что женщина медлительна, и она медлительна по основательной причине. Ее сексуальность не локальна, ее сексуальность тотальна. Все ее тело имеет сексуальное качество. Мужская сексуальность локальна, она половая. Женская сексуальность не локальна, она не собрана в одной точке; она рассеяна по всему ее телу. Так что, если она не имеет возможности сексуального танца, когда занимается любовью, она не сможет иметь оргазм.

Но если она находится в сексуальном танце, когда занимается любовью, вопя, визжа, напевая, крича, говоря: «Аллилуйя!» — мужчина будет так испуган... поскольку все, что она будет говорить будет являться джибирешом, в этом не будет никакого смысла. Это будет чувственно, но не разумно! Она будет говорить на божественном языке; он просто придет. Даже она сама будет удивлена, что пришло. Что она говорит и почему, для чего? Нет никакой определенной вещи, которую нужно высказать; она просто так возбуждена, так экстатична. Все ее существо танцует; она временно сошла с ума, и это может свести с ума мужчину — бедный парень может даже забыть о своем одном оргазме! Он может начать беспокоиться о соседях, о полиции, о пожарной команде и тому подобном!

Так что с самого начала мужчина давит — подавляет женщину, создает в ней чувство вины. Благовоспитанные леди не должны даже двигаться! Они должны лежать почти мертвые, холодные, неподвижные, только тогда они леди. Какое странное определение для

леди — настоящее определение должно быть «хороший манекен»! Но какой манекен из этой леди? Она просто мертва!

Мужчина был схвачен, когда занимался любовью с мертвой женщиной на морском берегу. Судья спросил: «Ты сумасшедший или что-то еще? Что ты делал? Ты занимался любовью с мертвой женщиной?»

Мужчина сказал: «Я думал, она англичанка!»

Кришна Прем, в моей общине, в моей коммуне это будет трудно для мужчины. Женщины будут экстаичны, поскольку в первый раз за всю историю они будут иметь шанс быть настолько оргазмичными насколько возможно, а мужчины будут постоянно бояться. И вы можете видеть их: всегда прогуливающиеся, поджавшие хвост, боящиеся, глазающие туда и сюда. Любые женщины могут подскочить и ухватиться за них: «Куда ты идешь, Кришна Прем? Когда любовь спускается к тебе, следуй за ней!» Но как долго вы можете следовать?

Плач йогов... это не плач моих саньясинов, это невозможно. Это старинная жалобная песнь йогов:

Сиди тихо, ничего не делая,
придет женщина и это возникнет само по себе.

Это совершенно верно для старого йога, подавленного, но для моих саньясинов это не возникнет вообще! Женщина пройдет и саньясин сбежит — «Я должен делать и другие вещи тоже...».

Кришна Прем, ты можешь быть экстаичным, только если ты забыл все о сексе. Я единственный экстаичный мужчин здесь! Если вы остаетесь сексуальным, вы не можете быть экстаичным; вы будете непрерывно истощаться, живя мертвыми, подавленными. Вы можете быть экстаичными, только если вы за пределами секса. Старый способ был — подавлять женщину; это безобразно. Зачем подавлять женщину? Это неправильно, это бесчеловечно. Позвольте женщине выражать себя, и если вы почувствуете, что секс истощает вас, является обузой для вас — а вы это вскоре почувствуете — то идите за его пределы. Но не подавляйте, просто превзойдите. Трансценденция приходит сама по себе, медленно-медленно. Это займет немного времени, чтобы понять, увидеть точку.

Женщины также будут пробовать, но у них это будет немного дольше. Они медлительны: они не так эффективны, так быстры. Вначале трансцендируют мужчины, и женщины помогут мужчинам

превзойти, потому что придут новые люди, и им нужно помочь. Когда они помогут многим, тогда они начнут думать: «Сколько я буду помогать другим? Сейчас я должна стать просветленной сама!»

В моей коммуне это будет способом: мужчины могут быть экстаичными, только после того, как они трансцендируют секс; женщины находятся в немного более выгодном положении. Они экстаичны в сексе, и они экстаичны и после трансценденции секса. Моя коммуна будет матриархальной. И вы можете видеть это; целое шоу запускается женщинами! Я надеюсь на женщин больше, поскольку они могут быть экстаичны на всем пути. Мужчина может быть экстаичным только в самом конце путешествия; ему можно довериться только после этого. Женщине можно довериться. Я доверяю экстазу! Я доверяю блаженству!

И почему мужчина начал этот бизнес подавления? Во-первых, чтобы сохранить свое эго; во-вторых, чтобы сохранить контроль и обладание женщиной, чтобы низвести женщину до собственности. И потом, он имеет громадную интеллектуальность. Женщины эмоциональны, они люди сердца; мужчины — люди головы. Они интеллектуальны, и они рационализируют свое подавление. Они поднимают много суеты вокруг подавления; они начинают поднимать так много шума, что они заставляют даже женщин чувствовать себя виноватыми — что что-то неправильно, если они счастливы в своей сексуальной жизни. В действительности, само счастье становится солнцем. Остаться печальным и серьезным стало необходимым условием респектабельности, известности в качестве святого или мудреца.

Человек, у которого умер любимый попугай, захотел найти ему замену и отправился в зоомагазин, чтобы купить нового попугая. Владелец магазина показал ему своих попугаев.

«Я хочу такого, который может разговаривать,» — сказал человек. «Видете ли, я люблю поболтать с моей птичкой».

«Ага,» — сказал владелец магазина, — «у меня как раз есть птица для вас. Она может говорить на пяти языках. Вот она. Хотя я должен упомянуть одну вещь, сэр. Я боюсь, что она потеряла свои ноги в битве с кошкой».

«Невероятно!» — сказал мужчина. — «Если он не имеет ног, как он стоит на своей жердочке?»

«Он не стоит, сэр,» — сказал хозяин. — «Он держится за нее своим членом. К счастью, он у него достаточно длинный — и к

тому же он великий аскет, почти святой, и его самоконтроль громаден, почти абсолютен”.

«Непостижимо!» — пробормотал человек. Он посмотрел под жердочку и убедился, что птица обернула свой член вокруг жердочки.

«Я ее беру!» — сказал он.

На следующий день он пошел на работу, и когда вечером он вернулся, попугай позвал его: «Эй! Я жду тебя, чтобы поговорить с тобой,» — сказал попугай. «После того, как ты ушел на работу этим утром, пришел молодой человек и сел на софу вместе с твоей женой”.

«Нет!» — сказал мужчина.

«Да!» — сказала птица. «Затем он расстегнул блузку твоей жены и сунул свою руку внутрь”.

«Что? Негодяй! Что потом?»

«Он залез своей другой рукой под юбку твоей жены!»

«Негодяй! Что потом?»

«Я не знаю,» — сказал попугай. «Я потерял свой самоконтроль и упал с моей жердочки!»

Беседа 4

Душа, живущая любовью

Первый вопрос:

Ошо, почему объятия являются таким невероятно эффективным терапевтическим средством?

P.S. Я привыкла думать, что ясность, разум и анализ — это путь, но все это ерунда по сравнению с объятиями.

Прем Амида, Человеку необходимо быть нужным кому-то. Это одно из наиболее фундаментальных потребностей человека. Если о человеке не заботятся, то он начинает умирать. Если человек не чувствует, что он важен хотя бы для кого-то, то вся его жизнь становится бессмысленной.

Следовательно, любовь — это величайшая терапия. Мир нуждается в терапии, потому что мир упускает любовь. В действительно любящем мире терапия будет совсем не нужна, любви будет достаточно, более чем достаточно.

Объятия — это всего лишь жест любви, тепла, заботы. Само чувство тепла, текущего от другого человека, растапливает в вас многие болезни, растапливает подобное льду, холодное эго. Это делает вас снова ребенком.

Психологи хорошо осознают сейчас тот факт, что если ребенка не обнимали, не целовали, то он упускает какое-то питание. Так же как тело нуждается в пище, душа нуждается в любви. Вы можете дать ребенку все, в чем он нуждается физически, все физические удобства, но если объятия упущены, ребенок не будет расти как целостное существо. Где-то в глубине он будет оставаться печальным, заброшенным, отвергнутым. Он был вскормлен, но к нему не относились по-матерински.

Было замечено, что если ребенка не обнимали, он начинает сжиматься — он может даже умереть — не смотря на то, что был обеспечен всем остальным. Что касается тела, то о нем заботились, но ребенка не окружала любовь. Он становится изолированным, он теряет связь с существованием.

Любовь — это наша связь, любовь — это сами корни. Так же как вы дышите — для тела это абсолютно необходимо: остановите дыхание и вас больше нет, точно так же, любовь — это внутреннее дыхание. Душа живет любовью.

Анализ не сделает это. Разум и ясность, знания и ученость не

сделают это. Вы можете знать все, что можно знать о терапии, вы можете стать экспертом, но если вы не знаете искусство любви, вы остаетесь только на поверхности чуда терапии.

В какой-то момент вы начинаете чувствовать к пациенту, к тому кто страдает... из ста случаев, в девяноста люди в основном страдают потому, что они не любили. Если вы начинаете чувствовать нужду пациента в любви и если вы можете исполнить его нужду, то произойдет чудесное изменение состояния пациента. Из терапевтических средств, любовь — это несомненно наилучшее явление. Зигмунд Фрейд очень боялся этого, так сильно, что... не было даже вопроса об объятиях — он не был даже готов смотреть в лицо пациенту, потому что слушая его мучения, слушая его внутренние кошмары, он мог начать чувствовать симпатию. Его глаза могли увлажниться, слезы могли начать течь, или может быть в неосторожный момент он мог взять пациента за руку.

Он так сильно боялся любых любовных отношений между терапевтом и пациентом, что он создал определенное средство: пациент должен лежать на кушетке, а позади кушетки должен сидеть психоаналитик, таким образом, они не смотрели друг на друга.

И помните одну вещь: именно когда вы находитесь друг к другу лицом — любовь растет. Животные не могут растить любовь, потому что они занимаются любовью не обращаясь лицом друг к другу, таким образом нет дружбы, нет общения. Когда они закончили занятия любовью, они расходятся, даже не сказав спасибо или прощай, или до скорого свидания! Животные не были способны создать дружбу, семью, общество по простой причине: потому что, когда они занимаются любовью, они не смотрят в глаза друг друга, они не смотрят в лицо друг другу, как будто занятие любовью почти механическое, в этом нет человеческого элемента.

Человек создал целое измерение всех видов отношений по простой причине: потому что он единственное животное, которое занимается любовью лицом друг к другу. Тогда глаза начинают общаться, тогда выражения лица становятся тонким языком. Тогда изменения настроения или эмоций — радость, экстаз, жар оргазма — и интимность растет.

Интимность нуждается в этом, это основная потребность, поэтому хорошо заниматься любовью при свете, не в темноте — по крайней мере при слабом свете, свете свечей. Когда вы занимаетесь любовью в темноте, то в вас пробуждается что-то животное, вы избегаете находиться лицом друг к другу... это стратегия чтобы избе-

гать.

Зигмунд Фрейд очень сильно боялся любви, он боялся своей собственной подавленной любви. Он боялся, что может попасть в какую-то путаницу, вовлеченность. Он хотел быть просто снаружи, не быть увлеченным человеком, не становиться частью его внутренней жизни, не входить в глубокие воды, а просто оставаться научным наблюдателем, в стороне, незатронутым, прохладным, далеко. Он хотел создать психоанализ, как будто бы это наука. Это не наука и никогда не станет наукой! Это искусство и он гораздо ближе к любви, чем к логике.

И настоящий психоаналитик не будет избегать вхождения глубоко во внутреннюю жизнь пациента — он будет рисковать, это рискованно, это идти в бесконечные воды. Ты можешь утонуть в конце концов, ты тоже человек! Ты можешь войти в какое-то беспокойство, сложность; ты можешь создать какие-то проблемы для себя, но нужно рискнуть, очень сильно рискнуть.

Поэтому я люблю Вильгельма Райха. Этот человек преобразил весь психоанализ, из-за того, что он вовлекался в жизнь пациента. Он отверг кушетку, он отверг эту незатронутость. Он более великий революционер, чем Зигмунд Фрейд. Зигмунд Фрейд остался традиционным, на самом деле он боялся своих собственных подавлений.

Если вы не боитесь своих собственных подавлений, вы можете оказать огромную помощь. Если вы не боитесь вашего собственного подсознания, если вы немного разрешили ваши проблемы, вы можете сильно помочь вовлекаясь в мир пациента, став участником, а не наблюдателем.

Из-за того, что у психоаналитиков есть свои собственные проблемы, иногда даже большие, чем у самих пациентов, можно понять страх Зигмунда Фрейда.

Что касается меня, то я хочу категорически заявить: если человек не пробужден на самом деле, не просветлен, он не может быть реальным, истинным терапевтом. Только Будда может быть реальным терапевтом, потому что у него не осталось проблем. Он может слиться и сплавиться с пациентом, на самом деле для него пациент совсем не пациент.

В этом и есть разница между отношениями, которые существуют между пациентом и терапевтом и отношениями, которые существуют между учеником и Мастером. Ученик — это не пациент, ученик — это возлюбленный, любимый. Мастер — это не просто наблюдатель, ему нужно стать участником. Они потеряли свои

раздельные сущности, они стали едиными и это единство помогает.

Объятия — это только жест единства, но даже жест помогает. Прем Амида, ты права. Ты спрашиваешь:

“Почему объятия являются таким невероятно эффективным терапевтическим средством?”

Это так, и это только жест. И если это не только жест, но ваше сердце тоже в этом — это может быть чудесным средством, это может быть чудом. Это может сразу же преобразить всю ситуацию.

Несколько вещей нужно понять об этом. Первое: мысль, что ребенок умирает, и человек становится подростком, подросток умирает и человек становится юношей, юноша умирает и он становится взрослым и так далее и тому подобное — неверна. Ребенок никогда не умирает — ничто никогда не умирает. Ребенок есть, всегда есть окутанный другими переживаниями — завернутый детством, потом юностью, потом средним возрастом, потом старостью — но ребенок есть всегда.

Вы похожи на лук, слой на слое, но если вы очищаете лук, скоро вы найдете свежие слои внутри. Идите глубже и вы найдете больше и больше новых слоев. То же самое справедливо и для человека: если вы идете глубоко в него, вы всегда найдете невинного ребенка — а общаться с этим невинным ребенком есть терапия.

Объятия дают вам непосредственный контакт с ребенком. Если вы обнимаете кого-то с теплотой, с любовью, если это не просто слабый жест, если он полон смысла, значения, истины, если ваше сердце течет сквозь него, то вы непосредственно приходите в контакт с ребенком, с невинным ребенком. А появление невинного ребенка даже на единое мгновение создает огромную разницу, потому что невинность ребенка всегда здорова и целостна, она не испорчена. Вы достигли сокровенной сердцевины человека, куда испорченность никогда не входила, вы достигли непорочной сердцевины, и просто сделать эту непорочную сердцевину снова пульсирующей жизнью — достаточно. Вы начали, включили процесс исцеления.

Поэтому все религии использовали это явление так или иначе. Когда Иисус молится Богу, он всегда называет его Абба. Христиане перевели это как “Бог-отец”; этот перевод не верный, очень не точный — литературно правильный, но метафора была изменена. Абба может быть переведено только как “папа”, не как “отец”; “отец” кажется холодным. Просто повторите слово отец и это выглядит так далеко. “Бог-отец”... выглядит как учреждение. Отец на самом деле — это учреждение, это не естественное явление. Мать естественна,

отец — всего лишь создание определенного общества. Раньше существовали общества, в которых отца никогда не было.

Слово дядя гораздо более древнее, чем слово отец. В Матриархальном обществе люди знали мать, но потому что браки еще не пришли в существование, ни один ребенок не знал отца. Таким образом все люди, которые были любовниками матери — кто-то из них должен быть отцом, но кто не известно — поэтому все люди, которые могли бы быть любовниками, были известны как дяди.

В Талмуде Еврейский бог говорит: “Помните, я не милый, я не ваш дядя!” Дядя всегда милый, отец почти никогда. С отцом очень трудно дружить, очень легко дружить с дядей. Я скорее хотел бы сказать, что лучше называть “бог-дядя”, чем называть его “бог-отец”. Это ближе, приятнее, более дружелюбно. Но называть его Абба — лучше всего. Иисус дал ему имя, которое создает близость.

Когда вы называете бога Абба-Дядя — вы говорите: “Я просто ребенок. Позаботься обо мне, не игнорируй меня. Я не могу жить без тебя — ты моя жизнь. Твоя любовь — это само мое питание.”

Все религии использовали идею, что если человек не станет снова ребенком, он не может быть истинно религиозным. Но быть ребенком — значит быть невинным, значит быть полным удивления, быть полным благоговения. Для ребенка все есть тайна — все. У него нет ответов, у него только вопросы. Он невероятно интересуется познанием, он открыт. В то мгновение, когда у вас есть ответ, вы становитесь закрытым. Если у вас есть все ответы на все вопросы, то вы абсолютно закрыты, тогда вы не открыты. Ваше исследование закончено, а когда оно закончено — вы мертвы. Настоящий человек всегда спрашивает на пути. Он остается всегда агностиком. Все дети агностики, не теисты, не атеисты, не индуисты, не мусульмане, не католики и не протестанты. Они просто невинны! Они не верят в любые вещи, но они готовы исследовать, разузнавать. И исследующее сердце — это здоровое сердце. Когда вы нагружены верованиями — вы больны.

Христиане больны, индуисты больны, джайны больны — больны потому, что они полны предубеждений, больны потому, что не видя, они верят, больны потому, что ведут себя глупо. Как вы можете верить во что-то, чего вы не знаете! А когда вы знаете что-то, то совсем не нужно верить в это, верование в любом случае нелепо. Или вы знаете, или вы не знаете. Если вы знаете, то не нужно верить; если вы не знаете, то как вы можете верить? Поэтому верование только для посредственных, глупых идиотов. А не один ребенок

не идиот. Каждый ребенок так свеж, так жив, так полон изумления, что сама его живость делает его здоровым.

Если вы можете затронуть ребенка в пациенте каким-то путем... А объятия, это просто одна из наиболее важных вещей.

Из-за того, что я позволил моим санньясинам обниматься и целоваться, я осужден всей страной — потому что я говорю моим людям предаваться наслаждению. Если это потворство наслаждению, тогда позвольте быть этому потворству. Это совсем не потворство наслаждению, есть что-то большее в этом. Я говорю вам быть любящими, но просто сидеть с кем-нибудь и говорить ему снова и снова: “Я люблю тебя” не достаточно. По крайней мере держите его за руку! Сделайте это реально — обнимите его.

Очень застенчивый англичанин... и он должен быть очень застенчивым, иначе просто быть англичанином достаточно; не нужно использовать прилагательное “застенчивый”. Они все застенчивые! Они самые совершенные джентльмены в мире — и, конечно, в той же пропорции они мертвы! Разве кто-то когда-либо слышал о живом джентльмене! Если вы живой, вы человек, зачем быть джентльменом! Для чего! Трупы всегда смиренные, они не могут навредить, и они выглядят такими вежливыми, такими скромными!

Этот застенчивый джентльмен встречался с молодой женщиной много месяцев. Однажды в ночь полнолуния они сидели вместе на веранде, смотрели в сад, а над садом вставала луна. И застенчивый англичанин набрался храбрости, он должно быть сделал усилие. Это должно быть произошло из-за луны; луна сводит людей с ума, откуда слово: “лунатик”. Лунатик значит “пораженный луной”. Он должно быть стал лунатиком.

Он спросил леди: “Могу я... Могу я поцеловать тебя!” А она устав сказала: “А что ты думаешь? Я здесь автобус жду?”

Когда вы любите человека, просто словесного выражения не достаточно, слова не достаточны: теряется что-то более существенное; слова это только абстракция. Вам нужно сделать что-то! Возьмите за руку, обнимите человека, поцелуйте его, войдите в глубокие объятия с ним. Это поможет вам обоим: если вы можете сплавиться в объятиях, вы оба будете становиться снова юными, свежими, жизненными. А в этом есть весь процесс исцеления.

Прем Амида, анализ — это путь ума, объятия — это путь сердца. Ум — это причина всех болезней, а сердце — это источник всего исцеления.

Второй вопрос:

“Ошо, я полна фантазий, особенно сексуальных. Даже если я вижу как они уводят меня из жизни здесь и сейчас, я позволяю им владеть мной. Согласно астрологии, скорпион имеет особенно сильные сексуальные желания. Я — скорпион. Имеют ли мои фантазии отношение к этому? Я хотела бы отбросить их, потому что они мне мешают расслабиться. И я думаю, что из них и состоит в основном моя тюрьма. Не мог бы ты показать мне путь?”

Джейн Миллер, это просто показывает, что ты действительно религиозный человек! Такие великие проблемы поднимают только религиозные люди. Это хороший знак. То, что у тебя сексуальные фантазии, показывает, что ты достигла высшего плана духовности. Это случается только на высшем плане духовности! Обычные смертные не имеют таких вещей. У них может быть секс, но они не имеют сексуальных фантазий. И секс в гениталиях — это совершенно нормально, но в голове... все становится вверх дном!

Но религиозные люди делали это в течении столетий. Это разновидность сиршасаны — стойки на голове. Они стоят на голове, и поэтому сексуальная энергия из-за силы тяжести, начинает двигаться в их голову. Они делают стойку на голове физически или психологически. Но помните, все что принадлежит своему центру — здорово; но когда это начинает входить в другой центр, на территории другого центра, вы становитесь безумным.

Но так называемые религиозные люди были безумны; они создали все безумное человечество. И однажды попав в ловушку какого-либо безумства, вы находите многое: во-первых, из-за ваших предубеждений вы не сможете видеть подлинную причину. Ваши предубеждения будут показывать вам какую-то причину, которая не является реальной, и вы начнете бороться с ней, а подлинная причина остается где-то еще.

Ты говоришь: “Я думаю, что из них в основном и состоит моя тюрьма”.

Они не имеют ничего общего с твоей тюрьмой. Твое осуждение секса создает тюрьму. Именно твое осуждение, а не твоя сексуальная энергия.

Ты говоришь: “Даже если я вижу как они уводят меня из жизни здесь и сейчас...”

Они не уводят тебя из жизни, на самом деле твоя так-называемая духовность — это небеса очень далеко за облаками, и Бог-отец, сидящий на золотом троне, наблюдающий за тобой, как подслуши-

вающий мальчишка... Куда бы ты не пошла, даже в ванную, он никогда не оставляет тебя одну — он всегда подглядывает в замочную скважину, что ты делаешь, что Джейн Миллер делает? И не только в ванной, он имеет отверстие и в твоей голове, маленькое окошечко, и он продолжает подглядывать в твою голову, что ты думаешь, что ты делаешь? Он постоянно следит за тобой.

Эта идея бога, эта идея небес где-то там, эта идея достижения бессмертия, посредством пересиливания, контролирования вашей сексуальности есть то, что уводит тебя из жизни здесь и сейчас. Это не сексуальность. На самом деле, если фантазии двигаются в твою голову, это твое здесь и сейчас — наслаждайся этим! Но ты отталкиваешь это в сторону, ты говоришь: “Нет, я хочу пойти на небеса! Я хочу, чтобы меня уважали как святую.” Ты отталкиваешь свое здесь и сейчас, твои фантазии — это твоя реальность. Это то, что ты есть, это где ты есть, наслаждайся этим. Что неправильного в этом? Просто личное телевидение. Что неправильного в этом. Сделай это немного более цветным, сделай это немного более сочным. Раскрась это, будь немного более артистичной в этом, будь созидательной. Это не твоя проблема. Твоя проблема это какой-то страшный вид духовности, который господствует над тобой — и тогда придется находить эти глупые объяснения.

Ты говоришь: “Согласно астрологии, скорпион имеет особенно сильные сексуальные желания. Я скорпион.”

Нет, не упрекай бедного скорпиона! Звезды не имеют ничего общего с тобой — у них свои собственные проблемы. У них фантазии о звездах — женщинах! И одна вещь абсолютно определена, я знаю это: не одна звезда не так глупа, чтобы сказать: “Джейн Миллер — это причина моих проблем.” Это просто объяснение — избегайте их.

Попугай регулярно делал набеги на курятник, чтобы “топтать” кур. Результатом были цыплята с загнутыми клювами. Чтобы прекратить это, фермер подключил электричество к средней ступеньке лестницы насеста.

На следующее утро попугай пришел снова, вскочил на лестницу и хвастливо закричал: “Вай, вай, вай! Приготовьтесь девушки, я уже иду!”

Когда он запрыгнул на среднюю ступеньку, шок почти нокаутировал его, заставил его закричать: “О-о-о — о-о-й! Памагитэ! Х...й совсэм гарит!”

Не будьте попугаем! Если у вас есть сексуальные фантазии, это

просто показывает, что вы человек, а не скорпион!

Какие-то глупцы подсчитали — должно быть глупцы, иначе кто озабочен такими глупостями? — что у каждого мужчины появляются в голове сексуальные фантазии через каждые три секунды, а у женщин — через каждые шесть секунд. Женщины гораздо более духовны, вдвое духовны! Может это и есть одна из проблем между мужчиной и женщиной. Все женщины знают, что эти мужчины грешники, постоянно думают о женщинах; и все женщины имеют к этому подход “я святее чем ты”. Особенно жены — они не показывают никакого интереса. У них тоже есть сексуальные фантазии, но промежуток больше.

Поэтому, когда муж говорит: “Как насчет сегодня?”, немедленно жена говорит: “Хорошего понемножку! Сегодня это невозможно: слуга не появился, электричество отключено, дочь еще не вернулась, уже слишком поздно, и кроме того у меня сильно болит голова!” Это — духовность! Но глубоко внутри она знает, что это способ манипулировать, и он будет подползать с поджатым хвостом, он будет пресмыкаться. И зачем упускать случай, если вы можете притвориться духовным. Ты просто человек!

Двое марсиан прибыли ночью на землю. Они приземлили свою летающую тарелку на бензозаправочной станции. Очень осторожно они выбрались из своего космического корабля и устались на ряд бензоколонок. “Да, — прошептал один, — взгляни на члены этих землян, они гораздо больше наших!” “Это правда — ответил другой, но я удивлен, почему они вставляют их в свое ухо, когда ложатся спать.”

У тебя такие фантазии. Тогда ты должно быть скорпион! Иначе почему не быть просто человеком? Зачем привносить бедную астрологию?

Нет ничего неправильного в том, чтобы иметь сексуальные фантазии — совершенно нормально, поэтически. Если ты борешься, они будут приходить больше, если ты отталкиваешь их, они будут отскакивать обратно. Если ты принимаешь их, они будут испаряться.

Да, возможно превзойти секс, но не борясь с ним. Борьба только делает проблему сложнее. Только когда вы наблюдаете, вы можете превзойти его и лучше начать наблюдать прямо сейчас.

Джейн Миллер, я не знаю сколько тебе лет, потому что чем старше ты становишься, тем больше и больше фантазий будет приходить, и чем старше ты становишься, тем меньше и меньше будет возможность стать свидетелем. Чем моложе ты, тем лучше, потому

что фантазии так велики — заслуживающие свидетельствования! Когда ты становишься старше, они становятся грязными, совсем не заслуживающие свидетельствования. Они тоже стареют, запомни. Они просто как скелеты. Когда ты молод, твои фантазии молоды, и у тебя также достаточно энергии, чтобы быть свидетелем. Когда ты стареешь, твои энергии также уменьшаются — а свидетельствование нуждается в энергии.

И если ты поняла весь процесс свидетельствования, то это просто. Первое требование — это не иметь этих антагонизмов, религиозных идей, иначе ты никогда не будешь свидетелем. Ты уже борешься — как ты можешь свидетельствовать. Свидетельствованию требуется несудящая осознанность: ничто не хорошо, ничто не плохо, что есть — есть, и тебе нужно видеть это. Это движение на экране ума — и ты просто видишь это. Когда ты стареешь, ты можешь заснуть, наблюдая это, возможно у тебя будет недостаточно энергии свидетельствовать. У тебя будет недостаточно энергии даже для того, чтобы отложить в сторону свои предубеждения. У тебя будет недостаточно энергии, чтобы очистить себя от всей глупости, которую другие нагроулили на тебя.

Религиозные люди в момент собственной смерти, в последний момент, наполнены сексуальными фантазиями и ничем другим. Именно это они подавляли в себе всю жизнь. Когда они были живы, они могли подавлять это, но когда они умирают, энергия испаряется, и подавленная змея выползает.

Известный Советский академик Ландау умирал, и его друг и коллега Лившиц, пришел к его смертному одру, оказать последние почести этому великому старику. Он увидел Ландау лежащим с закрытыми глазами и грустным выражением на лице.

Медленно он открыл свои глаза, взглянул на своего друга, и тогда сказал: “Лившиц, посмотри на все те книги у той стены, вон там, — просто посмотри на них.”

— Да, Ландау, — ответил его друг. Это твои самые известные работы. Каждый знает важность и...

— Да, да, да! — прервал Ландау. Но посмотри туда, вон на ту стенку — ты видишь эти книги?

— Да мой дорогой друг. Это переводы твоих работ на все языки.

— Да, но я не об этом. Посмотри теперь туда, — ты видишь те книги?

— Ну конечно. Это наши с тобой работы и работы твоих сту-

дентов и приемников. Мы все восхищаемся...

— Нет, ты не понимаешь Лившиц! — воскликнул Ландау. — Посмотри, ты помнишь, когда мы были студентами, и нас послали работать в колхоз?

— Конечно я помню, мой друг. Как я могу забыть!

— И ты помнишь, Лившиц, мы шли по сельской дороге одним жарким летним днем?

— Да, дорогой, помню.

— И ты помнишь, мы проходили кукурузное поле, и там на стоге сена сидела хорошенькая девушка — Маша?

— Да, да, Ландау, я помню. Тебе она понравилась, я все помню!

— Да — сказал Ландау, откидываясь назад на свою подушку с блаженной улыбкой на лице. Ты знаешь, что было тогда? Я влез на вершину того стога сена, и, ты представляешь, мы хотели трахнуть — прямо там. Но эти чертовы стога сена — когда происходит самое главное, О-о-о-о-п!.. и под тобой все проваливается! Я делал все что мог — и так, и этак — по всякому, — но каждый раз этот проклятый стог все портил... Так вот, Лившиц, теперь ты понимаешь о чем я все время думал, сказал Ландау, окидывая взглядом свою комнату, — вот если бы все эти книги были тогда под нами!!!

Умирающий старый академик... в последнее мгновение, о чем он думает?

Джейн Миллер, все еще есть время. Не борись со своими сексуальными фантазиями, перестань бороться. Не называй их своей тюрьмой — это не они.

Ты говоришь: “Имеют ли мои фантазии отношение к этому? Я хотела бы отбросить их.”

Вот почему ты создаешь их. Сама идея отбросить их является причиной. Отбрось эту идею. Если ты хочешь что-нибудь отбросить, то отбрось эту идею! “...Потому из-за них мне трудно расслабиться.”

Ты говоришь просто чушь! Кто когда-либо слышал, что сексуальные фантазии мешают людям расслабиться? На самом деле это единственный способ расслабиться! Это путь расслабления. Реальный секс, это тоже путь естественного расслабления. Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы какой-нибудь мужчина или женщина умерли от сердечного приступа во время занятий любовью. Этого еще не случилось. Нет ни единого исключения во всей истории медицины.

Люди умирали по разному — на бегу, сидя, ничего не делая, медитирую, делая асаны, стоя на голове, молясь, но никогда — занимаясь любовью. И это интенсивное упражнение — это почти как бег! Ваше сердце бьется чаще, ваше дыхание убыстряется, вы потеете, ваша кровь циркулирует быстрее, ваше тело пульсирует. Вы в состоянии сумасшествия. Это временное сумасшествие, но и огромное расслабление. Вы подходите к пику сумасшествия, который вы называете оргазм. Вы подходите к мгновению высшей точки!.. а затем — расслабление.

Сейчас все кардиологи в мире советуют всем пациентам заниматься сексом, если они хотят выжить. Для сердца это хорошо, это расслабляет. И сексуальные фантазии тоже ни в какой мере не против расслабления.

Что делает тебя напряженной, Джейн Миллер — это твое противоречие. Ты крепко повязана. Есть сексуальные фантазии, и они будут оставаться, потому что ты хочешь отбросить их... И ты не знаешь, как выйти за пределы их, ты просто хочешь отбросить их. Ты не можешь отбросить их так просто; тебе нужно учиться всему искусству осознания. Ты можешь выйти за пределы, но ты не можешь отбросить их. Конечно, когда ты вышла за пределы, они отброшены, но ты никогда не отбрасывала их на самом деле; ты просто превзошла, ты трансцендировала.

Без знания этого искусства ты пыталась отбросить их. Это сделало тебя напряженной. И само усилие отбросить их... но они все еще здесь. Чем больше ты пытаешься отбросить их, тем они сильнее. Естественно ты чувствуешь разочарование, ты чувствуешь неудачу, вину и эта вина создает напряжение. Она не имеет ничего общего с твоими сексуальными фантазиями. Расслабление и сексуальные фантазии совсем не связаны, а если они связаны, то сексуальные фантазии помогают людям расслабиться.

Но если ты религиозен, тогда возникает проблема. Именно твоя религиозность создает все беспокойство. Отбрось эту нездоровую религиозность. Учись искусству осознания; это наука трансцендирования. Но однажды, когда ты превзошла, ты поймешь, что эти сексуальные энергии не выброшены, а трансформированы. Те же самые энергии стали твоим экстазом. Те же самые энергии сейчас создают аромат. Прежде они воняли. Теперь они благоухают.

Ты спрашиваешь меня: "Не мог бы ты указать мне путь?"

Если ты хочешь отбросить их, тогда я не могу указать путь, но если ты хочешь превзойти их, тогда, конечно, я могу указать путь.

Учись наблюдать — и наблюдать блаженно! Наблюдать радостно, оргазмично! Нет ничего неправильного в них, совсем ничего. Это естественно, это твоя биология, это твоя химия, физиология, это твоя психология. Но посредством наблюдения ты выходишь за пределы своей физиологии, за пределы своей биологии, за пределы своей химии, за пределы своей психологии. Ты просто становишься наблюдателем, свидетелем. Это свидетельство делает тебя центрированным в твоей духовности, а это и есть трансценденция.

Последний вопрос:

Ошо, я слышал, ты сказал, что попугаи лучше чем пандиты. Я также слышал, что ты ценишь невежественных детей больше, чем великих знающих людей. Я совершенно не могу понять этого. Ты преувеличиваешь?

Пандит Ладжашанкара Джа, ты видишь, ты не можешь понять даже такую простую вещь! Здесь это понимают все, за исключением пандита Ладжашанкара Джа. Я не преувеличиваю. Истина не может быть преувеличена — это невозможно. Даже если ты хочешь, ты не сможешь сделать это. Только ложь может быть преувеличена — она должна быть преувеличена. Истина так громадна, нет способа преувеличить ее. Но я могу проиллюстрировать это:

Великий ученый — доктор, который опубликовал много научных трудов — должно быть он был похож на моего врача, Девараджа — только что закончил свои первые роды.

"Не плохо" — сказала старая медсестра, которая помогала ему. "Но именно ребенка вы должны были шлепнуть по заднице, а не мать."

На аукционе брамин пандит пытался купить попугая. Каждый раз, когда он заявлял цену, кто-то заявлял выше. В конце концов акционер объявил очень высокую ставку на эту птицу.

"Может ли он говорить?" — спросил пандит.

"Еще как!" — закричал попугай. "А кто ты думаешь, поднял цену так высоко?"

"Только эти два попугая продаются?" — спросил раввин, который говорил только на святом языке, иврите, и всегда ходил с переводчиком.

"В настоящий момент, сэр, да" — сказал хозяин магазина.

"Тогда я возьму того, который справа" — сказал раввин.

"К сожалению, сэр, это не так легко. Вам нужно взять их обоих."

“Почему так?” — спросил раввин.

“Потому что этот разговаривает только на греческом, а другой его переводчик.”

Пандит Ладжашанкара Джа, большие познания не противоположность невежеству. Это на самом деле прикрытие его. Большие познания, это не мудрость. Большие познания подобны слепому человеку, знающему все о свете, который все же остается слепым. Даже если ты знаешь все о свете, а у тебя нет света в комнате, твоя комната остается темной. Мудрость как свет. Знаешь ли ты что-либо о свете или нет, не имеет значение, имеет значение именно свет.

И вот почему я ценю детей больше: по крайней мере они просто невежественны. Их невежество имеет определенную невинность. Много знающий человек невежественен и хитер. Он невежественен, но скрывает это. Он лицемер. Он обманывает других, а может быть обманывает и себя тоже. Ребенок невежественен, потому что он невинен. А от невежества есть путь к мудрости. Но нет пути от больших знаний. Много знающему человеку, во-первых, необходимо стать невежественным, только тогда он может двигаться к мудрости.

Невежество как перекресток: ты можешь двигаться по направлению к знаниям, но это никогда не приведет к знаниям, и от больших знаний нет пути к мудрости. Тебе нужно будет вернуться к перекрестку, от куда открывается другое направление, другое измерение — измерение мудрости.

Поэтому Иисус говорил: “Пока вы не станете подобны детям малым, вы не войдете в царствие небесное.” И Сократ сказал в всем зрелом возрасте: “Я знаю только одну вещь, что я ничего не знаю.” Упанишады говорят: “Человек, который сказал “я знаю” — ничего не знает, а человек, который сказал “я не знаю” — знает”.

Я определенно ценю детей, потому что я хотел бы, чтобы вы пришли снова к тому же виду невинности, который есть у детей. Я хотел бы, чтобы вы родились заново, быть дваждырожденным — иметь второе детство — это начало мудрости.

И просто наблюдайте за маленькими детьми — их восприимчивость, их ясность, чувственность, осознанность, их интеллигентность — и тогда вы не назовете их “просто невежественными”. Их невежество полно мудрости, а много-знающий человек очень сухой, мертвый; в нем нет этого. Знания бесплодны.

Школьная учительница очень сердилась на маленького Джонни.

“Твое сочинение о “Моей собаке” в точности такое же как у твоего брата” — кричала она.

“Извините, мисс, но эта та же собака, что я могу поделаться?”

Юная учительница биологии вставила розу в углубление у выреза своего платья на груди. И спрашивает свой класс: “Чем розы питаются?”

Вовочка отвечает: “Молоком”.

Учительница стукнула его по голове и сказала: “Не умничай; розы питаются водой”.

Рыдая Вовочка ответил: “Извините. Я не знал, что ее стебель такой длинный”.

Учительница класса десятилетних детей была слишком застенчива, чтобы провести урок сексуального образования, и попросила сделать эту тему домашней работой.

Маленький Эдди спросил своего отца, который пробормотал что-то об аистах. Его бабушка сказала, что его нашли в капусте. Его прабабушка покраснела и прошептала, что дети приходят из великого океана жизни.

На следующий день Эдд вызвали первым рассказать домашнее задание.

Он сказал: “Я боюсь, что что-то неправильно в моей семье. Очевидно, что никто как следует не трахался уже в течении трех поколений.”

Беседа 5

Вы все еще верите в гномов?

Первый вопрос:

Ошо, каждый раз, когда я далеко от моей семьи, я чувствую такую глубокую и прекрасную любовь к жене и детям. Но когда я с ними, возникает множество конфликтов, и мне хочется убежать от семьи, работы, традиции, и так далее. Но когда я уйду, я чувствую, что это не то — это не ответ. Что происходит? Можешь ли ты мне сказать, что делать?

Дева Сарито, это не вопрос делания. Что бы ты ни сделал, это будет неправильным, потому что ты в неправильном состоянии. Неправилен ты, как ты можешь сделать что-либо правильно? Это невозможно.

Это вопрос бытия, а не делания. Поэтому ты можешь двигаться от одной тюрьмы к другой, но ты не можешь быть свободным. Ты можешь убежать от мира, но ты по-прежнему будешь страдать — конечно, по новой причине. Ты можешь сменить жену, ты можешь сменить работу, ты можешь сменить дом, ты можешь сменить свою религию, церковь, но все же ты останешься прежним. Все эти изменения искусственны. Это все равно что покрасить лицо черным, белым, красным... но глубоко внутри ничего не изменилось, ты остаешься прежним.

Тебе нужно стать более осознанным. А осознанность — это не вопрос делания, это вопрос бытия. Это нечто, являющееся вашей внутренней сердцевиной, а не периферией. Вот почему это случается с тобой... не только с тобой, это случается с каждым.

Я знаю людей, которые отреклись от жизни, отреклись от жены, детей, от мира, ушли в Гималаи, в пещеры. И все же, сидя в своих пещерах, они страдают — те же страдания. Прежних, старых причин больше нет. Но эти причины были всего лишь поводами, они не были реальными причинами. Реальная причина всегда внутри вас, и как вы можете убежать от нее? Куда бы вы ни пошли, вы будете самими собой. Сидя в Гималайских пещерах, они по-прежнему остаются собой, они полны страданий. И теперь они думают: "Что мы здесь делаем?" Теперь они забыли все страдания мира, теперь они вспоминают с ностальгией все радости мира. Они, возможно, не пе-

режили эти радости, они, может быть, просто воображают, фантазируют.

Страдающие люди имеют привычку — это что-то неизбежное, иначе было бы невозможно жить — фантазировать о прекрасном или в прошлом, или в будущем. Настоящее всегда мучительно — там, где вы находитесь, это страдание, окружающее вас. Чтобы убежать от этого страдания, или, по крайней мере, полностью забыть о нем, лучший опиум — это думать с ностальгией о прошлом: жена, которую вы оставили, дети, прекрасный дом, уют, защищенность, надежность — все те сладкие вещи, которые, возможно, никогда не случались, возможно, вы просто создали их, выдумали их. Или, если у вас не так много прошлого и вы не можете приукрасить что-либо из прошлого, тогда есть будущее — обширный холст. Вы всегда можете думать о прекрасном завтра. Если вчера не заслуживает приукрашивания, тогда вы можете приукрашивать завтра. Оно всегда есть.

Таким способом человек избегал настоящее. Но избегать настоящего значит избегать реальную причину всего этого.

Новый пациент сумасшедшего дома громовым голосом объявил, что он знаменитый военно-морской герой, лорд Нельсон. Это было определенно интересно, потому что в этом сумасшедшем доме уже был один лорд Нельсон.

Заведующий отделением психиатрии после надлежащего обсуждения решил поместить этих двух людей в одну палату, чувствуя, что похожесть их заблуждений может пробудить в них здравый смысл, что это может помочь им исцелиться. Конечно, в этом был определенный риск, поскольку они могли отнестись друг к другу жестоко; но их познакомил и оставил наедине, и из их комнаты в ту ночь не доносилось никакого шума.

На следующее утро доктор поговорил со своим новым пациентом и был приятно удивлен, когда тот сказал:

— Доктор, я страдал от заблуждения. Теперь я знаю, что я не лорд Нельсон.

— Это удивительно, — сказал доктор.

— Да, — сказал пациент, чопорно улыбаясь. — Я леди Гамильтон.

Кто-то может измениться — он был лордом Нельсоном, а стал леди Гамильтон, — но в этом нет никакого изменения. Это то, что делают люди во всем мире. Они меняют свои религии, они меняют

жен, мужей; они меняют работу, они меняют свою внешнюю ситуацию. И вновь и вновь они удивляются: ничего не меняется. Страдание преследует их, оно остается прежним. На самом деле, чем больше они меняют периферию, тем более они начинают осознавать одну вещь: что страдание не покидает их, оно остается. Их разочарование становится более устойчивым, неудача становится их стилем жизни.

Ты спрашиваешь меня: *“Ошо, не мог бы ты сказать мне, что делать?”*

Ты делал достаточно. Теперь будь со всем этим. Никакого дела-ния больше. Двигайся от делания к бытию, становись немного более осознанным. Где бы ты ни был — в семье, с семьей или где-то еще — где бы ты ни был, становись более осознанным. Пытайся быть здесь и сейчас... этот момент, эта тишина.

Не двигайся от таковости. Это будет трудно в начале; каждое маленькое отвлечение будет уводить тебя. Запела птица — и ты отвлекся. Ты не можешь принять это; немедленно ты находишь оправдание. Ты начинаешь думать, что это за птица, и тогда целая цепь — звук поезда, шум дорожного движения — любой мелочи достаточно, чтобы увести тебя из “сейчас”. А это основная причина страдания: быть там и тогда. И я говорю вам, что есть только один источник блаженства, единственный источник: быть здесь и сейчас.

Когда вы научитесь быть в настоящем, никаких проблем не будет. Тогда ваш отклик тотален, тогда ваш отклик исходит из вашей самой сокровенной сердцевины, очень наполненный. Тогда, даже живя в семье, со всеми ее конфликтами, ты будешь оставаться незатронутым.

Конфликты будут везде. Если ты пойдешь в монастырь, там будут конфликты — та же борьба, та же конкуренция, иерархия: кто-то пытается управлять, кто-то хочет, чтобы вы поступали так, как он хочет. Везде вы найдете манипуляцию, доминирование, придирки. Везде вы найдете эксплуатацию вашего страха, вашей жадности. Поэтому изменение ситуации не поможет, это никогда и никому не помогло — но это было одним из способов потратить свою жизнь впустую.

Столетиями люди создавали монастыри, люди создавали такие монастыри, что, однажды войдя внутрь, вы не могли покинуть его. Это на всю жизнь. Люди стали так сильно бояться друг друга — жену, мужа — есть католический монастырь, куда тысячу лет не входила ни одна женщина. Какой страх! Основателей этих монасты-

рей, должно быть, очень мучили их жены. Теперь даже невинной женщине, которая не является вашей женой, не позволено войти в монастырь. Не только женщине, даже маленькой девочке, шестимесячной девочке, это не позволено.

Что это за страх? Эти монахи боятся шестимесячной девочки? Они боятся девочку или самих себя? Что они, могут изнасиловать ребенка? Они монахи или монстры? Но страх владеет ими. И есть монахини, и есть женские монастыри, куда не позволено входить ни одному мужчине. Но эти люди живут в страдании.

Здесь есть много бывших монахов, бывших монахинь — христианских, индуистских, джайнских. Они страдали так сильно, им пришлось сбежать из этих тюрем. Но люди, приходящие сюда, тоже ожидают встретить здесь что-то похожее на монастырь.

Всего несколько дней назад я читал статью в австралийском журнале, направленную против меня. Женщина, которая пришла посетить ашрам и рассказать о его деятельности, была шокирована. Она кажется очень традиционной, ортодоксальной женщиной, интересующейся йогой, индийской духовностью и тому подобным; и больше всего ее оскорбило вот что: люди смеются, танцуют, поют — коротко говоря, то, что люди живые. Она очень оскорблена климатом “дома отдыха”. Должно быть, она искала тюрьму, а не дом отдыха. Что плохого в атмосфере дома отдыха? Такой должна быть атмосфера на всей земле! Такой должна быть атмосфера самой жизни. Жизнь должна быть праздником. И только праздник свят.

И люди работают здесь. Люди постоянно работают. Они здесь не просто лентяи — но здесь определенно атмосфера радости, смеха. И это вызов.

Вся статья была проникнута идеей, что ашрам должен быть аскетичным, люди должны выполнять позы йогов, стоять на голове, делать различные гимнастики, повторять мантры, выполнять религиозные ритуалы, и все это очень серьезно — как будто они просто ходячие трупы. Тогда, должно быть, она получала бы огромное удовольствие. Это “религиозное” место, она бы назвала это “духовным” местом.

Читая ее статью, я решил, что новая коммуна не будет называться ашрамом — это слово определенно уродливо. Мы отбросим это. Это не ашрам... В каком-то смысле это единственный ашрам, потому что буквально “ашрам” означает отдых, отдозновение. Но это стало ассоциироваться с неправильными людьми. Мы отбросим это.

Приходят люди с различными идеями. Они страдают от них, но все же они ищут те же идеи. И если они не находят их, то не чувствуют себя хорошо. Они страдают и хотят, чтобы все остальные тоже страдали.

Недавно один джентльмен написал мне: "Ошо, твоё утверждение, что Свами Вималкирти достиг состояния будды, звучит фальшиво..." Как будто он знает, что такое состояние будды!

Я был очень обрадован его вопросом. Я подумал. "Мой бог, Гаутама Будда здесь! Который знает, что такое состояние будды и что не является состоянием будды, который знает разницу между истинным состоянием будды и фальшивым состоянием будды." Человек должен далеко превосходить всех будд, только тогда он может судить.

Но он, должно быть, пришел с какой-то идеей. На самом деле, индуисты оскорбились, что Гаутама Будда назвал себя просветленным, потому что у них были свои собственные идеи — так же, как у этого джентльмена. На самом деле, это джентльмен будет удивлен тем, что пять учеников Будды немедленно покинули его, думая, что он сошел с ума или притворяется просветленным. Его собственные пять учеников, которые поклонялись ему до этого момента... пока он не был Буддой, они поклонялись ему как своему Мастеру. А когда он провозгласил, что он Будда — это должно было звучать забавно — они немедленно покинули его. И какими были их аргументы! Они говорили, что он попал в ловушку своего эго, он выпал из своей аскетичной жизни.

Потому что шесть лет Будда мучил себя так сильно, как никто другой, и ничего не нашел посредством этого... он следовал чисто мазохистскому учению той эпохи. Но он был интеллигентным человеком, он понял. Однажды вечером, в полнолуние, когда луна поднималась, он смог увидеть всю глупость того, что он делал шесть лет. Как вы можете стать просветленным, просто мучая свое тело? Какая связь между истязанием своего тела, разрушением его и состоянием будды?

В тот вечер он отбросил истязание. Он сказал своим ученикам, что теперь он будет жить расслабленно, теперь он не будет истязать себя, теперь он будет следовать срединному пути. До сегодняшнего дня он делал что-то экстремальное. Сначала он жил жизнью принца, потворствовал всем своим желаниям — это была одна крайность. Потом он перешел к другой крайности: он отрекся от мира и всех его удобств, роскоши, удовольствий, и начал мучить себя, по-

шел самоубийственным курсом — это была другая крайность. Он сказал своим ученикам: "Но сегодня ночью я пришел к огромному пониманию, что истина не может быть найдена в крайностях. Я отрекся от мира, а сегодня отрекаюсь и от этого отречения! Теперь я буду просто обычным, не королем и не аскетом". Ученики немедленно покинули его, и той самой ночью он стал просветленным. Он искал своих учеников, потому что чувствовал, что они были с ним так долго — шесть лет — и его долг поделиться с ними своим пониманием, своим блаженством, своей любовью. Когда он приблизился к ним, они сидели под деревом. Они взглянули на приближающегося Будду и сказали: "Идет этот падший человек! Мы не должны вставать в знак уважения, мы не должны складывать наши руки в знак приветствия. Мы должны сидеть спиной к нему. Если он подойдет и сядет, это нормально, если он хочет что-то сказать — пусть. Но мы не собираемся больше оказывать ему уважение или уделять ему внимание."

Даже Гаутама Будда не был понят своими собственными учениками.

Этот джентльмен сказал, что мое утверждение о том, что Вималкирти достиг состояния будды, звучит фальшиво. Почему? Что неправильного в Вималкирти, достигшем состояния будды? Если я могу достичь этого, почему Вималкирти не может достичь? Почему вы не можете достичь?

Состояние будды — это не какая-то далекая цель. Это сама ваша природа. На самом деле, все вы будды, хотя и не осознаете это. И лишь когда вы достигаете этого состояния, вы начинаете осознавать это! Сокровище есть — оно всегда есть, вы не можете потерять его, даже если вы хотите потерять его! Это само ваше существо, поэтому нет способа отбросить его. Кто будет отбрасывать его? Но вы можете забыть о нем. А состояние будды просто значит воспоминание, признание. Почему это звучит фальшиво? Если только у вас нет предвзятых идей. Если у вас есть какая-то идея, каким должен быть будда, тогда конечно...

Джайны в Индии еще не признали Будду просветленным. Двадцать пять столетий прошло, и я не думаю, что они когда-либо признают его Буддой — по одной простой причине: у них есть определенный подход, который не позволяет признать Гаутаму Буддой. Они думают, что человек, ставший буддой, должен ходить обнаженным, а Будда никогда так не ходил. Этого достаточно, чтобы доказать, что он не был Буддой. Когда человек становится Буддой, он

выбрасывает даже чашу для подаяний, он не владеет ничем. А Будда имел три пары одежды, одну чашу для подаяния, один посох — слишком много вещей! Это не годится. Он все еще живет в роскоши. Согласно джайнам, он все еще в роскоши.

Махавира жил обнаженным, без чаши для подаяний, совершенно без всего. Он ел и пил ладонью. Он ложился спать на землю под открытым небом. Поэтому его называли *дигамбара*. Слово *дигамбара* значит “тот, кто покрывается только небом”, ничем больше. Небо само по себе покрывало — ничего больше нет между ним и небом.

Как они могут признать, что Будда стал просветленным?

Индуисты не могут признать его. Христиане не могут признать его — что он был человеком того же калибра, что и Христос, потому что он никогда не совершал никаких чудес. Они считают, что Христос совершает чудеса, исцеляет слепых, делает больных здоровыми, воскрешает мертвых. Как они могут признать Будду таким же, как Христос? — он никогда не воскресил ни одного мертвого. Хорошо вспомнить вот что:

Когда сестры Лазаря попросили Христа прийти и воскресить Лазаря, он прибежал. Он был далеко, в четырех днях пути. И через четыре дня он воскресил Лазаря из могилы. Он позвал Лазаря: “Лазарь, выйди из могилы!”, и Лазарь вышел.

Похожую историю рассказывают о Будде, но в ней есть совершенно другое измерение. Единственный сын женщины умер; перед этим умер ее муж. Ее звали Киссагаутами. Она почти сошла с ума: муж умер, она жила только ради своего сына... а прекрасный ребенок внезапно умер! Она носила тело сына ко всем докторам, ко всем святым, и все они сказали: “С этим ничего не поделаешь”. Кто-то посоветовал: “Будда в городе. Почему ты не пойдешь к нему? Он говорит, что стал просветленным. Если он действительно просветленный, он может оживить мертвого. Его прикосновение сотворит чудо!” И Киссагаутами пришла в экстаз, узнав, что Будда здесь — “Разве для Будды есть что-то невозможное?”

Она пошла к Будде с мертвым телом ребенка. Она положила тело к стопам Будды и сказала ему: “Ты можешь все — ты просветленный! Сделай моего ребенка снова живым. Я не могу жить без него”.

Будда не сделал того, что сделал Христос, Будда сделал нечто гораздо более значительное. Но чтобы понять значение этого, необходима огромная ясность.

Этот джентльмен, который сказал, что мое заявление о том, что Вималкирти достиг состояния Будды... Если бы он был там — и вполне возможно, что он должен был там быть, если он здесь. Он должен быть древним путешественником, пытающимся купить какую-то духовность. Он, должно быть, приходил к Будде, он наверняка был там, и он, должно быть, думал: “Этот человек фальшив”. То, что сказал Будда, звучит фальшиво, если вы сравните это с тем, что сказал Иисус, и если у вас нет глубокого понимания жизни и ее тайн.

Будда сказал: “Хорошо, я верну ребенка к жизни, но тебе придется выполнить одно условие: иди в город и принеси несколько горчичных зерен из любой семьи. Единственное условие таково: я приму горчичные зерна только из такой семьи, в которой никто никогда не умирал. Когда ты принесешь эти несколько горчичных зерен, я немедленно оживлю твоего сына”.

Женщина не могла понять суть; она была в таком состоянии, почти сошла с ума. Она побежала в город, она стучала в каждую дверь. И люди говорили: “Мы можем дать тебе сколько угодно горчичных зерен”, — потому что в том городе выращивали горчицу. Итак, они говорили: “Мы можем дать тебе сколько угодно горчичных зерен, но это условие невыполнимо. В нашей семье умерло так много людей — чей-то отец умер, чья-то мать, чья-то жена, чей-то муж, чей-то дедушка, чей-то прадедушка — так много людей умерло”.

На самом деле, в семье живы всего лишь несколько человек, миллионы мертвы. Если вы сделаете подсчет всей семьи, от Адама и Евы, тогда в вашей семье умерли миллионы людей. И чудо, что хоть немногие еще живы. Вы сидите на гигантской горе трупов: ваши отцы, деды, прадеды, прапрадеды. А под всеми ними бедные Адам и Ева... А Фридрих Ницше сказал, что даже Бог умер. Таким образом, внизу Адам и Ева, Бог-Отец — по-видимому, это основание Эвереста смерти. И вы сидите на его вершине и совершенно не осознаете, что скоро вы будете его частью. Это вопрос всего лишь нескольких мгновений, в любой момент вы можете стать его частью. И кто-то другой будет сидеть над вами: ваш сын, ваша дочь... кто-то будет сидеть над вами.

Женщина постепенно осознавала, что условие невыполнимо. Вечером она пришла — она пришла танцуя, она пришла радуясь. Она упала к стопам Будды и сказала: “Ты сотворил величайшее чудо! Ты помог мне увидеть нечто, ты помог мне вспомнить, что эта

жизнь есть смерть”.

Будда спросил ее: “Ты хочешь, чтобы я вернул к жизни твоего ребенка?” Женщина ответила: “Нет, потому что ему придется снова умереть. Какой смысл? Уродливо заставлять его умирать снова. Одного раза достаточно, два будет слишком. Скорее, я пришла сейчас к чему-то еще: ты помог мне узнать жизнь, которая никогда не кончается. Сын ушел, я уйду. Перед уходом я хотела бы попробовать что-то вечное”.

Будда посвятил ее в саньясу.

И эти две истории, Лазаря и Киссагаутами, в каком-то смысле похожи. Христос оживил Лазаря, Будда дал Киссагаутами новое понимание жизни и смерти. Для христиан Будда будет выглядеть фальшиво. Для буддистов — Иисус. Что он делает? Это чистая бессмыслица. Ведь что случилось с Лазарем потом? В какой-то день он, должно быть, умер — потому что мы нигде его больше не видим. Если он собирался умереть, какой смысл откладывать это на несколько дней или несколько лет? Зачем позволять ему пройти через это страдание снова? — та же жена, те же дети и та же работа...

Я не думаю, что Лазарь сможет простить Иисуса. Он отдыхал в своей могиле, он чувствовал: “Благодарю Тебя, Господи, все кошмары кончились. Теперь моя жена не может больше ко мне придирааться, я вне пределов ее влияния. Мне не нужно идти завтра утром в офис”. Но Иисус вытащил его обратно. А христианские считают это чудом.

Если бы я был на месте Лазаря, я бы убил Иисуса: “Что ты делаешь? Неужели у тебя нет никакого уважения ни к кому? Вытаскивать кого-то назад в суматоху жизни? Разве это человечно?”

Этот джентльмен сказал, что мое утверждение фальшиво. Он также сказал, что моя критика матери Терезы кажется критикой очень обычного человека. Это правда. Здесь я согласен: я, конечно, очень обычный человек — настолько обычный, что вы не можете даже назвать меня фальшивым, потому что фальшивый человек — не обычен, он необычен. Я действительно обычен: я ничего не провозглашаю, я не совершаю никаких чудес... И конечно, у него, должно быть, есть идея, что мать Тереза делает величайшую работу. Она экстраординарна, я обычен; это абсолютная правда.

И я несколько не заинтересован стать особенным. Для меня любое желание быть необычным весьма обычно. Быть обычным — это единственный способ быть особенным, потому что это настоящая необычность. Никто не хочет быть обычным.

Но этот джентльмен, должно быть, так же бессознателен, как и ты, Дева Сарито.

Два дружка выпивали уже несколько часов, и в конце концов деньги у них закончились.

— У меня есть идея, — гаркнул Алекс. — Пойдем ко мне домой и зайдем денег у моей жены.

Они, пошатываясь, вошли в гостиную Алекса, включили свет, и вдруг увидели жену Алекса, занимающуюся любовью с другим мужчиной. Это очень расстроило друга Алекса, но, кажется, совсем не задело мужа.

— Скажи, дорогая, у тебя есть немного денег для твоего вечно любящего мужа? — спросил он.

— Да-да, — прощепетала она. — Возьми мой кошелек в мантии и, ради Христа, выключи этот свет!

Выйдя, он проверил кошелек и гордо заявил:

— Здесь хватит на кружку пива для тебя и для меня. Неплохо, приятель?

— Но, Алекс, — запротестовал его друг, несколько протрезвевший от спектакля, который он только что наблюдал, — как насчет того типа, который там с твоей женой?

— Черт с ним, — ответил Алекс, — пусть он сам купит себе свою кружку пива!

Дева Сарито, все, что нужно — это немного больше осознанности. Это не вопрос делания: тебе нужен новый способ бытия. Сейчас ты бессознателен; тебе нужно стать сознательным. Тебе нужно быть более осознанным, наблюдательным, свидетельствующим.

Свидетельствование — это ключ моей саньясы, главный ключ. Я не даю вам никакой другой дисциплины, потому что никакая дисциплина не поможет. Ваша бессознательность останется, а дисциплина будет только скрывать ее. Вы можете выглядеть святым, но вы будете таким же бессознательным, как и раньше. Ваша святость будет такой же бессознательной, какой была ваша греховность; в этом не будет качественной разницы.

Итак, я не заинтересован в том, чтобы сделать вас святыми. Я также не заинтересован в том, чтобы помочь вам отбросить ваши грехи. Я заинтересован лишь в том, чтобы сделать вас осознающими; и в то мгновение, когда вы начинаете осознавать ваши действия, ваши мысли, ваши чувства... эти три уровня осознанности нужно применять. Ходите, но знайте, что вы ходите. Оставайтесь

бдительными к каждому жесту. Ешьте, но ешьте с осознанностью; не просто запикивайте пищу внутрь. Думайте, но наблюдайте свои мысли, процесс мышления, желания, мечты. Чувствуйте, но осознавайте, что эти чувства, эти настроения — не вы.

Вы — просто чистое осознание и ничто другое. Вы не тело, не ум, не сердце. Вы четвертое, и это четвертое — чудо. Стоит вам попробовать это четвертое, и тогда, где бы вы ни были — даже в аду — вы будете на небесах.

Второй вопрос:

Ошо, я член группы в Голландии, которая называется "Открытый лотос". Эта группа собирается вокруг медиума, который утверждает, что передает послания и энергию от Мастера Мории. Это очень сильно повлияло на мое сердце и бытие.

Когда я в твоём присутствии, я чувствую какое-то таяние, но мое сердце, кажется, не так глубоко затронуто, как тем медиумом. Что происходит? Переживание с невидимым Мастером Морией нереально, оно от ума? Может ли это быть препятствием к тому, чтобы стать единым с тобой, Ошо? Поддерживаешь ли ты такие группы, как "Открытый лотос"? Если так, то есть ли у тебя послание для них?

Маринус,

Во-первых, помедитируй на эту историю:

Стен и его жена Рита играли в гольф. Он подал, и Рита отправила мяч в лес. Стен пошел в лес, чтобы помочь Рите найти его. Внезапно они наткнулись на маленького человечка около четырех футов роста, в остроконечной шляпе и зеленом костюме.

— Привет, — сказал Стен, — ты гномик?

— Конечно, я гном, — ответил тот.

— Хорошо; а можешь ли ты исполнить мое желание — чтобы я лучше всех играл в гольф?

— Ладно, но тебе придется отдать кое-что. Если ты позволишь мне часок побыть с твоей женой в лесу, я исполню твое желание.

— Договорились! — сказал муж.

Малыш забрал увел Риту в лес и через час удовольствия спросил:

— Сколько лет твоему мужу?

— Сорок.

— И он все еще верит в гномов?

Маринус, сколько тебе лет? И ты все еще веришь в Мастера Морию? Ты, должно быть, чувствуешь величие, потому что что-то случается согласно твоим верованиям, это укрепляет эго, это питает эго. А Мастер Мория невидим, есть только медиум. И медиум более озабочен тем, чтобы произвести впечатление на тебя; таким образом, он будет идти за тобой. На самом деле, нигде нет Мастера Мории. Вся эта идея Мастера Мории была создана теософами. Это изобретение мадам Блаватской — мадам Бла-бла-бла. Это просто фикция.

Мадам Блаватская получала письма от Мастера Мории. В крыше была дыра, на крыше прятался слуга; и все Маринусы, теософы, сидели с закрытыми глазами, ожидая послания Мастера Мории. Мадам Блаватская раскачивалась; а она была очень толстая и довольно уродливая. Уродливые люди становятся религиозными — что еще им остается делать? Я видел множество уродливых людей, но мадам Бла-бла-бла превосходит их всех. Только некие фиктивные сущности вроде Мастера Мории могли любить ее, ни один мужчина — ни один живой мужчина не мог набраться храбрости для этого.

И она раскачивалась, она выполняла джиберिश — то, что христиане называют "глоссология" — она издавала странные звуки. Курилось много благовоний, создавалось много дыма, чтобы никто не мог увидеть, что происходит. И их глаза были полны слез от дыма... И тогда падало письмо, и все эти дураки — а они не были необразованными людьми, все эти магистры в отставке, судьи, правительственные чиновники, профессора, ученые — они ожидали письма. А потом письмо читала вслух мадам Бла-бла-бла.

И великое послание было получено, но все они исполняли собственные желания. Чего бы им ни хотелось, это исполнялось. Они были необычайно счастливы.

А Дж. Кришнамурти разрушил всю эту игру, он вышел из этой бессмыслицы и провозгласил: "Все это глупости". Дж. Кришнамурти оказал человечеству огромную услугу тем, что разрушил теософскую бессмыслицу. Но Голландия была одним из величайших центров теософского движения, и несколько дураков до сих пор продолжают жить с этим похмельем.

Конечно, ты не будешь чувствовать то же самое здесь. На самом деле, ты будешь чувствовать прямо противоположное, потому что я постоянно разрушаю твое эго, я больно бью по нему. Я здесь

не для того, чтобы питать твое эго, я здесь, чтобы разрушить его. Ты можешь быть единым со мной, только если ты абсолютно без эго, иначе нет возможности.

Если ты хочешь наслаждаться своим эго, своими снами и фантазиями, тогда эти медиумы тебе подойдут. Но помни, ты будешь оставаться незрелым, ты никогда не вырастешь. Да, иногда какое-то совпадение может показаться истиной. Если медиум говорит тысячи вещей, одна вещь может совпасть с реальностью. А дураки и глупцы немедленно набрасываются на нее и создают из этого много суеты. И они думают: "Если одна вещь правильна, то и другие должны быть правильными. Может быть, мы не все можем понять, может быть, мы нуждаемся в большей чистоте. Нам нужно стать такими же чистыми, как медиум".

И то, что сказал медиум, вам нужно интерпретировать, а вы всегда интерпретируете согласно своему уму. Эти Мастера совсем не существуют.

— Я знаю кое-что о женщинах, — сказал бывалый своим собутыльникам. — Совершенно нельзя доверять девушке с карими глазами.

— Мне пришло в голову, — сказал один из его опьяневших друзей, — что я женат около трех лет, и я не знаю, какого цвета глаза у моей жены.

Он допил свой стакан, поднялся со стула и поспешил домой, чтобы проверить.

Его жена спала. Он подкрался к ней и осторожно поднял веко.

— Боже мой! Карие (Brown)! — воскликнул он.

— Черт побери, как ты узнал, что я здесь? — сказал Браун, вылезая из-под кровати.

Да, иногда какие-то совпадения, вроде этого, будут случаться. Опасайтесь! И все эти медиумы, и все эти священники, все эти теософы, теологии — а их много во всем мире — это самые хитрые люди. Лучше быть с картежниками, с алкоголиками, лучше быть с так называемыми грешниками, чем с этими людьми. Они мешали человечеству расти тысячи лет. Это самые преступные люди в мире. Их преступление непростительно.

Эльф прыгнул на мяч игрока в гольф и сказал:

— Ты хотел бы лучше всех в мире играть в гольф?

— Конечно, — сказал мужчина.

— Ты отдал бы за это свою сексуальную жизнь?

— Конечно, — был ответ.

Эльф исполнил его желание, и в следующие двенадцать месяцев он выигрывал все соревнования.

Через год на том же месте он снова встретил эльфа.

— Как тебе нравится быть лучшим игроком в гольф?

— Здорово, — сказал мужчина.

— Ты думал о том, чтобы отдать свою сексуальную жизнь?

— Совсем нет.

— Как часто ты занимался сексом в прошлом?

— Четыре или пять раз в год, — ответил человек.

— Не очень-то много!

— Но и не так уж мало для священника с маленьким приходом!

Эти священники, эти раввины, эти аятоллы, эти имамы — опасайтесь их. Человечеству пришло время освободиться от этой глупости.

Раввину Гольдштейну было позволено присоединиться к закрытому сельскому клубу. В свой первый день он встретил Пекхама, президента.

— Добро пожаловать, равви Гольдштейн. Не хотите ли сыграть раунд?

— Конечно.

— Как друзья, мы будем играть по сто долларов за партию.

Равви Гольдштейн проиграл тысячу восемьсот долларов.

— Что ж, — сказал Пекхам, — я дам тебе шанс отыграться. Три тысячи шестьсот долларов или ничего.

Равви Гольдштейн согласился и снова проиграл.

Позже в раздевалке равви Гольдштейн сказал:

— Ты любишь шутить. Ставлю тысячу долларов, что я смогу пописать тебе на голову с десяти футов.

— Идет, — сказал президент. — Но никто не может писать так далеко.

Равви Гольдштейн описал всего Пекхама.

— Ладно, — сказал он, переодевшись. — Я знал, что ты не сможешь это сделать. Ну что ж, я угощаю.

В баре они встретили Локвуду, председателя местного банка.

— Это равви Гольдштейн, — сказал президент клуба. — Он один из наших новых членов.

Потом Пекхам рассказал Локвуду о деньгах, которые он выиграл, и то, как равви описал его.

— О, нет! — воскликнул банкир. — Этот прохвост поспорил со

мной на двенадцать тысяч долларов, что описает президента в первый же свой день в клубе!

Беседа 6

Жизнь исполнит всё

Первый вопрос:

Ошо, ты часто советуешь нам следовать двумя путями, которые кажутся несовместимыми друг с другом. Сначала ты говоришь нам быть абсолютно в моменте, без ума, быть нашим страхом, нашей радостью или яростью. Потом ты говоришь нам стать непривязанными к нашим эго, наблюдать, что происходит внутри нас.

Как мы можем делать и то и другое? Пожалуйста, объясни.

Лиза Христенсон, логика не обязательно применима к существованию; она интеллектуальна. Но у существования нет обязательств... ты понимаешь? Существование идет своим собственным путем! Оно не интересуется вашими вопросами, оно не интересуется моими ответами. Оно абсолютно нелогично.

Логика увидит противоречия. Если бы логика была целым, тогда, конечно, были бы трудности. Но логика — это не есть все, это просто способ ума глядеть на вещи. Ум разделяет на полярные противоположности; а в существовании нет никаких разделений. Существование неразделимо. День и ночь едины, рождение и смерть едины, плюс и минус едины, положительное и отрицательное едины. Но логически они несовместимы. Существованием открываются абсолютно различные измерения. Они не противоречат друг другу, а дополняют.

Задумайтесь об этом слове, поразмышляйте над ним. Жизнь — это дополнительность. Противоположности, в действительности, не противоположности, они помогают, они поддерживают их собственные так называемые противоположности. Без рождения нет возможности смерти, и без смерти не может быть рождения. Это единое явление, две стороны одной монеты.

Да, я говорю, Лиза, в начале ты должна быть в моменте, абсолютно единой с тем, что бы ни случилось, полностью единой — и тогда наблюдай это. Конечно, если ты только думаешь об этом, проблема появится: как можно делать вместе эти несовместимые вещи? Если ты думаешь, проблема есть, но если ты делаешь, проблема исчезает. Лучше не думать, а сделать попытку.

И это случается просто: если ты тотально не отождествлена с чем-либо, ты не можешь также быть тотально разотождествленным с этим. Если ты только наполовину в этом, ты можешь быть только

наполовину вне этого. Ты никогда не была тотально в этом, как ты можешь быть тотально вне этого? Тебе нужно стать абсолютно поглощенной этим, и в этот самый момент ты можешь выскользнуть из этого так же тотально, как ты вошла в него.

Это так же просто, как войти в дом и выйти из него. Если кто-то просто философски думает об этом, тогда это тоже будет казаться несовместимым. Как войти в дом и выйти из него? Это несовместимо! А ты делаешь тысячу и одну несовместимую вещь каждое мгновение.

То же дыхание входит и выходит, и ты ни на единое мгновение не чувствуешь беспокойства о том, что происходит нечто несовместимое. Если ты хочешь быть логичной, или вдохни и не позволяй себе выдохнуть — это будет логично, или, если это выдох — не позволяй себе вдыхать.

Логика совершенно хороша для мертвых вещей, для материи. В этом и есть разница между объективным и субъективным миром, между материей и сознанием. Логика абсолютно адекватна для материальных явлений, но абсолютно не подходит, когда это касается сознания.

Сознание — это синтез полярных противоположностей. Сознание есть там, где тезис и антитезис встречаются, смешиваются, сливаются и становятся едиными. Сознание — это состояние оргазмического единства, где мужчина и женщина исчезают и становятся одним, где жизнь и смерть больше не разделены, где они в такой глубокой гармонии, что вы не можете провести линию. где жизнь кончается, где смерть начинается.

Лучше, чем думать об этом, идти в это. То, что говорю я, есть что-то экзистенциальное, не интеллектуальное. Если ты просто слушаешь мои слова и следуешь им, тогда ты будешь в беде.

У Гераклита есть утверждение огромной значимости. Он говорит, что жизнь движется через одну противоположность к другой. Через противоположности, через напряжение противоположностей все живет и становится глубже. Это тайна. Это скрытая гармония.

Гераклит — это один из величайших будд в мире. В западной философии его имя не принадлежит основному течению. Основное течение состоит из Сократа, Платона, Аристотеля, Канта, Гегеля, Бертрана Рассела, Витгенштейна, Мура. Гераклит остается в стороне по той простой причине, что он был одним из величайших мистиков. То, что Аристотель всего лишь обдумывал, Гераклит знал. То, о чем Витгенштейн только думал, Гераклит переживал.

И то, что я делаю здесь, не поможет вам стать великолепными философами. Весь мой подход антифилософский, антилогический.

Мой подход жизненный. Вам нужно пережить; за пределами переживания нет доказательств того, что я говорю. Не слушайте мои слова, слушайте промежутки. Не будьте слишком одержимыми тем, что я говорю, становитесь более и более сонастроенными с моей тишиной. Мгновения, когда я ничего не сказал, гораздо более значительны. Мое послание не в словах, а за пределами слов.

Но я могу понять, Лиза, твои трудности. Это трудности всех логичных людей — и весь мир натренирован в логике.

Здесь мы делаем просто абсолютно другие вещи. Мы пытаемся переделать то, что общество, колледжи, университеты сделали с вами. Они сделали вас одержимыми языком и логикой. Язык определенно разделяет вещи, вот почему истина не может быть высказана, она может быть только показана. Я только указываю путь; я, в действительности, не веду вас, я только указываю путь.

У Генри Миллера есть прекрасные строки: "Настоящему лидеру не нужно вести — он удовлетворен, указывая путь. Пока мы не станем своими собственными лидерами, довольствуясь тем, что мы есть в процессе становления, мы всегда будем оставаться рабами и идопоклонниками".

Я здесь просто чтобы указать путь. Не начинайте цепляться за мой палец, взгляните на луну, на которую указывает палец. Палец не имеет значения!

В привлекательном маленьком городке недалеко от Лос-Анжелеса группа местных интеллектуалов сформировала клуб изучения гипноза, месмеризма и наук, изучающих ум. Клуб занял определенное место в жизни маленького городка, и многие из наиболее продвинутых горожан были приглашены вступить в него. В студии, где происходили клубные встречи, имелись самые привлекательные украшения, и там был красивый, большой хрустальный шар, подвешенный к потолку в самом центре комнаты. Лидер и учитель был динамичной личностью и председательствовал на сеансах авторитетно и с большим достоинством.

Однажды вечером был сеанс, и участники сели в большой круг, сформированный как часть мероприятия. Свет был мягким, и хрустальный шар автоматически начал раскачиваться вперед и назад, когда профессора поднялся на свое маленькое возвышение

— Сконцентрируйтесь на том, что я говорю, — начал ведущий. — Делайте точно то, что я вам говорю. Смотрите на шар. Думайте о том, что я говорю. Преданно следуйте моим инструкциям. Делайте точно то, что я говорю вам.

И вдруг веревка оборвалась, и шар с ужасным грохотом упал и разбился на кусочки. Ведущий закричал:

— Дерьмо!

Говорят, очистка студии заняла более двух недель.

Пожалуйста, помните: не следуйте моим словам; следуйте моей тишине, паузам между слов, промежуткам, интервалам. В этих интервалах происходит это общение, и тогда вы увидите дополнительную противоположностей. В эти мгновения вы увидите, что нет Мастера, нет ученика. Появится что-то совершенно новое: встреча, слияние, не соединение, но единство. И единство не механическое, а оргазмическое, оно живое, пульсирующее.

На Востоке мы называем эти моменты *самсанг*, причастность. Причастность — не общение. Это не лекция, это даже не разговор, это просто причастность.

Слова были использованы только для создания тишины, просто как используют доску, чтобы писать на ней белым мелом. Доска не цель, цель — письмо белым мелом. Я использую слова, чтобы создать доску, на которой я могу написать несколько мгновений тишины, это цель.

Если вы становитесь слишком озабочены словами, вы будете без необходимости обеспокоены — и вы уже так сильно беспокоитесь! Освободись от этого, Лиза!

Второй вопрос:

Ошо, почему религии в первую очередь развили идею безбрачия, если она противоестественна?

Анандо, у этого есть много причин. Наиболее важная такова: мужчина всегда находил себя слабым полом (в сексе) — что касается сексуальности — по сравнению с женщиной. Его эго задето, а мужское эго очень агрессивно. Женское эго абсолютно другое: оно не агрессивно, оно восприимчиво. Все в женской психологии восприимчиво, и все в мужской психологии агрессивно.

Вот почему они дополняют друг друга, вот почему они подходят друг другу, вот почему они скучают друг по другу, вот почему они чувствуют себя только половинками друг без друга. Вот почему возможна любовь. Их химия, их физиология, их психология — все они взаимодополняющи; и конечно, логически — это противоположности, а в жизни они дополняют друг друга.

Мужчина сексуально слабее. Любая женщина может истощить его очень легко, и когда мужчина истощен, ему необходимо, по крайней мере, двадцать четыре часа, чтобы к нему вернулась сексуальная потенция. Это задевает. Женщина двадцать четыре часа в сутки способна к половому акту, мужчина только однажды за это время способен, а оставшееся время импотентен. На одно мгновение он способен, а потом двадцать четыре часа импотентен, потом снова на одно мгновение он способен. Его импотенция гораздо больше, чем его потенция, чем его сила, чем его сексуальность; это создает в нем глубокую нужду создать другой тип силы.

Сексуальное воздержание было просто усилением мужского шови-

нистического эго, потому что через безбрачие он думал, что он сможет стать очень сильным. Через секс он становится импотентным; когда его сексуальность израсходована, он в затруднении. Тогда ему нужно ждать некоторое время для исцеления. Он становится пустым. И он может видеть, что женщина никогда не пуста, она всегда способна. Сравнивая себя с женщиной, он оtkрыл безбрачие. Это естественное и логическое заключение: если секс делает вас импотентным, тогда безбрачие, очевидно, сделает вас всеильными. И это не что-то примитивное; даже сегодня то же самое логично.

Даже такой человек, как Махатма Ганди, постоянно беспокоился о том, как стать всеильным через безбрачие, он пытался всеми способами стать сильным через безбрачие. Он думал, что если он действительно безбрачен, то он может победить британскую империю — путем безбрачия! Если он действительно безбрачен, тогда никто не сможет убить его.

Это было обычным явлением в его ашраме: кто-то сделал что-то неправильное... ничего особенного, но его идеи были слишком пуританскими. Даже пить чай считалось грехом! Теперь вы можете понять: каждый человек становится грешником. Если даже пить чай — это грех, то очень трудно найти святого. Весь ашрам постоянно наблюдал друг аза другом: кто совершает грех. Кто-то курит, кто-то пьет чай, кто-то влюбился... все это величайшие грехи!

И когда кто-то был пойман, Махатма Ганди думал, что это потому, что его безбрачие еще не совершенно, вот почему в его ашраме человек мог совершить грех. Такова была его логика. Он ничего не говорил этому человеку, он мучил самого себя. Он постился — для очищения себя. Он, должно быть, нечист, вот почему кто-то мог совершить грех, мог пить чай, мог курить, мог влюбиться в женщину.

Когда его собственный секретарь влюбился в женщину, это было слишком. Его собственный секретарь! — это просто означало, что его безбрачие, его чистота еще не достигли точки, где просто его присутствие будет трансформировать людей. И он постоянно думал так. Это действительно очень эгоистический способ мышления — как будто вы должны господствовать над всеми. Вы видите внутреннее желание господствовать над другими под именем чистоты, моральности, добродетели? Кто-то влюбился, и махатма Ганди думает, что он виноват. Как будто бы он центр мира! Как будто все зависит от него! Как будто весь мир должен соответствовать ему! Если что-то не соответствует ему, это просто доказывает, что он еще не всеилен. Это путь искателей силы, хотя он пытался быть самым скромным. Он очень старался быть простым, но если глубоко взглянуть на его простоту, на его бедность, на его так называемую скромность, вы не найдете ничего, кроме чистого желания господ-

ствовать.

Когда была опасность, что он может быть убит какими-то индуистскими фанатиками, правительство спросило его, можно ли им защищать его? Можно ли предпринять какие-то меры, чтобы его можно было постоянно охранять и защищать?

Он сказал: "Нет! Абсолютно нет! Если моей чистоты достаточно, если мое безбрачие истинно, тогда никто не может убить меня".

Вы видите логику! Все зависит от его чистоты. Но брамин из Пуны убил его — его чистота была больше. Его безбрачие, по-видимому, было большим — он был гораздо более сильным. Если логика махатмы Ганди верна, тогда Натурам Годзе, человек, который убил его, кажется более добродетельным. И в Пуне есть люди, которые поклоняются Натураму Годзе как махатме. На самом деле, он доказал, он доказал, что он махатма — иначе пуля не убила бы махатму Ганди. Пуля смогла убить его; это просто доказывает, что он еще не был настоящим мудрецом.

Так вот, вся эта логика глупа, но это происходило тысячи лет. Мужчина всегда хотел стать сильным через контролирование сексуальной энергии — идея в том, что секс забирает вашу энергию, это утечка, ваша энергия вытекает и оставляет вас пустыми. Накапливайте энергию! Это чистая глупость. Это абсолютно ненаучно. Это не значит, что вы можете накапливать сексуальную энергию — на самом деле, чем больше вы накапливаете ее, тем меньше ее у вас; чем больше вы используете ее, тем ее больше у вас. Поэтому, если человек продолжает заниматься любовью, он сможет заниматься любовью даже в возрасте девяноста, девяносто пяти, ста лет.

В действительности, в России есть люди, чей возраст около ста двадцати, ста тридцати лет, несколько человек даже приблизились к возрасту сто пятьдесят лет. И они сексуально сильны, все еще сексуально сильны, потому что Россия не религиозная страна. В таких религиозных странах, как Индия, даже молодые мужчины становятся импотентами! Импотенция — это что-то религиозное; это побочный продукт вашей религиозности.

Я полностью за трансценденцию секса, но я не за подавление. И я не говорю, что посредством трансценденции секса вы станете сильными, что вы станете всемогущими, что все будет случаться согласно вашим желаниям, что вы не можете быть убиты. Все это полная ерунда! На самом деле, вы станете более хрупкими, более подобны цветку, более уязвимыми. Вы будете просто как цветок розы, который легко может быть раздавлен между двумя камнями — не то, чтобы эти камни более сильны, просто они более грубые. Цветок розы — более высокое проявление; более высокое проявление всегда более хрупко, тонко.

Ты спрашиваешь меня, Анандо: "Почему религии в первую оче-

редь развили идею безбрачия, если она противоестественна?

Потому что она противоестественна. Это всегда наслаждается вещами, которые противоестественны, потому что естественное не может насытить ваше эго. Все делают естественное; нет ничего исключительного в том, чтобы быть естественным, это обычно.

Вот почему я говорю, что я очень обычный человек — потому что я просто естественен. У меня нет претензий на то, чтобы быть особенным; я абсолютно обычен, потому что, по-моему, именно такими должны быть все. По-моему, состояние будды — это быть абсолютно обычным, без претензий на особенность. По-моему, это и есть переживание божественности. Вопрос не в том, чтобы стать сильным, иначе вы на том же пути. Один становится сильным посредством денег, другой становится сильным посредством политики, третий становится сильным посредством безбрачия, четвертый становится сильным посредством молитвы, божественной реализации, поднимающейся кундалины, но основное желание, амбиции в том, чтобы быть сильным.

Истинные религиозные люди просто обычны, естественны. Безбрачие становится важным потому, что это противоестественно; все противоестественное становится важным. Поститься неестественно, стоять на голове неестественно. Все неестественное становится значительным, потому что только немногие глупцы способны на это. Любой интеллигентный человек увидит суть — зачем стоять на голове? Если бы природа хотела, чтобы вы стояли на голове, она создала бы вас такими!

Не пытайтесь улучшить Бога, не пытайтесь быть более интеллигентными, чем сам Бог. Вот что люди пытаются сделать. Если бы природа хотела, чтобы вы постились, тогда не нужно было бы создавать желудок! Если бы природа хотела, чтобы вы были безбрачными, тогда вы были бы не людьми, а амебами — потому что насколько я знаю, за исключением амеб, никто не безбрачен. Они настоящие брахмачарьи! У них совсем нет никакой сексуальной жизни, они воспроизводятся не сексуально. Они величайшие махатмы! Может быть, все махатмы рождаются амебами! Возможно, поэтому в Индии так много амеб — потому что жизнь амебы абсолютно не сексуальна. Этот способ воспроизведения действительно религиозен! Одна амеба становится все больше и больше, и затем разделяется пополам. Она становится двумя амебами, а затем они обе начинают расти. Потом их становится четыре — таков их способ размножения. Вот почему за час они могут воспроизвести так много амеб. Они могут победить кого угодно! Их размножение — это предел, пик размножения. Никто не может превзойти их.

И амеба религиозна также в другом смысле: она вечна, потому что, когда нет рождения, нет и смерти. Вот почему так трудно унич-

тожить амёб! Наши доктора очень стараются, но очень трудно, почти невозможно уничтожить их, по той простой причине, что смерть возможна только если было рождение. Но они никогда не рождались! И поскольку они никогда не рождались, вы не можете их уничтожить. Лучшее, что вы можете сделать — вы можете усыпить их. Рано или поздно они проснутся снова. Всего несколько дней вы не принимаете лекарство — и они снова проснулись. Они становятся буддами вновь и вновь! У амёбы длиннейшая жизнь в мире, она почти бессмертна.

Природа не создала вас амёбами. Природа не создала вас стоящими на голове. Природа не предназначала вам быть безбрачными. Но вот почему это принимает такие формы — это любит делать что-то исключительное.

Пара преданных решила воздерживаться от секса в течение Страстной недели. Для них это была очень большая жертва, но они продержались до Великой Пятницы; в этот день они пошли в супермаркет за покупками.

Когда жена наклонилась к лотку с яблоками, взгляду мужа открылась ее грудь, и он чуть не сошел с ума. Спустя несколько минут он увидел ее бедро, когда ее платье зацепилось за коляску другого покупателя. Он совершенно потерял самоконтроль, совершенно забыл свой обет.

Через несколько дней, после Пасхи, он пошел покаяться и рассказал священнику о том, что нарушил обет. Святой отец пытался утешить его и сказал, что после долгих дней и ночей воздержания Бог и церковь, без сомнения, простят его.

— Я не беспокоюсь о Боге и церкви, — ответил кающийся, — но моя жена и я в ужасе — нас больше не пускают в супермаркет!

Таким был конечный результат всякого религиозного подавления: все чувствуют себя полностью виновными в своих собственных глазах. Это оказывало огромную помощь священникам. Если вы можете заставить кого-то чувствовать свою вину, он становится покорным, потому что начинает бояться. Если вы можете заставить кого-то чувствовать вину, он так сильно боится наказания, что ему придется следовать всему, что бы ни сказал священник. Любая бессмыслица, любой глупый ритуал, и он готов будет сделать это просто для того, чтобы освободиться от страха.

Религии эксплуатировали страх. А лучший способ заставить людей бояться — это сказать им делать что-то противоестественное, потому что вы можете быть уверены в том, что они не способны делать это. Если вы скажете им делать что-то естественное, тогда вы не сможете заставить их чувствовать вину.

Например, в моей коммуне никто не может чувствовать вины — невозможно чувствовать вину. Я не создаю в вас никакой вины. Все

мои усилия направлены на то, чтобы стереть в вас всю вину, так чтобы вы могли чувствовать себя легко с самим собой — в мгновение, когда вас легко с самим собой, вы стоите за пределами тисков религиозной эксплуатации. Тогда ни церковь, ни храм, ни священник, никто не может эксплуатировать вас, угнетать вас. Но если вы боитесь... а лучший способ заставить вас бояться — это сказать вам, чтобы вы были безбрачными: вы не сможете выполнить это. Чем больше вы будете стараться, тем больше будете чувствовать себя неудачником, и чем больше вы чувствуете себя неудачником, тем больше вы одержимы виной, вы станете осуждать себя в своих собственных глазах. Если вы хотите создать страх в людях, скажите им поститься, скажите им остановить дыхание, скажите им стоять на голове. Рано или поздно они устанут, и когда они встанут на ноги, они будут чувствовать вину — они делают что-то непозволительное!

Флаппери часто не ходил в церковь, потому что каждое воскресенье в это время он играл в гольф. Отец Рирдам, священник, предостерег его.

— Отец, — щebetал Флаппери, — мне хотелось бы знать, есть ли соревнования по гольфу на небесах.

— Не знаю, — ответил священник. — Я разужаю у папы.

На следующий день отец Рирдам доложил Флаппери:

— Сын мой, я получил две новости: хорошую и плохую. Вот хорошая: на небесах множество соревнований по гольфу, прекрасные поля, зеленые и гладкие как шелк, и никогда не темнеет. Таким образом, ты можешь играть двадцать четыре часа в сутки!

— Удивительно! — воскликнул Флаппери. — А плохая новость?

— Начиная с завтрашнего дня ты будешь просто выбрасывать мяч на поле.

Страх должен быть создан. Ад создает страх. Ад описывали настолько уродливо, насколько это возможно, просто для того, чтобы заставить вас дрожать, чтобы сделать вас готовыми упасть к ногам священника и слушать все, что бы он ни говорил, и верить в это, поскольку только верующие будут спасены. И каждая религия пытается убедить вас. Христиане скажут, что только христиане спасутся, а индуисты скажут, что только индуисты будут спасены. Все, кто не спасется, навечно низвергнутся в ад, в адский огонь. А те, кто спасется, будут наслаждаться всеми удовольствиями. Странная логика! Здесь каждое удовольствие осуждается, а на небесах все удовольствия будут предоставлены тысячекратно. Здесь вам нужно отречься от женщин, а там вы получите красивых женщин, которые никогда не стареют, которые не потеют. Здесь вам приказывают поститься, а там вам будет предоставлена изысканнейшая еда. Все, что

осуждается здесь, там будет доступно.

Это древняя стратегия религий, и секс использовался как основа для эксплуатации, чтобы заставлять людей дрожать, бояться, беспокоиться, опасаться. Это способ создать беспокойство и мучение. И когда вы мучаетесь, вам нужно идти к священнику за помощью; без его помощи вы не можете быть спасены.

Третий вопрос:

Ошо, я всегда хотела, чтобы ты дал мне имя в саньясе, состоящее из двух слов — "любовь" и "блаженство", — и ты сделал именно это! Мое имя, Премананда, состоит из этих двух слов. Ты сказал мне, что "прем" значит любовь, "ананда" значит блаженство. Как ты совершаешь такие чудеса?

Премананда, это не чудо. Должно быть, в тебе есть нечто эзотерическое — это слово здесь осуждается. Освободись от своей эзотеричности! Это просто совпадение, ничего особенного в этом нет.

Мужчина заглянул в бар и заказал тройной мартины.

— Какое совпадение! — объявил бармен. — Только час или два назад я сказал, что никто больше не заказывает тройной мартины.

Когда он взбалтывал напиток, в бар вошла привлекательная молодая женщина и попросила тройной мартины. Пораженные, бармен и первый клиент взглянули друг на друга.

Им не терпелось объяснить, что это поразительное совпадение, и что они всего минуту назад обсуждали это.

— Видите ли, — сказала молодая леди, — я отмечаю сегодня исключительное событие. Я девять лет замужем, и мы с мужем очень хотели иметь детей. И вот сегодня я обнаружила, что беременна!

Мужчина поспешил объяснить, что тоже отмечает важное событие:

— Я многие годы развожу породистых кур, и мне всегда хотелось получить курицу с голубыми глазами; и вот сегодня я достиг успеха!

— Как вам это удалось? — спросила молодая леди?

— Я просто менял петухов, — ответил он небрежно.

— Да, — сказала женщина, — вот это действительно совпадение!

Последний вопрос:

Ошо, одна индийская писательница написала: "Ошо ненужно ни распинать, ни прославлять, а только игнорировать". Кажется, что она взяла эту строку из твоего утверждения, которое ты часто повторяешь, что твои критики пропагандируют твое видение. Ошо, то, что ты говоришь — истина и ничего, кроме истины. Истина прославляется теми, кто способен ее понять, или распинается дураками, но можно ли ее игнорировать?

Йога Маник, это три шага. Первый шаг — игнорировать истину. Если это не помогает, то второй шаг — распять ее. Если даже это не приносит успеха, то третий шаг — прославлять ее.

Иисуса сначала игнорировали как помешанного молодого человека, но они не могли игнорировать его долго, потому что истину нельзя игнорировать.

Ты права, Йога Маник: истину нельзя игнорировать. Ты можешь попробовать, но ты потерпишь неудачу. Истина очень настойчива, истина продолжает разбивать вашу ложь. Как вы можете игнорировать ее? Она продолжает выбивать землю из-под ваших ног. Как вы можете игнорировать ее? Она продолжает отрицать весь ваш мир, ваше общество, вашу церковь, ваше государство, все ваши утешения, безопасность, надежность — истина продолжает подрывать их. Истина — это меч, и он безжалостно рубит все. Вы не можете игнорировать ее долго — да, в начале вы можете попробовать...

Когда вы не можете больше игнорировать, тогда второй шаг — тогда распните ее. Но в то мгновение, когда вы распинаете истину, вы признаете свое поражение. Вы признали, что ее невозможно игнорировать; поэтому нужно убрать ее, нужно разрушить ее, нужно убить ее. Но истину также нельзя и убить; если вы убиваете ее, она воскресает.

В этом и есть все значение истории о воскресении Иисуса. Это не исторично; это не имеет отношения к Иисусу — человеку, это просто история об истине, которая содержалась в Иисусе. Иисус — просто вместилище, средство. Иисус был распят... и не было Воскресения тела, тело умерло. Тело — часть материи, оно не может воскреснуть. Но истину нельзя убить, истина вечна. На самом деле, в день, когда они распяли Иисуса, они признали свое поражение. И когда бы вы ни распинали истину, позже вы начнете чувствовать, что сделали что-то неправильно, что-то полностью неправильно. Вы начинаете чувствовать вину — откуда христианство. Тогда приходит прославление, тогда вам нужна компенсация. Это просто закон компенсации: вы распяли Иисуса, теперь вы чувствуете вину за то, что сделали что-то абсолютно неверное. Вы распяли невинного человека без всяких причин. Единственным его преступлением было то, что он говорил истину, единственным его преступлением было то, что он пытался помочь вам прийти к истине — а это не преступление.

Но люди очень медленно осознают. Им трудно распознать, увидеть. Они всегда опаздывают, они всегда упускают поезд. Когда поезд отъехал, они прибегают, но платформа пуста, поезд ушел. И они знают, что могли бы прийти немного раньше, они знают, что они ответственны за то, что не поняли; напротив, они разрушили. Те-

перь они чувствуют вину, и из-за вины они прославляют.

Йога Маник, ты абсолютно права в одном — истину невозможно игнорировать; но когда ты говоришь о прославлении, ты не права.

Ты говоришь: *“Истина прославляется теми, кто способен понять ее”*. Нет. Истина прославляется людьми, которые сначала игнорировали ее, потом распяли — потом они прославляют ее. Христиане и те люди, которые распяли Иисуса — не разные люди, помни это. Это те же самые люди, в точности те же люди — реинкарнации тех же дураков! Сначала они распинали, теперь они прославляют — они компенсируют. Конечно, те же люди будут компенсировать — зачем кому-то еще компенсировать?

Я не прославляю Иисуса. Во-первых, я никогда не игнорировал его, во-вторых, я никогда не распинал его — почему я должен прославлять его? Я люблю его! Прославление — это не любовь, это компенсация. Это просто попытка скрыть вашу вину. Те люди, которые понимают любовь, не прославляют. Мои саньясины не прославляют меня, они любят меня. Они любят меня тотально, но это не прославление. Любовь ничего не знает о прославлении — именно ненависть прославляет. Это немного трудно понять, потому что обычно мы думаем, что люди, которые прославляют Махавиру, любят его, а люди, прославляющие Будду, любят его. Это не так. Это те же люди, которые сначала пытались игнорировать, потом пытались убить, а теперь они прославляют. Люди, которые поняли, любят с самого начала!

Когда вы видите истину, если у вас есть глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, если у вас есть сердце, чтобы чувствовать — вы немедленно влюбляетесь. Это мгновенно! И нет пути назад. А любовь — это не прославление. Любовь — это встреча, слияние, сплавление. Ученик становится единым с мастером, сонастроенным, в глубоком согласии. Его сердце бьется в том же ритме, он дышит в том же ритме. Он забывает, кто мастер, а кто ученик. Единство становится таким абсолютным; как вы можете прославлять? Нет разделения! Для прославления вы должны быть разделены.

Ты говоришь, Йога Маник: *“Истина прославляется теми, кто способен ее понять”*. Нет. Те, кто способен понять ее, просто любят ее.

И ты говоришь: *“Дураки распинают ее”*. Это тоже неправда. Она распята учеными людьми, не дураками. Она распята раввинами, пандитами, аятоллами, имамами, шанкарачарьями; она распята не дураками. На самом деле, дурак прост, он не может распять. Дурак как ребенок, он не так хитер, и дурак не боится истины — почему он должен распинать ее? Именно ученые люди, чья ученость поставлена на карту, чья ученость подвергнута риску, чье священниче-

ство в опасности...

Истина распята имеющими знания, не дураками. Дураки знают, что они ничего не знают, — как они могут сказать, что правильно, а что неправильно? Дураки скорее могут понять Иисуса, чем раввины.

В самом деле, вы можете видеть это: двенадцать апостолов Иисуса — все в каком-то смысле дураки. Простые люди, необразованные — рыбаки, дровосеки, фермеры, садовники, простые люди. Ни единого раввина! А люди, распявшие его — все они были раввины, священники. Первосвященник иудейского храма был причиной распятия. Римский прокуратор Понтий Пилат, ученый человек, хорошо образованный. Понтий Пилат и первосвященник Иерусалимского храма — эти два человека устроили заговор, чтобы распять Иисуса. Его последователи — простые люди, очень простые. Вы можете назвать их дураками, они так невинны.

Те, кто понял, любят истину; те, чьи интересы задеты, распинают истину. И есть много людей, которые живут во лжи. Они эксплуатируют, они процветают на удобной лжи, они создают больше и больше удобной лжи для людей. Они поставляют все, что бы люди ни требовали. Эти люди распинают, и, что удивительно, те же люди — те же раввины и те же прокураторы — в конце концов поклоняются, прославляют.

Странное совпадение: Иисус был убит римским чиновником, и впоследствии именно Рим стал его цитаделью, Ватикан стал столицей католической церкви. Римляне, итальянцы стали наиболее преданными католиками — и они были причиной, их предки распяли его! Странно, что Рим стал цитаделью христианства.

А евреи, которые устроили заговор распятия, превратились в христиан — кто же еще? В начале именно евреи обратились в христианство, потом римляне, и затем болезнь начала распространяться, это стало инфекцией.

Истину невозможно игнорировать, Йога Маник, в этом ты абсолютно права. А эта писательница, которая сказала: *“Ошо не нужно ни распинать, ни прославлять, а только игнорировать”*, — она просто говорит: *“Начните процесс”*. Но это странный способ игнорировать меня — написание статей. Это действительно невежество (англ. игра слов: ignore — игнорировать, ignorance — невежество). Статья еще не появилась, просто я видел рекламу. Статья появится в марте. Это слова из рекламы.

И реклама также говорит, что статья будет богато проиллюстрирована цветными фотографиями. Отличный способ игнорировать меня! Продождайте игнорировать меня в том же духе, насколько это возможно — вы на верном пути! Распятие придет позже, но сначала иллюстрирование, цветными фотографиями! Мне нравится та идея

— хорошее начало! И в конце концов это закончится, помните, прославлением, и я не буду отвечать за это.

Если вы понимаете меня, не нужно прославлять, но тогда вам нужно остановить процесс в самом начале, вам нужно разрушить семя. Не игнорируйте меня, иначе прославление неминуемо! Это логическое следствие, это неизбежно.

Эта женщина часто приходит в ашрам. Она не только приходит, но и приводит много людей в ашрам. Отличное игнорирование! Она знаменитая журналистка, поэтому она приводит не только журналистов, она приводит очень важных людей, посетителей со всего мира. Она живет в Бомбее, она очень известная журналистка, так что она общается с западными писателями, поэтами, музыкантами, другими творческими людьми, и она приводит их сюда. Это хорошо!

И также она написала... она написала несколько других статей. И я говорю — со всеми моими благословениями — продолжай игнорировать меня! Конечно, она, должно быть, думает, что делает большое дело. У каждого человека свое собственное понимание...

Китаец, хозяин прачечной в Санта-Барбаре, открыл сберегательный счет в одном из ведущих банков города и каждую неделю аккуратно ходил вкладывать свою прибыль.

Через несколько месяцев он накопил очень внушительную сумму и решил закрыть счет. Он подошел к окошку в банке и заявил, что хочет забрать все свои деньги.

Юный служащий очень удивился и спросил:

— Может быть, что-то было не так?

Китаец старательно объяснил, что он собирается жениться и провести с женой медовый месяц.

Тогда служащий сказал:

— Тогда возьмите, сколько вам нужно, на текущие расходы.

Китаец продолжал настаивать, чтобы счет закрыли, и тогда служащий вызвал менеджера, который попытался повлиять на китаецца и изменить его решение. Он объяснил ему два или три раза, что если он заберет все свои деньги, он потеряет интерес — проценты. Но китаецца невозможно было отговорить, и в конце концов он вышел из банка со своими сбережениями в кармане.

Через несколько недель менеджер банка встретил китаецца на улице. После приветствия он спросил его, как прошел медовый месяц и как ему нравится супружеская жизнь.

Китаец ответил:

Не очень. Медовый месяц и супружеская жизнь совсем как банковское дело: вкладываешь, вытаскиваешь, теряешь интерес!

Содержание:

Дхаммапада: сладость свободы

Глава 1.	Сдерживай язык	3
Глава 2.	В нужный момент	28
Глава 3.	Мирный путь.....	48
Глава 4.	Опять промахнулся	70
Глава 5.	Как сладко быть свободным	90
Глава 6.	Поднимаясь в любви	115
Глава 7.	За пределами заповедного	135
Глава 8.	Смех: радость, любовь.....	160
Глава 9.	Какое заблуждение!	178
Глава 10.	Стань Богом в смехе	203

Дикие гуси и вода

Беседа 1.	Бегство в реальность.....	222
Беседа 2.	Реалия — это бунт.....	241
Беседа 3.	Быть экстапичным все время.....	255
Беседа 4.	Душа, живущая любовью.....	275
Беседа 5.	Вы все еще верите в гномов?.....	290
Беседа 6.	Жизнь исполнит все.....	305

Ошо

Дхаммапада: Сладость свободы. Том 11

Дикие гуси и вода

Книга выпущена по заказу
Московского медитационного центра
"Нирвана"

Главный редактор

Свами Випт Праяс

Перевод

Ма Прам Пуджа, Свами Випт Праяс, Свами Бодхи Даял

Оригинал-макет

Ма Прам Пуджа, Юлия Шинкевич

Формат 60×90/16. Бумага офсетная № 2.

Гарнитура «Times ET». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 20. Уч.-изд. л. 20,0.

Тираж 2000 экз. Заказ № 851.

Цена договорная.

Лицензия № 062411 от 11.04.99 г.

Издательство «Три Л».

Москва, Шлюзовая наб.-я, д. 5.

Отпечатано с оригинал-макета

в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».

150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

